А. ЩЕРБАКОВ

Петр Столыпин. Революция сверху

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Петр Аркадьевич Столыпин вошел в историю не только как ярчайший реформатор, государственный деятель и великий русский патриот, но и как одна из самых противоречивых фигур начала XX века.

Он был обласкан своими современниками, а советские историки втоптали его имя в грязь. Он ставил ультиматумы самому Николаю II, но последними словами его были: "Счастлив умереть за Царя". Его обвиняли в антисемитизме, а он в это время добивался для евреев весьма существенных послаблений. На него совершили 10 покушений, а он продолжал кричать с трибуны Государственной думы: "Не запугаете!".

По иронии судьбы даже вагоны, созданные Столыпиным в 1910 году для перевозки крестьянского скота и инвентаря и впоследствии использовавшиеся для перевозки заключенных, совершенно несправедливо получили дурную славу.

Несмотря на то, что даже главное дело его жизни – аграрная реформа – закончилась полным провалом, тем не менее, Столыпин по праву остался последним героем Российской империи…

- Алексей Щербаков
  - Предтеча революции?
  - Часть 1
    -
    - Как все начиналось
    - Русские баре и «английский идеал»
    - Идея «воли»
    - «Воля», какая она была
    - Свары в благородном обществе
    - Большое надувательство
    - Кому это было нужно?
    - Дорога неизвестно куда
    - Полуграждане
    - Будни общины
    - Голодный «мир»
    - В лабиринтах власти
    - Такие разные консерваторы
    - Реформатор
    - Отступление. Тупик индустриализации
    - Община идет в атаку
    - Осмысленный и бескровный

- Предтечи Нестора Махно
- Вокруг земельного вопроса
- Разрушить общину!
- Новый поворот

○ Часть 2

-
- Путь во власть
- Губернатор
- Должность высокая, но опасная
- Предтеча чрезвычаек
- Идут вперед каратели
- Чрезвычайные меры
- Мнения очевидцев
- На что «бросили» Столыпина
- Оппозиция
- Думский тупик
- Декларация о намерениях
- Первая неудача
- Думские заморочки
- Потешная Дума
- Новые ссоры
- Как можно вляпаться в грязь
- Что у нас с провокаторами?
- И никого в белом фраке
- Борьба за «рабочие законы»
- Что же делать с рабочими?
- Ещё одно поражение
- Дело жизни Столыпина
- Слово «премьеру»
- Ориентация на жлобов
- Итак…
- Кипели споры, словно чайник
- Кадеты против правых
- Вот вам и конформисты!
- Ругань крайних
- Даешь ускорение!
- И что получилось?
- Куда доехал «столыпинский вагон»
- В паутине интриг
- Хозяин земли русской
- Тучи сгущаются
- Столыпин и Распутин
- Нужна собственная партия
- Классовое сознание в полный рост

        - Выстрелы в Киеве
        - Новый «наезд» правых
        - Анархист и стукач
        - Только факты
        - Бездарный детектив
    - Часть 3
        -
        - «Бардак в любой стране грозит обвалом»[79]
        - Императрица рулит
        - Министерская чехарда
        - Крепкие хозяева
        - Столыпинский миф
    - Приложения
        - Приложение 1
        - Приложение 2
        - Приложение 3
    - Список литературы
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

Алексей Щербаков
Петр Столыпин. Революция сверху

Предтеча революции?

Имя Петра Аркадьевича Столыпина известно всем. Недаром он вплотную подошел к тому, чтобы стать «лицом России». Широко известна его бессмертная фраза: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!» Но что он реально сделал? Вот тут начинаются мифы.

С перестроечных времен культивируется легенда о Столыпине как о несостоявшейся альтернативе произошедшей в России революции.

«Фигура Столыпина была раздута в перестройку не потому, что его реформа была успешной. Она провалилась по всем пунктам. Главное – замысел. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником Горбачева и Чубайса».

(С. Кара – Мурза)

Дескать, если б его не убили, тогда бы… А в самом деле – а что тогда?

Безусловно, Столыпин являлся самым ярким государственным деятелем Российской империи в последние четверть века её существования. Будучи патриотом и сторонником существовавшей власти, он, тем не менее, понимал необходимость серьезных реформ. Ведь после подавления первой русской революции многие этого не понимали. Дескать, навели порядок – и хорошо. Столыпин с железной настойчивостью продвигал свою программу – «сперва успокоение – потом реформы». А ведь многие высшие чиновники жили по принципу «после нас – хоть потоп». Всё это бесспорно. Да только вот что: по большому счету, его деятельность как раз и способствовала тому, чтобы те самые великие потрясения начались…

С перестроечных времен существует штамп – большевики проводили над Россией социальные эксперименты. Да, проводили. А Столыпин? Он занимался абсолютно тем же самым. Главное дело Петра Аркадьевича, аграрная реформа – это точно такой же социальный эксперимент, теоретическая схема, разработанная в тиши кабинетов без учета российской специфики. О том, что у крестьян имелась веками сложившаяся психология, Столыпин знать не хотел. Вот должна быть такая реформа – и всё.

Более того, никто из сторонников реформы и не скрывал её людоедскую суть. Выживает сильнейший. Пусть половина крестьян перемрет с голоду – зато мы получим великую Россию. В «лихие девяностые» годы наиболее честные «демократы»

говорили то же самое. По сравнению с этим большевики выглядят истинными гуманистами.

Стоит ли удивляться, что реформа встретила бешеное сопротивление и в итоге с треском провалилась. К моменту убийства Столыпина уже было понятно – ничего из его затеи не вышло. Но того, что успели сделать, хватило, чтобы до предела накалить обстановку в деревне. После реформаторских попыток Столыпина государство уже однозначно воспринималось крестьянами как смертельный враг.

Недаром его ненавидели многие монархисты – не из тупого консерватизма, они просто понимали, куда ведут благие намерения Петра Аркадьевича.

Кстати, при анализе деятельности Столыпина вспоминается другой знаменитый российский сельскохозяйственный реформатор XX века – Никита Сергеевич Хрущёв. А что? На бумаге все его затеи выглядят неплохо. Так что при желании вполне можно обосновать то, что он действовал совершенно правильно, только вот ему не дали завершить благие начинания.

Деятельность Столыпина отнюдь не исчерпывалась аграрной реформой. Он пытался работать и в иных областях, причем там он пытался пробивать куда более разумные законы. Но всё это закончилось полным провалом.

Тем не менее, фигура Столыпина без всякого сомнения вызывает уважение. Несколько отвлекаясь от темы, можно вспомнить эпоху великих географических открытий. Ведь в чем-то ситуация была похожая. Умные люди понимали – жить, как прежде, уже не получится. «И сыновья на утлых каравеллах отправились искать материки». Все помнят имена Фернана Магеллана, Френсиса Дрейка и Джеймса Кука. Кстати, никого особо не волнует, что Дрейк был пиратом. Был и был. Работа такая. Но речь не о них. Не менее храбрые мореплаватели положили множество сил, средств, а то и жизни на поиски так называемого Северо – Западного прохода. Была такая теория в географии – что где-то в районе современной Канады существует проход из Атлантического океана в Тихий. Если учесть особенности тамошнего тихоокеанского побережья – работы ребятам было много. Сейчас мы знаем, что никакого Северо – Западного прохода не существует. Но это мы знаем. А люди, которые его искали, сделали всё, что могли.

Вот и Столыпин пытался сделать все возможное. Он, не жалея сил, пробивал законы, призванные защитить рабочих от произвола предпринимателей и вывести «пролетариат» из-под влияния социалистов. Делал он и многое иное. Но назрели такие противоречия, решить которые мирным путем было уже

невозможно.

И ещё одно соображение, которое, возможно, многих возмутит. Столыпин был **революционером**. Да-да. Он пытался совершить революцию «сверху», пока народные массы не начали её «снизу». Масштаб его реформ сравним с тем, что осуществил самый известный российский «революционер сверху» – Петр I. Удайся его реформы – и Россия стала бы совсем **иной** страной. Причем куда более иной, чем после прихода к власти большевиков. Потому что большевики, несмотря на их идеологический интернационализм, в конце концов стали действовать в полном соответствии с российским менталитетом. Кстати, мало кто знает, что основные законодательные положения столыпинской аграрной реформы **большевики не отменили**. Эти законы благополучно существовали до коллективизации, то есть более десяти лет. Другое дело, что крестьяне особо не рвались ими пользоваться.

И ведь именно неудача столыпинской реформы была одной из причин того, что в СССР сделали ставку на коллективизацию. Ведь в конце двадцатых имелись предложения опереться «на крепкого хозяина». Но только опыт имелся. Отрицательный. И при проведении коллективизации большевики учли ошибки Столыпина.

Никто не виноват в том, что у Столыпина ничего не вышло.

«Столыпин столкнулся с Россией, которая была разительно не похожа на образ, сложившийся у его поколения, и у него хватило мужества посмотреть правде в глаза. Поэтому он начал борьбу за послереволюционную Россию, которая существенно отличалась бы от той России, в которой он вырос и за которую все еще держался и класс, к которому он принадлежал, и сам царь.

…

Столыпинская программа была “революцией сверху”, которую не поддерживал ни один крупный общественный класс… Поэтому кажется невероятным, как мог Столыпин… замахиваться на столь коренные социальные преобразования…Чтобы успешно использовать мощь государства в целях преобразования России вопреки яростному сопротивлению могущественной оппозиции, Столыпину нужно было не только царское благоволение, законодательная поддержка и экономические ресурсы, но что-то вроде опричников царя Ивана Грозного, интеллигентов из “Земли и воли”, которые “шли в народ”, или же крестьянских сыновей – комсомольцев и чекистов, руками которых осуществлялся сталинский курс 1929–1937 гг. Ни ядро российских политических активистов, ни консервативное дворянство, ни те крестьяне, которые могли бы выиграть от этих реформ, – ни одна из этих

групп не оказала Столыпину такой поддержки. **Что касается самого Столыпина, то он, по-видимому, даже не понимал, что для совершения революции необходима когорта революционеров**[1]».

(Т. Шанин)

Сам факт, что за убийством самого талантливого государственного деятеля явно стояла охранка, – говорит о многом.

Столыпин оказался последним героем Российской империи. А что у него ничего не вышло… Так ни у кого бы не вышло.

Часть 1
До столыпина

Главным делом жизни Столыпина стала аграрная реформа.

«Это был символ веры, великая и последняя надежда, одержимость, его настоящее и будущее – великое, если реформа удастся; катастрофическое, если ее ждет провал. Столыпин прекрасно это сознавал».

(А. Аврех)

Поэтому имеет смысл рассказать о предыдущей попытке. С одной стороны, реформа Столыпина была «второй серией», преследовавшей те же цели. С другой – он учел многие ошибки, допущенные в 1861 году, и постарался их избежать.

Как все начиналось

История попыток аграрной реформы в России напоминает голливудский триллер – чем дальше, тем страшнее. Сельское хозяйство постоянно реформировали. Причем преследовали одну и ту же цель – пытались сделать его эффективным. Причем как-то всегда получалось, что процесс шел по головам людей. Самой значительной попыткой реформы была отмена крепостного права. Здесь нагорожено множество вранья. Так уж сложилось, что о России судят по дворянской культуре или пришедшей ей на смену интеллигентской. Но вот народ-то куда девать? Попробуем подойти с непривычной стороны – с точки зрения народа. Того самого, кто составлял большинство населения, который кормил Россию и поставлял ей солдат.

Русские баре и «английский идеал»

О крепостном праве сегодня как-то вспоминать не любят. Оно понятно. Гораздо удобнее, читая о тех временах или смотря фильмы на эту тему, отождествлять себя с благородным дворянином, а не с крепостным мужичком. Хотя большинство уважаемых читателей – потомки тех самых крепостных мужиков.

Рассказывать о достаточно сложной мировой истории крепостного права – значит слишком далеко уходить от темы. Достаточно сказать, что к началу XIX века российское крепостное право в России являлось скорее **рабством**.

Что такое крепостное право? То, что крестьяне ограничены или вовсе лишены свободы передвижения. Они должны работать на земле и выполнять определенные повинности и вносить плату хозяину. Переменить хозяина они не могли. Точнее, иногда хозяин менялся – если европейский барон или русский боярин продавал ту или иную деревеньку. Особой разницы для крестьян не было. Но уже со времен Александра Михайловича крепостного можно было продать **без земли**. А вот это называется рабством. И никак иначе.

Кстати, рабство вообще было широко распространено и в XIX веке. Все знают о чернокожих невольниках в Северо – Американских Соединенных Штатах. Но такое же положение дел имелось и в многочисленных колониях европейских стран. Разница между чернокожим дядей Томом и русским Иваном была лишь в том, что американский невольник работал за еду и одежду, а русский крепостной добывал то и другое, обрабатывая свой клочок земли. Сегодня некоторые апологеты «России, которую мы потеряли» утверждают, что, дескать, крестьянина нельзя было продать без земли. Это наглое вранье.

Вот объявления конца XVIII века а газете «Санкт – Петербургские ведомости»:

«1. Продается деревянный дом с садом… Тут же в доме можно купить кучера и голландскую корову.

2. За 180 рублей продается девка двадцати лет, которая чистит белье и отчасти готовит кушанье. О ней, как и продаже подержанной кареты и нового седла, спросить на почтовом дворе…

3. За излишеством продается пожилых лет прачка за 250 рублей.

4. Продается хороший лакей 57 лет, башмачник с женой, она шьет в тамбур и золотом, с сыном пяти лет, с грудной дочерью, которые поведения хорошего…

5. Продается каменный дом с мебелями, также пожилых лет мужчина и женщина, и холмогорская корова с теленком…

6. В Литейной части против Сергия продаются в церковном доме два человека – повар и кучер, годные в рекруты, да попугай».

«Публичная продажа крестьян на рынках запрещалась только с 1804 года и то от страха перед событиями в Европе, где бушевала Французская революция. Продажа крестьян без земли процветала до самой отмены крепостного права. Негры в Америке получили свободу раньше, чем русские подданные “православного государя”».

(И. Поморцев)

Публичную продажу запретили, а продавать продолжали.

Вспомним классическое произведение – «Мертвые души» Николая Гоголя. Что там происходит? Чичиков покупает крестьян **без земли**. Он-то покупает мертвых, но с юридической точки зрения он приобретает вполне живых людей![2]

Чтобы предупредить возможные возражения, закончим тему про аферу Чичикова. «Легенда» мошенника была такая – дескать, он переселяет своих крестьян в Херсонскую губернию. Тогда, как, впрочем, и позже, эти земли, отвоеванные при Екатерине II, были пустынными – и там давали землю всем желающим **дворянам**. Но вот давайте представим, что Чичиков был реальным предпринимателем, а не мошенником, и он покупал для переселения живых людей. И что получалось? Что новый барин своей волей срывает людей с насиженных мест и гонит черт знает куда. Кстати, далеко не у всех помещиков, кто в реальной истории польстился на черноземные земли юга Украины, что-то вышло путное. Но им-то что! А крестьяне в лучшем случае ушли в бега – то есть пополнили ряды маргиналов и криминального элемента. А в худшем – просто перемерли с голоду.

А представьте реакцию на это. **Вас** (вот именно вас, а не абстрактного мужичка) погнали против вашей воли в дальнюю даль? Автор этой книги, когда пишет об истории, всегда пытается представить себя в тех обстоятельствах. Что бы я делал? Ушел из дома, взял кистень, собрал бы банду… И жег бы помещичьи имения, пока не поймали. Что-то знакомое, правда? Правильно вы догадались. Такие ребята сражались за Емельяна Пугачева. Впоследствии именно они влились в ряды большевиков и анархистов Нестора Махно. Психология людей мало меняется. Всегда есть те, кто не хочет быть рабами. Они готовы до смерти воевать против системы, обрекшей их на рабство. И кто сказал, что те, кто продавали людей, как скот, более порядочны, чем бандиты? Повторюсь – представьте себя не на месте тех, кто

отдыхал в поместьях, а тех, кто вынужден был на хозяев работать.

К слову, помещик мог только из-за своего каприза законопатить человека на вечную каторгу, а крестьянам вообще было **запрещено** жаловаться на помещика.

Вероятно, по сравнению с первобытнообщинным строем рабовладельческий является прогрессивным. Но Россия, имевшая за плечами многовековую традицию народной демократии, оказалась отброшенной даже не назад, а в иную цивилизацию, тоскливо непонятную для русского человека. Когда собственная власть обращает миллионы людей, пусть и податного сословия, в холопы, то есть имущество, – как должны были воспринять это крестьяне, не обделенные исторической памятью, оставшейся в виде сказок и былин?

«В древности холопами становились четырьмя путями: плен, преступление, долг или добрая воля. О доброй воле здесь речи не было, о массовом преступлении или массовом долге – тоже. Так что же остается? Остается плен. Вот и вопрос: кто пришел к власти в России, если взял в плен миллионы сограждан, обратил их в свое имущество, а сам освободился от каких бы то ни было обязательств, даже от государственной службы?»

(Е. Прудникова)

Недаром в России кроме разнокалиберных бунтов имелись и иные способы социального протеста. С середины XVIII века распространилась секта так называемых бегунов. Она вышла из радикального крыла старообрядчества. Согласно этому учению, после церковного раскола на Русскую землю пришел Антихрист и вся власть с тех пор от него. Особую статью занимает Петр I, которого многие старообрядцы считали воплощением Антихриста.

«Петр пустил в ход изобретение диавола – слово “мое”, пересчитал живых и мертвых, разделил людей на “разные чины”, размежевал земли, реки и усадьбы, одним дав часть, а другим не дал ничего. Он заставляет всех людей принять печать антихриста – паспорт и изменить даже образ божий в человеке – брить бороды и носить немецкое платье. Все эти мерзости антихристовы продолжались и после Петра, продолжаются и теперь, когда живет Евфимий: Екатерина размежевывает земли, раздает земли и крестьян налево и направо помещикам, засилье антихриста стало еще тягостнее и невыносимее. Эта несложная доктрина чрезвычайно легко уложилась в умах крестьянской массы, как показывают бегунские песни и стихи».

(Н. Никольский)

То есть государственная власть признавалась абсолютным злом, работа на неё, как и на помещика, объявлялась

недопустимой. А каков же выход? Бежать. Куда угодно, лишь бы не иметь отношения к существовавшей системе. Бегство объявлялось подвигом во имя веры.

«Всякий, кто желает спастись, не должен принимать печати антихриста, т. е. иметь паспорт, не должен записываться в раскольничьи списки, не должен иметь “ни града, ни села, ни дому”; такой человек должен вечно бегать, вечно странствовать, быть странником, неведомым миру, разорвавшим всякую связь с обществом. Это бегство прямо объявляется “бранью с антихристом”, но не открытою бранью, которая невозможна до времени последнего пришествия, а бранью “противлением его воле и неисполнением его законов”; время открытой брани придет в будущем, и тогда всякий, кто будет убит, получит венец, какого не получал еще никто из мучеников.

Бегство в пустыню, к которому вынуждены бегуны, казалось им последним тяглом, последним испытанием накануне кончины мира. Теперь “вся пророчества совершаются, предсказания скончеваются”, и будет скоро второе пришествие и суд. И придется тогда вопиять насильникам: “Смолу и огнь я пию за прегордую жизнь мою”… А зато страдальцы попадут в прекрасные места: “Там растут и процветают древа райская всегда, Там рождают, умножают своего сладкого плода”».

(Н. Никольский)

Идеи бегунов достаточно быстро распространились по всей России. Причем им сочувствовали не только потенциальные беглецы, вроде горнорабочих с Алтая или барских крестьян, но и другие слои населения. Например, городские мещане. Для тех, кто не был готов сорваться в побег, была придумана иная форма участия в секте. Они должны были всячески помогать не только членам секты, но и вообще всем странникам и беглым. Однако умереть человек должен был беглецом. Когда член секты тяжело заболевал, его родным полагалось заявить в полицию и сообщить, что он скрылся неизвестно куда. Сектанта старались вынести перед смертью в лес или хотя бы в соседний дом – то есть он вроде бы помирал как настоящий странник.

На Алтае бегуны создали не только собственные деревни, но даже и торговые городки. Справиться с ними не было никакой возможности. В конце концов, алтайские бегуны вернулись в российское подданство, но при этом стали не крепостными, а свободными. Но движение продолжало существовать до отмены крепостного права.

Может поэтому в 1917 году в России как из-под земли[3] появилось огромное количество анархистов? Кстати, именно знакомство с бегунами подвигло видного идеолога анархизма

Михаила Бакунина к его идеям…[4] Это по поводу тезиса, что русский народ распропагандировали революционеры, набравшиеся западных идей. Ага, набрались. В Сибири.

Но давайте поглядим на дело с иной стороны. С государственной точки зрения. Тут тоже получался полный трендец. Вернемся к сути крепостного права. Крестьянин должен был работать на барщине за помещика. По обычаю на это отводилось три дня в неделю, но некоторые помещики запрягали мужиков работать за них и целые шесть дней. А как на своем участке? Не наше дело, господам нужны деньги. Работать приходилось и по ночам.

Но в любом случае – как обрабатывали крестьяне помещичью землю? Да так же, как работали солдаты в стройбатах при СССР. Кое-как. И в самом деле – зачем им хорошо трудиться? Подневольная работа не может быть эффективной по определению. Не все рабы были готовы бунтовать. Но ведь есть и пассивное сопротивление. Оно уже в иные времена получило название «саботаж».

«Раба давили. Раб вредил».

(А. Иванов)

В итоге урожаи были низкие. А ведь именно с помещичьих земель кормилось государство[5]. В том числе и армия.

Имеется множество свидетельств, как иные помещики пытались внедрить разные прогрессивные технологии. Это неизбежно заканчивалось полным провалом. В самом деле, а зачем крестьянам осваивать всякие премудрости, которые расценивались как «панские вытребеньки»? От барина ничего хорошего не ждали. Так что в ход шел всё тот же саботаж. Как легче всего не учиться, если учиться не хочешь? Прикинуться тупым. В конце концов, оставят в покое. От этого, кстати, пошла байка о «тупости русского народа».

* * *

Но ведь дело даже не в этом. Есть такой термин – социальный расизм. Суть его заключается в том, что представители элиты смотрят на всех остальных, как на «унтерменшей». В России дворяне и примкнувшая впоследствии к ним интеллигенция представляли, по сути, **иную нацию**. Обычно это связывают с деятельностью Петра I, который повернулся лицом к Западу и стал без разбора навязывать западную культуру. Но на самом-то деле тенденции имелись и раньше. Так, к примеру, главная противница Петра, его сводная сестра Софья Алексеевна, была

большой сторонницей разных нововведений. Просто политический расклад был такой, что ей было трудно что-то предпринимать.

Петр же довел витавшие в воздухе идеи до логического конца. Я не стану в данной книге анализировать петровские реформы, но вот об одной стороне упомянуть необходимо. Российская элита повернулась на Запад. То есть представители элиты всеми силами старались жить «как в Европе». А народ остался таким, каким был.

В итоге у господ дворян развилась… колониальная психология. Они ощущали себя эдакими просвещенными европейцами в дикой стране. До точки и до ручки это дошло во времена царствования Александра I. Как известно, «приличные люди» изъяснялись на французском. Осенью 1812 года на Невском проспекте прохожими были схвачены двое дворян, говоривших по-французски. Их сочли за наполеоновских шпионов. Как оказалось в участке, куда их доставила полиция, отбив от толпы, они являлись стопроцентно русскими, но на великом и могучем говорить **не умели**!

Конечно – это крайность. Но – тенденция, однако. Подавляющее большинство русского народа воспринималось русскими дворянами всего лишь как источник дохода. Они полагали себя элитой. Дескать, мы образованные, а народ темный. Так что наша культура XVIII–XIX веков блестящая, кто спорит… Но она не русская, она дворянская.

Впоследствии интеллигенты, претендовавшие на роль наследников дворян, подняли визг до небес, когда в результате революции кое-чего разнесли. Но вот почему люди должны были жалеть **чужую** культуру?

«Господа начали усердно изображать из себя другой народ – надо полагать, им тоже так было легче – и довольно быстро в этом преуспели. Самые богатые из них жили в странных, нерусских домах, одевались на иноземный манер, даже говорили не по-русски. Менее богатые поневоле стояли ближе к народу – но всей душой рвались ввысь, к «элите», не видя службы и пользы, которую те приносили Отечеству, а видя лишь внешнее: манеры, роскошь, развлечения.

Дворянство деградировало почти со скоростью свободного падения. Уже литература XVIII века обогатила нас описанием колоссального количества паразитов. “Золотой век” потому и назван был “золотым”, что астрономические средства тратились на безумную и ненужную роскошь. Состояния даже не проматывались, а попросту прожирались, источник же денег был один – деревня. Стоит ли удивляться, что хозяйство, из которого

деньги только тянули, но не вкладывали, не развивалось? Удивительно, что русский аграрный сектор вообще как-то пережил “Золотой век”.

А затем наступили последствия и манифеста о вольностях дворянских. Люди, конечно, бывают разные, но человек устроен так, что если он имеет возможность ничего не делать, то он ею воспользуется. Русская поговорка говорит об этом так: “Лучше кашки не доложь, зато работой не тревожь”. Верхушка общества по-прежнему исполняла государеву службу, но в массе своей дворянство все больше становилось паразитическим слоем и деградировало все глубже».

(Е. Прудникова)

Так пошло и дальше. После Франции представители элиты обратили свой взор на Англию. Англофилов развелось множество. И ведь англофилия – это отнюдь не внешнее подражание стилю поведения английских джентльменов. Это психология. На этом стоит остановиться подробнее, так как именно английские методы стали примером для российских реформаторов.

Дело в том, что в Англии социальный расизм также был очень развит. Только он был куда более рациональным. Если французские дворяне блюли чистоту своих рядов, то англичане ещё в XVI веке допустили в элиты верхушку предпринимателей. К тому же британским дворянам не «западло» было заниматься бизнесом. Но это лишь добавило «веселья». На представителей «низших классов» смотрели как на пустое место. Социал-дарвинизм появился задолго до Дарвина. Хотя я подозреваю, что Дарвина подвигли к его идеям именно наблюдения за английскими реалиями. Побеждает сильнейший, и горе слабейшему.

«Крестьянский вопрос» решался так называемыми огораживаниями. Дело обстояло так. В Англии бурно развивалась промышленность, и долгое время самой доходной отраслью являлось производство сукна. Но для сукна нужно сырье – овечья шерсть. Недаром спикер парламента и теперь сидит в кресле, названном «мешок с шерстью», подчеркивая важность этого сырья для истории государства английского.

А для шерсти нужны овцы, с которых её стригут. А для овец требуются обширные пастбища. Но лишней земли в Англии не имелось. Она была занята крестьянами. Точнее – большинство земель принадлежало лендлордам (помещикам) и Англиканской церкви. Крестьяне арендовали у них участки на основании, как сказано было в документах, «вечной аренды». То есть формально отнять землю у них не могли. Но если нельзя, но очень хочется, – значит можно. Крестьян стали элементарно сгонять с земли.

А куда податься крестьянину? Для тысячного овечьего стада нужен один пастух. А остальные? Нарождающаяся промышленность всех принять не могла. Так что крестьяне шли в бродяги, против которых принимались весьма «гуманные» законы – бродяг просто вешали. Впоследствии, с расцветом колониальной экспансии, проблема до некоторой степени была решена тем, что бродяг, обезземеленных крестьян, выпихивали «завоевывать колонии». Кстати, дисциплина на английских кораблях была запредельно жестокой, условия жизни – невообразимыми для современного человека. Смерть во время плавания **половины** экипажа считалась «нормальной убылью». А что с этой матросней церемониться? Ещё наберем!

Огромное количество «лишних людей» и породило знаменитое упорство английской империи в деле колониальных захватов. Англичанам было не жаль класть своих солдат. Ещё наберут.

Но и в XIX веке за бродяжничество полагалось 20 лет каторги – потому что огораживание продолжалось. В начале XIX века жизнь фабричных рабочих была совершенно чудовищной. Фактически рабочие трудились «за еду». Правда, выбор был – не хочешь работать – можешь идти на каторгу – в Австралию, где работяг отдавали **в рабство** фермерам.

Кстати, за попытку организации профсоюза полагалась смертная казнь.

То есть в чем суть? К простому народу английская элита относилась как к расходному материалу. Под «государственными интересами» понимались **исключительно** интересы «вышей касты». А остальные? А какое до них дело.

Между прочим, и в XX веке верхи и низы в Англии говорили **на разных языках**. Наречие пролетариев, «кокни», образованные люди попросту не понимали.

Вот эти милые черты и переняла российская элита.

Очень хорошо видно отношение русских дворян к крестьянам в письме А. Н. Энегельгарта. В 1863 году он сетует:

«Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля».

В самом деле, обнаглело быдло! Не дает развлекаться господам, им их посевы дороже.

Идея «воли»

«Глубокое невежество подавляющего большинства русского провинциального дворянства первой четверти XIX века, его упорное нежелание принимать активное личное участие в хозяйственной, общественной и культурной жизни своего уезда, своей губернии и своего государства – все это крайне отрицательно сказывалось на развитии производительных сил и просвещения в центральнонечерноземных губерниях России, резко сужая возможности помещиков региона принять деятельное участие в процессе преобразования традиционных основ аграрного строя».

(С. Козлов)

О том, что крепостное право – это не самый лучший социальный институт, задумывались давно. Я не имею в виду гуманистов-моралистов вроде Радищева. Давайте уж честно – любому государству гуманизм и мораль интересны в последнюю очередь. Так, в САСШ движение за освобождение рабов (аболиционисты) было раскручено лишь тогда, когда определенным кругам это стало экономически выгодно. Знаменитый аболиционистский роман Гарриет Бичер – Стоу «Хижина дяди Тома» представляет из себя обычную «заказуху»[6]. Тем более что гуманисты обычно не задумываются о том, каким образом претворить в жизнь свои идеалы. Или предлагают такие варианты, что страшно становится…

Но имелись в России и более серьезные люди. Первым об отмене крепостного права заговорил вельможа екатерининских времен, наставник будущего императора Павла Петровича Никита Иванович Панин. Этот человек был сторонником изменения вектора политики России. Он полагал, что нет смысла лезть в европейские разборки. Вслед за Ломоносовым он считал: «Россия прирастает Сибирью». Но для освоения Сибири и Дальнего Востока требовались люди. А их не было. Большинство народа являлись крепостными и работали на бар. Именно поэтому Панин и его последователи выступали за отмену крепостного права. Впоследствии к Сибири добавилась и Русская Америка, которую требовалось осваивать. Вообще-то полный провал освоения Аляски связан прежде всего с тем, что осваивать её было некому…[7]

Идеи освобождения крестьян подхватили декабристы. И уже у них проявилось главное различие между дворянами, стремившимися освободить крестьян исходя из определенных интересов, – и крестьянским менталитетом. Дело в том, что

реформаторы планировали дать народу «волю» **без земли**. А крестьяне были на это решительно не согласны. Так декабрист Иван Якушкин вроде бы собрался дать крестьянам вольную. Но, как вы, наверное, догадались, без земли. На что мужики ему ответили:

– Нет уж. Пусть мы будем ваши, а земля – наша.

То же самое собирался сделать и другой член подпольного общества, Михаил Лунин. Но – тоже – без земли. Даже в своем завещании он предлагал своему наследнику, двоюродному брату, проделать подобный фокус. Но тот то ли не захотел, то ли не решился.

Без земли – эта идея будет постоянно вставать у декабристов. Конечно, они брали пример с «передовой Европы». Да только ведь там уже была достаточно развита промышленность. А в России куда было податься безземельному мужику? Либо обратно – к барину в батраки, либо в лес с кистенем.

Стоит упомянуть и ещё один факт. В 1812 году, во время нашествия Наполеона на Россию, французский император, когда понял, что события идут не так, как ему хотелось бы, подумывал об издании манифеста об освобождении российских крестьян. Очень серьезно подумывал – он приказал найти людей, помнивших восстание Пугачева, и подолгу с ними беседовал. Технически это сделать было бы не слишком трудно. Требовалось только найти какого-нибудь авантюриста, который провозгласил бы себя «счастливо спасшимся императором Павлом Петровичем» и издал бы соответствующий Указ. И вот как вы думаете – у многих русских солдат хватило бы патриотизма сражаться против Наполеона после **такого**? По разным причинам Наполеон на этот шаг не пошел. Хотя в Петербурге подобной возможной выходки корсиканца панически боялись.

Об освобождении крестьян задумывались не только бунтари и внешние враги. Об этом же думал и Александр I. 20 февраля 1803 года был подписан Указ «О вольных хлебопашцах». Это ни в коей мере не было «волей», данный документ всего лишь регулировал процедуру выкупа крестьян на волю с землей. То есть выкупиться из рабства мог крестьянин и до этого. Теперь он мог кроме всего прочего откупить и кусок земли. Правда, крестьянин имел возможность это сделать только в том случае, если на это был согласен помещик.

Как видим, ничего особо революционного в Указе не было. Однако он встретил бешеное сопротивление высших чиновников, большинство из которых являлись крупными замлевладельцами. Император стал получать анонимки, в которых говорилось – дескать, твоего папу, Павла I, прибили, а ведь можем и тебя…

При следующем императоре, Николае I, Указ просто «забыли» включить в Свод законов Российской империи.

Вообще-то Николай I несколько раз пытался создавать комиссии по вопросу освобождения крестьян. Так два раза, в 1842 и 1847 годах, представителями высшей бюрократии были фактически провалены предложенные **лично императором** законы, являвшиеся первым и очень серьезным шагом к «воле».

С Законом 1847 года вышло вообще интересно. В 1834 году, беседуя с одним из приближенных, император заявил:

– Я хочу вести процесс против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян по всей империи.

Николай I понимал, что он затеял очень непростое дело. Кому охота терять хялявный доход? Вспомните гоголевского Манилова. Ну кто он без своих крепостных? Поэтому вопрос разрабатывался в страшной секретности. Было создано три «уровня допуска» – вот в такой обстановке глубочайшего подполья работали созданные императором комитеты.

И вот в недрах одного из комитетов возник проект закона.

«Мысль закона состояла в том, что помещики могли по добровольному соглашению с крестьянами уступать им свои земли в постоянное наследственное пользование на известных условиях. Эти условия, раз составленные и утвержденные правительством, не должны были меняться; таким образом крестьяне будут прикреплены к земле, но лично свободны, а помещик сохранит за собою права собственности на землю, к которой прикреплены крестьяне. Помещик сохранял судебную власть над крестьянами, но уже терял власть над их имуществом и трудами; крестьяне работали на помещика или платили ему столько, сколько было поставлено в условии. Зато помещик освобождался от обязанностей, какие на нем лежали по владению крепостными, от ответственности за их подати, от обязанности кормить крестьян в неурожайные годы, ходатайствовать за них в судах и т. д.».

(В. О. Ключевский)

2 апреля 1842 года закон вышел. Но

«…ему дана была такая редакция, которая почти уничтожила его действие. К тому же на другой день по издании закона последовал циркуляр министра, которым тогда был Перовский; этот циркуляр и разделал закон; в нем было подтверждено с ударением, что права дворян на крепостных крестьян остаются неприкосновенными, что они не потерпят ущерба в этих правах, если в силу закона не пойдут на сделки с крестьянами».

(В. О. Ключевский)

Дальше все пошло таким же образом.

«Закон 8 октября 1847 г., предоставлявший крестьянам имений, продававшихся с публичного торга, выкупаться с землей: две трети дворянских имений состояли в неоплатных долгах казенным учреждениям. Сумма этих долгов близко подходила к миллиарду. Собственно говоря, освобождение крестьян можно было бы совершить чисто финансовой операцией, назначив срок для уплаты долгов, а потом конфисковать имения, как они конфискуются и теперь частными банками. Но не хотели прибегать к такой политической стратагеме, пользуясь затруднительным положением дворянства. Имений, которые продавались с публичного торга, было множество, но, чтобы крестьяне могли выкупаться, нужно было устроить удобный для них порядок аукциона, устроить известный порядок оповещения крестьян о продаже, наконец, устроить им возможность получать ссуды (редкое имение могло тотчас собрать достаточное количество своих денег), ничего этого не было предусмотрено. Закон просто был брошен в аукционную залу, со всех сторон полились представления о затруднениях, какие встречались при применении закона… Высочайшая власть не отменяла закона, но через несколько месяцев вышло новое издание Свода законов; закона 8 октября там не оказалось. Имения продавали с торгов, крестьяне обращались с ходатайством к правительству; им говорили, что закона об этом нет, им показали издание, и просители не находили его там.

…

Точно так же разделан был закон 1848 г., предоставлявший крестьянам право приобретать недвижимую собственность. Он был так выражен, что крестьяне отказались от пользования этим законом. Крестьяне могли приобретать недвижимую собственность с согласия помещика; они должны были заявлять помещику свое желание и возможность приобрести собственность: землевладелец мог и отказать в этом согласии, но он знал, что у крестьянина есть капитал, и, пользуясь своим правом, мог отнять его или мог дать согласие на покупку собственности, а потом взять у крестьянина, ибо оставалась еще в полном действии статья, которая гласила, что крестьянин не имеет права начинать иск. Значит, закон одной рукой давал сословию право, а другой подчинял пользование этим правом безграничному произволу».

(В. О. Ключевский)

То есть получалось: никто не протестовал, никто не высказывался против воли императора. Просто чиновники аккуратно и незаметно делали так, чтобы эти законы не работали.

Еще несколько раз Николай I пробовал создавать комиссии

по этому же вопросу. Все они быстро вырождались в бессмысленную говорильню. Кое-чего Николай I все же добился. В 1833 году появился закон, запрещающий продавать крестьян «с разлучением от семьи». В 1841 году запрещено было продавать крестьян в розницу, без земли; в 1843 году запретили приобретать крестьян безземельным дворянам; в 1847 году было предоставлено министру государственных имуществ право приобретать за счет казны население дворянских имений. Это была та основа, от которой начал дело Александр II.

Но итоги были куда меньше желаемого. Бюрократия – страшная вещь. Она смогла противостоять даже Николаю I, который был очень волевым человеком и помыкать собой не позволял. Но тем не менее…

«Момент истины» наступил после позорного поражения в Крымской войне. Одной из причин поражения было то, что Россия оказалась технически отсталой. У противников России было лучшее оружие. В России практически не было железных дорог – то есть вопрос с доставкой боеприпасов, продовольствия и подкреплений на театр военных действий стоял очень остро. Требовалась индустриализация страны. А как её проводить, если нет свободных людей? Так что вопрос об освобождении крестьян встал мрачной тенью на горизонте.

Но давайте разберемся – а кто в России пахал землю? Основных категорий было две – помещичьи и государственные крестьяне. Имелись ещё удельные, работавшие на землях, принадлежавших членам императорской фамилии, но их было немного, около 500 тысяч в 1858 году. Они особой роли не играли.

Начнем с государственных крестьян. Число их менялось – когда-то было больше, когда-то меньше. В 1858 году их численность составляла 40 % землепашцев. Эти люди являлись «государственными крепостными». То есть они были «привязаны» к земле, не могли сменить место жительство и род занятий. Но самодура-барина над ними не имелось. На управляющего же, если тот слишком «борзел», крестьяне имели право жаловаться.

Государственные крестьяне имели куда больше «степеней свободы», нежели «барские». Они могли выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью. Государственным крестьянам было разрешено вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики и заводы.

На Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Севере жили исключительно государственные крестьяне. Вообще-то их положение было очень зыбким. Все знают, что Екатерина II раздавала огромные поместья своим приближенным. А откуда

они брались? Именно оттуда. Государственные крестьяне переходили в разряд барских. Это и явилось главной причиной восстания Пугачева.

Мало того, крестьянина могли «приписать» к заводам. Вот что, например, пишет Михаил Бакунин, познакомившийся в ссылке с алтайскими «заводскими крестьянами»:

«Эти крепостные в десять раз более угнетенные и несчастные, чем самые бедные помещичьи крестьяне. Они платят подати и несут все прочие повинности, рекруты их поступают не в солдаты, а на 25–летнюю каторжную работу в серебряных рудниках. Они несут барщину, и какую еще барщину! Во всякое время, во время работ, в распутицу они должны по приказанию, по чистому произволу горного начальства возить лес, дрова, уголь, руду за 100, за 200, иногда за 300 верст. Они обязаны продавать свой хлеб исключительно на заводы отнюдь не дороже 28 копеек за пуд ржаной муки».

(М. Бакунин)

Но хуже всего было тем «заводским», кто попадал в «рекруты». Напомню, что в те времена армия комплектовалась на основе рекрутской повинности. Когда объявлялся рекрутский набор – то определенное количество молодых парней отправлялось служить. Дело, как правило, решал жребий. А заводские крестьяне вместо службы попадали, по сути, на «четвертак» на каторгу в рудники. Согласитесь, разница есть. Конечно, солдатская служба в те времена была не сахар, но всё – таки рекруты понимали, что они идут защищать Отечество, а не работать на износ за «так» под землей. Какие на рудниках были условия труда и жизни – можете себе представить…

Между прочим, имелись в Российской империи сторонники совсем иного пути, нежели отмена крепостного права. Они предлагали… «приватизацию». То есть – раздать государственных крестьян частным владельцам. К счастью, их не послушали. Потому что, если бы рискнули такое сделать – то началось бы такое, что восстание Пугачева показалось бы на этом фоне мелким проходным эпизодом.

«Некоторые историки, стремясь отыскать причины, заставившие Александра II приступить к реформам, пробуют их вывести прямолинейно – из статистики народных бунтов. На это заметим, что крестьяне в ту пору волновались, в общем, не больше, чем прежде; однако ожидали, и это ожидание было хорошо известно властям, но прежде всего и более всего министерству внутренних дел, возглавляемому Ланским. Министр не только докладывал царю, но, надо думать, нарочито сгущал, завышал опасность новой пугачевщины. Молчащий народ

казался не менее страшным, чем бунтующий: отсутствие прямого контакта, диалога между властью и народом, отсутствие у населения буржуазных лидеров, как это было, например, во Франции, – все вместе это увеличивало страх перед “иррациональными”, только самим крестьянам понятными причинами, которые вдруг могут поднять их на бунт».

(Натан Эйдельман)

Хотя и были звоночки…

«В 1854 г. был обнародован манифест об образовании государственного ополчения, о призыве ратников на помощь регулярным войскам; это обычный манифест во время тяжелых войн, и прежде такие манифесты не приводили ни к каким особенным последствиям. Но теперь время было не то; между крепостными распространился тотчас слух, что, кто из них добровольно запишется в ополчение, тот получает волю со всею землею. Крестьяне (сначала в Рязанской губернии) стали обращаться к начальству с заявлением желания записаться в ратники. Напрасно местные власти уверяли, что никакого такого закона нет; крестьяне решили, что закон есть, но помещики положили его под сукно. Волнение, обнаружившееся в Рязанской губернии, отозвалось на соседних: Тамбовской, Воронежской, Пензенской, распространилось и далее, до Казанской губернии. Всюду крестьяне приходили в губернские города и требовали у начальства государева закона о воле для тех, кто запишется в ополчение; пришлось прибегать к вооруженной силе, чтобы усмирить это волнение».

(В. О. Ключевский)

А что помещики?

«Крепостное помещичье хозяйство, основанное на невольном труде, очевидно, расстраивалось, несмотря на все искусственные меры, которыми старались его поддержать. Одной из этих мер было развитие барщинного хозяйства на счет оброчного. Мы знаем, что в XVIII в. оброчное[8] хозяйство всюду преобладало над барщинным; в XIX в. помещики усиленно переводят крестьян с оброка на барщину; барщина доставляла землевладельцу вообще более широкий доход сравнительно с оброком; помещики старались взять с крепостного труда все, что можно было взять с него. Это значительно ухудшило положение крепостных в последнее десятилетие перед освобождением. Особенным бедствием для крепостных была отдача их на фабрики в работники; в этом отношении успехи фабричной деятельности в России в XIX в. значительно совершались на счет крепостных крестьян.

…

Помещичьи хозяйства, несмотря на замену оброка барщиной, падали одно за другим; имения закладывались в государственные кредитные учреждения; но взятые оттуда капиталы в большинстве случаев не получали производительного занятия; так дворянские имения, обремененные казенными долгами, не увеличивали производительного оборота в помещичьем хозяйстве».

(В. О. Ключевский)

Помещица Смоленской губернии Елизавета Водовозова пишет в своих воспоминаниях:

«В нашей местности было много крайне бедных, мелкопоместных дворян… Одни из них имели по два-три, а у более счастливых было по десяти-пятнадцати крепостных. Некоторые домишки этих мелкопоместных стояли в близком расстоянии друг от друга, разделенные между собой огородами, а то и чем-то вроде мусорного пространства, на котором пышно произрастал бурьян, стояли кое-какие хозяйственные постройки и возвышалось иногда несколько деревьев… Перед жалкими домишками мелкопоместных дворян (небольшие пространства луговой и пахотной земли находились обыкновенно позади их жилищ) тянулась длинная грязная улица с топкими, вонючими лужами, по которой всегда бегало бесконечное множество собак, разгуливали свиньи, проходил с поля домашний скот…

Как и все тогдашние помещики, мелкопоместные дворяне ничего не делали, не занимались никакою работою. Этому мешала барская спесь, которая была еще более характерною чертою их, как и более зажиточных дворян. Они стыдились выполнять даже самые легкие работы в своих комнатах. Книг в их домах, кроме сонника и иногда календаря, не существовало, чтением никто не занимался, и свое безделье они разнообразили сплетнями, игрою в “дурачка” и “мельника” и поедом ели друг друга… Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы вроде следующих: “Я – столбовой дворянин!”, “Это не позволяет мне мое дворянское достоинство!..” Однако это дворянское достоинство не мешало им браниться самым площадным образом…»

Кроме всего прочего, помещичья собственность являлась во многом фикцией. Так, к 1859 году 44 тысячи имений, в которых числилось семь миллионов ревизских душ[9], были заложены в казну. Больше двух третей дворянских имений, в которых обитали две трети крепостных крестьян, являлись, скажем так, «условной» собственностью. Долга на этих заложенных имениях числилось в 1859 году свыше 450 миллионов рублей.

«Дворянские имения, обременяясь неоплатными долгами, переходили в руки государства. Если бы мы предположили

вероятность дальнейшего существования крепостного права еще на два-три поколения, то и без законного акта, отменившего крепостную зависимость, дворянские имения все стали бы государственной собственностью».

(В. О. Ключевский)

При этом господа помещики этого своего двусмысленного положения в упор не понимали. За сто лет[10] они привыкли к тому, что не они живут для государства, а государство – для них. Кстати, почти те же самые настроения наблюдались у дворян во Франции перед Великой французской революцией. Кончилось это для них очень скверно. Типичный признак вырождающегося социального класса – люди с песнями шагали по направлению к пропасти.

К сожалению, ждать сто лет, чтобы дать им спокойно догнить до конца, времени не было. Международное значение Крымской войны можно охарактеризовать словами: «Акела промахнулся!» Россия перестала быть самой сильной страной в Европе. Что случается дальше – смотрите в тексте Киплинга.

«Воля», какая она была

«Давно прошли те времена, когда Иван Грозный за непослушание рубил боярам головы. Прошли и те времена, когда Петр им бороды резал. Нынешним царям с дворянством спорить не приходилось. Пусть сословие и выродилось к тому времени до предела, однако опереться в государственной деятельности монарх мог только на него. Дворянство являлось, по сути, единственным образованным сословием в России, и подрывать основы его благополучия было чревато – от заговоров и саботажей до внезапно приключившегося с венценосцем удара… табакеркой по голове.

Иоанн Грозный перед тем, как заниматься реформами, создал себе новую опору, но у Романовых и с этим не заладилось. Дворянство хоть и выродилось, однако крепко-накрепко обсело все мало-мальски значимые должности в державе, а буде кто из низов прорвется, так его быстренько тоже награждали дворянством, причисляя, так сказать, к сонму…»

(Е. Прудникова)

В общем, Александру II стало понятно, что положение надо менять, пока не началось.

Свары в благородном обществе

Поначалу император рассчитывал провести реформу по-хорошему: уговорить дворян добровольно пойти на дело освобождения крестьян.

В марте 1886 года Александр II, принимая московского губернского предводителя дворянства князя Щербатова с уездными представителями, бросил пробный шар. Он сказал господам дворянам таковы слова: «Между вами распространился слух, что я хочу отменить крепостное право; я не имею намерения сделать это теперь, но вы сами понимаете, что существующий порядок владения душами не может остаться неизменным. Скажите это своим дворянам, чтобы они подумали, как это сделать».

И стал смотреть, что получится. Плохо получилось. Оказалось, что подавляющее большинство дворян не хотят менять ровным счетом ничего. Хотя, как мы видели, очень многие землей и крепостными владели условно – и было понятно: свои поместья выкупить они не сумеют. На что они рассчитывали? А вот поди пойми.

«Товарищу министра внутренних дел Левшину поручено было узнать, как они (дворянская среда. – *А. Щ.*) отнеслись к вопросу “об улучшении участи крепостных крестьян” (тогда еще избегали слова “освобождение”). Левшин позондировал и с печалью донес, что дворянство ни с той, ни с другой стороны не поддается…»

(В. О. Ключевский)

Но раз не хотят – надо заставить.

Вокруг Александра II стала подбираться команда сторонников реформ. И что самое главное – кое-кто из них оказался очень даже на своем месте.

Так, лидером команды реформаторов стал племянник графа П. Киселева, сыгравшего видную роль в разработке крестьянского вопроса в 1830–1840–е годы, Н. Милютин. Он занимал сначала пост директора хозяйственного департамента МВД, затем – товарища министра внутренних дел.

Начали дело с того, что всегда делают в таких случаях, – с ротации кадров. С удаления несогласных. Не слишком быстро, но и не медля, Александр, пользуясь советами своего окружения, матерых мастеров бюрократических игр, стал потихоньку удалять с постов потенциальных противников. Чистку проводили очень грамотно. Начали с верхов, потом спустились вниз, в губернии, поменяв многих губернаторов. На освободившиеся места,

разумеется, стали назначать своих ставленников.

Свои люди в губерниях стали протаскивать идею создания губернских Комитетов по крестьянским делам, которые вроде как должны были обсуждать вопрос освобождения. Вообще-то это была чистая инициатива сверху – провинциальные дворяне ни о какой реформе и слышать не желали. Но Александру требовалась хотя бы видимость поддержки «общественности». Сначала комитеты создали там, где сидели свои губернаторы, потом дело пошло легче. Вроде – «все уже создали, а вы что же»?

В итоге «во всех губерниях были открыты губернские комитеты… они составились под председательством губернского предводителя (дворянства. – *А. Щ.*) из депутатов – по одному из уездного дворянства – и из **назначенных** (выделено мной. – *А. Щ.*) особо местным губернатором помещиков. Эти губернские комитеты и работали около года, выработав местные положения об устройстве быта помещичьих крестьян. Так пущено было в ход неясно задуманное, недостаточно подготовленное дело, которое повело к громадному законодательному перевороту».

(В. О. Ключевский)

Реформу готовили в строжайшей тайне, в секретных комитетах. Оно понятно – шефом жандармов был князь В. А. Долгорукий, противник реформ. И противники начинают действовать. Так Долгорукий целенаправленно подкидывает царю материалы, из которых следует, что в случае проведения реформ начнется полный хаос. «Ввиду общего неудовольствия дворянства, ежедневно заявляемого получаемыми на Высочайшее имя письмами, он, Долгорукий, не отвечает за общественное спокойствие, если предложения редакционных комиссий будут утверждены».

(В. О. Ключевский)

Впрочем, Долгорукий тоже довольно быстро оказался не у дел.

Чем дальше, тем более кипели страсти, которые стали выплескивать в кулуары коридоров власти. Как-то граф Бобринский, противник перемен, откровенно «наехал» на Милютина: «Неужели вы думаете, что мы вам дадим кончить это дело? Неужели вы серьезно это думаете?.. Не пройдет и месяца, как вы все в трубу вылетите, а мы сядем на ваше место».

Когда все было готово, 28 января 1861 года на заседании Государственного Совета Александр поставил на обсуждение вопрос об освобождении крестьян. Вернее, формулировался он не так, речь шла о том, что лучше – «добровольное» или «обязательное» (то есть подписанное государством) освобождение. Но уже было понятно, что без приказа сверху

помещики будут держаться, как панфиловцы. Итак, из 45 голосовавших –15 были за «добровольность», 17 – за «обязательность», 13 – заняли промежуточную позицию. Разумеется, это было никакое не обсуждение, а выявление противников. Потому что Александр, выслушав всех, изрек:

– Крепостное право установлено самодержавной властью, и только самодержавная власть может его уничтожить, а на это есть моя прямая воля.

После этого все противники генерального курса были высланы в имения.

В губерниях же господа дворяне продолжали спорить. На то все было и рассчитано – пусть себе метут языками. По большому счету никто у них так ничего и не спросил. А зря. Потому что говорили они порой верные вещи.

Вот что еще в 1860 году писали Александру II из Твери: «Несмотря на все зло крепостного права, власть помещика, его местное значение, его влияние и на крестьян, и на должностных лиц служили, с одной стороны, огромным пособием в управлении, с другой – ограничением произвола чиновников. Если уничтожить его (крепостное право) только в частном порядке, оставив все прежнее по-старому, это не будет уничтожением крепостного права, а только передача его из рук помещика в руки чиновника и расширение его пределов. Это будет разделение всех сословий в государстве на два враждебных лагеря: на лагерь полноправных чиновников и на лагерь бесправных и безгласных жителей».

Некоторые люди в России придерживаются идиотской схемы: есть «прогрессивные» деятели и есть консерваторы, которых и слушать-то не стоит. Это породило и обратную точку зрения, которая не менее идиотская. На самом-то деле, всё непросто в этом мире.

Большое надувательство

Манифест об освобождении крестьян был подписан 19 февраля.

«1. Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда, в порядке, указанном в настоящем Положении и в других, вместе с оным изданных, Положениях и Правилах.

2. На основании сего Положения и общих законов крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляются права, состояния свободных сельских обывателей, как личныя, так и по имуществу. В пользование сими правами они вступают тем порядком и в те сроки, какие указаны в Правилах о приведении в действие Положений о крестьянах и в особом Положении о дворовых людях».

Однако всё было не так просто. Земельная реформа оказалась сплошным жульничеством. Для начала требовалось разделить помещичью землю и крестьянскую. Крестьян изрядно обкорнали. Отчужденные от них земли получили название «отрезков» и составили в среднем 20 % крестьянских наделов.

Мало того, делили земли своеобразно.

«Крестьяне оказались отрезанными помещичьей землей от водопоя, леса, большой дороги, церкви, иногда от своих пашен и лугов… В результате они вынуждались к аренде помещичьей земли во что бы то ни стало, на каких угодно условиях».

(Н. А. Рожков)

«Крестьянам выделили худшие земли. Жители одного из сел Саратовской губернии жаловались начальству, что им была отведена земля “самая плохая, пески, солончаки да суглинистые места”. Нередко крестьянские угодья были разбросаны в нескольких местах, вклиниваясь в помещичьи угодья».

(А. Шлыкова)

То есть грубо говоря, мужики должны были, к примеру, платить за абсолютно бесплодный «коридор» к речке столько, сколько хочет барин.

«Большинство крестьян (примерно 70 %) получили наделы от 2 до 4 десятин. Причем лучшие участки остались у помещиков. Для прожиточного минимума крестьянину требовалось от 5 до 8 десятин земли в зависимости от ее плодородия. В результате площадь обрабатываемой крестьянами земли в 27 из 36 внутренних губерний сократилась в среднем на 20 %), в некоторых на 30 %). Это вызвало волнения. Кроме того, Манифест 19 февраля был написан очень сложным языком, и

крестьяне часто не могли его понять».

(С. Миронин)

Но землю отдали не просто так. Её надо было выкупить.

«Главной проблемой являлось определение выкупной стоимости земли. Как определялась выкупная цена? Очень просто. Например, крестьянин до отмены крепостного права платил помещику оброк в 10 рублей (барщина пересчитывалась через оброк). При выкупе земли помещик должен получить такую сумму денег, которая, будучи положенной в банк, приносила бы ему ежегодный доход в те же 10 рублей. Банковская ставка в то время не превышала 6 % от общей суммы вклада. Большая процентная ставка была бы не выгодна для государственного банка, меньшая – заставила бы помещиков изымать свои деньги и бездумно тратить или вкладывать в другие банки, более рисковые, дестабилизируя банковскую систему. Таким образом, 10 рублей – это 6 % от предполагаемой суммы вклада помещика в банк, или 166 рублей. Эта сумма и стала ценой выкупной земли. В терминологии тех лет “капитализированный оброк из 6 %”. Крестьянам сумма выкупного платежа объяснялась проще: умножай оброк на 16,7.

Деньги за крестьян заплатило государство, как бы дав им в долг. Эти деньги выдавались из Государственного банка как бы крестьянам и сразу же помещались на счет помещика, но не в виде налички, а в виде ценных бумаг. Государство выступило здесь в роли ростовщика. Затем этот долг погашался выкупными платежами в течение 49 лет. Крестьяне должны были ежегодно выплачивать по 6 % от предоставленной им ссуды. Кроме того, они должны были платить подушную подать, а также непрямые налоги».

(С. Миронин)

Тут снова было жульничество. «Привязка» к оброку вела к тому, что во многих случаях выкуп начислялся не с заработка с земли, а с «отхожего промысла» работника. Он мог, допустим, трудиться в городе и приносить оброку куда больше. Так, самый высокий оброк платили крестьяне Петербургской губернии. Какая земля вокруг Питера и какой климат – сами понимаете. Лучше всего у нас «растут» камни. А не волнует! Главное – чтобы помещик не пострадал.

«Государство трепетно заботилось о помещиках, компенсируя им возможные издержки, но о том, чтобы хоть как-то компенсировать мужикам многовековой бесплатный труд на хозяина – речи не шло. Тем не менее, будьте счастливы, вам оказана великая милость – вас освободили!»

(Е. Прудникова)

Это не всё. Разумеется, денег на выкуп у крестьян не было. Их давало государство – а крестьяне получали ссуду с рассрочкой на 49,5 с ежегодной выплатой 6 % задолженности. Элементарный подсчет показывает, что они должны были выплатить 297 % выкупной суммы.

Но и тут хитрости не кончались. Помещик имел право либо удовлетвориться обязательным выкупом, либо назначить сумму «по согласию». Читай – потребовать больше и торговаться. Другое дело – деньги от государства ему выдавали только по заключению выкупной сделки. То есть хочешь – можешь получить меньше, но сразу. Можешь пытаться сорвать больше, но позже.

До заключения выкупной сделки крестьяне становились «временно-обязанными». Они должны были нести прежние повинности и не имели права покинуть деревню. Точнее, могли – но должны были продолжать платить оброк.

Это было уступкой консервативным помещикам – «крепостникам» – те ведь при желании могли загнуть такие требования, что вовек не договоришься…

Государственным крестьянам сразу же назначили обязательный выкуп. Но их тоже надули. В центральных губерниях наделы сократились на 10 %, в северных – на 44 %, а выкупные платежи оказались на 45 % больше оброка.

То же самое было сделано для крепостных крестьян Западной Украины и Западной Белоруссии. Там бушевало очередное восстание дворян-поляков, сражавшихся за «незалежную» Польшу «от моря до моря». Воевали поляки партизанскими методами, так что бороться с ними было трудно. Но тамошним крестьянам предоставили упомянутые льготы, да ещё объявили, что земли повстанцев будут переданы крестьянам. Мужички тут же бросились активно вылавливать по лесам мятежных шляхтичей…

Впрочем, крестьянин, как барский, так и государственный, мог выкупиться и единолично. Но тогда он был должен заплатить сразу. Но таких оказалось ничтожно мало. К 1882 году было выкуплено 47 735 душевых наделов (178 000 десятин), к 1887 году– 101 413 наделов (394 504 десятины). Это составляет примерно 0,7 % наделов. Микроскопическое количество.

Была и ещё одна категория крестьян – дворовые. То есть разнообразный «обслуживающий персонал» при барине – что в деревне, что в городе. Их было весьма много – 6,5 %) от всех крепостных! А чего бы барам и не иметь множество челяди, если им платить не надо! С этих взять было нечего. Так что они должны были ещё два года оставаться при хозяевах – а потом становились вольными как ветер. Причем большинство их них оказались на улице. В новых условиях их содержать было не по

карману.

Впрочем, количество очень жадных или очень упертых помещиков быстро сокращалось. В 1884 году «на выкуп» вышло около 17 % крестьян. Однако помещики увидели возможность получить реальные деньги. Тем более, как мы помним, у многих имения были заложены – теперь же имелась возможность их выкупить. Точнее, при перечислении выкупных платежей государство автоматически вычитало долг – и при этом оставалось достаточно. Земля по выкупу стоила примерно в 2–2,5 раза выше рыночной цены.

Тем не менее, к 1881 году во временно-обязанных продолжало ходить 15 % крестьян. Тогда было принято решение об обязательном выкупе. Так что с 1881 года количество заложенных имений начало расти по второму кругу…

Крестьяне в собственность земли не получали. Землю получала община. Но о ней будет рассказано ниже.

Кому это было нужно?

«В результате реформы 1861 года изменилось правовое отношение других сословий к возможности покупать и продавать землю. В наиболее привилегированном положении оказались потомственные дворяне. За ними сохранялось право приобретать все виды движимых и недвижимых имуществ. При этом помещичьи имения в полном составе, то есть с крестьянскими наделами и с правом на крестьянские повинности, могли быть “продаваемы и иным способом передаваемы только потомственным дворянам”. Лицам других сословий и состояний эти имения могли продаваться лишь при особых, трудновыполнимых условиях».

(С. Н. Никольский)

Итог освобождения был такой, что оторопь берет. Дело в том, что крестьянам, «вышедшим на выкуп», приходилось платить не только выкупные платежи, но и разные налоги.

«…Бывшие государственные крестьяне вносили налоги и подати в размере 92,75 % своего чистого дохода от хозяйствования на земле, так что в их распоряжении оставалось 7,25 % дохода. Например, в Новгородской губернии платежи по отношению к доходу с десятины составляли для бывших государственных крестьян ровно 100 %.

Бывшие помещичьи крестьяне платили из своего дохода с сельского хозяйства в среднем 198,25 % (в Новгородской губернии 180 %). Таким образом, они отдавали правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же из заработков за другие работы. При малых наделах крестьяне, выкупившие свои наделы, платили 275 % дохода, полученного с земли!»

(С. Кара – Мурза)

Закономерный вопрос: авторы реформы были идиотами? Ведь подобная политика просто-напросто вгоняла в гроб крестьянское хозяйство. Да нет, идиотами они не были. **На то и был расчет**. Напомним проблемы, стоявшие перед страной к 1861 году.

Требовались люди – для строительства железных дорог и работы на промышленных предприятиях. Я уже упоминал, что во многом отсутствие людей тормозило промышленное развитие России. Эта проблема была решена. Как за счет дворовых, так и за счет тех «вышедших на выкуп», кто махнул на всё рукой – получил паспорт[11] – и двинул на заработки. Причем вся эта возня с временно-обязанными имела смысл – как мы видели, помещики отпускали крестьян постепенно, – а значит, не все

ринулись толпой.

История лучше всего понимается на примерах. В шестидесятые годы XIX века появилась новая социальная группа – так называемая «чугунка». Вообще-то так в народе называли железную дорогу. (Рельсы тогда делали не из стали, а из чугуна.) Но имелось дополнительное значение этого слова. «Чугункой» крестьяне называли рабочих, строителей железной дороги, массово появлявшихся там, где возводились магистрали. Слово соответствует сегодняшнему «гопники». В самом деле, железнодорожные строители были ребятами сильно пьющими, буйными, склонными к мелкой уголовщине. Эти ребята как раз и были теми, кто ушел из деревни. И уходил чаще всего навсегда. Ведь железные дороги в те времена строили только летом – то есть когда в деревне разгар работ. Да и зарабатывали они по сравнению с деревенскими немало. Тем более что у тех, кто не пропивал мозги, была перспектива – выучиться на десятников и прочий «сержантский состав». А главное – железные дороги-то они строили.

Вторая проблема – для модернизации страны требовалось эффективное сельское хозяйство. Ведь крестьянин должен работать «за себя и за того парня», который работает на заводе или строит «чугунку». К тому же зерно являлось главным предметом экспорта – как сейчас нефть.

Не нужно читать Адама Смита, чтобы понимать: крупное, рационально организованное хозяйство, использующее труд наемных работников, эффективнее, нежели мелкое. Хотя бы потому, что там куда проще вводить прогрессивные методы.

Упор делали на помещиков. Надеялись, что они перестроят свои хозяйства с феодальных в капиталистические. Потому что только крупные хозяйства давали товарный хлеб – то есть продукцию на продажу.

«Долгосрочный экономический смысл крестьянской реформы 1861 года состоял в новой государственной модернизационной стратегии, заключавшейся в перераспределении средств из аграрного сектора в индустриальный. Отказываясь от прежней практики государственного попечительства над сельским хозяйством (впрочем, весьма относительного), крестьянская реформа по сути открывала деревню стихии свободного рынка, делала сельское хозяйство легко доступным объектом ограбления для нарождающегося класса буржуазии. С этого момента русская деревня, включая (в меньшей степени) и помещичье хозяйство, переводилась в положение внутренней колонии, обеспечивающей средства для нужд индустриального развития».

(С. Н. Никольский)

То есть крестьян совершенно сознательно **обрекали на разорение**. Расчет был на то, что они плюнут на свои наделы – и пойдут отрабатывать выкупные платежи батраками на помещичьи земли. Ведь при подготовке реформы были предложения освобождать крестьян без земли. Но не решились – испугались, что всерьез полыхнет… А тут. Дескать – дали вам землю, а что у вас ничего не получилось – кто ж виноват. А те, кому не хватило бы места ни в батраках, ни в рабочих? Опять же – кто виноват? Выживает сильнейший.

Данный способ развития сельского хозяйства получил название «прусского». Альтернативой его являлся «американский», фермерский путь развития. Его-то впоследствии и попытался применить Столыпин.

Если бы столыпинская реформа осуществлялась бы в 1861 году – она имела бы все шансы на успех. Однако стали проводить некую «помесь зайца с мотоциклом». С одной стороны, помещики оказались совсем не теми ребятами. С другой – дело тормозила крестьянская община, которую сами же реформаторы старательно укрепляли…

Дорога неизвестно куда

Итак, первая аграрная реформа свершилась. И вышло… Глаза бы не глядели.

«Произошло это от того страшного, хотя, разумеется, неизбежного кризиса, который испытало наше рентное землевладение, когда, лишившись дарового крепостного труда, оно было вынуждено сразу перейти от натурального к денежному хозяйству при условиях, к тому же весьма для него неблагоприятных, и при отсутствии у землевладельцев как теоретических, так даже и практических познаний в сложном деле организации товарного производства сельскохозяйственных произведений».

(В. И. Гурко)

Об авторе приведенной цитаты стоит сказать отдельно. Тем более что цитировать его я буду много и обильно. Итак, Владимир Иосифович Гурко (1862–1927). Занимал различные должности в Министерстве внутренних дел. С 1906 года являлся товарищем (заместителем) министров внутренних дел П. Н. Дурново, затем П. А. Столыпина. Гурко начал разработку земельной реформы раньше Столыпина – когда Петр Аркадьевич ещё губернаторствовал в Саратове. Так что кто в большей степени является её автором – большой вопрос. Столыпин не оставил воспоминаний, Гурко – оставил, причем они написаны уже после революции. То есть у автора было время подумать. Поэтому его мнение – это мнение сторонников столыпинской реформы.

Итак, каковы итоги первой реформы? Начнем с «надежды и опоры» государства – господ помещиков. К возложенной на них задаче они оказались решительно не способны. Причина проста и понятна. Халява развращает. А помещики **поколениями** жили на халяву. Ведь что представляло крепостное (феодальное) помещичье хозяйство? Имелись рабы. Они являлись работать на барина **со своим инвентарем** – и что-то там делали. Тем более что многие помещики в деревнях не жили, сваливая все дела на управляющих. А что взять с управляющих? Как правило, это были люди, привыкшие работать по старинке. А ведь организация эффективного коллективного производства – это совсем иная наука…

Неважно вышло и с полученными от государства выкупными платежами. Зачастую господа помещики их попросту промотали. А что? Вот так с неба свалились деньги, почему бы на них и не смотаться в Париж?

Об итоге лучше всего говорит выдержка из статьи

энциклопедии Брокгауза и Эфрона о земельных банках.

«К началу 1892 г. во всех 3–х банках было заложено 97 573 имения в 45 067 378 дес.[12] (или 39 % всей площади частного землевладения в России), оцененные в 2116 мл. руб. Постепенно возрастая, число заложенных имений к 1903 г. достигло 173 310, в 58 807 099 дес. (49 %)».

Напомню, после реформы **все** заложенные имения были выкуплены. Это – второй круг. При том что и земля-то из рук помещиков уплывала. Уже в 1887 году в недворянских руках в 50 губерниях Европейской России было 54 %) процента земли.

Еще интереснее вышло в черноземных губерниях. Там к тому же **1887** году 75 % земли перешло к крестьянам и «новым помещикам». Последние – это были люди недворянского происхождения, скупавшие крупные земельные участки у разорившихся помещиков. Таким, к примеру, был отец Троцкого Давид Бронштейн. Летом 1879 года он купил 100 и арендовал 200 десятин земли у разорившегося помещика, полковника Яновского. Он нашел имение в совершенно запущенном состоянии и поднял его буквально с нуля.

«Особую группу составляли немцы-колонисты. Среди них были прямо богачи… Дома у них были из кирпича под зеленой и красной железной крышей, лошади породистые, сбруя исправная, рессорные повозки так и назывались немецкими фургонами… Над ними высилась фигура Фальцфейна, овечьего короля… Тянутся бесчисленные стада. – Чьи овцы? – Фальцфейна. Едут чумаки, везут сено, солому, полову. – Кому? – Фальцфейну… Имя Фальцфейна звучало как топот десятков тысяч овечьих копыт, как блеянье бесчисленных овечьих голосов, как крик и свист степных чабанов с длинными гирлыгами за спиной, как лай бесчисленных овчарок. Сама степь выдыхала это имя в зной и в лютые морозы».

(Л. Д. Троцкий)

Именно **эти** люди и «кормили Европу». Но в Нечерноземье «новым помещикам» лезть было не интересно. Предприниматель ищет, где выгоднее. Так что в местах, где природные условия были похуже, помещичье хозяйство потихоньку деградировало. Именно в пореформенный период появился в России новый социальный тип – разорившийся помещик. Они были и раньше, но именно тогда он стал массовым. То есть человек, который ничего не имел, ничего не умел – но зато сохранил барскую спесь и презрение к любой форме трудовой деятельности. С этими людьми связано взрывное увеличение количества таких преступлений, как мошенничество. Разорившиеся помещики в массовом порядке стали подделывать векселя и завещания, создавать «финансовые пирамиды», торговать «золотоносными

участками» в Сибири и так далее.

Но это была только одна сторона дела. С другой – как стена встала община.

А что это вообще такое? Собственно говоря, община в России существовала, вероятно, до образования государства. Она упоминается в «Русской правде» – законодательном документе XII века.

«С давних пор община была основой организации земледельческого производства. Земельные угодья – пашни, луга, лес – рассматривались крестьянами как общинное владение, пользование им осуществлялось на основании обычного права, в основе которого лежал принцип потомственного владения двором, усадебной землей и правом на часть общинных угодий при их перераспределении. Земля делилась на узкие полосы, разграниченные неглубокими канавками – межами, в зависимости от числа мужских душ в общине. Каждый хозяин вытаскивал соответствовавшее числу душ в его семье число жеребьев с обозначением полос, при этом старались, чтобы полосы не располагались рядом.

…

Община выполняла и ряд этических функций: осуществляла опеку над сиротами и одинокими стариками, следила за поведением молодежи, детей по отношению к родителям, жен к мужьям и в целом определяла формы общественного и соседского поведения.

…

Возглавлялась община собранием женатых мужчин-домохозяев – сходом, имевшим несколько ступеней: селенный, если община состояла из нескольких деревень, сельский и волостной. Сход избирал должностных лиц как посредников между общиной и государством: сельских старост, старшин, десятских, соцких и других, утверждавшихся местной администрацией. Сход раскладывал государственные, земские и церковные повинности, следил за их исполнением, распоряжался выморочными или свободными земельными угодьями, раз в 5–20 лет перераспределял землю, рассматривал вопросы внутридеревенского строительства, размежевания, расширения или переноса усадьбы. Без его утверждения не могли быть осуществлены никакие операции с недвижимостью.

Кроме того, сход защищал общинные угодья от внешних посягательств и принимал в общину новых поселенцев. На сходах решались и все важнейшие вопросы повседневной крестьянской жизни».

(В. Г. Холодная)

Примерно в таком виде община и дошла до реформы 1861 года. Помещикам она была удобна – пусть сами крестьяне решают вопрос с распределением земли между собой, да и свои внутренние дела – тоже.

Среди государственных крестьян община долгое время была чем-то вроде неформального объединения. Пока в 1838 году по инициативе графа П. Д. Киселева (кстати, убежденного противника крепостного права) не было принято «Учреждение сельского управления». По нему государственные крестьяне были организованы в сельские общества, соответствующие селениям.

Именно разработки Киселева и легли в основу изданного в 1861 году «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Официально община получила название «сельское общество».

Теперь и у бывших помещичьих крестьян община приобрела юридический статус. В чем его особенности? Земля являлась коллективной собственностью. То есть продать её «на сторону» было невозможно. Равно как и получить кому-то из крестьян под свой надел. А вот взять купить (взять в аренду) землю могла как община целиком, так и отдельный крестьянин лично для себя.

Очень интересно обстоял вопрос со всеми видами налогов. Различные виды платежей сельское общество выплачивало **в целом**. Существовала круговая порука. То есть если один недоплатит – его недоимку раскладывали на всех остальных. Понятно, зачем это было сделано. Во-первых, так легче взыскивать налоги. Но что ещё важнее – так пресекалась попытка уйти от выкупных платежей. Выйти-то из общины, не расплатившись полностью за «волю», до столыпинской реформы было невозможно! Даже если человек много лет работал в городе, например, на заводе – он продолжал считаться крестьянином. И платил. Вот тут-то и заключалась главная ловушка для реформы.

Крестьяне ведь очень хорошо поняли, что «нас разводят». И ушли в глухую оборону. Есть мы – и есть они. Причем они очень хорошо поняли социал-дарвинистские закидоны элиты. И…

«Страх перед голодом был одной из причин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины. В течение столетий в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы община обеспечивала минимальное приложение сил трудовых своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от разорения. В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей… Надо сказать, что хроническое недоедание крестьян в пореформенный период

создавало в России социальную базу для большевизма и распространения уравнительных коммунистических идей».

(В. В. Кондрагин, историк)

А нравы были и в самом деле очень интересные, ни в коей мере не сочетавшиеся с «цивилизованными».

«В свое время я работал над общинным правом России. В 1860–е годы общинное право стало законом, применявшимся в волостных судах. Судили в них по традиции, поскольку общинное право – традиционное право. И когда пошли апелляции в Сенат, то оказалось, что в нем не знали, что делать с этими апелляциями, ибо не вполне представляли, каковы законы общинного права. На места были посланы сотни молодых правоведов, чтобы собрать эти традиционные нормы и затем кодифицировать их. Была собрана масса материалов, и вот вспоминается один интересный документ. Это протокол, который вел один из таких молодых правоведов в волостном суде, слушавшем дело о земельной тяжбе между двумя сторонами. Посоветовавшись, суд объявил: этот прав, этот неправ; этому – две трети спорного участка земли, этому – одну треть. Правовед, конечно, вскинулся: что это такое – если этот прав, то он должен получить всю землю, а другой вообще не имеет права на нее. На что волостные судьи ответили: «Земля – это только земля, а им придется жить в одном селе всю жизнь».

(Т. Шанин, английский исследователь крестьянства)

И общинники хорошо поняли, кто главный враг. Помещичья земля должна принадлежать крестьянам! И точка. Казалось – что нового по сравнению с тем, что провозглашали ребята Пугачева? Между тем новое есть. Пугачевцев вела прежде всего месть. Порешить всех дворян – а там поглядим. Между тем пореформенные крестьяне отнюдь не возводили в культ насилие. Ведь даже в 1905 году, когда было сожжено 15 % всех российских усадеб, жертв среди помещиков практически не было. От помещиков требовалось одно – пускай они убираются! Хотя что-то от Пугачева осталось. Как мы видели, помещичьи земли представляли из себя не такую уж лакомую добычу. И чем дальше – тем меньше. Но не всё в этом мире меряется на экономику. Ну, не любили крестьяне помещиков!

«Однако надо же учитывать и менталитет: в истории России люди, предпочитавшие спасаться в одиночку, обычно не оставляли потомства, которому могли бы передать свои предпочтения. “Каждый за себя” здесь не прокатывало в силу причин природных, исторических, географических и пр.

Тем не менее, не надо и абсолютизировать менталитет: может быть, в силу особенностей истории и географии русский

человек и больший коллективист, чем его германский или британский собрат, однако ни индивидуализмом, ни страстью к личной наживе он не обижен. Процветать русские тоже любят в одиночку, а объединяются либо при стихийном бедствии, либо при нападении врагов.

Вот и вопрос: как восприняли реформу русские крестьяне, коль скоро они сохранили общину – как бедствие или как нападение? Возможно, поначалу они еще не всё поняли и посчитали новые условия хозяйствования на земле некоей экономической стихией, вроде урагана или нашествия диких зверей. Как бы то ни было, отреагировали они на сей экономический эксперимент традиционным русским образом: стали выживать совместно. Отсюда и путь в тупик».

(Е. Прудникова)

Интересен такой момент. Крестьяне **не поверили**, что реформа 1861 года дана царем. Они думали – их обманули. Интересно, а какая она должна была быть по народному представлению?

«Когда в один из воскресных дней я вошла в его избу… я застала всех членов семьи за самоваром: при этом на столе лежала связка баранок. Малышам давали по баранке и выгоняли на двор. Меня более всего поразил облик и вся фигура Кузьмы. Это был человек лет под шестьдесят, сухой, как жердь, сутулый, с лицом, на котором выдавались скулы, обтянутые желтою кожей, совершенно лысый, но с очень густыми седыми бровями, торчащими какими-то кустиками. Он сидел под образами, и глаза у него были опущены вниз даже тогда, когда он говорил: он точно разговаривал сам с собою, а когда изредка поднимал голову, глаза его бегали, как у затравленного зверя.

Перед двумя из крестьян стоял чай в стаканах без блюдечек, и перед каждым из сидевших за столом лежало по крошечному кусочку сахару. Когда кто-нибудь допивал чай, хозяйка наливала следующим, так как в семье было всего два-три стакана и одна оловянная кружка…

На мои расспросы о воле Кузьма отвечал вопросом же:

– Как така воля? Ты, барышня, из Питера, значит, поближе нас к царю стоишь, вот ты и растолкуй нам, какую нам волю царь дал. А мы, почитай, воли-то энтой и не видывали!

– Показаться-то воля показалась, – заметил его старший сын Петрок, – да мужик-то и разглядеть не успел, как она скрозь землю провалилась.

– Царь-то волю дал заправскую, – заговорил Федька, – читальщики о ту пору вычитывали нам не то, что попы, в манихфестах. Наши-то попы да паны подлинный царский

манихфест скрыли, а заместо его другой подсунули, чтобы, значит, им получше, а нам похуже.

Тут-то я всего не упомню, а выходило так, что усадебная земля, панские хоромы, скотный двор со всем скотом помещику отойдут, ну, а окромя этого, – усе наше: и хорошая, и дурная земля, и весь лес наши; наши и закрома с зерном, ведь мы их нашими горбами набили. А заместо этого, извольте радоваться, что вышло: отрезали такую земельку, что ежели в ей хоча половина годной для посева, так ты еще Бога благодари…»

(Е. Водовозова)

И дело не ограничивалось словами.

Стоит привести один эпизод из деятельности революцинеров-народников. Как известно, их походы в народ провалились с треском. Потому что в большинстве они абсолютно не знали крестьян и не понимали их психологии. Но не все.

В 1877 году члены организации «Земля и воля» попытались поднять крестьянское восстание в Чигиринском уезде Киевской губернии. Ребята хорошо разобрались в ситуации – они поняли, что социалистическими лозунгами крестьян не проймешь. Они решили использовать популярное мнение о том, что баре спрятали «настоящую волю». В ход пошла легенда – дескать, царь-батюшка не в состоянии справиться с дворянами и чиновниками. А потому составил «Высочайшую тайную грамоту», в которой призывал крестьян создавать тайные общества («Тайную дружину») – с целью последующего восстания и отъема всей земли у помещиков.

Вот **такая** постановка вопроса была крестьянам очень даже понятна. Так или иначе, «Тайная дружина» насчитывала 2000 членов! До восстания дело не дошло, революционеров арестовали раньше – но интересно…

Так что община оказалась «вещью в себе». Несмотря на то, жизнь в ней была невеселая.

Полуграждане

Тем не менее, власти старались «законсервировать» общину. Причем не только уже описанными экономическими средствами. Имелись и другие. Так, к примеру, крестьянин, получивший среднее образование, из общины вылетал. Разумеется, без земли. Причем к среднему образованию относились не только гимназии и реальные училища, но и сельскохозяйственные. То есть крестьяне, даже если и имели такую возможность, не имели права повысить свою профессиональную грамотность.

Почему?

«Не следует забывать, что в то время все еще исходили из предположения, что крестьянский мир представляет вполне однородную массу, внедрение в которую лиц других сословий, иного образования и иных понятий может иметь растлевающее на него влияние. Замечательно, что взгляд этот разделялся обоими крайними флангами общественности. Его почти в одинаковой мере поддерживали как крайние консерваторы, так и социалистически мыслящая интеллигенция. Так, “Русское богатство”, журнал определенно марксистского направления, устами своих сотрудников еще в 1905 г. утверждал, что “у крестьян общие чувства, общее движение, нет дифференциации”. Со своей стороны, революционная группа “Освобождение труда” в изданном ею проекте программы русских социал-демократов, говоря о том, что в России элементом социального движения может быть лишь рабочий пролетариат, утверждала, что «община, связывая своих членов-крестьян только со своими интересами, препятствует их политическому и умственному развитию». Немудрено, следовательно, что взгляд этот разделялся правительством, полагавшим, что при объединении крестьян с лицами других сословий, хотя бы на почве совместного обсуждения общих хозяйственных интересов, будет нарушена цельность крестьянского мировоззрения и в крестьянскую среду значительно легче проникнет все шире развивавшаяся и, несомненно, тлетворная революционная пропаганда».

(В. И. Гурко)

Революционеры-народники и их наследники, эсеры, на общину чуть ли не молились, считая её зародышем будущего социалистического общества. Но консерваторы… тоже считали общину положительным явлением, так как полагали – именно в ней группируются истинно русские люди, преданные монархии и не испорченные разными там идеями. В том-то и смысл политики недопущения в крестьянскую среду никаких людей и идей «со

стороны».

А вот с точки зрения реформаторов дело обстояло иначе.

«Искусственное отгораживание крестьян на местах их постоянного жительства от других элементов сельской жизни в порядке общественного управления отнюдь не препятствовало ни распространению в их среде, ни восприятию ими революционной пропаганды, но зато препятствовало их объединению в общем деле с представителями культурных сословий, единению, безусловно благотворному, чему наглядным примером и доказательством служила совместная работа землевладельческого элемента с крестьянским в уездных земских собраниях».

(В. И. Гурко)

Как мы увидим дальше, в данном вопросе Гурко был полностью прав. Революционные идеи проникали в общину без помех. А вот то, что «баре» их за людей не считают, – крестьяне прекрасно чувствовали. Вот ещё одна цитата:

«Часть крайних правых создала себе из земельной общины не меньший фетиш, нежели она представляла для определенно революционных народнических течений, хотя, разумеется, на иных основаниях, точно так же часть социалистически настроенной интеллигенции отстаивала особый сословный крестьянский суд и крестьянское обособленное сословное самоуправление с не меньшим пылом, нежели большинство ультраконсерваторов».

(В. И Гурко)

Однако Гурко, убежденный противник общины, не хотел видеть и другой стороны проблемы.

«Разрушение общины в качестве землеустроительной и податной единицы, кроме того, ставило под угрозу и ее функцию как административного органа. Вся система волостного крестьянского самоуправления в этом случае повисала в воздухе, а с ней и вся система губернского и уездного крестьянского управления.

Помимо необходимости заново создавать всю систему административного управления в стране, при этом возникла бы и необходимость реформы налоговой системы, поскольку существенно сузилась бы налогооблагаемая база – население деревни. Вместе с тем, общая неурегулированность земельных отношений, размах и разнообразие форм крестьянской аренды, стихийность поземельных отношений в целом при господстве договорного характера сделок и распространенности внеэкономических полукабальных форм расчетов делала невозможной перспективу превращения нового крестьянства в

надежный объект налогообложения».

(С. Н. Никольский)

Но давайте посмотрим, как «сельское общество» функционировало.

О правовом положении я уже говорил. Земля находилась в коллективной собственности, отчуждению не подлежала. Для того чтобы, допустим, продать общинные земли, требовалось согласие 2/3 общинников. В реальности преодолеть общинное «квалифицированное большинство» в этом вопросе было практически невозможно.

Все внутренние дела решались сельским сходом. Причем как правило, неженатым на мирском сходе голоса не было. Речь тут идет не о голосовании, а о возможности выступить и донести свою позицию. Холостого просто слушать не стали бы. Причем это была традиция, а не требование законодательства. Сельское общество выбирало местное начальство. Главным был староста. Он имел административную власть в деревне не только над членами общины, но и над всеми, кто там проживал. За исключением… Правильно – дворян, лиц духовного звания и так называемых «почетных граждан»[13].

Кроме того, сельский сход выбирал сотских – местных полицейских, которые содержались за счет «мира». Община имела право принимать новых членов в свои ряды – или исключить кого-то. Сход же распределял по хозяйствам размер разных выплат. Кроме того, сельский сход имел право ходатайствовать перед властями о высылке того или другого жителя – например, ведущего антисоциальный образ жизни.

Первоначально со стороны начальства общину контролировал специальный орган – уездное по крестьянским делам присутствие. Однако в 1889 году этот орган был заменен институтом земских начальников. Они имели гораздо больше прав вмешиваться во внутренние дела общины. Это было связано с общей политикой Александра III по укреплению «вертикали власти». Так, земский начальник в числе прочего играл для крестьян ту же роль, что для других сословий – мировой судья. То есть тот, кто разбирал различные некрупные дела. Но не только. Прав у земского начальника было много.

«Закон 1889 г. подчинял все крестьянское самоуправление, введенное в 1861 г., земскому начальнику, каковым мог быть только потомственный дворянин – по назначению министра внутренних дел. Все гражданские права и самая личность крестьянина были отданы на произвол земского начальника. Он утверждал и смещал должностных лиц крестьянской администрации, мог штрафовать и арестовывать без объяснения

причин отдельных крестьян и даже целые сходы, чинить расправу над ними (например, выпороть любое должностное лицо из крестьян – волостного старшину, сельского старосту, членов волостного суда)».

(Н. Троицкий, историк)

Земские начальники оставили о себе очень дурную славу. На эту должность обычно шли те, кого в другие места не брали.

Крестьяне Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губернии писали в ноябре 1905 года:

«Волостное правление служит не нам, а мы принуждены служить ему; когда мы вздумали заявить о нашей нужде нашей земской управе, о том, что кругом нас лишь надувают и обирают, что на обсеменение нам дали почти наполовину семян невсхожих, что нам грозит и на будущий год неурожай, что становые да урядники за подати и штрафы готовы последний кусок у полуголодных ребятишек наших изо рта вырвать, – так что с нами хотят сделать земский начальник с волостным правлением? Он приказал арестовать нашего уполномоченного собирать подати, он обещал засадить в холодную всех, подписавших эту бумагу! Это что значит? Это значит, что у нас, у холодных и голодных, у темных вырывают кусок хлеба и в то же время не дают никакой возможности никому голоса своего подать. Это значит, что нас сознательно толкают в могилу от голодной смерти, а мы слова не моги сказать против этого!»

В наказе во II Госдуму крестьян села Дианова Макарьевского уезда Нижегородской губернии сказано:

«Упразднить такие ненужные учреждения, как земские начальники, производящие суд и расправу яко в крепости и в своих имениях и по своему усмотрению. Уничтожить совсем целые полки полицейских стражников, урядников, жандармов и приставов, и тогда сами собой уменьшатся земские расходы, выдаваемые этим дармоедам, и тогда прекратятся налоги, собираемые с труженика крестьянина»

Причем если с одной стороны земских начальников упрекали в произволе и самодурстве, то с точки зрения МВД претензии к земским начальникам были совсем иные:

«Первая ревизия земских начальников, охватившая 24 уезда, расположенные в трех губерниях, была произведена лишь в 1904 г., т. е. спустя 15 лет после их учреждения, причем она сразу обнаружила множество вопросов, настоятельно требовавших компетентного разрешения. Выяснилось, между прочим, что надзора за деятельностью земских начальников почти вовсе не существовало иначе, как в порядке рассмотрения поступающих от заинтересованных лиц жалоб на их решения и действия.

Происходило это вследствие того, что лица, на которых возложен был законом этот надзор, уездные предводители дворянства, за редкими исключениями не только его не осуществляли, но всемерно его избегали по той простой причине, что подведомственные им земские начальники были одновременно и теми лицами, от которых в значительной степени зависело само избрание уездных предводителей. Выяснилось, кроме того, что главный дефект большинства земских начальников состоял не в том, что они проявляли какой-то ничем не сдерживаемый произвол по отношению к местному населению, а в том, что они были склонны к бездействию. Глубокая провинциальная лень, сдобренная доброй дозой индифферентизма к порученному делу, – вот была отличительная черта многих, если не большинства, земских начальников».

(В. И. Гурко)

В общем, почтения к власти данные господа не прибавляли.

Вообще-то крестьяне даже законодательном уровне были «гражданами второго сорта».

«…На крестьянское население не были распространены общие гражданские законы, и по отношению уголовных для них были сохранены особенности (между прочим, телесные наказания по приговорам крестьян), но все-таки на них были распространены общие судебные и административные организации (мировой суд). После проклятого 1 марта…[14] участие крестьян в земстве ограничено. Мировые судьи были для крестьянского населения заменены земскими начальниками. На крестьянское население, которое, однако, составляет громаднейшую часть населения, установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать только в смысле их развития и поведения, но не желудка… Земские начальники явились и судьями, и администраторами, и опекунами. В сущности, явился режим, напоминающий режим, существовавший до освобождения крестьян от крепостничества, но только тогда хорошие помещики были заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, а наемные земские начальники, большей частью прогоревшие дворяне и чиновники без высшего образования, были больше заинтересованы в своем содержании… Для крестьянства была создана особая юрисдикция, перемешанная с административными и попечительскими функциями – все в виде земского начальника, крепостного помещика особого рода. На крестьянина установился взгляд, что это, с юридической точки зрения, не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но стал крепостным крестьянского управления, находившегося под попечительским оком земского начальника. Вообще его

экономическое положение было плохо, сбережения ничтожны… Государство не может быть сильно, коль скоро главный его оплот – крестьянство – слабо. Мы все кричим о том, что Российская империя составляет 1/5 часть земной суши и что мы имеем около 140 000 000 населения, но что же из этого, когда громаднейшая часть поверхности, составляющей Российскую империю, находится или в совершенно некультурном (диком) виде, или в полукультурном, и громаднейшая часть населения, с экономической точки зрения, представляет не единицы, а полу– и даже четверти единиц».

(С. Ю. Витте)

Будни общины

Пришла пора рассказать о том, как функционировала община.

Никаким законом периодичность переделов земли в общине не устанавливалась, это решали сами крестьяне. Где-то переделы проходили чаще, где-то – реже, местами вообще не проводились. Такой вариант назывался подворным хозяйством. Последнее было распространено в Сибири и на юге. То есть там, где земли было больше.

Распределялись же наделы по количеству работников. Таковым считался любой общинник мужского пола, независимо от возраста.

При этом не стоит думать, что наделы после очередного передела напоминали сегодняшнее садоводство или коттеджный поселок – тут моя земля, а за забором – твоя. Если бы. Дело в том, что земля-то разная. Хорошая и не очень, «удобья» и «неудобья». Так что крестьянские наделы состояли из нескольких разбросанных по всей общинной земле кусочков. Кстати, в подворном хозяйстве было то же самое.

И это не только затрудняло обработку земли, это вынуждало крестьян «шагать в ногу». К примеру, в большинстве крестьянских хозяйств применялась трехпольная система. Треть земли отводилась под посевы озимых, треть – яровых, треть находилась под «паром». То есть земля на этих участках «отдыхала». Как правило, землю под паром использовали в качестве общественного пастбища.

То есть отдельный хозяин не мог применить более прогрессивную технологию – он вынужден был делать то же, что и все. На это и обращали внимание сторонники разрушения общины – на то, что она давит инициативу.

«В результате получалось, что крестьянин не столько работал, сколько мотался между полями. Кроме того, ухудшалась обработка земли. Например, на полоске невозможны были поперечная вспашка и боронование, которые усиливали плодородие полей. Земля на таких участках была просто обречена на дурную обработку. Это и есть чересполосица во всей своей красе.

…

Еще одно проклятье общины – пресловутая “общинность”, то есть необходимость каждому человеку “делать, как все”. Если бы речь шла только о накопленной веками мудрости и сельскохозяйственных приемах – так и слава Богу. Но кроме них

существовали еще и накопленные веками суеверия, местные праздники, сопровождаемые пьянками, иной раз многодневными. И все это приходилось соблюдать, иначе прослывешь “не таким, как все”, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Какие тут передовые приемы, какие эффективные технологии».

(Е. Прудникова)

Как видим, община являлась отнюдь не «патриархальным раем», каковой её считали как революционеры народники, так и консерваторы. Но, тем не менее, это терпели. А почему?

«Общинное право запрещало продавать и даже закладывать землю – это, конечно, стеснение. Почему же крестьяне его поддерживали? Потому что знали, что в их тяжелой жизни чуть ли не каждый попадет в положение, когда отдать землю за долги или пропить ее будет казаться наилучшим выходом. И потерянное не вернешь. Не вполне распоряжаться своим урожаем, а сдавать в общину часть его для создания неприкосновенного запаса на случай недорода – стеснение. Но в каждой крестьянской семье была жива память о голодном годе, когда этот запас спасал жизнь (хотя бы память о страшном голоде 1891 г.). И это тоталитарное общинное правило, гарантирующее выживание, ценилось крестьянами выше глотка свободы. Как говорили сами крестьяне: “Если нарушить общину, нам и милостыню не у кого попросить будет”».

(С. Кара – Мурза)

Как уже говорилось, община сохраняла единство по отношению к окружающему миру. Но это не значит, что внутри была тишь да гладь. Наоборот – страсти там кипели нешуточные. И главным камнем преткновения были именно переделы земли. Разумеется, каждому хотелось получить получше и побольше. Так что конфликты и разные ухищрения были общим явлением.

Делили землю землемеры, которых приглашали из уезда. Угадайте с трех раз – давали ли им взятки?

Варианты несогласия были интересные. Так, филолог и писатель лев Успенский[15], работавший землемером в двадцатых годах, описывает бытовавший в Псковской губернии стародавний обычай – «встать на чеп».

«При размежевании крестьянских и помещичьих земель (ну, скажем, при освобождении крестьян в 60–х годах прошлого века) и велся такой обычай, когда несогласные с действиями землемера крестьяне наступали лаптями на тянущуюся по земле мерную цепь, как бы предупреждая, что еще немного – дело может кончиться бунтом. И землемеры предпочитали прекратить работы до вызова соответствующего “подкрепления”…»

Но это относительно мирный способ. Нередко передел

переходил в перебранку, а та, в свою очередь – в мордобой. Недаром первый драчун на селе считался самым видным женихом. Дело не в любви девушек к удалым добрым молодцам. Тем более девушек при выдаче замуж чаще всего и не спрашивали. Просто было понятно – такой парень свои интересы, а стало быть и интересы семьи – отстоять сумеет.

Но ведь в драке лучше всего участвовать сплоченным коллективом. Так что в деревне стали создаваться, по сути, банды. Разумеется, свою «крутизну» они демонстрировали не только во время переделов, но и в прочее время. На рубеже веков пресса заговорила о росте «деревенского хулиганства». И чем дальше – тем эта тенденция всё более проявлялась.

Имелся и ещё один способ увеличить себе надел – «размножаться с опережением». Чем больше будет в семье мальчиков, тем больше тебе выделят земли. Что привело к стремительному росту населения. Согласно данным исследователя Б. Н. Миронова, за период с 1880 по 1913 год население России увеличилось в 1,9 раза (с 84 до 159 миллионов). Этот прирост с большим отрывом опережает все европейские страны. Причем рост населения очень четко соотносился с частотой переделов земли. В местностях, где делились чаще, – детей было больше. И наоборот.

«В Полтавской губернии, где 85 % крестьянских дворов не подвергаются переделам уже несколько десятилетий подряд, число рождений в 1913 г. по сравнению с числом рождений в 1882 г. дает увеличение всего на 3 %… В соседней Харьковской губернии, где, наоборот, 95 % дворов объединены в общины, число рождений за тот же период увеличилось на 52 %. В смежных Ковенской и Смоленской губерниях число рождений возросло на 3 % в первой и на 40 % во второй. В Ковенской губернии 100 % крестьян владеют землей подворно, а в Смоленской – 96 % общинно. В Прибалтийском крае, не знавшем общинных порядков и придерживающемся системы единонаследия крестьянских дворов, прирост рождений за 30–летний период составляет едва 1 % первоначальной цифры».

(Л. Лигошенко)

Принято считать, что увеличение рождаемости – признак процветания общества. Вообще-то это не совсем так. Практика показывает, что в благополучных странах рождаемость, наоборот, падает. Например, в современной Швеции. Но дело не в этом. Количество земли оставалось прежним! Вводить какие-то новые и прогрессивные технологии в условиях жуткой чересполосицы было очень непросто. Да и не на что было проводить какие-либо улучшения. Но об этом дальше.

Кстати, сегодня очень модно приводить данные Дмитрия Ивановича Менделеева о том, что к концу тридцатых годов население России должно было составить 500 миллионов жителей. В том, что столько не составило, винят, понятное дело, большевиков. Так вот Дмитрий Иванович, конечно, являлся гениальным химиком, но в других областях человеческого знания он разбирался куда хуже.

Можно для иллюстрации привести другой его прогноз, который стал просто классикой попадания пальцем в небо. Менделеев полагал, что к тому же концу тридцатых годов XX века главной проблемой городов станет… Ни за что не догадаетесь. Уборка и вывоз конского навоза! А как же! Ученый посчитал темпы роста количества лошадей в городах – и схватился за голову[16]. Ему в голову не пришло, что гужевой транспорт может быть вытеснен другим.

Вот и в случае с населением Дмитрий Иванович поступил точно так же. Он просто экстраполировал имевшиеся у него данные. Менделеев как-то не подумал о причинах – и о том, что при изменении условий ситуация тут же изменится. К примеру, казаки, у которых земли хватало, имели в семьях по два-три ребенка, а не по 8–10, как крестьяне. Да и рост промышленности, а следовательно, городского населения неизбежно ведет к падению рождаемости.

А в России возникал вопрос – а что делать, когда количество общинников увеличится настолько, что им просто будет «не поместиться» на своих наделах?

Будущие апологеты столыпинской реформы всё это прекрасно понимали. Как и то, что большинство крестьян для государства были… совершенно бесполезными.

Голодный «мир»

«– Сколько у крестьянина земельки? Десятин пять-шесть, хорошо – восемь-десять. Из них под пастбище – десятины две, самое малое, отдай. Сколько остается? Ну, пусть восемь десятин. Засадил ее мужичок рожью. Собрал с каждой десятины сорок пудов, хе-хе. На хуторах-то поболе собирают, ну так там и люди работают… Собрал, значит, сорок пудов с десятины. Сколько это всего получится, доченька?

– Триста двадцать, – подсчитала Аня.

…

– Триста двадцать пудов. Из них – сто двадцать на посев отложи, а то на следующий год и того не будет. Уже осталось двести десять. Из них вычти по двадцать пудов на душу на прожитье, самое малое двадцать, если не хочешь лебеду есть. Если в семье душ пять – еще сто пудов в сторону. Сколько осталось? Сто десять. Повез он весь урожай продавать, а пшеничка, хе-хе, по рублю за пуд ушла. Сто десять рублей. Из них налогов рублей десять. Сколько осталось? Сто рублей. На весь год. А мужичку одежку купить надо? Надо. Мясо, молоко, сахар, табак, железо, соль, спички надо? Надо. Если кто родился или, не дай бог, помер, батюшке отдать за требы надо? Сколько там остается? Слезки.

– А зачем мясо покупать? – удивилась Юля.

– Как зачем? А где ему мясо взять? Если свинья есть, так ее раз в год на Рождество колют. Откуда мяса на весь год? Вот и покупают, хе-хе, мужички…

– Так… – запнулась Юля, – куры же есть, утки там. На охоту ходить можно.

– Куры, хе-хе… Куры, госпожа, тоже жрать, прошу прощения на грубом слове, хотят. А кто ж на них зерно будет тратить, если самому не хватает? Бегает пара-тройка курей, яйца несут, вот и весь сказ. И на охоту ходить некогда, да и некуда. Леса – то, хе-хе, свели».

(К Костин, «Джип, ноутбук, прошлое»)

Для начала приведу несколько фактов.

Генерал В. Гурко[17], впоследствии – начальник штаба Верховного главнокомандующего в 1917 году, привел данные с 1874 года (то есть с введения всеобщей воинской повинности) по 1901 год. Он сообщил, что 40 % крестьянских парней **впервые в жизни** пробуют мясо в армии.

Еще один факт. По сведениям уже упоминавшегося Б. Н. Миронова, средняя продолжительность жизни мужчин и женщин

составляла в России в 1880–е годы соответственно 29 и 31 год, в 1900–е – 32,4 и 34,5 года. Причина – в ошеломляющем уровне смертности среди крестьянских детей. В России смертность в возрастной группе 0–4 года была 214,4 детей на тысячу населения.

Из доклада ежегодной сессии Министерства здравоохраниения России:

«Из 6–7 млн рождаемых детей 43 % не доживают до **5** лет. 31 % в той или иной форме обнаруживают различные признаки пищевой недостаточности: рахита, цинги, пеллагры и проч.».

На всякий случай поясняю: все три названные болезни – следствие плохого питания. Замечательна реакция «хозяина земли русской».

На листе отчета Минздрава за 1912 год напротив слов: «До 10 % крестьянских детей являют признаки умственной недостаточности» – рукой царя написано: «Не важно».

Доктор Эмиль Джозеф Диллон жил в России с 1877 по 1914 год. Он описывает материальную нищету, в которой пребывало большинство крестьян:

«Русский крестьянин… ложится спать в шесть, даже в пять часов зимой, потому что он не может себе позволить купить керосин для освещения. Не может позволить себе и мяса, яиц, масла, молока, зачастую и капусты и живет на черном хлебе и картошке».

И, наконец. В Рязанской губернии любимым лакомством детей был пирог. Что тут необычного? А то, что это слово имело несколько иное значение. Пирогом назывался хлеб из просеянной муки. То есть нормальный. Обычно же муку не просто не просеивали, но и добавляли лебеду.

Замечательно жили крестьяне?

Но давайте разбираться. Итак, рост населения способствовал сокращению размера наделов. В 1877 году менее 8 десятин на двор имели 28,6 % крестьянских хозяйств, а в 1905 году – уже 50 %. Количество лошадей на один крестьянский двор сократилось с 1,75 в 1882 году до 1,5 в 1900–1905 годы.

Со скотом дело было вообще плохо. Крестьяне, стремясь увеличить запашку, распахивали всё что можно – в том числе и общественные пастбища. А значит – негде было пасти скот. Меньше скота – меньше единственного тогдашнего удобрения – навоза. Меньше навоза – ниже урожаи. Замкнутый круг.

«Малосеющая группа проявляет гигантскую силу роста и почти 3/4 своих хозяйств перебрасывает за 30 лет в более высокие посевные группы, с другой стороны, обе многосеющие в 1882 г. группы дают ярко выраженную картину ослабления и

распада».

(А. В. Чаянов)

«Более того, это положение в конце XIX века стало быстро ухудшаться, так как из-за роста населения приходилось распахивать пастбища. Оптимальным для трехполья считается соотношение пастбища и пашни 1: 2, а в Центральной России оно уже в середине XIX века снизилось до 1: 5 или менее того. За полвека количество крупного рогатого скота на душу населения и единицу площади сократилось в 2,5–3 раза и опустилось до уровня в 3–4 раза ниже, чем в странах Западной Европы».

(С. Кара – Мурза)

«В первые пореформенные десятилетия обнаружилась и еще одна негативная черта российской земельной проблемы – крестьянское малоземелье, угрожающее с годами превратиться в мощный тормоз аграрного развития страны. Растущая земельная нужда толкала крестьян к расширению доли пашни в общем земельном наделе. Так, уже к 1900 году при общем увеличении крестьянского землевладения примерно на 9 % размер пашни увеличился на 24,3 %. Это увеличение происходило за счет сокращения лугов и пастбищ, что подрывало животноводство. В условиях, когда единственной товарной отраслью сельского хозяйства являлось производство зерновых, господствующей становилась тенденция превращения хлеба в монокультуру, что при регрессе других отраслей вело к общей деградации отечественного сельского хозяйства. С другой стороны, сокращение животноводства – практически единственного источника удобрений – негативно сказывалось на качественном составе земель».

(С. Н. Никольский)

«Прикинем теперь, сколько хлеба получал крестьянин со своей земли. Возьмем семью из четырех человек: крестьянин, его жена, сын и дочь. Скота у них – лошадь и корова. Надел на две души – около 3 десятин. Одна десятина под паром. Согласно разным, но сходящимся между собой данным, урожайность в хороший год – около 50 пудов с десятины, или сам-четверт. Соответственно, собрали они сто пудов, из которых 24 пойдут на семена. Остается 76 пудов. Согласно “физиологическому минимуму потребления” образца 1906 года (каковой был зарегистрирован в тот год в 235 российских уездах), человеку в год требуется 12 пудов зерна и пуд крупы (которой пренебрежем) – от урожая остается 28 пудов, 18 – на лошадь (остается 10), 9 – на корову (остается пуд), на… впрочем, ни козу, ни поросенка уже не прокормить, разве что курам хватит. А ведь 50 пудов с десятины – урожай сильного середняцкого хозяйства,

эти же почти бедняки, стало быть, еще десяток пудов с десятины долой. Зависимость тут простая: чем беднее хозяйство, тем хуже лошадь (а соответственно, и обработка земли), тем меньше скота (а значит, и навоза). А если неурожай?»

(Е. Прудникова)

Я мог бы накидать очень много разнообразных цифр, однако вся эта статистика, как показывает опыт, особого впечатления на читателя не производит. Ведь если мы сталкивались с сельским хозяйством – то уже с тем, где использовались сельскохозяйственные машины, удобрения и всё такое прочее. Представить, как крестьянин ковырялся на своем наделе с помощью лошадки с сохой, нам сложно. Именно с сохой, а не с плугом. Крестьянское хозяйство, за редким исключением, по уровню развития соответствовало XIV веку.

Тем более что все эти распределения по уровню зажиточности, исходя из количества земли или скота – это «городские» умствования. В деревне же мыслили куда проще и понятнее. Крестьян можно было разделить на четыре категории.

1. Кто не мог дожить на собственном зерне до следующего урожая.

2. Кому удавалось до нового урожая дотянуть.

3. У кого оставались кое-какие излишки, которые можно пустить на продажу.

4. Кто имел этих излишков много, то есть имел средства не только на нормальную жизнь, но и на развитие хозяйства.

Первые две категории составляли примерно 75 % крестьян.

Неудивительно, что в Российской империи было широко распространено такое явление, как «хождение по кусочкам», оно же хождение по миру. Суть его в том, что, когда у крестьян заканчивалось продовольствие, они шли побираться. Эти люди ни в коем случае не относились к профессиональным нищим. Которые, как, впрочем, и теперь, представляли отдельную касту и попрошайничать предпочитали у обеспеченной категории населения, располагаясь на церковных папертях в городах и в прочих «хлебных» местах. Кроме того, профессионалы выставляли напоказ свои отрепья, язвы и всё такое прочее.

Те, кто шел за кусочками, одевались опрятно и, что самое главное – просили помощи у таких же крестьян. Такие люди шли с сумкой через плечо по деревням, заходили в дома и просили хлеба. Обычно, если у хозяев хлеб имелся, им отрезали маленький кусочек, грамм 20–30. «Кусочники» клали их в сумку и шли дальше. Причем обычно давали даже те, кто сам через некоторое время надевал суму… Так было принято. Ты дал, дадут и тебе.

Противоположную категорию крестьян составляли кулаки. О них в годы перестройки нагорожена бездна вранья. Их выдавали за «справных хозяев», которые трудились не покладая рук, в то время когда другие бездельничали. А потому, дескать, большевики их ненавидели. Некие авторы, обладающие особо буйной фантазией, даже придумали этимологию слова. Дескать, человек так вкалывал, что после рабочего дня ему было не разогнуть кисти рук…

Да только вот истине это не соответствует ни в коей мере. Обратимся к словарю Даля, который уж точно не являлся советским пропагандистом.

«Кулак – **перекупщик, переторговщик, маклак**, прасол, сводчик, особ, в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, **живет обманом, обчетом, обмером;** маяк орл. орел, тархан тамб. варяг моек, торгаш с малыми деньжонками, ездит по деревням, скупая холст, пряжу, лен, пеньку, мерлушку, щетину, масло и пр. прасол, прах, **денежный барышник**, гуртовщик, скупщик и отгонщик скота; разносчик, коробейник, щепетильник, см. офеня. Кулак без Бога проколотится, а без божбы не проживет».(Выделено мной. – *А. Щ.*)

И где тут «крепкий хозяин»? Мы видим совсем иную фигуру. Недаром синонимом этого термина было «мироед». А в Белоруссии и на Псковщине кулаков называли… «жлобами». Именно оттуда пошло это слово, имеющее и сейчас примерно тот же смысл.

Итак, основной статьей дохода кулака являлась скупка зерна у односельчан. Крестьянин должен был платить налоги. Их брали деньгами. Так что после сбора урожая часть зерна приходилось продавать. Ехать в город – долго и муторно. К тому же городским крестьяне не доверяли. И правильно, что не доверяли. Различных мазуриков на рынках имелось тогда не меньше, нежели теперь. А кулак – он всё – таки вроде как свой. Хитрость кулаков, помимо обычной торговой «накрутки», заключалась в следующем. Цены на зерно имели ощутимые сезонные колебания. Осенью, после сбора урожая, они были самыми низкими. В конце весны – начале лета – самыми высокими. А налоги-то полагалось платить осенью. Суть понятна. Тот, кто имел запас зерна, мог его продать с куда более ощутимой выгодой.

Сами кулаки в поле уже не работали, они если и вели хозяйство – то с помощью батраков.

Одновременно кулаки занимались и ростовщичеством. А покажите мне народ, в котором любили ростовщиков. Однако крестьяне были вынуждены обращаться к кулакам – а потому оказывались у них в зависимости. Так что кулаков ненавидели, но

вынуждены были с ними считаться. Именно отсюда пошла поговорка: «Придет весна – попросишь хлебушка». При этом ростовщичество на селе было трудно регистрируемым явлением.

«Из всего “Счастливого Уголка” только в деревне Б. есть настоящий кулак. Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Этот не скажет, что ему совестно, когда он, ложась спать, не чувствует боли в руках и ногах, этот, напротив, говорит: “работа дураков любит”, “работает дурак, а умный, заложив руки в карманы, похаживает да мозгами ворочает”. Этот кичится своим толстым брюхом, кичится тем, что сам мало работает: “у меня должники все скосят, сожнут и в амбар положат”. Этот кулак землей занимается так себе, между прочим, не расширяет хозяйства, не увеличивает количества скота, лошадей, не распахивает земель. У этого все заждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир – деньги, о приумножении которых он только и думает. Капитал ему достался по наследству, добыт неизвестно какими, но какими-то нечистыми средствами, давно, еще при крепостном праве, лежал под спудом и выказался только после “Положения”. Он пускает этот капитал в рост, и это называется “ворочать мозгами”. Ясно, что для развития его деятельности важно, чтобы крестьяне были бедны, нуждались, должны были обращаться к нему за ссудами. Ему выгодно, чтобы крестьяне не занимались землей, чтобы он пановал со своими деньгами».

(А. Н. Энгельгарт)

«Деньги в рост на селе практически не давали. Там была принята система натурального ростовщичества – богатый крестьянин “по-соседски” давал бедному лошадь, а бедный его “благодарил” или “помогал” – и кто что докажет? Тем более при российской деревенской нищете все время кто-то что-то у кого-то занимает или арендует. Доказать-то нельзя, это так – но в любой деревне все жители отлично знали, кто просто может дать в долг (даже и под процент, коли придется), а кто сделал это промыслом, на котором богатеет.

…

Весной, когда в бедных хозяйствах не остается хлеба, наступает время ростовщика. За мешок зерна на пропитание голодающего семейства бедняк в августе отдаст два мешка. За семенной хлеб – половину урожая. Лошадь на день – несколько дней (до недели) отработки. Весной за долги или за пару мешков зерна кулак берет у безлошадного соседа его надел, другие соседи за долги это поле обрабатывают, а урожай целиком отходит “доброму хозяину”. За экономической властью над

соседями следует и “политическая” власть: на сельском сходе кулак автоматически может рассчитывать на поддержку всех своих должников, проходит в сельский совет сам или проводит туда своих людей и так делается подлинным хозяином села, на которого теперь уже никакой управы нет».

(Е. Прудникова)

Именно кулаки являлись теми, на кого ориентировались авторы столыпинской реформы.

Всё описанное – это **нормальная** обстановка в деревне. А ведь случался ещё и голод. Стоит привести очень известную цитату. Её достоинство в том, что она взята из энциклопедии Брокгауза и Эфрона – то есть из самого авторитетного дореволюционного справочника. Обвинять данное издание в предвзятости пока ни у кого наглости не хватало.

«Голод в России… Вплоть до середины XIX в. наименее обеспеченными хлебом и наиболее страдавшими от голодовок являются губернии белорусские и литовские… Но уже с середины XIX века центр голодовок как бы перемещается к востоку, захватывая сначала черноземный район, а затем и Поволжье. В 1872 г. разразился первый самарский голод, поразивший именно ту губернию, которая до того времени считалась богатейшей житницей России. И после голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XIX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 98 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)…»

А что происходило во время голода? Крестьяне вымирали. Просто и без затей. А вот кулаки получали сверхприбыли, накручивая цены. Капитализм, понимаете ли. Свобода предпринимательства.

* * *

Стоит иметь в виду и следующие обстоятельства. Государству нищета крестьян была **выгодна**. Я уже упоминал, что зерно являлось главной статьей российского экспорта, и, соответственно – очень важной статьей дохода. Как сейчас нефть. Но к концу XIX века на международном хлеботорговом рынке у Российской империи появились очень серьезные конкуренты. Прежде всего – это Северо – Американские Соединенные Штаты (САСШ) и Канада. Условия для сельского хозяйства там были куда как лучше. А значит – они могли себе позволить торговать по меньшим ценам. Единственный же вариант выжить в конкурентной борьбе – снижать себестоимость. А в России это было возможно лишь за счет заработков производителей. То есть крестьян.

Далее. Стратегической задачей страны являлось развитие промышленности.

«Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной периферийного капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы “внутренней колонией” – периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удержать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, “самообеспечиваясь” при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той “природой”, силы которой ничего не стоят для капиталиста».

(С. Кара – Мурза)

«Оставалось лишь одно – обеспечить русской обрабатывающей и добывающей промышленности настолько дешевые рабочие руки, чтобы, несмотря на то, что это будут первоначально руки неумелые, все же на единицу произведенного продукта цена работы была бы меньше, нежели она обходится Западной Европе. Но обеспечить дешевые рабочие руки возможно было только удержанием цены на жизненные припасы, прежде всего на хлеб, на низком уровне».

(В. И. Гурко)

Мало того. По большому счету, крестьяне в таком количестве были государству **не нужны**. В чем для государства выгода роста населения? Чем больше людей – тем больше работников, которые что-то производят. Второе – оборонный вопрос. Больше мужчин – больше армия. До распространения пулеметов, танков, авиации и прочей военной техники важнейшей характеристикой силы армии являлась именно её численность. Да, впрочем, потом тоже.

Итак. 75 % крестьян работали, по сути, исключительно на себя. Никакого рыночного товара они не производили. Конечно,

они платили налоги. Но налоги платила община. Так, если половина деревни вымирала – властям до этого не было дела.

В качестве потенциальных рабочих крестьяне тоже не слишком требовались. Не было в России такого количества заводов и фабрик.

С армией дело тоже обстояло не так-то просто. Как известно, солдата надо накормить, обмундировать, вооружить и обучить. Для армии нужны профессионалы-офицеры, которые получают зарплату. На всё на это требуются деньги. А вот с деньгами…

Как известно, в 1874 году была введена всеобщая воинская повинность. То есть призыву подлежали все. Правда, в 1889 году дворян от неё освободили[18]. Так вот, открою страшную тайну: на самом деле обязательной воинской службы в Российской империи не было! Реально в армию брали примерно 1/3 призывников. В этом легко убедиться, вспомнив, к примеру, биографии деятелей культуры начала XX века. Многие ли из них служили в армии до начала Мировой войны? С крестьянами было то же самое. Когда начинался призыв, кому идти служить – решала община.

Причина проста – армию большей численности Российская империя просто-напросто не могла прокормить.

Кого-то может возмутить такое мнение – что элита Российской империи, мягко говоря, не являлись гуманистами. Но – а как иначе отнестись к резолюциям Николая II, который на докладах о катастрофическом положении народного здравоохранения делает пометку «не важно»? Не волновало это «батюшку-царя»!

То есть значительное количество крестьян с точки зрения государства были лишними людьми, от которых одна головная боль. Это очень хорошо заметно по действиям властей в периоды массового голода. Эффективность их работы была отвратительной. При этом власти всячески тормозили частные инициативы по помощи голодающим. Конечно, во многом в этом виновата бездарная работа бюрократической машины, воровство и желание нажиться на чужой беде.

«На местах существовали так называемые “хлебные магазины”, в которых, по закону, должен был находиться резерв зерна на случай неурожая. Естественно, как оно обыкновенно и бывало в Российской империи, наличный запас колебался от 15 до 25 % требуемого. Правительство предоставило земствам средства на покупку хлеба, но тут же подсуетились хлебные торговцы, мгновенно взвинтившие цены (про откаты сведений нет – однако не быть их, сами понимаете, не могло). На все это наложился еще и фантастический бардак в торговле, когда зерно

везли на большие расстояния, тогда как иной раз хлеб имелся в этой же губернии и вывозился за ее пределы, и столь же фантастический бардак на железных дорогах. Несмотря на введенный осенью 1891 года запрет на экспорт хлеба, внутренние цены на него продолжали расти – торговцы придерживали зерно, выжидая максимальных цен. Росли они вплоть до весны 1892 года, а потом, в тот момент, когда по идее должны были бы достигнуть максимума, резко пошли вниз. Причиной снижения цен обычно бывает один из двух факторов: либо падение спроса, либо рост предложения. Какой из этих двух вариантов должен был реализоваться к весне 1892 года? Закончится спрос, естественно, поскольку он определяется отнюдь не потребностями населения, а наличием денег. Кроме того, обнаружилось, что хлеб есть, даже в самих голодающих губерниях – его, как уже говорилось, придерживали, выжидая еще большего подорожания. Теперь его не брали уже и по сниженным ценам, потому что – поздно! Государственные средства закончились, а свои умирающее с голоду население давно уже истратило. Так что просчитавшиеся хлебные торговцы понесли убытки. Кого это радует – может радоваться…»

(Е. Прудникова)

Это всё так. Но очень похоже, что никто особо и не стремился всерьез помогать крестьянам. Так голод 1891 года, при котором умерло около миллиона человек, Александр III повелел именовать «недородом». Ну, а недород в России – дело житейское. Так что никаких чрезвычайных мер предпринимать и не пробовали. Хотя такие меры были возможны – хлеб-то имелся. Но зачем, если сверху приказали считать: никакого голода нет.

Николай II, по многочисленным свидетельствам, вообще **не верил**, что в России бывает голод! А почему не верил? Потому что не докладывали. К чему загружать его величество какой-то мелочью. Уже знакомый нам Гурко в своих воспоминаниях подробнейшим образом разбирает аграрный вопрос. Как и для Столыпина, аграрная реформа являлась главным делом его жизни. О голоде Гурко не упоминает **вообще**. Потому что он «государственно мыслил». А для государства голодающие крестьяне не представляли никакого интереса. Наоборот – в какой-то мере снижалась острота земельного вопроса.

«Последующий рост налогов (шестикратный к концу века) при абсолютном господстве патриархальных методов ведения хозяйства и отсутствии каких-либо возможностей к интенсификации производства, сделал для подавляющего большинства русского крестьянства тяжесть налогового бремени совершенно непосильной. В результате это привело к непрерывно

выдвигаемому крестьянами требованию расширять их земельные угодья за счет дополнительного наделения помещичьей землей».

(С. Н. Никольский)

Это был тупик. Но всерьез данный факт осознавали немногие. Для того, чтобы до представителей элиты это по-настоящему дошло, потребовался 1905 год…

В лабиринтах власти

Столыпинская реформа проводилась государством. Так что имеет смысл поглядеть – что же представляла из себя российская элита в начале XX века. Без этого многие особенности проведения этой реформы в жизнь останутся непонятными.

«Самодержавие в руках Николая II, как единоличное и самостоятельное разрешение основных государственных вопросов, перестало существовать. Его фактически заменила олигархия правительственного синклита, состоящего из сменяющихся, никакими общими политическими взглядами не сплоченных, а посему между собою постоянно борющихся глав отдельных отраслей правления».

(В. И. Гурко)

Начнем с самого верха. Россия являлась абсолютной монархией. Казалось бы, император может делать всё, что ему заблагорассудится. Однако на самом-то деле власть монарха очень сильно ограничена.

Обер-прокурор Первого департамента Сената А. А. Половцов в 1874 году сказал: «Самодержавное правление самодержавно только по имени; ограниченность средств одного человека делает для него всемогущество невозможным; государь зависим от других, от лиц его окружающих, от господствующих мнений, от других правительств, от сложившихся в человечестве сил, то прямо, то косвенно выказывающих свое влияние».

Как это не странно звучит, главным ограничением является как раз… абсолютная власть монарха. На государя непосредственно завязано множество разных вопросов. Так, в Российской империи до 1905 года министры не были объединены в кабинет – все главы ведомств были замкнуты непосредственно на императора. А ведь контролировать лично чуть ли не всё – очень трудно.

Точнее, можно, если у власти стоит выдающийся человек. Но и то. Можно привести два примера. Крутые перемены Петра I проводились очень непродуманно и хаотично. В результате было наломано столько дров, что издержки реформ конкурируют с их положительным значением. Недаром к Петру историки относятся очень неоднозначно. Николай I попытался создать четкую бюрократическую систему для исполнения своей воли. Многое удалось, но в итоге система подменила собой императора. Именно Николай Павлович сказал в конце жизни: «в России управляют столоначальники». А ведь эта бюрократическая гидра так и осталась до 1917 года. Тем более что Николай II гением не

являлся в любом случае…

Но это не всё. «Легитимная» (наследственная) монархия во многом опирается на традиции, существующие среди элиты.

Некоторые явления легче понимать «на контрасте». Приведем пример императора, который не имел никаких законных прав на престол. Я имею в виду Наполеона Бонапарта. Как известно, он пришел к власти с помощью военного переворота. С начала Великой французской революции, с 1789 года, это был четвертый переворот. Причем после предыдущих прежнюю элиту разгоняли, а порой и уничтожали физически. Так что Наполеон пришел, по сути, на пустое место, расчищенное революционными потрясениями. И мог делать если и не что угодно, то очень многое. В итоге он создал чрезвычайно эффективно работающую государственную систему. Даже после его падения вернувшиеся к власти роялисты не посмели в ней практически ничего изменить. Во многом она сохранилась и до сегодняшнего дня – несмотря на то, что во Франции всяких великих потрясений хватало.

А вот в Российской империи жили по традициям. А если точнее – по «понятиям». И представители властной элиты были готовы отстаивать их до конца.

«Не только придворные, но и большинство членов Императорской фамилии не довольствовались своим общественным положением. Властолюбие и честолюбие были развиты в их среде в степени чрезвычайной, и захватить влияние на Царя, проникнуть к широкой власти многие из них стремились безудержно. Это вело к бесконечным интригам и соревнованию между ними, переходившему порой в зависть и взаимную вражду. Каждый, преследуя свою цель, при этом передавал Царю и Царице в соответствующем освещении не только события, совершавшиеся в стране, но также поступки и намерения своего противника».

(В. И. Гурко)

Идти против элиты было непросто. Так, в Российской империи существовало, по сути, два двора. Императорский – и находившийся в Аничковом дворце двор вдовы Александра III императрицы Марии Федоровны. Это была сильная и умная женщина, носившая прозвище Гневная. К Николаю как к государственному деятелю она относилась без особого восторга. А если точнее – в грош его не ставила. Вдобавок она терпеть не могла «действующую» императрицу Александру Федоровну. Та отвечала взаимностью. Николай искренне любил и жену и мать – а они находились в состоянии перманентной конфронтации. Для любого мужчины такое положение неприятно, а уж для главы государства… И причины вражды были не столько житейские, сколько политические. Мария Федоровна была убеждена, что

Николай губит Россию, а его жена этому всячески способствует. Кстати, как мы увидим дальше, именно вдовствующая императрица проталкивала Столыпина. Вообще-то существование «параллельного двора» весьма опасно. Так, при Александре I также существовало два двора. Альтернативный возглавляла вдова Павла I. Ее также звали Марией Федоровной[19], она также являлась очень энергичной женщиной. И… находилась в оппозиции к сыну. Итогом стала попытка государственного переворота после смерти императора – и напрямую связанное с этой попыткой восстание декабристов[20].

Но это так, мелочи. В России существовало чрезвычайно разросшееся образование под названием «семья Романовых».

Согласно закона 1797 года, титулы великого князя, великой княжны и императорских высочеств назначались всем сыновьям, дочерям, внукам, правнукам и праправнукам императора. В результате эта среда разрослась до совершенно неприличных размеров. Сегодня, читая в литературе «великий князь», порой приходится предпринимать небольшое исследование, чтобы понять – а кто он, собственно, такой…

Одной из милых традиций империи было ставить великих князей на высокие должности. И ладно бы, что большинство из них, мягко говоря, были не особенно профессионально пригодны. Ладно бы и то, что пользовались своим фактически неподсудным положением – путали государственный карман с личным, а ещё больше – кормили разных втершихся в их доверие мошенников. Но у них и амбиций было выше крыши. К примеру, дядя Николая II великий князь Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, фактически превратил Москву в собственное удельное княжество, в котором никто не был ему указом.

И ведь вся эта публика знала, что делать, все они, пользуясь родственными правами, лезли к Николаю, пробивая свои интересы.

В итоге, если Александр III более-менее держал ситуацию под контролем, то после его смерти стало твориться черт-те что. Фактически каждое министерство проводило собственную политику, нимало не считаясь с другими. О какой-либо политической линии при Николае II говорить не приходится. Да что там говорить. Есть очень серьезные основания полагать, что чиновники разбирались друг с другом, направляя в нужную сторону террористов.

Но ещё хуже иное. Император не имел достоверной информации о том, что происходило в стране. Потому что ему докладывали министры то, что считали нужным. Причем чаще

всего это была сладенькая ложь. В результате Николай II до самого момента своего отречения пребывал в плену иллюзий. Впрочем, возможно, он просто и не хотел ничего знать – а приближенные следовали его желаниям. Но факт есть факт. Все реакции последнего императора на происходившие события демонстрируют фантастическое непонимание происходящего. Есть, правда, и иное, романтическо-мистическое объяснение. Дескать, Николай всё понимал – как и то, что ничего изменить нельзя – и стоически ожидал своей участи. Но только в итоге он и свою семью утащил на тот свет. «Святой», блин.

У представителей высшего чиновничества был ещё один большой недостаток. Политика Александра III была направлена на то, чтобы «подморозить» Россию. Может, это было и правильно. Но бесконечно в таком состоянии страна пребывать не могла. А люди привыкли делать то, что они делали…

И что-то изменить в этой ситуации было очень трудно.

В такой ситуации для лидера государства, если он хочет гнуть свою линию, необходима собственная команда. Она была у Петра I. Она имелась у Александра II, который худо-бедно, но протолкнул реформы, невзирая на бешеное сопротивление элиты. У последнего российского императора команды не было. Никогда.

«Одна из типичных черт Николая II – полнейшее странное равнодушие к самым личностям своих главных сотрудников. Некоторых из них он со временем не возлюбил, так было с Витте, а затем со Столыпиным, причем произошло это главным образом вследствие того чувства их умственного и волевого превосходства над ним, которое он испытывал, но любить, испытывать чувство душевной привязанности к окружающим его лицам он не был способен и расставался с ними без всякого сожаления. Так это было не только с министрами, с преобладающим большинством которых он имел лишь строго официальные отношения и вне докладов совсем не видел, но и с лицами его ближайшего окружения, введенных по роду их служебных обязанностей в интимную жизнь царской семьи. С получением нового назначения, удаляющего их от непосредственной близости к царской семье, они сразу исключались из интимности и о самом их существовании как бы забывалось.

Ярким примером такого отношения может служить В. И. Мамонтов, бывший в бытность управляющим канцелярией Министерства двора, чрезвычайно близким к царю и даже царице и с назначением товарищем главноуправляющего Канцелярию по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, оказавшийся сразу отрезанным от всей царской семьи, ни разу не

удостоившимся приглашения к царскому столу и даже на царские охоты, постоянным участником которых он до тех пор был.

Равнодушие к людям, отсутствие отзывчивости к событиям даже исключительной важности, какая-то индифферентность к добру и злу и к их проявлениям были, несомненно, одним из отличительных свойств характера этого несчастного во всех отношениях монарха. Ничто его не возмущало, не вызывало порыва его гнева, ничто его не восхищало, не порождало в нем желания отметить обнаруженную доблесть или иное высокое человеческое свойство и соответственно возвеличить их носителя».

(В. И. Гурко)

При таком отношении к людям команды не соберешь. А без команды – ничего толкового выйти не может. Политика – дело коллективное. Вон Павел I попытался навести порядок в одиночку. Чем это кончилось – известно.

В результате у власти оказывались люди, которые преследовали прежде всего собственные интересы. В данном случае речь не идет о примитивном карьеризме, то есть о стремлении забраться повыше любыми способами. Хотя, конечно же, и он был широко распространен. Но особенность бюрократического мышления ведет к тому, что каждый чиновник высокого ранга считает именно своё ведомство и его интересы самыми важными. И пробивает, соответственно, их. Одним из следствий подобного хаоса было то, что руководители министерств стремились подгрести под себя всё, что только можно.

«Бессилие отдельных министров в деле разрешения всех вопросов, сколько-нибудь соприкасавшихся с кругом дел, подведомственных другому министерству, породило у нас в последнее царствование довольно любопытное явление, а именно стремление министров, имевших в данную минуту наибольшее влияние, включить в свое министерство все дела, сколько-нибудь соприкасавшиеся с вопросом, непосредственно подлежащим его ведению. Так, Витте настолько расширил круг дел, подлежащих ведению Министерства финансов, что фактически свел почти к нулю роль министерств путей сообщения и земледелия».

(В. И. Гурко)

Так, к примеру, пограничная стража подчинялась Министерству финансов. Но особо развернулся Витте в Маньчжурии.

«Витте выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, имеющее все атрибуты самостоятельного государства, как то: собственное войско, именовавшееся Заамурской пограничной

стражей и прозванное обывателями по имени жены Витте Матильдиной гвардией, собственный флот, а главное, собственные финансы, так как благодаря прикрепленной ко всем этим предприятиям маске частного дела государственными средствами, на которые они действуют, Витте распоряжается без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм».

(В. И. Гурко)

Но о Витте подробнее рассказ будет ниже.

Однако кроме ведомственных разборок, в верхах Российской империи шла борьба разных течений.

Такие разные консерваторы

В любой властной структуре существуют течения, которые условно можно разделить на «консерваторов» и «прогрессистов». Одни хотят перемен, другие – не очень. Для темы этой книги нам более интересны вторые. Но и о первых стоит рассказать.

Вообще-то консерватизм – явление сложное. Одни не желают ничего менять, потому что им и так хорошо живется, другие подозревают, что перемены ни к чему хорошему не приведут. В России хватало всяких консерваторов.

Высшим государственным органом в начале царствования Николая II являлся Государственный совет. Он вполне соответствовал своему названию. То есть он мог только советовать.

Государственный совет не имел права законодательной инициативы. Он обсуждал те дела, которые ему предлагал император, выносил своё мнение. Окончательное решение оставалось за государем. Хотя реально Николай далеко не всегда вникал в то, что там решили. В конце концов, им виднее.

Эта структура была интересным учреждением. На практике одной из её функций было то, что она играла роль своего рода «отстойника» для разного рода государственных деятелей, которых просто отправить на пенсию неудобно, но использовать на реальной работе не стоит.

«Членами его назначались отставленные министры, генерал-губернаторы, послы, т. е. люди весьма пожилые и в большинстве для работы уже мало пригодные. Собственно для работы в Совете назначались в некотором количестве сенаторы, из наиболее выдающихся, однако и они не отличались молодостью, а со временем, так как звание члена Совета было пожизненным, переходили в разряд членов Общего собрания, т. е. увеличивали почти бесполезный балласт этого учреждения.

…

Конечно, среди членов Совета были и реакционеры, но таких было меньшинство. Значительно больше было индифферентов, применявших свои мнения к настроению верхов и больше всего опасавшихся оказаться не с тем мнением, с которым согласится верховная власть».

(В. И. Гурко)

А верховная власть это самое мнение само далеко не всегда имела…

Так что это учреждение являлось типичным болотом. В котором любая попытка реформы пресекалась хотя бы потому,

что никому не нравилось нарушение спокойствия.

«Вообще в Государственном совете с необычайной яркостью и выпуклостью обнаруживались все особенности нашего государственного строя, напрасно именовавшегося самодержавным. В разрозненности министров, в их постоянных пререканиях, лишь редко проистекавших из-за личных счетов и видов, а основанных на различном понимании ими ближайших государственных задач, некоторые усматривали смягчение единоличного начала правления страной. Не раз приходилось слышать: “В этом состоит наша русская конституция”. Но это, по крайней мере, за последнее время, безусловно, неверно; фактически имелась кучка сменявшихся в пределах управления отдельными отраслями народной жизни олигархов и отсутствие единой, направляющей к заранее намеченной и ясно сознанной цели государственной власти. Олигархи эти в полном смысле слова расхищали государственную власть, превращая ее в нуль, так как и сами не могли себе присвоить хотя бы той части ее, которая относилась до дел, ими ведаемых».

(В. И. Гурко)

Но консерваторы подобного типа имелись не только в Государственном совете. В качестве примера можно привести двух весьма известных людей. Иван Логгинович Горемыкин, министр внутренних дел в 1895–1899 годах, председатель Совета министров Российской империи в 1906 году и в 1914–1916 годах.

Горемыкин являлся последовательным консерватором. Так, он выступал решительным противником любой сколько-нибудь серьезной аграрной реформы. Вообще-то против неё выступали многие. Как мы видели, для многих правых община являлась фетишем.

Но основа его консервативных взглядов заключалась в том, что этот человек был из тех, для которых главное – не особенно напрягаться. Ну, не хотелось ему лезть в конфликты – и он их старательно обходил. Собственно, о его деятельности никто ничего хорошего сказать не может. Разве что черносотенцы его любили. Но им-то особенно выбирать было не из кого. Горемыкина считали пустым местом и левые, и правые.

Другой персонаж также ни у кого не вызывал положительных эмоций.

Другой персонаж – Борис Владимирович Штюрмер. В 1916 году с 20 января по 10 ноября он был Председателем Совета и одновременно министром внутренних дел. Даже самые упертые монархисты не могут сказать о ним ничего хорошего, кроме того, что «он был предан Государю».

Хотя на самом-то деле Штюрмер являлся обыкновенным

приспособленцем, старавшимся уловить, куда дует ветер. Вот что **тогда** писали о нем черносотенцы:

«Новый премьер поспешил отречься от солидарности партийной и расшаркаться перед “общественностью”, этим новым фетишем либерального словоблудия. Признак – далеко не утешительный, а если предшественник его устранился по разногласию о том, в каких пределах допустить безобразничать в предстоящую сессию Государственной думы, – то и вовсе плохой».

(К. Н. Пасхалов, идеолог «Союза русского народа»)

А вот реформатор Гурко:

«Штюрмер, несомненно, сыграл фатальную роль в русской истории, когда волею судеб был назначен в 1915 г., в самый разгар войны, председателем Совета министров и одновременно сначала министром внутренних, а затем иностранных дел. Каким образом достиг этот человек высшей степени власти, понять трудно, так как он никакими качествами, кроме выносливой и терпеливой хитрости, не обладал.

Служба этого типичного по беспринципности карьериста началась в Церемониальной части Министерства императорского двора. Достигнув должности помощника заведующего этой частью, он воспользовался неосторожным жестом своего начальника гр. Кассини, чтобы одновременно его спихнуть и самому занять его место. Ту же грубость он проявлял при тех ревизиях земских учреждений, которые на него возлагал Плеве, Причем однако, сами ревизии эти были произведены весьма тщательно и раскрыли многие несовершенства в деятельности осмотренных им учреждений, а составленные по этим ревизиям отчеты заключали богатый материал. От сослуживцев Зиновьева я слышал, что он отличался, с одной стороны, рабским следованием указаниям и желаниям начальства, в своем усердии пересаливая их указания, а с другой стороны, каким-то непреодолимым духом противоречия ко всем предположениям, высказываемым его подчиненными. Свойство это было настолько общеизвестно, что докладывавшие ему нередко высказывали предположения, обратные тем, которые они хотели бы осуществить, уверенные, что по духу противоречия Зиновьев именно на последних и остановится».

Характерно, что подобные персонажи пришли к вершинам власти после гибели Столыпина. Больше никого у царской власти не имелось.

* * *

Но имелись и идейные консерваторы. Они полагали, что предлагаемые проекты реформ ничего хорошего России не принесут. В частности, они решительно отвергали идею разрушения общины. Главным их аргументом являлось, что это будет уже совсем иная страна…

Самым известным из таких людей был обер-прокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев, идеолог «подморозки» Александра III. Его называли «консервативным народником». То есть он тоже полагал, что у России особая судьба. И он, как и народники, верил в крестьянство. Но если революционеры полагали, что крестьяне готовы чуть ли не завтра перейти к социализму, то Победоносцев считал, что они преданы царю-батюшке, что они живут эдакой патриархальной семьей и что самое главное – надо не допускать туда растленных идей.

Причем под растленными идеями понимались не только и даже не столько революционные. Победоносцев к революционерам относился не так уж и плохо – полагая, что они честные, но искренно заблуждающиеся люди, которых можно перевоспитать. Зато он искренне ненавидел капитализм.

«В экономической сфере преобладает система кредита. Кредит в наше время стал могущественным орудием для создания новых ценностей; но это средство сделалось доступно каждому, и при относительной легкости его употребления далеко не все создаваемые ценности получают действительное значение и служат для производительных целей: большею частью создаются ценности мнимые, дутые, для удовлетворения случайных и временных интересов, с расчетом на внезапное обогащение. Вследствие того успех каждого предприятия не в той мере, как бывало прежде, зависит от личной деятельности, от способности, энергии и знания предпринимателя: в общественной и экономической среде около дела образовалось великое множество невидимых течений, неуловимых случайностей, которых нельзя предвидеть и обойти».

(К. П. Победоносцев)

Как истинный народник, народа он близко никогда не видел. По образованию Победоносцев являлся юристом, потом служил чиновником в столичных учреждениях. Интересно, что он возглавил церковное ведомство, хотя никогда до этого не занимался церковными делами.

Да только вот никакой альтернативы у него не имелось. Всё сводилось к туманной идее религиозно-нравственного воспитания народа. Так что Победоносцев в начале XX века являлся противником **любых** изменений в законодательстве. Дескать, баловство всё это. Вот что писал о нем Константин

Леонтьев, совсем не революционер:

«Человек он очень полезный: но как? Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничего не будет. Он не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова: мороз, я говорю, сторож, бездушная гробница, старая “невинная” девушка и больше ничего!!»

В силу гуманитарной направленности ума, Победоносцеву как-то не приходило в голову, что жизнь меняется и требует новых подходов. Тем не менее, он имел очень большое влияние. Да и вообще стал знаменем тех, кто ничего менять не желал.

Но были среди «идейных» консерваторов куда более веселые ребята. Наиболее последовательные из них резко отрицательно относились к Николаю II, считая его слабым царем, не способным навести порядок. Выход они предлагали простой и незатейливый: сместить Николая Александровича и возвести на престол кого-нибудь посильнее.

Наибольшей популярностью в этой среде пользовалась фигура великого князя Николая Николаевича младшего. Его считали подходящим человеком. Причем это мнение основывалось исключительно на вере. За свою длинную жизнь Николай Николаевич ничем особенным не прославился. Но, видимо, иной кандидатуры просто не было.

Заметной фигурой в этой среде был лидер правых в Государственном совете граф Алексей Павлович Игнатьев. По свидетельству его сына, «дважды генерала» (российского и советского) и автора знаменитой книги «Пятьдесят лет в строю», Ингатьев-старший рассказывал ему о своих планах и даже показывал список предполагаемых министров. План был простой – поднять гвардейские полки, где у заговорщиков имелись связи, двинуть в Царское Село и вынудить императора отречься. Дело происходило уже после рождения цесаревича Алексея, так что дальнейшее виделось просто: Николая Николаевича назначают регентом, а дальше как получится.

Трудно сказать, насколько это было серьезно. Всё – таки на дворе стоял не XVIII век, когда для путча было достаточно роты гвардейцев. Неизвестно, знал ли об этих планах сам Николай Николаевич. Но то, что о нем известно, позволяет предполагать – если б такой переворот произошел, он бы занял место, на которое его прочили заговорщики.

Зато известно, что в 1906 году Алексей Павлович Игнатьев был убит террористом-эсером. То, что за этим стояла охранка, ни у кого не вызывало сомнений. Граф был убит в помещении Дворянского собрания в Твери. Игнатьеву неоднократно

угрожали, так что у него имелась собственная охрана. Ее жандармы в помещение Собрания не пустили. Мало того. Местный агент полиции, охранявший черный ход, **был снят с поста**. Якобы по приказанию свыше. Через этот ход и прошел террорист… Тут уж в случайности верится и вовсе слабо.

Вдова, Софья Сергеевна Игнатьева (урожденная княгиня Мещерская), прямо обвиняла Николая II.

Как часто бывает в жизни, трагедия переплелась с анекдотом.

Основным виновником убийства вдова графа Игнатьева считала Витте. Поскольку политическими методами она отомстить не могла, то пошла иным путем.

Софья Сергеевна и члены её салона увлекались оккультизмом и прочей чертовщиной. Так что решили извести ненавистного Витте магическим способом. В 1906 году была проведена тайная церемония. Они включала ряд магических действий, в число которого входил и заклинание – «приговор» Сергею Юльевичу:

«Сергей Витте! Сим приговором за содеянные тобой преступления против твоего народа ты осужден на смерть и до истечения года со дня сего осуждения должен будешь явиться пред страшное судилище Христово дать отчет в измене и злодействах, стоивших твоей родине столько жертв, крови и бедствий.

Мы выкидываем тебя из магического круга крещения, отдаем во власть всем злым силам пространства и обрушиваем на тебя все стихии: земля да поглотит тебя, вода затопит, огонь да пожрет, а ветер да развеет как пук гнилой соломы. Будь же ты трижды проклят, Иуда – предатель, блуждая без крова и пристанища, как вечный жид, снедаемый угрызениями совести. Подобно Каину, все, что бы ты не предпринял, будет отныне заранее поражено бессилием и вывалится из подлых рук твоих!

Когда помутится твоя мысль, когда тебя охватит усталость, уныние и разочарование, когда в тиши бессонной ночи гнетущая, глухая тоска пробудится в душе твоей – знай, что это неуловимая смертельная стрела отмщения, пущенная нами, подтачивает самый источник твоей жизни. Помни, что никакая полиция в мире не в силах оградить тебя от этого невидимого и неуловимого оружия, как никакая медицинская наука никогда не раскроет и не излечит тебя от невидимого недуга.

На твоем изображении, магически с тобой связанном, великий судья лжи нанес тебе сегодня первый, смертельный удар священным мечом. Издыхай же теперь сам, как ты хотел погубить Россию и русский народ!

Преданный всем силам зла, мучимый ими без устали и сожаления, катись к могиле, иди на суд Божий и готовься к

страшному наказанию!»

После этого по фотографии Витте было нанесено несколько ударов ритуальным мечом. Черная магия в полный рост…

Помогла магия наполовину. Витте вскоре выперли в отставку, но он прожил ещё девять лет.

Но дело, конечно, не в мистических забавах оппозиционно настроенных дам. А в том, что в высшем обществе, в том числе и среди людей, занимавших серьезные посты, существовали **убежденные** противники реформаторских проектов. И они не сидели сложа руки. Они боролись за то, что считали правильным.

Реформатор

Теперь перейдем к рассказу об одном из самых ярких и неоднозначных деятелей Российской империи николаевской эпохи – Сергее Юльевиче Витте, занимавшем сперва один из ключевых постов – министра финансов, а потом ставшем председателем Комитета и Совета министров[21].

О нем написано множество всякого. И оценки его деятельности разные. От того, что он был гениальным непонятым реформатором, до утверждений, что Витте являлся прямым агентом каких-то врагов России. К тому же Витте написал мемуары, пожалуй, одни из самых цитируемых, когда речь идет о той эпохе. А поскольку Сергей Юльевич о Николае II отзывался в них без особого почтения – некоторых это просто бесит… Благо и при жизни Витте в чем только не обвиняли. В том числе – и в еврейском происхождении – последнее для современных доморощенных нацистов – решающий аргумент.

Что же касается нашей темы, то тут тоже непросто.

«Именно Витте сыграл огромную роль в подготовке Столыпинской реформы. Именно Витте стал раскачивать этот реформаторский колокол. Но нет ничего удивительного в том, что Реформатором Сергей Юльевич не стал. Он не хотел рисковать».

(С. Рыбас)

Люди, принимавшие участие в осуществлении столыпинской реформы, оценивают роль Витте также весьма неоднозначно. Но в любом случае – обойти эту фигуру невозможно. В какой-то мере столыпинская реформа опиралась на то, что делал Витте. В какой-то мере – реформаторы пытались преодолеть некоторые его инициативы.

Но для начала всё – таки начнем с того, чей там он был «агент». Сознательного желания навредить России у Витте точно не было. Для этого можно вспомнить хотя бы переговоры о мире после окончания Русско-японской войны, которые вел именно он. Витте дрался, как лев, пытаясь свести к минимуму потери страны. Впоследствии он получил прозвище «граф Полусахалинский» – потому что по мирному договору половина Сахалина перешла к Японии. Но вообще-то японцы требовали весь остров! Требовала Япония и контрибуцию (по тем меркам – признание поражения). Контрибуции они не получили. Все это давалось Витте очень нелегко. Если бы он имел намерение подгадить России, ему и делать ничего не надо было б – просто выполнять свои обязанности на переговорах, не особо напрягаясь. При том что к

этому моменту карьера его была уже бесповоротно закончена.

Для сравнения. На Берлинском конгрессе 1878 года канцлер А. М. Горчаков пустил псу под хвост результаты **победоносной** Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Почему-то его никто предателем не объявляет.

И всё – таки – а что хотел Витте? Главной целью его была всё та же индустриализация страны.

Вот что Витте писал Николаю II в 1900 году в докладе под названием «О положении нашей промышленности».

«Международное соперничество не ждет. Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды и водвориться как в нашем отечестве, так и в сказанных Азиатских странах, а укоренившись в глубинах народного потребления, она может постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний».

Как видим, тема не новая. Об этом говорили до Витте, да и большевики впоследствии осуществляли ту же самую идею.

Другое дело – что Витте в экономике придерживался либеральных принципов. То есть он рассчитывал исключительно на частных предпринимателей.

«В соответствии с этим и программа экономической политики Витте была лишь программой деятельности данной минуты и отличалась той простотой концепции, которая ему вообще была свойственна. Сводилась она, в сущности, к одному накоплению наличных денежных средств в государственной казне и накоплению частных капиталов в стране. Сознавая, разумеется, что лучшим средством пополнения государственных средств является оживление хозяйственной жизни страны, к этому оживлению он и стремился, но единственный способ этого оживления он видел в развитии промышленности, и притом промышленности крупной, т. е. именно той, которая служит источником накопления частных капиталов».

(В. И. Гурко)

Это вызывало много возражений, причем с разных сторон. На затеи Витте очень нехорошо смотрели консерваторы. Наиболее умные из них отлично понимали – чем больше будет набирать силу промышленный капитал, тем больше его представители будут стремиться получить свой «кусок власти». Что и случилось. Одна из причин революции 1905 года – это как раз стремление

промышленников пробиться туда, где принимают государственные решения. Зря что ли «капитаны индустрии» финансировали революционеров? Суть проста – они раскачают лодку, а потом придем мы.

О своих интересах Витте тоже не забывал. Он являлся не только государственным деятелем, но и весьма успешным бизнесменом. Благо тогда государственным служащим не запрещалось заниматься частным предпринимательством. И тут никакого противоречия не было. С точки зрения либерализма – что хорошо для крупного бизнеса – хорошо для государства[22]. А такая точка зрения порой ведет к очень неприятным последствиям. Так, Русско-японская война началась – в том числе – и из-за безответственных авантюр российских предпринимателей на Дальнем Востоке. Значительную роль там сыграл Витте.

Но Отто Юльевич шел дальше. Одним из способов развития промышленности он видел привлечение иностранного капитала. Он считал:

«Русская промышленность выиграет не только от притока денег, но и от более опытной, искусной и смелой иностранной предприимчивости. Кроме того, зарубежные капиталисты будут заинтересованы в судьбе своих инвестиций в периоды политических осложнений в России».

Знакомые идеи? К нам потекут инвестиции, иностранцы построят заводы, создадут рабочие места…

Здесь Витте был радикален. Он открыл зеленый свет, в том числе и иностранному банковскому капиталу. Капитал этот был в значительной степени еврейский – именно поэтому Витте проходит как «агент жидомасонов».

И ведь результат и в самом деле вышел интересный…

В 1910 году иностранные банки в металлургии владели 88 % акций, 67 % из этой доли принадлежало **парижскому консорциуму из трех банков**, а **на все банки с участием русского капитала приходилось 18 % акций**. В паровозостроении 100 % акций находилось в собственности двух банковских групп – парижской и немецкой. **В судостроении 96 % капитала принадлежало банкам**, в том числе 11 % – парижским. В нефтяной промышленности 80 %) капитала было в собственности у групп «Ойл», «Шелл» и «Нобель». В руках этих корпораций было 60 % всей добычи нефти в России и 3/4 ее торговли.

Выдержка из письма фондовых маклеров Парижа В. Вернейля В. Н. Коковцову от 13.12.1906: «Я предполагаю образовать здесь, с помощью друзей, разделяющих мой образ мыслей, мощную

финансовую группу, которая была бы готова изучить существующие уже в России коммерческие и промышленные предприятия, способные, с помощью французских капиталов, к широкому развитию… Само собой разумеется, речь идет только о предприятиях вполне солидных, на полном ходу и предоставляемых французской публике по ценам, которые позволяли бы широко вознаграждать капиталы, которые ими заинтересуются».

Из рапорта прокурора Харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 мая 1914 г., № 3942:

«В дополнение к рапорту от 25 апреля с. г. за № 3470 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в настоящее время продолжается осмотр документов, отобранных в правлении и харьковском отделении общества “Продуголь”, причем выясняется, между прочим, что это общество, являясь распорядительным органом синдиката каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, находится в полном подчинении особой заграничной организации названных предприятий – парижскому комитету».

Так дело шло и после ухода Витте с политической сцены. В номере «Петербургских ведомостей» за 2 января 1910 года описывается новогодний прием Николая II, на который были приглашены богатейшие люди России. Там приведен список из двадцати человек, где промышленные магнаты перечислены по размеру богатства. Российских граждан в этом списке… трое! Путилов (№ 12), заводчик Менашов (№ 13) и грузинский князь Дато Чиквани (№ 20). А вот первая тройка – Нобель, Ротшильд[23], Зингер… Вы верите в то, что их очень волновало процветание России?

Итак, инвестиции просто рекой текут. Но! Те, кто контролирует банки, контролирует промышленность. А следовательно – государственную политику. Потому что устроить при таком раскладе внеочередной кризис – задача очень простая. Но ведь и российскую экономику западные предприниматели отнюдь не рвались развивать…

Отступление. Тупик индустриализации

Это вопрос серьезный. Крах столыпинской реформы во многом случился потому что развитие промышленности буксовало. Точнее, она развивалась, и даже очень неплохими темпами. Но всё одно – темпы развития катастрофически отставали от необходимых. Хотя бы из-за уже упоминавшегося стремительного роста населения.

Не говоря уже о «технических вызовах» XX века – когда вдруг пришла нужда строить не только паровозы, но ещё и автомобили и самолеты. А потом и танки.

Тут получился заколдованный круг. Промышленность не могла полноценно развиваться из-за отсутствия внутреннего рынка. Грубо говоря, при большом желании можно было наладить выпуск разных товаров. Да вот покупать их было некому. Дело ведь не в том, что в России не умели производить, допустим, сельскохозяйственные машины. Очень даже умели. Только спрос на них был такой ничтожный, что проще было их импортировать. А чтобы расширить рынок, необходимо было развитие промышленности…

Требовалось не поступательное развитие, а мощный рывок. А вот с ним как-то не складывалось.

…Большевики, разрабатывая свой план индустриализации, хорошо понимали: она невозможна без электрификации страны. Поясню: в начале века подавляющее количество станков на предприятиях работало от паровых движков. Но для данной эпохи это было уже маловато.

Сегодня некоторые авторы, желая лишний раз пнуть большевиков, утверждают: знаменитая программа ГОЭЛРО была разработана не при Советской власти, а ещё до революции. И это в значительной мере соответствует действительности. В самом деле, ключевые пункты плана электрификации России были разработаны российскими инженерами в начале XX века. Да только вот разработать план и его осуществить – это, как говорится, две большие разницы. В Российской империи не удалось. А почему?

Причин много. Про отсутствие денег говорить не будем. У СССР в двадцатых их было ещё меньше. Захотели бы – нашли. Как не будем говорить и про отсутствие рабочей силы. Как раз Столыпинская реформа и предполагала высвобождение огромного количества людей, которые были бы готовы пойти «работягами с лопатами» и за гроши работать на «стройках капитализма». Были б эти рабочие места созданы – возможно, и с

реформой дело пошло бы получше. Напомню, что реформа 1861 года обеспечила рабочей силой тогдашний промышленный рывок.

Безусловно, в том, что никто всерьез не задумывался об индустриализации, значительную роль сыграла бюрократия, представители которой не желали шевелиться, а также описанный ведомственный бардак и отсутствие жесткой «направляющей силы». Преодолеть последнее, как мы увидим, не мог даже Столыпин с его неукротимой волей и бешеной энергией. Но было и кое-что ещё…

Возьмем, к примеру, первую ласточку советской индустриализации – Волховскую ГЭС. Её строительство началось в 1921 году и было закончено в 1926–м.

Однако проект ГЭС был разработан… в 1904 году инженером Генрихом Осиповичем Графтио. После долгих чиновничьих разборок Графтио пробил идею строительства электростанции, которое должно было начаться в 1915 году. И даже начали «нулевой цикл» – стали проводить изыскательские работы. Но… вмешалось «Общество электрического освещения 1886 года». Это была дочерняя структура фирмы «Сименс». Кстати.

В Санкт – Петербурге существовало параллельно **четыре** бытовых электросети с **абсолютно разными** параметрами: станция упомянутого «Общества 1886 года» производила трехфазный ток частотой 50 Гц; станция «Гелиос» – однофазный ток частотой 50 Гц; станция Бельгийского общества – однофазный ток частотой 43 Гц; трамвайная станция – трехфазный ток частотой 25 Гц.

Для тех, кто не очень разбирается в электротехнике, поясняю. Станок от «Сименса» можно было подключить только к «родной» сети. Конечно, имелись преобразователи, но они тогда стоили дороже станка. Да и специалистов было мало. Это сегодня, чтобы, к примеру, подключиться к трехфазнику, вы найдете специалистов в любом дачном поселке. Но не тогда.

Все эти сети снабжались электричеством от **собственных** маломощных электростанций. Суть понятна? Разумеется, постройка мощной ГЭС поставила бы жирный крест на всех этих хозяйчиках. Их живопырки не выдержали бы конкуренции. Оно им было нужно? Вот и нажали на все возможные рычаги и не допустили строительства электростанции. Кстати, проект ещё более знаменитой Днепровской ГЭС также был разработан до революции.

Вот бы узнать, почему Графтио после революции с энтузиазмом стал работать на большевиков…

Между прочим, в 1912 году из 762 городов европейской России электрическое освещение имелось всего лишь в 52, а

телефон – в 137.

И так было всюду. Западным инвесторам совсем не нужна была индустриализация в России. В самом деле – а зачем плодить конкурентов? Вот и вышло, что вышло. Так, все знают, что в России был разработан лучший тяжелый бомбардировщик времен Первой мировой войны – «Илья Муромец». Менее известно, что летал он на **немецких** моторах. Своих не производили. Да и произвели «Муромца» в количестве около 40 штук. Потому что больше – негде было.

Между прочим, с сельским хозяйством происходило то же самое. Банки плотно сели на хлебную торговлю.

«Иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь промышленных предприятий, но тот же иностранный банковский капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами… Он начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредственно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецкой Нейфельд, массы греческих, отчасти итальянских и др.) и специальные экспортные общества, или субсидируя и кредитуя те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала…

…

Азовско – Донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-азиатский, – работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный – немецкими».

(П. Лященко)

Стоит отметить, что именно Витте посадил Россию на французскую «долговую иглу». Позиция также знакомая по недавнему прошлому. Дескать, мы на эти деньги построим предприятия, а они-то останутся. Да только во многом именно эта долговая игла привела к тому, что Россия оказалась накрепко привязана в своей политике к Франции. И в конце концов ввязалась в совершенно ненужную ей мировую войну.

Справедливости ради стоит упомянуть, что Витте критиковали и упертые либеральные экономисты. Так, его упрекали, что он создает металлургические предприятия под конкретный проект – чтобы выпускать рельсы для строящихся железных дорог. С точки зрения наиболее последовательных «рыночников» это было неправильно. Почему неправильно – я так и не понял. Рельсы при наших просторах и сегодня нужны. Тем более что ультралиберал Генри Форд[24] тоже стремился иметь

всё свое – вплоть до плантаций каучуковых деревьев в Бразилии для производства шин. Впрочем, Форд поднялся позже…

Политика Витте порождала ещё одну проблему. Если для частных предпринимателей необходимо было создать максимально комфортные условия, то до остальных ему просто не было дела. Иностранцев привлекала в России в том числе и низкая стоимость рабочей силы. А значит – рабочих требовалось держать в нищете. **Любые** социальные конфликты рассматривались как «подрыв устоев».

«Зная непочтительность к себе народной массы и живую ее веру в монархический принцип, нобилитет (то есть буржуазия. – *А. Щ.*) старается сохранить монархию в целях вящего использования ее в своих видах и при том безнаказанно со стороны рабочих масс. Поддавшись на эту удочку, монархическая власть принуждена в дальнейшем играть роль гренадера на сундуках нобилитета».

(С. В. Зубатое, начальник Московского Охранного отделения)

Примерно то же самое было и с крестьянством. Витте, по большому счету, было на него наплевать. Крестьяне должны были кормить город – вот и всё, что от них требовалось.

«На сельское хозяйство в соответствии с этим Витте смотрел как на необходимую, но чисто служебную отрасль народного хозяйства. Земледелие, в представлении Витте (быть может, неясно им самим сознаваемом, но четко выступавшем в его мероприятиях), должно давать пропитание населению, но само по себе служить источником его благосостояния не может. Именно отсюда проистекало его отрицательное отношение ко всем мерам, направленным к подъему сельского хозяйства».

(В. И. Гурко)

Однако со временем Витте также понял, что надо в деревне что-то менять. Только он не очень понимал – что и как. Тем более что Сергей Юльевич смотрел на суету вокруг аграрной реформы с чисто политической точки зрения. Его тактические политические зигзаги описывать нет смысла, книга не о том. Но к 1905 году он стал склоняться на сторону реформаторов.

«С административно-полицейской точки зрения, она (община. – *А. Щ.)* также представляла более удобства – легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности. Такое техническое удобство, кстати, получило довольно мощную поддержку в весьма почтенных любителях старины, славянофилах и иных старьевщиках исторического бытия русского народа, что посягать на общину, значит, посягать на своеобразный русский дух. Общество, мол, существовало с древности, это цемент русской народной жизни…

Чувство любви старины очень похвально и понятно: это чувство является непременным элементом патриотизма, без него патриотизм не может быть жизненным. Но нельзя жить одним чувством – нужен еще разум… Общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм – в индивидуальную собственность, если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют…

Одна и может быть главная причина нашей революции, это – запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а так как жизнь шла своим чередом, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку: так пар взрывает дурно устроенный котел – или не увеличивай пара, значит, отставай, или совершенствуй машину по мере развития движения.

Чувство “я” – чувство эгоизма в хорошем и дурном смысле – есть одно из чувств, наиболее сильных в человеке…

Единственный серьезный теоретический обоснователь экономического социализма, Маркс, более заслуживает внимания своею теоретическою логичностью и последовательностью, нежели убедительностью и жизненной ясностью. Математически можно строить всякие фигуры и движения, но не так легко устраивать на нашей планете при данном физическом и моральном состоянии людей. Вообще социализм для настоящего времени очень метко и сильно указал на все слабые стороны и даже язвы общественного устройства, основанного на индивидуализме, но сколько бы то ни было разумно-жизненного иного устройства не предложил. Он силен отрицанием, но ужасно слаб созиданием. Между тем духом социализма-коллективизма заразились у нас многие, даже очень почтенные люди. Они, уже не говоря о натурах, поклоняющихся всякому государственному разрушению, также явились сторонниками “общины”. Первые потому, что видели в ней применение принципа мирного социализма, а вторые потому, что в применении этого принципа в жизни народа не без основания усматривали зыбкую почву, на которой легко произвести колебания в общеэкономической, а следовательно, и в государственной жизни. Таким образом, защитниками общины явились благонамеренные, почтенные “старьевщики”, поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, полицейские пастухи, потому что считали более удобным возиться со стадами, нежели с

отдельными единицами; разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины – теории социализма. Последние меня больше всего удивляли, так как если когда-либо и восторжествует “коллективизм”, то, конечно, он восторжествует совершенно в других формах, нежели он имел место при диком или полудиком состоянии общественности».

(С. Ю. Витте)

Напомним, что именно Витте пробил манифест 17 октября и являлся его автором. То есть – открыл дорогу для создания Государственной Думы. И ведь Столыпин попал в премьеры как раз «под Думу»…

В какой-то мере Витте расчистил путь Столыпину – тем, что запустил процесс преобразований. Хотя, конечно, прежде всего дорогу Петру Аркадьевичу расчистила сама жизнь… Крестьяне начали бунтовать.

Община идет в атаку

«– Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа.

– Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть; тыкали в нос нищему – мошной, а дураку – образованностью…»

(А. Блок)

Об этом писать никогда не любили. При Советской власти о массовых крестьянских выступлениях начала XX века говорили мельком, поскольку, согласно марксистской идеологии, авангардом революции должны быть рабочие. К тому же бунтовавшие крестьяне вполне обошлись без социал-демократов.

И уж тем более – не любят говорить сегодня. Ну, никак не влезают данные события в образ благополучной «России, которую мы потеряли». Самые глупые говорят, что всё это было проплачено масонами и прочими врагами России. Но если эти самые враги сумели организовать **такое**, то что стоило государство, это проморгавшее? Такое государство обречено.

Между тем массовые крестьянские восстания сыграли огромную роль в действиях власти. Они очень серьезно прочистили мозги некоторым (к сожалению, не всем) высшим чиновникам, похоронив иллюзии об идиллическом и законопослушном крестьянском обществе. Именно после первых массовых выступлений 1902 года в «верхах» началась работа над крестьянской реформой. А всерьез её подстегнул настоящий пожар 1905 года…

Терпеть я не буду покорно
Проклятую эту судьбу,
Шахтерам из темени черной
Пора выходить на борьбу!

(Старая шахтерская песня)

К началу XX века все описанные выше крестьянские проблемы накопились – и настроение крестьян достигло точки кипения. В такой ситуации хватает малейшей искры. Ею стал неурожай 1901 года на юге России. И началось…

Но тут я несколько отвлекусь. Расхожий штамп – «крестьяне

консервативны». Дескать, они не хотят воспринимать ничего нового, предпочитая жить по старинке.

«Кстати, о консерватизме. Нет более далеко отстоящих друг от друга вещей, чем консерватизм и работа на земле – с этим согласится любой владелец шести соток. Соответственно, во всей русской истории едва ли можно найти менее консервативный слой, чем крестьяне. Крестьянин гибок, мобилен, практичен и изворотлив. Это вытекает в первую очередь из самой особенности работы на земле. Рабочий встает к станку и точит деталь по чертежу. На земле чертежей нет. Каждый год для землепашца – это новые задачи в новых условиях. Каждая неделя уникальна – от погоды до не вовремя захромавшей лошади. Каждый день крестьянин решает множество ежечасно возникающих задач. Подобных все время меняющихся условий не знает никто – разве что полководец на войне, но ведь война бывает не каждый год, а хлеб надо растить постоянно.

Крестьяне очень быстро реагировали на любые новшества, от технических до политических. Уже во второй половине XIX века, по данным российских этнографов, около 18 % литературы, которую читали на селе, были научные и технические книги (на первом месте – около 60 % – «божественные»). А уж если говорить об экономике, то едва ли можно найти другую хозяйственную единицу, более гибкую, чем крестьянский двор. Иначе и нельзя – та же захромавшая лошадь может поставить хозяйство в совершенно новые экономические условия.

В качестве примера можно привести историю с травопольем в Московской губернии. В 1892 году два селения Волоколамского уезда завели у себя правильное травопольное хозяйство. К 1898 году таковых было уже 414, а в 1909 году – 1651, или около 28 % всех общин Подмосковья. Учитывая, что перед тем, как заводить у себя новый способ хозяйствования, надо к нему еще присмотреться, причем занимает это не один год, скорости принятия решения просто фантастические».

(Е. Прудникова)

На самом-то деле крестьянский консерватизм происходил из трудных условий жизни. Ведь именно ввиду разнообразных условий готовых рецептов в сельском хозяйстве нет. Нужно экспериментировать на конкретном месте. Если у тебя имеется 100 гектаров – то вполне можно выделить пару на опытный участок. А попробуй, поэкспериментируй, если надел – пять! Любая неудача неизбежно ведет к голоду. В такой ситуации разумнее действовать проверенными методами.

Миф о консерватизме, казалось бы, подтверждался и ещё одним обстоятельством. Как говорили ещё те, кто ходил в народ в

шестидесятых годах XIX века, «крестьяне не воспринимают абстрактные идеи». Разумеется, речь шла о политических теориях. В самом деле – не воспринимали. Ни социалистическую проповедь народников, «ни демократические идеалы». Да и «государственно мыслить» крестьяне решительно не желали. А почему? Да потому что они **хорошо знали, что хотели**. Они хотели вытеснить помещиков и получить их землю. Точка. И какое им было дело до политической трескотни?

Кстати, впоследствии крестьяне очень грамотно использовали возможности Государственной Думы, посылая туда свои «наказы».

Что же касается крестьянских выступлений, то они начались в марте 1902 года в Полтавской губернии.

«Оно состояло в классическом сетевом принципе, выступление крестьян одного селения по самому заурядному поводу (непомерно высокие цены за аренду земли и непомерно низкие цены за рабочие руки, скверные условия труда, произвол и т. п.) служило детонатором для выступления крестьян в соседних селениях, а эти в свою очередь детонировали выступления в других. Отмечая различия поводов выступлений, нужно понимать, что все они уходили своими корнями в крестьянское малоземелье и исторический беспредел “хозяев земли Русской” развращённого и выродившегося – “русского дворянства, состоящего на 2/3 из инородцев”».

(И. Поморцев)

За март-начало апреля восстания охватили 165 селений, 105 помещичьих экономий были разрушены.

«Новым и неожиданным явился также радикализм крестьянских настроений и требований. Многие выступления сопровождались захватами помещичьих земель, взломом хлебных амбаров и вывозом зерна, поджогами усадеб, часто принимали характер восстаний с открытым сопротивлением полиции и даже войскам. Сразу же со всей ясностью обнаружилось, что сила и масштабы крестьянского движения резко возросли, а характер радикализировался. Ситуацию обострил недород хлебов в 1901 г., отнюдь не выходивший за обычные рамки, но в новые времена оказавшийся достаточным, чтобы вызвать в Полтавской и Харьковской губерниях социальный взрыв».

(И. Поморцев)

Вот письмо группы помещиков министру внутренних дел:

«Несколько дней совершается систематический грабеж крестьянами помещичьих хлебных запасов, грабят же неимущие. Обыкновенно являются в усадьбу поголовно целые соседние деревни с подводами, с мешками, в сопровождении жен, детей, врываются в усадьбу, требуют ключи от амбаров, при отказе

отбивают замки, нагружают в присутствии хозяина подводы, везут к себе… В дома не входят, но что попадается в амбарах сверх хлеба, все забирают».

Потом пожар перекинулся и на иные губернии. Массовые выступления были в Киевской, Черниговской, Орловской, Курской, Саратовской, Пензенской, Рязанской…

Стоит привести и иную оценку событий:

«Беспорядки эти, как известно, охватили весьма широкий район. Начались они 30 марта (1902 г.) в Константиноградском и Полтавском уездах, где в течение четырех дней были разгромлены 54 усадьбы, а 31 марта перекинулись в Валкский уезд Харьковской губернии, где также было разгромлено несколько усадеб, из коих две дотла сожжены. Характер этих беспорядков был самый дикий: грабили не только помещичьи усадьбы, но и зажиточных казаков, при этом грабили не только хлеб, живой и мертвый инвентарь, но даже дома растаскивали по бревнам; при грабеже земской больницы утащили тюфяки из-под больных. Из Валкского уезда беспорядки распространились на Богодуховский уезд, а также на сам город Валки, куда направилась обнаглевшая за три дня беспрепятственного грабежа толпа с целью и его подвергнуть повальному ограблению; здесь она была застигнута войсками, посланными для ее усмирения. В грабеже при этом принимали участие самые разнородные элементы: так, среди лиц, растащивших сахар на свеклосахарном заводе, был, между прочим, диакон местной церкви. Данные следствия по этому делу с очевидностью выяснили, что здесь имелось налицо отнюдь не случайное местное явление, а широко задуманное и тщательно подготовленное революционное действо. Широкий размах революционной пропаганды и подготовленность народных масс для ее восприятия выяснил Плеве и сделанный ему в Москве тем же Зубатовым подробный доклад о деятельности революционеров в московском промышленном районе».

(В. И. Гурко)

Здесь господин Гурко то ли лукавит, то ли ничего не понимает. Списывать все социальные конфликты на революционную пропаганду было в обычае тогдашних российских чиновников. Впрочем, Гурко хоть и трудился в Министерстве внутренних дел, к политическому сыску никогда отношения не имел. Так что он мог и не знать подробностей.

На самом-то деле с революционной пропагандой дело обстояло не так просто. В значительной степени это – миф, распространенный в «верхах». В жандармских документах начала XX века не существует никаких конкретных сведений об

арестованных революционерах, агитировавших в деревне за активные выступления. А ведь если имела место массовая агитация – кто-то неизбежно должен был попасться… Нет сведений об этом и в мемуарах революционеров – хотя их после 1917 года было понаписано множество – в том числе и эсерами. Миф о том, что партия эсеров подготовила выступления 1902 года, был запущен «бабушкой русской революции», одной из создательниц эсеровской партии Е. К. Брешко – Брешковской. Причина вполне понятна – в это время партия была ещё очень слаба, массовый террор начался позже. А за неимением собственных реальных дел, можно с рекламными целями приписать себе и чужие. Кстати, терроризм стал главным делом эсеров не от хорошей жизни. Стрелять и кидать бомбы они ринулись как раз потому, что у них с другими методами ничего не получалось.

Интересно, что даже в книгах, написанных представителями спецслужб для внутреннего употребления, например, в фундаментальном трехтомном издании генерала А. И. Спиридовича «Революционное движение в России», созданном для просвещения офицеров Охранных отделений, при упоминании крестьянского движения 1902 года цитируется… Брешко – Брешковская. Других данных у генерала не было.

Нет, эсеры издавали и распространяли среди крестьян множество листовок и брошюр. Но бумажками людей на бунт не поднимешь… Для этого нужно было «вписаться» в крестьянскую среду, стать своим. Надо понимать суть «мира». Чужака могли выслушать, так сказать, для общей информации. Но веры ему, а уж тем более интеллигентам – не было никакой. Вы представьте – приперся какой-то никому не известный тип и зовет идти жечь помещиков…

Да и вообще – на самом-то деле, несмотря на все свои декларации, эсеры не очень-то стремились поднять крестьянское восстание. Главной их целью являлось создание парламентской республики. Они считали – вот её создадим, а тогда можно и о земле подумать. Сторонники «аграрного террора», то есть организации партизанской войны, всегда были в партии маловлиятельным меньшинством, которые дальше выпуска литературы не шли. Хотя определенную роль эсеры сыграли – но несколько позже.

Тем не менее, агитаторы-то в деревне имелись. Только это были не члены революционных организаций. Это были рабочие. В конце XIX – начале XX века в России поднялась волна забастовок. Требования были **исключительно** экономическими. Революционеры, прежде всего социал-демократы, если и

принимали в них участие – то на подхвате. В основном помогали печатать листовки.

Власти с забастовками боролись – причем исключительно тупо. Любой трудовой конфликт считался «подрывом устоев». Вместо того чтобы пытаться проблемы разрешать, шли на поводу у предпринимателей – и пытались справиться с забастовщиками с помощью репрессий. Но это было не так-то просто. Зачинщиков забастовки выявить довольно легко. Их можно было привлечь. А вот, так сказать, «второму уровню», активистам, предъявить что-то было непросто. Выход нашли. Я уже упоминал, что рабочие формально продолжали оставаться членами общин. Так что всех рабочих, заподозренных в том, что они смутьяны, попросту высылали по месту жительства. Благо у губернаторов имелось право административной высылки.

И вот представьте этих людей. Их выдергивали с заводов и отправляли в родные деревни, чему ребята совсем не радовались. Активистами были квалифицированные рабочие, а они зарабатывали куда больше крестьян, к тому же любили свою работу. Кроме всего прочего, они усвоили «логику классовой борьбы».

А эта логика четверть века спустя была сформулирована в знаменитом «Гимне рабочего фронта».

> «И так как ты рабочий,
> Не верь, что нам поможет другой.
> Свободу себе добудем в борьбе
> Своею рабочей рукой».

Но самое главное – эти люди были в крестьянской среде своими! Они в этих деревнях выросли, всех знали – и знали, как с односельчанами разговаривать. И **эти** ребята поднимали людей.

И вот тут-то сыграли свою роль революционеры. Существует подробное описание деятельности эсеровской группы, «заточенной» на работу с крестьянами, действовавшей в 1902 году в Саратовской губернии. (То есть той, в которой несколько позже губернаторствовал Столыпин.) Данные борцы за народное дело первоначально печатали листовки – но особого толка от этого не было. И тут к ним стали приходить крестьяне с просьбами – научить их, как изготавливать гектограф, простейшее множительное приспособление. Благо это печатное устройство изготовить очень нетрудно, для данной задачи никакой технической грамотности не требуется. А всё необходимое для этого можно было свободно купить в любом уездном городке[25]. Революционеры научили. И крестьяне стали

изготавливать **свои** листовки. Как говорится в рекламе, почувствуйте разницу.

В конце концов, крестьянские выступления были подавлены. Однако кое-какие подвижки наметились.

«В феврале 1903 г. было провозглашено обещание облегчить выход из общины, в марте ликвидирована круговая порука общинников, в августе 1904 г. отменены, наконец, телесные наказания крестьян. В 1904 г. – крестьян перестали пороть за недоимки, как в Средневековье!!! И отменили ответственность всех общинников за проступки одного. Удивительный прогресс для “Великой России”».

(И. Поморцев)

Не говоря уже о том, что началась работа над крестьянской реформой. Шла она, правда, ни шатко ни валко. Для принятия серьезных решений потребовалась вторая серия…

Осмысленный и бескровный

Обстановка продолжала накаляться. Высокопоставленный сенатский чиновник писал в Министерство юстиции: «Присматриваясь к длинному ряду лиц, проходящих перед моими глазами на суде, – прислушиваясь к их показаниям и говору, я выношу убеждение, что крестьяне устрашены, но вовсе не убеждены. Крестьяне меня поражают еще и не замечаемой в годы моей бывшей службы на местах не то своей одичалостью, не то особой сосредоточенностью. Во всяком случае, недоверчивость к начальству, полная от него отчужденность проглядывается во всем».

Первую русскую революцию связывают с Русско-японской войной. И это верно по отношению к городам. Деревню же она затронула лишь косвенно. Мобилизация проводилась, но не в полной мере. Хотя, конечно, всеобщее общественное возбуждение докатилось и до деревни. Тех же самых бастовавших рабочих продолжали высылать – причем уже в куда большем количестве. Тем более что политическая грамотность рабочих сильно повысилась. Особенно после «Кровавого воскресенья».

Однако основными причинами были собственно деревенские.

«Движение началось в феврале 1905 г. в той же черноземной полосе (на этот раз с Курской, Орловской и Черниговской губерний), и опять же с изъятия хлебных запасов в помещичьих экономиях и распределения среди населения окрестных сел, которое в очередной раз встречало весну впроголодь. Первые группы “арестованных” грабителей на вопрос властей: “Чего вы хотели?” отвечали: “Мы хотели и хотим есть”.

Осенью 1905 г. крестьянское движение охватывало свыше половины Европейской России, практически все регионы помещичьего землевладения. Всего за 1905 г. было зарегистрировано 3228 крестьянских выступлений, за 1906 г. – 2600, за 1907 г. – 1337».

(И. Поморцев)

Уже позже, в июле 1906 года, крестьяне Новооскольского уезда Курской губернии писали наказ в Трудовую группу I Думы:

«Само правительство хочет поморить крестьян голодной смертью. Просим Государственную Думу постараться уничтожить трутней, которые даром едят мед. Это министры и Государственный совет запутали весь русский народ, как паук мух в свою паутину; мухи кричат и жужжат, но пока ничего с пауком поделать нельзя».

Это причина. А вот и цель.

Министр земледелия С. Ермолов писал Николаю II:

«Лозунгом восставших… служила идея о принадлежности всей земли крестьянам».

Причем надо отметить крайне важную особенность крестьянских выступлений этого периода. Это был совсем не «бессмысленный и беспощадный бунт».

Жертв со стороны владельцев усадеб практически не было!

«Разгром помещичьих усадеб не был всего-навсего вандализмом. Крестьяне, по их собственным словам, сжигали жилые и хозяйственные строения для того, чтобы выдворить помещика из деревни хотя бы на два-три года, чтобы не допустить размещения там отрядов карателей… Конечно, невозможность удержать захваченное и жажда мщения за все прошлое также имели значение.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что основные компоненты в механизме революционного насилия, направленного на ликвидацию помещичьего господства в деревне, сложились уже в ходе первой революции. В нем, однако, не было тогда физического истребления противника, не было крови. Свидетельства самые различные, в том числе из органов государственного управления, отмечали: “людей не убивают” (Саратовская губерния); “полное отсутствие случаев насилия над личностью, как самих землевладельцев, так и экономических служащих” (Тамбовская и Воронежская губернии)».

(И. Поморцев)

В итоге в 1905–1906 годах было сожжено около 15 % всех помещичьих усадеб в России.

Но самое интересное не это. Как обычно большинство людей представляют крестьянское выступление? Собрались люди, поорали, «завели» себя и односельчан, вооружились подручными средствами – и нестройной толпой пошли громить ближайшего помещика.

А вот в 1905–1906 годах дело обстояло совсем не так. Крестьянские выступления были **очень хорошо организованы**! Причем организованы эти выступления были куда лучше, чем восстание на броненосце «Потемкин» или Декабрьское восстание в Москве.

«Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию[26]. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей

долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи.

…

Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались “разобрать“ поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в “разборке“ деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли “разобранного“ зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью…

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые “порубки” начались уже в конце 1904 г. Также как и «разборки», «порубки» обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе “порубок“ крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае крестьянин был схвачен полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот…

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития…

…Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни “бездумным бунтом“, ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель – навсегда “выкурить“ помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

(Т. Шанин)

Для сравнения. Восставшие матросы на броненосце «Потемкин» решительно не знали, что делать дальше.

Немногочисленные «крайние» предлагали высадить десант в Одессе, чтобы радикализовать разразившуюся там всеобщую забастовку. Но побоялись из опасения, что многие матросы, не разделявшие крайних идей, в этом случае попросту разбегутся. Вот и метался мятежный броненосец по Черному морю без всякой внятной цели… С Декабрьским восстанием тоже было интересно – даром что в нем активно участвовали (но не руководили) социал-демократы. Стратегической цели и внятного плана действий у повстанцев тоже не имелось. А вот у крестьян всё это имелось.

Причем организация у крестьян была, а вот никаких следов деятельности революционеров не нашли. Хотя очень искали.

«Полицейский розыск виновных и послереволюционная охота на революционеров из некрестьянских сословий, действовавших в деревне, которые якобы возглавляли крестьянский бунт в Центральной России, дали примечательно скудные результаты. Из протоколов допросов следовало, что крестьянское движение 1905–1907 гг. (как и 1902 г.) было в Европейской России спонтанным и руководимым самими же крестьянами делом».

(Т. Шанин)

Именно осмысленность крестьянских восстаний вызвала такую панику в верхах. В самом деле, революционные организации охранка неплохо контролировала. Потому-то ничего путного сделать им не удалось. Не считать же таковым вакханалию бессмысленных террористических актов, раскрученную эсерами с анархистами. Тем более, как уже упоминалось, нередко террористы стреляли в очень даже нужную кое-кому из высших чиновников сторону.

Кроме того, крестьянские выступления полностью уничтожали иллюзию, в которой пребывали власти, – что «простой народ» их любит, а бунтуют только революционеры. Впрочем, Николай II так ничего и не понял до самого конца…

Предтечи Нестора Махно

А вот крестьянская организация выходила за рамки понимания. В самом деле – на крестьян привыкли смотреть как на тупое быдло. Или, в лучшем случае – как на неразумных детей, которые сами ничего не могут и не умеют. А тут такое… Чиновники чесали в затылках. Кто же за этими крестьянами стоял?

А никто! Община вполне умела самоорганизовываться. Благо она существовала **веками**. Стоит вспомнить эпизод из иного времени. В 1918 году, после оккупации Украины немцами, партизанский командир Нестор Махно в кратчайший строк создал в Гуляйольском уезде великолепно действующую подпольную организацию – сеть так называемых повстанческих комитетов. Эти комитеты вели разведку, а затем, выбрав удобный объект для атаки, они давали знать батьке. Одновременно крестьяне доставали из схронов винтовки, садились на коней, соединялись с небольшим, а потому мобильным постоянным отрядом Махно – и наносили по оккупантам мощный неожиданный удар… Создать такую структуру за пару месяцев возможно было только в случае наличия традиций самоорганизации.

Так что за крестьянскими выступлениями стояла именно община. Тем и определялись движущие силы. Этой силой были отнюдь не самые бедные и голодные, как может показаться.

«Середняки, в соответствии с точным определением этого слова, были решающей силой в российском селе и большинства в его общинах. Безземельные и “бобыли“ не имели достаточного веса в деревнях и не могли оказать в одиночку длительного сопротивления в сельской борьбе. Восстание совершалось не маргиналами, а теми, кто отказывался превращаться в таковых. Сила общинного схода была такой, что наиболее богатые обычно не могли удержать контроль над этими общинами. Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были не обязательно самыми богатыми хозяевами или работодателями, но “не совсем крестьянами“, стоящими в стороне от общин или против них. Наиболее близким крестьянским синонимом термину “кулак“ был в действительности “мироед“ – “тот, кто пожирает общину“…»

(Т. Шанин)

Впрочем, Шанин тут не совсем прав. Как мы увидим дальше, кулаки очень даже участвовали в крестьянском движении. Другое

дело – они далеко не всегда «светились». Кулаки имели в деревне большую экономическую власть – а значит, могли действовать чужими руками, оставаясь в тени.

В самом деле, происходившее было выгодно прежде всего кулакам! Ведь идея «выкурить помещиков» и поделить их землю была все-таки достаточно сомнительной в смысле её реализации. Хотя, если бы не крутые действия Столыпина – власть могли бы дожать.

Но ведь имелась и иная, более реальная перспектива. Итак, помещикам жить в усадьбах становится всё более неуютно. Да и дохода в таких условиях имения не приносят. Значит, самое умное – избавиться от такой недвижимости. Продать. При массовых продажах цены на землю упадут. Да и кто станет покупать поместье в «неблагополучной» местности? А значит – под шумок можно земельку скупить… У большинства крестьян денег не было – а вот у кулаков-то они имелись. Кулаки были совсем не глупыми и прекрасно понимали ситуацию. Впрочем, правительство подсуетилось, дабы этого не произошло. Имения продавались Крестьянскому банку, который финансировался правительством. Так вот, руководство банка стремилось избежать падения цен на землю. Как видим, когда начинались интересы помещиков, «рыночные отношения» тут же заканчивались.

А еще имелась такая структура, как Крестьянский союз.

«…В 1905 году возникла общероссийская организация. Организация загадочная, поскольку ее деятельность редко сопровождалась какими-либо документами – крестьяне не хотели плодить бумаги, а часто и не могли по причине неграмотности.

Единственный легальный съезд Крестьянского союза состоялся в ноябре 1905 г. Большинство делегатов были середняками, 25 человек принадлежали к сельской интеллигенции. Из 317 местных организаций ВКС 224, или 70 %, создавались на общинных сходах. Кстати, большинство членов Союза были беспартийными».

(Е. Прудникова)

Вот как описывает очевидец этот съезд:

«Стена крестьянских поддевок и бород; две женщины в платках (представляющие сход крестьянок из деревни неподалеку от Воронежа), делегат без ноги, который прошел весь путь на костылях, несколько интеллигентов в костюмах (в основном сельские учителя), священник в черной рясе (сразу после съезда лишенный духовного сана и сосланный в монастырь “за непослушание”) и единственный в парадной форме армейский офицер в отставке крестьянского происхождения – делегат, который вызвал панику, явившись по такому случаю в мундире,

которым он гордился».

«Крестьянские делегаты продемонстрировали высокую степень ясности своих целей. Идеальная Россия их выбора была страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их семей без использования наемной рабочей силы. Все земли России, пригодные для сельскохозяйственного использования, должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или “трудовой нормой”, т. е. числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю – отменить».

(Т. Шанин)

Но наиболее интересным в крестьянских выступлениях было то, что они стали брать власть на местах. Тут они явились предшественниками Нестора Махно. Последний ведь был не только талантливым партизанским командиром. В августе 1917 года – то есть **до большевистского переворота**, Махно захватил власть в Гуляйпольском уезде, где установил порядки, вполне соответствовавшие крестьянским интересам. Помещиков разогнали, землю поделили, всех чиновников и комиссаров[27] (чрезвычайных представителей) Временного правительства послали по известному адресу – и установили «вольные Советы» – по сути, общинное самоуправление.

Ничего особо нового батька не придумал. То же самое происходило и во время первой русской революции. Причем ни анархистами, ни кем-либо иным крестьяне себя не называли.

«…Уже 17 октября 1905 года в Марковской волости Дмитровского уезда Московской губернии на сходе тамошнего сельского общества крестьяне попросили местного агронома выступить с рассказом о манифесте. Аудитория сообщение выслушала и разошлась по домам – думать.

Через две недели, переварив новости, крестьяне собрали второй сход, уже гораздо более представительный. На него сошлись жители нескольких деревень. Сход принял своеобразную “синтетическую” резолюцию, в которой смешались требования крестьянские и политические: демократические свободы, всеобщее образование, наделение землей безземельных крестьян и амнистия политзаключенным. Более того: сход постановил властям не подчиняться, податей не платить и рекрутов не давать до тех пор, пока эти требования не будут выполнены (из чего можно предположить, что агроном, вероятно, был “с народническим уклоном”).

Но все это оказалось только началом. Тут же, на этом сходе,

было провозглашено “государство в государстве” – Марковская республика, президентом коей избрали сельского старосту Бурышкина. В ноябре программу дополнили требованиями отмены самодержавия и созыва Учредительного Собрания. Как видим, с обменом идеями между промышленными центрами губернии, радикальной интеллигенцией и сельскими обществами явно было все в порядке.

Республика просуществовала **до июля 1906 года**. Все это время ею де-факто управлял местный комитет Крестьянского Союза, состоявший из пяти человек. Первое и главное, что они делали, – строго контролировали арендные платежи, поскольку плата за аренду земли в малоземельной Московской области была очень высока. Летом 1906 года полиция вошла на территорию “республики”, староста-президент был арестован. Крестьянские органы власти мгновенно исчезли, испарились, словно бы их и не было. Община – осталась.

В Сумах отделением Крестьянского Союза руководил некто Щербак, двадцать лет пробывший фермером в Калифорнии и, по-видимому, научившийся там не только прогрессивным методам земледелия[28]. В ноябре 1905 года крестьяне **запретили в своей волости торговлю землей** и взяли в коллективную собственность местный сахарный завод. Отделение Крестьянского Союза установило **собственную власть, сместив царских чиновников, ввело свои суды, издавало газету, организовало вместо полиции крестьянскую дружину**.

Часто обходились и без Крестьянского Союза. Инициаторами создания мужицких “республик” могли быть кто угодно: активисты РСДРП и эсеров, просто активные местные жители. Сплошь и рядом во главе крестьянского движения оказывались, как естественные лидеры, **лавочники, сельские старосты, мельники**[29]. Все они были объединены общим интересом, ибо земля, которую брали в аренду, в основном принадлежала помещику – естественному общему врагу всех крестьян, от безземельного бедняка до лавочника, озабоченного повышением платежеспособного спроса.

…

Образцовыми можно считать события в селе Николаевский городок Саратовской губернии. 1 ноября 1905 года на общем собрании представителей окрестных деревень решено было сместить местные власти, заменив их крестьянскими комитетами, конфисковать оружие и деньги, создать боевые дружины. А главное, провести то, ради чего всю кашу и заварили, – конфискацию помещичьих, удельных и казенных земель, а также помещичьего хлеба и передачу всего этого в безвозмездное

пользование крестьянам».

(Е. Прудникова)

Опять же для сравнения. Во время революции 1905 года в некоторых местах захватывали власть и рабочие, создавая Советы. И что же?

Вот, к примеру, «Красноярская республика». Власть в городе захватил Объединённый совет рабочих и солдатских депутатов, в котором заправляли большевики А. А. Рогов, К. В. Кузнецов, И. Н. Воронцов. Совет существовал с 6 декабря 1905 по 3 января 1906 года. Двадцать восемь дней. А в Марковской волости крестьянская власть продержалась **семь месяцев**. Между прочим, власть Колчака в Омске продержалась ровно год. Вполне сравнимые временные промежутки. Хотя у Колчака была трехсоттысячная армия и поддержка Запада. А у крестьян?

Но самое главное – красноярский Совет решительно не понимал, что делать после захвата власти. А крестьяне понимали.

«Иллюзии продолжались недолго. Манифест 17 октября принимался не ради крестьян. В Государственной Думе – новорожденном российском парламенте – интересы большинства населения страны защищала крохотная трудовая группа. С возомнившим о себе быдлом власть разговаривала сперва огнем и железом, а потом петлей и розгой. Мужику показали и его права, и его место в Российской империи. Он затаился, подчиняясь силе, однако ничего не забыл.

В 1906 году Союз, как и вообще крестьянское движение, был частично разгромлен, а большей частью просто исчез, самоликвидировался, растворился в общинной массе. Что нисколько не означало ликвидацию крестьянского самоуправления, ибо фундамент-то остался. Опыт революции 1905 года показал, что на базе сельской общины любые крестьянские организации возникают с легкостью необыкновенной».

(Е. Прудникова)

Подведем итоги. «Годы красного петуха», как назвали крестьянские выступления, показали: с крестьянским вопросом нужно что-то решать. Пока поздно не стало. Стало понятно и направление реформ. Ведь, как оказалось, община представляла собой не только экономическую, но и политическую проблему. Сельские общества были готовыми революционными структурами. И никакими репрессиями справиться с этим было невозможно. А значит – их требовалось разрушить. Так что столыпинская реформа имела и очень четкую политическую цель.

Вокруг земельного вопроса

Роль Столыпина в аграрной реформе несколько преувеличена. Точнее – она заключается в том, что он её пробил. Задумываться о нем во властных структурах стали до появления Петра Аркадьевича на властном Олимпе.

Разрушить общину!

«Вопрос о пересмотре узаконений о крестьянах возник в Министерстве внутренних дел еще в царствование Александра III, но дальше некоторого предварительного опроса местных учреждений, произведенного еще в 1895 г. через особые губернские совещания, и печатной сводки последовавших отзывов не продвигался. Двинуть этот вопрос, хотя бы формально, но все же более решительно, выпало на долю Д. С. Сипягина. По его предложению 1 января 1902 г. последовал высочайший указ, коим на министра внутренних дел был возложен пересмотр узаконений о крестьянах “для их согласования с действительными потребностями жизни и пользами государства”. Этой ничего не говорящей фразой, напоминающей известные резолюции китайских властей, предписывающие “соответственной власти принять надлежащие меры”, ограничивались все указания на основной характер предстоящего пересмотра крестьянского законодательства. В каком направлении предполагал произвести этот пересмотр Сипягин, мне неизвестно, да, вероятно, он и сам этого сколько-нибудь точно не выяснил. Одно лишь несомненно, а именно, что никаких радикальных изменений в строе крестьянской жизни произвести не предполагалось, причем вся реформа, если только ее можно назвать таковой, должна была быть осуществлена в строго консервативном духе, о чем можно судить как по общему облику самого Сипягина, так в особенности по тому, что руководителем всего дела должен был быть приглашенный Сипягиным к себе в товарищи А. С. Стишинский».

(В. И. Гурко)

Сипягин и в самом деле являлся прямо-таки каноническим образцом «тупого консерватора». По большому счету, ничего менять он не желал. 25 марта 1902 года Сипягин был убит эсером Степаном Балмашевым, открыв счет Боевой организации эсеров. На его пост вступил Вячеслав Константинович Плеве. Он тоже являлся правым, но не ретроградом. При нем вопросами аграрной реформой занялся знакомый нам Владимир Иосифович Гурко. Это человек был подлинным энтузиастом. Вот как он сам рассказывает:

«Принять возможно близкое участие в этой работе мне хотелось чрезвычайно. Начав свою службу в крестьянских учреждениях губерний Царства Польского, знакомый до известной степени с великорусским крестьянским бытом в качестве сельского хозяина, с детства постоянный – в летние месяцы – деревенский житель, я уже давно пришел к убеждению,

что непреодолимым и грозным тормозом нормального развития сельских народных масс и тем самым всего государства является несомненный пережиток старины – земельная община. Приблизиться так или иначе, ввиду этого, к пересмотру крестьянского законодательства, с тем чтобы по возможности двинуть этот пересмотр в направлении скорейшего упразднения общины, было в то время моей неотвязной мечтой. Судьба мне в этом отношении улыбнулась: одним из первых лиц, удаленных Плеве с ответственных должностей в центральном управлении Министерства внутренних дел, был управляющий земским отделом – Савич. Между тем именно в этом отделе, вопреки своему названию ничего общего с земством не имеющем, а ведающем всем обширным крестьянским делом, должна была производиться работа по пересмотру узаконений о крестьянах. Я решился воспользоваться этим обстоятельством и обратился с письмом к Плеве, в котором заявил о моем страстном желании занять означенную вакантную должность».

Обратим внимание, что Гурко вынес свои взгляды на агарный вопрос из Западного края. Как и Столыпин. А там условия были несколько иные, чем в Центральной России. Так или иначе, Гурко назначение получил. Дело было как раз в крестьянских выступлениях – они вынудили отнестись к проблеме серьезнее. А тут появился такой горячий энтузиаст…

Взгляды Гурко были очень четкие.

«Система помощи слабым и опека их от сильных извращает деятельность сильных; слабых же лишь ослабляет, так как не воспитывает в них умения противостоять сильным. Прогресс человечества является результатом деятельности сильных, а улучшение социальных условий зависит прежде всего от степени той органической силы, которой обладает народная масса. **Предоставленные самим себе слабые элементы, быть может, действительно погибают, но для человеческого прогресса, равно как и для внутренней прочности народа и созданного им государства эта гибель не имеет значения, а в известной степени даже полезна**. Необходимо предоставить простор свободной игре, свободному состязанию экономических сил и способностей народа, так как при нем происходит тот естественный подбор, при котором преимущественно вырабатываются и крепнут сильные народные элементы».

Напомню, что в данном случае «погибают» – это не метафора. Помирали с голоду. Социал-дарвинизм в полный рост.

Забавно, что, оказавшись в эмиграции, Гурко скулил о «грабителях-большевиках». Хотя – в чем проблема? Выживает сильнейший. Крестьяне почему-то помирать не захотели и пошли

за большевиками. И оказались сильнее. Но так всегда. Социал-дарвинисты очень расстраиваются, когда в «свободной игре» они получают по голове…

Однако действовать Гурко приходилось осторожно. Разрушение общины выглядело слишком радикально. Так что первоначально вопрос стоял о ликвидации особого положения крестьян. Точнее – об уравнении их в правах с другими «податными сословиями»[30]. Это Гурко очень расстраивало.

«Вообще в этом вопросе не только бюрократия, но и общественность проявляли какую-то странную робость. Число лиц, сознававших и, главное, признававших все отрицательные стороны общинного землевладения, было более чем значительно, но число решившихся высказаться за энергичные меры, направленные к разрушению общины, было совершенно ничтожно. Так, среди множества уездных сельскохозяйственных комитетов не было ни одного, поставившего этот вопрос ребром и осмелившегося его определенно разрубить. Земельная община представлялась каким-то фетишем, и притом настолько свойственной русскому народному духу формой землепользования, что о ее упразднении едва ли даже можно мечтать».

(В. И. Гурко)

Что тут сказать? Ну, не все были социал-дарвинистами.

После убийства 15 июля 1904 года Плеве дело снова на некоторое время застопорилось. Затем вопрос перешел в ведение Витте, ставшего к тому времени председателем Комитета министров. Я уже упоминал, что его аграрный вопрос не слишком волновал. Точнее, он использовал его в разного рода политических играх.

«Становилось все очевиднее, что непосредственная цель, которую в то время преследовал Витте, состояла в огульном, до их рассмотрения в центральных учреждениях, забраковании проектов новых узаконений о крестьянах, выработанных в Министерстве внутренних дел, и передаче всего этого дела для новой разработки в какое-либо подведомственное Витте междуведомственное учреждение, хотя бы, например, в Комитет министров или в то же сельскохозяйственное совещание с учреждением при нем специального с этою целью рабочего органа».

(В. И. Гурко)

В общем и целом, дело шло по обычному бюрократическому пути. Все были заняты делом – заседали, писали бумажки, интриговали. Ответственности брать никто на себя не хотел.

Новый поворот

Однако после 1905 года, когда в российском небе обильно тянулись дымки горящих усадеб, дело пошло по-иному. Многим господам дворянам стало откровенно страшно. Да, крестьяне пока только грабили и жгли поместья и никого не убивали. А вдруг начнут? Однако, как это ни странно, при этом правительство на крестьян… рассчитывало! Закон, по которому проходили выборы в первую Думу в 1906 году, был откровенно крестьянским. Витте писал о нем:

«Его, если можно так выразиться, крестьянский характер. Тогда было признано, что держава может положиться только на крестьянство, которое по традициям верно самодержавию. Царь и народ!.. Поэтому такие архиконсерваторы, как Победоносцев, Лобко и прочие, все настаивали на преимуществах в выборном законе крестьянству».

Странно? Но ведь крестьяне и в самом деле против царя ничего не имели. В отличие от либералов, которые откровенно тянули в сторону, в лучшем случае, конституционной монархии. А то и вовсе – парламентской республики. Казалось – стоит только принять аграрный закон, который бы крестьян устраивал, – и всё будет хорошо.

Как уже говорилось, Витте выдернул крестьянский вопрос из Министерства внутренних дел и передал работу над ним своим людям. По его прямому указанию закон был разработан главноуправляющим землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлером и назван «Проектом закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения». В пояснительной записке говорилось:

«Самый принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель за справедливое вознаграждение неизбежно должен быть введен в проектируемый закон. Это необходимо в интересах самого владельческого класса, так как лишь таким образом возможно при современных обстоятельствах сохранить неприкосновенною значительную часть владений этого класса и дать возможность собственникам тех земель, которые будут отчуждены, получать за них справедливую цену; слишком упорное отстаивание принципа неприкосновенности частной собственности и свободы распоряжения ею может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего, и притом на самых разорительных для себя и для всей страны условиях».

Вот оно как! До этого о передаче крестьянам помещичьих

земель и речи не было. Но такие взгляды уже не являлись шокирующими. Вот что сказал Витте дворцовый комендант Д. Ф. Трепов. Тот самый, который в 1905 году отдал приказ «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». То есть совсем не либерал.

«Я сам помещик, и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собою вторую половину».

То же самое говорил и адмирал Ф. В. Дубасов, подавлявший Декабрьское восстание в Москве. Как видим, данные господа уже не верили, что дело можно решить исключительно грубой силой.

В июне 1906 года будущий лидер умеренно-правых Балашов в записке царю писал:

«Дайте, государь, крестьянам их земли в полную собственность, наделите их новой землей из государственных имуществ и из частных владений на основании полюбовной частной сделки. Усильте переселение, удешевите кредит, а главное – повелите приступить немедленно к разверстанию земли между новыми полными ее собственниками, и тогда дело настолько займет крестьян и удовлетворит главную их потребность и желание, что они сами откажутся от общения с революционной партией».

Однако здравомыслящих помещиков оказалось не так много. Большинство делиться не желало.

«Во всеподданнейшем докладе от 10 января 1906 г., в котором излагались итоги обсуждения законопроекта Кутлера в Совете министров 6 января, Витте отмечал, что наряду с противниками законопроекта, категорически его отвергавшими, были и его сторонники, считавшие “предпочтительным для помещиков поступиться частью земель… и обеспечить за собой владение остальной частью, нежели лишиться всего, может быть, на условиях гораздо более невыгодных, или испытать на себе тяжесть введения прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупной земельной собственности немыслимо”».

Но судьба законопроекта Кутлера, как и его самого, была уже предрешена. Кутлер получил отставку и, по выражению М. Н. Покровского, «с горя пошел в кадеты», а на докладе Витте царь наложил резолюцию: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной». Но еще до этого отрицательное отношение к законопроекту выразил съезд губернских и уездных предводителей дворянства. Это и решило дело. Весьма показательно, что, отвергая законопроект, дворянство ни единым словом не обмолвилось об его экономической невыгодности для помещиков. Такой аргумент просто не выставлялся. Все

возражения сводились к одной мысли: уступив часть земли, помещики потеряют ее всю, ибо крестьянство не остановится на полдороге».

(А. Аврех)

Уполномоченные сибирского дворянства в записке на имя Николая II высказались о принудительном отчуждении земли следующим образом:

«Такая мера должна действовать растлевающим образом на население».

В другой записке говорилось:

«…ясно, что если и возможно ожидать прекращения аграрных беспорядков в сельских местностях от дополнительного наделения крестьян, то лишь после раздела всех частновладельческих земель между крестьянством, т. е. после исчезновения самого объекта, на который направлены эти беспорядки».

На ней есть пометка царя: «Это умная записка».

В докладе Витте приводилось основное возражение противников законопроекта:

«Указывалось, что никакие частичные мероприятия по передаче крестьянам частновладельческих земель не приведут к успокоению их, так как они всегда будут стремиться, ободренные к тому в своих вожделениях, к полному захвату всей земельной собственности».

И наконец. Первый съезд уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г. в принятых «Основных положениях по аграрному вопросу» вынес решение: «Принудительное отчуждение частновладельческих земель не успокоит населения, а лишь разожжет страсти».

В утверждении, что крестьяне не удовлетворятся частью, а захотят большего, есть доля истины. Но имеется и кое-что ещё. Дело в том, что значительное количество помещичьих земель были заложены. Но ведь помещики при этом продолжали ими пользоваться и получать кое-какой доход. А при платном отчуждении все вырученные за землю средства ушли бы к банкам-заимодавцам.

На докладе Витте Николай II написал резолюцию: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной».

Правда, в 1905 году вспомнили и про идеи развала общины. Товарищ Главноуправляющего землеустройством и земледелием Александр Васильевич Кривошеин писал: «Укрепление в сознании крестьянства понятия о неприкосновенности частной собственности здесь может быть достигнуто… посредством облегчения каждому члену общины выделиться из ее состава с

участком надельной земли… Достаточно сделать крестьянина собственником, чтобы он осознал всю чудовищность экспроприации чужой собственности».

Интересно, что Кривошеин отличился «умом и сообразительностью» в конце Гражданской войны. В 1920 году он являлся председателем правительства Юга России (Врангеля). И там он тоже решил провести агарную реформу – при которой земля передавалась крестьянам, но за нее требовалось заплатить… Вот каким местом надо думать, предлагая такие реформы, – когда большевики землю раздали бесплатно ещё в 1917 году – а Врангель едва держался! Ну, ничего человек не понимал!

Единственным результатом деятельности комиссии Кутлера была отмена выкупных платежей. 3 ноября 1905 года были выпущены Высочайший манифест и сопровождающий его указ. Согласно этим документам выкупные платежи бывших помещичьих крестьян с 1 января 1906 года уменьшались наполовину, а с 1 января 1907 года отменялись полностью. Это было серьезное облегчение жизни крестьян. Но, во-первых, запоздалое, а во-вторых – недостаточное.

А с Государственной Думой, открывшейся 27 апреля 1906 года, вышел полный облом.

«И вот здесь произошел первый серьезный прокол в испытанном лозунге “царь и народ”. Вчера еще темный патриархальный мужик избрал Думу без единого правого. Самыми правыми оказались октябристы, которых было всего 13. Примерно 60 депутатов принадлежали к фракциям “прогрессистского” типа, занимавшим позицию между октябристами и кадетами. Последние получили треть мандатов – 161. Фракция трудовиков вначале насчитывала 107 человек; потом она уменьшилась до 97, поскольку из нее выделились социал-демократы, образовав свою фракцию. Беспартийных было чуть больше – 100, и около 70 человек составляли так называемую фракцию автономистов, куда вошли поляки, литовцы, латыши, украинцы, мусульмане, объединившиеся на лозунге национальной автономии для областей, которые они представляли».

(А. Аврех)

«Правительство сразу же постаралось “приручить” крестьянских депутатов. На деньги МВД для них было организовано прекрасное общежитие и роскошный стол по баснословно дешевым ценам. С другой стороны, в свою фракцию крестьян старались привлечь кадеты. Получилось наоборот – крестьянские депутаты объединились в Трудовую фракцию и

выдвинули именно те требования, что выдвигались Крестьянским Союзом. В посланиях от сельских сходов их просили “нести свой крест, так как они – последняя надежда” и что “с ними Бог и народ”».

(С. Кара – Мурза)

С Думой вообще вышло нехорошо. Императорский прием, проходивший в Тронном зале Зимнего дворца, на котором присутствовали и депутаты, прошел нехорошо.

«Двор решил, что этому приему надо придать особенную торжественность и блеск. Из Москвы были выписаны государственные регалии и высшие сановники, поставленные по обеим сторонам трона, были назначены для их несения. На самый трон была накинута императорская горностаевая мантия, причем говорили, что государыня сама расположила эту мантию на троне, дабы она спадала художественными складками. За сим самую залу разделили на две части, отгороженные от оставленного между ними прохода, по которому должен был пройти царский кортеж, бархатными шнурами. Одну из этих частей предназначили для членов Думы, а другую для членов Государственного совета, сенаторов и иных высших военных и гражданских чинов. Контраст получился поразительный. С одной стороны, двор, правительство в расшитых и украшенных многочисленными орденами мундирах, а с другой – серая, почти сермяжная толпа, представлявшая народную Россию. Исходя из наивной мысли, что народных представителей, среди коих было множество крестьян, надо поразить великолепием двора, члены царствующего дома женского пола надели на себя едва ли не все имеющиеся у них драгоценности. Они буквально были покрыты жемчугами и бриллиантами. Но результат получился обратный. Восточный прием внушения уважения к носителям верховной власти был при данных условиях совершенно нецелесообразным.

Народные представители отнюдь не принадлежали к тем первобытным натурам, которым могла бы импонировать внешняя обстановка. Не помогло и царское приветствие, составленное умно и сказанное царем отчетливо, не без царственного величия, причем государь особенно подчеркнул, что он приветствует лучших представителей населения страны».

(В. И. Гурко)

Так дальше и пошло. И. Л. Горемыкин, сменивший 22 апреля 1906 года Витте на посту председателя Совета министров, откровенно не желал налаживать контакта с Думой. Скорее всего потому, что не знал, как это делать. Это явно было выше его способностей. А депутаты тоже заняли откровенно

антиправительственную позицию. В общем, кризис…

Часть 2
Столыпин действует

Итак, время жестко диктовало необходимость перемен. Но для их осуществления требуются новые люди. И вот тут на властном Олимпе взошла звезда никому доселе неизвестного Петра Аркадьевича Столыпина.

Путь во власть

Карьера Столыпина даже при не слишком внимательном взгляде вызывает ряд вопросов. Уж больно она быстрая и гладкая.

Петр Аркадьевич Столыпин родился 2 апреля 1862 года в Дрездене, где в то время находилась его мать.

Происходил он из старой дворянской семьи.

«Генеалогия Столыпиных прослеживается с XVI века, с Григория Столыпина. Его сын Афанасий – муромский дворянин. Сильвестр Афанасьевич Столыпин участвует в войне с Польшей в 1654–1656 годах, заканчивает жизнь московским дворянином. Затем идут служилые дворяне Семен Сильвестрович, Емельян Семенович, Алексей Емельянович. Они ничем особым не выделяются из массы русских дворян, были воинами и земледельцами, представляя собой типичных патриархальных помещиков.

Впрочем, Алексей Емельянович, прадед премьер-министра, вышел в отставку поручиком (родился в 1744 году), был предводителем пензенского дворянства. То есть его выделили из общей массы. У него шестеро детей: Александр – адъютант Суворова, Аркадий – друг реформатора Сперанского, тайный советник, обер-прокурор и сенатор, Николай – генерал-лейтенант, разорванный толпой во время бунта в Севастополе. Дмитрий – дед Петра Аркадьевича – генерал-майор, Афанасий – штабс-капитан, саратовский предводитель дворянства, и Елизавета, бабушка М. Ю. Лермонтова, вышедшая замуж за М. В. Арсеньева».

(С. Рыбас)

Отец Столыпина, Аркадий Дмитриевич был военным, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, дослужился до чина генерала от артиллерии.

Это факты общеизвестные. Меньше сегодня любят говорить об имущественном положении семьи. Или говорят неправду. Так, Александр Солженицын, который и начал раскрутку «столыпинского мифа», откровенно слукавил, назвав Столыпина «мелкопоместным человеком». На самом-то деле его семья была очень даже не бедной – они владели восемью тысячами десятин земли, причем незаложенной. Ни о какой «мелкопоместности» речь не идет – это очень крупное землевладение. Причина нежелания обсуждать материальное положение реформатора понятна – факт наличия богатого поместья несколько портит образ рыцаря без страха и упрека. Сразу приходят на ум мысли о «классовых интересах». Ведь Столыпин был резко против отчуждения помещичьей собственности.

Хотя на самом-то деле это неважно. В конце концов, Ленин тоже происходил из помещиков.

С 7 и до 15 лет Столыпин жил в Западном крае, на территории современной Литвы. Учился он в гимназии в Вильно (Вильнюс), а лето проводил а имении Колноберже в Ковенской[31] губернии. Это весьма существенно. Напомню, что В. И. Гурко тоже много времени провел за западе Российской империи. А тут положение с землей было несколько иным. Так уж исторически сложилось, что фермерские хозяйства были в этой местности весьма развиты. Так что подростковые впечатления могли в значительной степени определить будущие взгляды реформатора.

«В Ковенской губернии, неподалеку от Колноберже, было еще одно имение, принадлежавшее Столыпиным. Кратчайший путь к нему лежал по железной дороге через Пруссию. Петр Аркадьевич наблюдал ухоженные богатые хутора немцев и поляков, наблюдал и наверняка сравнивал.

Мария Петровна (дочь Столыпина. – *А. Щ.*) утверждает, что именно эти поездки породили у отца мысли о необходимости скорейшего разрушения общины и перехода к хуторской системе».

(С. Рыбас)

Правда, эти хутора были следствием очень длительного и весьма тяжелого процесса. В ходе которого, к примеру, тысячи немцев подались в XVIII веке в Россию. В том же XVIII веке по германским государствам[32] асфальтовым катком прошлась Тридцатилетняя война, в результате которой погибла **половина** населения. Что, как это ни цинично звучит, в значительной степени решило земельный вопрос.

К тому же в Германии существовала мощная промышленность, выкачивавшая из деревни «лишних людей». А в Царстве Польском с землей было лучше, поскольку крестьянам передали земли бунтовавших в 1862 году польских дворян. К тому же в значительной степени и в Пруссии, и в Польше это были «ненастоящие» хутора. То есть фермеры не являлись собственниками. Помещики отдавали в аренду большие куски земли – а арендаторы раскручивали на них фермерское хозяйство с помощью батраков. Но когда видишь результат, об этом не задумываешься.

И ещё одна тонкость, которую стоит понимать. Русское слово «крестьянин» аналогов в европейских языках не имеет. Например, в немецком ему вроде бы соответствует «Bauer» – так значится в словарях. Но… На самом-то деле бауэр – это по русским меркам зажиточный крестьянин, который имеет крепкое хозяйство и использует труд батраков. А батрак – это не бауэр. Понятия

«бедный крестьянин» в Пруссии не существовало. Либо ты бауэр, либо наемный работяга. Вот к этому и стремились идеологи аграрной реформы.

В 1879 году отца Столыпина перевели в Орел. Туда переехал и Петр, в этом городе он и закончил гимназию.

В 1881 году будущий премьер поступил на физико-математический факультет Санкт – Петербургского университета. Кроме физики и математики, здесь преподавались химия, геология, ботаника, зоология и агрономия. Последние три дисциплины очень интересовали Петра Аркадьевича.

«Столыпин не курил, почти не употреблял спиртного и редко играл в карты. Он рано женился, оказавшись чуть ли не единственным женатым студентом в университете. Ольга Борисовна, жена П. А. Столыпина, прежде была невестой его старшего брата, убитого на дуэли. С убийцей своего брата стрелялся и П. А. Столыпин, получив ранение в правую руку, которая с тех пор плохо действовала (видимо, это заявила о себе роковая решительность натуры П. А. Столыпина или его линейное восприятие действительности).

В литературе тех лет часто противопоставлялось мятежное поколение, сформировавшееся в 60–е годы, и законопослушное, практичное поколение 80–х годов. Столыпин был типичным «восьмидесятником». Он никогда не имел недоразумений с полицией, а по окончании университета избрал чиновничью карьеру, поступив на службу в Министерство государственных имуществ».

(П. Н. Зырянов)

На самом деле карьеру Столыпин начал в 1884 году, будучи ещё студентом. Он был принят на службу в Министерство внутренних дел. Где именно он служил – неизвестно. Впрочем, в те времена «зачислиться по министерству» не обязательно означало конкретную службу. Человек мог и не занимать никой должности и, соответственно, не получать зарплаты. Но выслуга и чины ему шли. Разумеется, так пристроиться удавалось не всем. Но об этом – чуть ниже.

В 1885 году Столыпин закончил университет. В том же году Столыпин, как сказано в служебных документах, «согласно прошению переведён на службу в число чиновников, причисленных к Департаменту земледелия и сельской промышленности».

Карьеру Столыпин делал как-то уж очень быстро. Уже в начале 1887 года, то есть через три года после начала службы он дослужился до чина надворного советника. Это чин VII класса, соответствующий армейскому подполковнику. Впрочем, тогда

дворяне, да ещё закончившие университет, росли в чинах быстро. Напомню, что Александр III как раз делал ставку на дворян. А большинство «благородных» служить не слишком рвались…

А вот дальше начинается самое интересное. В 1888 году Столыпин получил чин камер-юнкера. Это уже V класс (равный полковнику). Но дело-то тут в другом. Чин-то – **придворный**! (В Российской империи чины были гражданские, военные, флотские, казачьи и придворные). Хотя вообще-то при дворе он не бывал. Тоже интересно.

Карьера Петра Аркадьевича продолжает стремительно идти вверх. В 1889 году Столыпин был назначен Ковенским уездным предводителем дворянства и председателем Ковенского суда мировых посредников. То есть заступил на должность, соответствовавшую той, которую занимал Киса Воробьянинов. С одной существенной разницей. В России предводители дворянства выбирались. А вот в Северо – Западном крае, где среди дворян преобладали поляки, – их назначали.

В Ковно Столыпин провел на этой должности 13 лет. Вообще-то – не самая пыльная работа. А чины росли. К 1901 году Столыпин стал статским советником (между полковником и генералом), зато в придворных чинах дорос до камергера (генерал-майор). Чем же он там таким выдающимся занимался? Никто членораздельно сказать не может. Да и чем на этой должности можно было заниматься? Это была откровенная, хотя и почетная, халява. И уж тем более не разбрасывались в Российской империи камергерскими званиями.

Тут, наверное, необходимо пояснить. Я столь подробно отслеживаю чины Столыпина не для того, «чтобы свою ученость показать». Дело в том, что Табель о рангах в Российской империи была[33] сквозной. Для сравнения. В наше время много людей, учившихся в вузах, где была военная кафедра, имеют офицерские звания. Ни при СССР, ни теперь это никакого значения для карьеры не имеет. А вот в Российской империи – имело. Человек, имевший чин, мог претендовать на соответствующую должность в разных ведомствах. Это, конечно, не значит, что, допустим, отставного армейского капитана вот так просто взяли бы, допустим, на должность начальника дистанции на железной дороге. Но в принципе могли взять. Никаких формальных ограничений не было. Чин соответствовал, а значит – вопросов нет. Это я к тому, что быстрый рост в чинах – это **очень** серьезно.

А у Столыпина жизнь продолжалась.

30 мая 1902 года император Николай II в высочайшем указе повелел:

«Ковенскому Губернскому предводителю Дворянства, Двора

нашего в звании Камергера, Статскому Советнику Столыпину Всемилостивейше повелеваем быть Исправляющим должность Гродненского Губернатора, с оставлением в придворном звании».

Но вот, наконец, мы подошли к вопросу: а в чем причина такого бурного роста? Выдающиеся способности? Ими Столыпин, безусловно, обладал, но пока что особо их не проявил.

«Историки единогласны в том, что “неизвестно, чем заслужил Петр Аркадьевич доверие царя”.

К этому мы можем добавить лишь одно: ситуация потребовала новых людей. Да, случай выдвинул Столыпина или, как говорили тогда, Провидение».

Так пишет Вячеслав Рыбас, который Столыпина очень любит.

Ему вторит Арон Аврех, относящийся к Петру Аркадьевичу не слишком хорошо.

«Молниеносное восхождение вчера еще рядового губернатора на вершину политического Олимпа в возрасте 44 лет было загадкой для современников, остается загадкой и поныне, потому что никаких мощных связей и протекций у Столыпина при дворе не было. Кто подсказал его кандидатуру царю, неизвестно».

(А. Аврех)

Между тем особой загадки нет. Имелись у семьи Столыпина связи. Да ещё какие!

«Отец Столыпина заведовал придворной частью в Москве, постоянно был рядом с любимым дядей Николая – Великим князем Сергеем Александровичем и его женой – родной сестрой Александры Федоровны. Его друзья юности – Н. Д. Оболенский, начальник кабинета его величества, А. Ф. Гейден – начальник канцелярии императорской главной квартиры. Брат матери П. А. Столыпина М. Б. Нейгарт – товарищ и собутыльник Николая в молодости».

(В. Снитковский)

Тогда всё становится на свои места. И стремительный карьерный рост, непонятно откуда взявшееся придворное звание…

Губернатор

Оказавшись на губернаторской должности, Столыпин не бездельничал.

Губернатор, пусть и отдаленной небольшой губернии, участвовал в решении общегосударственных задач. Вот тут ему сильно помогает опыт уездного предводителя дворянства и знание будничных проблем сельской жизни и сельской экономики.

«В. К. Плеве прислал ему на отзыв проект упрощенного земского самоуправления в западных губерниях, где доминировали польские помещики. Согласно проекту, земских гласных в таких губерниях должен назначать губернатор.

Столыпин подошел к проблеме очень рационально. Выборы в Западном крае, где богатый слой населения представляли в основном поляки, а крестьяне и мещане были литовцами, белорусами и евреями, ему виделись опасным делом, так как они обострили бы национальные противоречия.

Однако и прямое назначение гласных администрацией виделось губернатору малополезным. Назначенцы не могли бы стать связующим звеном между властью и народом, а только пережимали бы этот канал.

Столыпин предложил создать коллегии выборщиков, которые избирали бы гласных. Он считал важным, чтобы в числе гласных были бы крестьяне и даже евреи. Если учесть официальное отношение к евреям, то это казалось труднообъяснимым. Однако Столыпин смотрел на вещи без догматизма, считая, что нужны новые подходы.

При переработке проекта Плеве обратил внимание на замечания гродненского губернатора. Самый молодой губернатор оказался зрелым политиком.

Второй случай обратить внимание Петербурга на Столыпина представился, когда начало работу Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством министра финансов С. Ю. Витте. Столыпин возглавил губернский комитет Особого совещания. Благодаря этой деятельности он погрузился в самую трудную российскую проблему и задумался над ее решением.

…

Вот программа губернатора, объявленная им в июле 1902 года: **расселение крестьян на хутора, ликвидация чересполосицы**[34], выделение кредитов для мелиоративных работ, развитие кооперации, сельскохозяйственное образование

крестьян, улучшение сельхозорудий, внедрение многопольных севооборотов».

(В. Рыбас)

Впоследствии В. И. Гурко утверждал, что Столыпин был просто «громкоговорителем», а реформу придумал он. Как видим, это не совсем так.

На заседании губернского комитета Столыпин изрек одну очень примечательную фразу. Впоследствии, став большим государственным человеком, он такие вещи предпочитал не озвучивать:

«Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой – это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

Итак, железной рукой загоним крестьян в светлое будущее. Чем это отличается от позиции большевиков?

Вскоре, в марте 1903 года, по инициативе Плеве Столыпин был назначен губернатором в Саратовскую губернию. Это было явное повышение, несмотря на, казалось бы, одинаковую должность. Но ведь и сегодня области в России очень разные. Назначение в Саратов было куда престижнее. Но и работа тут была куда сложнее.

«Это было, безусловно, актом высокого доверия со стороны всесильного министра внутренних дел – пост слыл трудным, ибо губерния считалась “красной”, и именно из Саратова Столыпин переехал в Петербург. Плеве его высоко ценил, считал настоящим хозяином, помещиком и дворянином. Губернатор был действительно образованным человеком, прекрасно владел тремя иностранными языками. Единственное, что ставил ему в вину министр, – это склонность “к фразе и позе”».

(А. Аврех)

Столыпин вроде бы стал отказываться от назначения. На что Плеве заявил:

«Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. Я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

Обычно это рассматривают как то, что Столыпин к карьере не стремился. Но есть и иная версия. Дело в том, что назначал губернаторов не Плеве, а Николай II – по рекомендации министра

внутренних дел. Именно министру МВД губернаторы непосредственно подчинялись. Но Николай был непредсказуемым человеком. Иногда он проявлял упрямство на пустом месте. Зато имелась у него особенность – ему очень нравилось, когда люди отказывались от повышения. Он полагал – значит, не карьеристы. Разумеется, все, кому надо, об этом знали. Так что Столыпину могли подсказать нужную линию поведения.

Впрочем, легкой новую должность назвать было трудно. В Саратовской губернии крестьянские страсти бушевали по полной. Я уже упоминал о крестьянах, которые переняли у эсеров навыки печатания листовок. Имелись тут и многочисленные революционеры, в основном, те же эсеры, которые активно отстреливали царских чиновников. А вдобавок – ещё и «инородцы», кочевники-киргизы, с которыми тоже хватало проблем.

«Летом же 1905 года саратовская губерния стала одним из главных очагов крестьянского движения. В сопровождении казаков Столыпин разъезжал по мятежным деревням. Против крестьян он не стеснялся в использовании войск. Производились повальные обыски и аресты. Чтобы выявить излишки ржи, Столыпин составил таблицу, которая показывала соотношение между посевной площадью и величиной урожая. Так пригодились университетские познания в области математики (то есть Столыпин никак не вникал в суть крестьянского движения, заранее полагая его во всем виноватым)…

В докладных царю Столыпин утверждал, что главной причиной аграрных беспорядков является стремление крестьян получить землю в собственность. Если крестьяне станут мелкими собственниками, они перестанут бунтовать. Кроме того, ставился вопрос о передаче крестьянам части государственных земель».

(П. Н. Зырянов)

То есть Столыпин приписывал крестьянам собственные взгляды. Потому что никаких оснований так думать не имелось. Но вот хотелось человеку, чтобы дело обстояло именно так, – и всё тут.

В Саратовской губернии Столыпин непосредственно столкнулся с террористами. Хотя против него действовали одиночки. Летом 1905 года в Столыпина стреляли во время его посещения «умиротворенных» деревень. Не попали. Неудавшийся убийца скрылся. В другой раз в центре Саратова, на Театральной площади, ему кинули под ноги бомбу. Несколько человек было убито, но Столыпину повезло. Есть ещё несколько свидетельств о покушениях, но они носят явно легендарный характер. В двух же известных случаях, явно действовали дилетанты.

После манифеста 17 октября в деятельности террористов наступило некоторое затишье. Но не совсем.

«Центральный Комитет (Партии социалистов-революционеров. – *А. Щ.*) постановил прекратить временно центральный[35] террор, но вместе с тем он решил продолжать боевые действия против непосредственных усмирителей разных восстаний и беспорядков. В силу последнего, в ноябре месяце от “Боевой Организации” был отправлен летучий отряд для совершения покушения на командированного по Высочайшему повелению в Саратов по делу аграрных беспорядков генерал-адъютанта Сахарова. В отряд входили Биценко и Борис Мищенко – Внворовский. В Саратове члены отряда вошли в соприкосновение с местным комитетом, устроили квартиры и добыли все нужные справки. 22 ноября Биценко, явившись на прием к генерал-адъютанту Сахарову, несколькими выстрелами убила его».

(А. Спиридович, жандармский генерал)

Генерал-адъютант В. В. Сахаров как раз и занимался подавлением крестьянских восстаний в Саратовской губернии. За что эсерка Анастасия Биценко его и застрелила. Интересна личность генерала. В 1904–1905 годах Сахаров трудился военным министром. В связи с «удачной» Русско-японской войной его вышибли с должности и бросили в глубинку работать карателем.

Между тем дела в Саратовской губернии шли интересно. Столыпин писал жене:

«Дни идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими… Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина! В городе все спокойно. Я теперь безопасен, чем когда-либо, т. к. чувствую, что на мне все держится, и что если меня тронут, возобновится удвоенный погром. В уезд выеду конечно только с войсками – теперь иначе нет смысла.

До чего мы дожили. Убытки – десятки миллионов. Сгорели Зубриловка… исторические усадьбы. Шайки вполне организованы». Телеграмма Николая II 4 января 1906 года:

«Саратов. Губернатору Столыпину. Осведомившись через Министра Вн. Дел о проявленной вами примерной распорядительности, выразившейся в посылке по личной инициативе отряда войск для подавления беспорядков в пределах Новоузенского уезда Самарской губернии и издавна ценя вашу верную службу, объявляю вам мою сердечную благодарность. Николай».

Итак, Столыпин честно выполнял свою работу в регионе, где была сложная ситуация. А вот его личные взгляды были интересными. С самого начала Русско-японской войны Столыпин

относился к ней отрицательно. Старшая дочь Петра Аркадьевича спросила отца: «Почему в народе не наблюдается по поводу войны энтузиазма?». На что Столыпин ответил:

«Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю[36] в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом».

Как мы увидим дальше, Столыпин являлся принципиальным противником того, чтобы Россия лезла в военные заварухи. В этом смысле он вполне разделял позицию Александра III, который, как известно, получил прозвище «Миротворец». Причина такой политики предпоследнего императора заключалась отнюдь не в гуманизме, а в простом соображении – надо сначала навести порядок на собственной территории, а уж потом думать о чем-то ином. Столыпин до самой смерти придерживался точно таких же взглядов.

Впрочем, это мнение он высказывал только в узком кругу. На церемонии отправки из Саратова на театр боевых действий миссии Красного креста он высказался «как положено»:

«Каждый сын России обязан, по зову своего царя, встать на защиту Родины от всякого посягательства на величие и честь ее».

Это выступление сыграло очень важную роль. Оно имело большой успех. Ранее Столыпин речей на публике не произносил. И тут, на сорок втором году жизни, оказалось, что он обладает выдающимся ораторским талантом. Сам Петр Аркадьевич говорил:

«Мне самому кажется, что сказал я неплохо. Не понимаю, как это вышло: я ведь всегда считал себя косноязычным и не решался произносить больших речей».

А ведь оратором Столыпин и в самом деле оказался неплохим. Конечно, до «звезд» того времени, Троцкого или Талона, он не дотягивал, но с другими мастерами слова, вроде лидера партии кадетов Павла Петровича Милюкова, он вполне мог сравниться.

Должность высокая, но опасная

26 апреля 1906 года Столыпин был назначен на пост министра внутренних дел.

Вот что он писал жене. Документ очень интересный.

«Оля, бесценное мое сокровище. Вчера судьба моя решилась! Я Министр Внутренних Дел в стране окровавленной, потрепанной, представляющей из себя шестую часть мира, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что Он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает.

Поддержка, помощь моя будешь Ты, моя обожаемая, моя вечно дорогая. Все сокровище любви, которое Ты отдала мне, сохранило меня до 44 лет верующим в добро и людей. Ты чистая моя, дорогая. Ты мой ангел-хранитель.

Я рдеюсь одним – пробыть Министром 3–4 месяца, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь взаимность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине. Вот как было: вчера получаю приказание прибыть, в 6 ч. вечера явиться в Царское. Поехал экстренным поездом с Горемыкиным. Государь принял сначала Горемыкина, потом позвали меня.

Я откровенно высказал Государю все мои опасения, сказал ему, что задача непосильна, что взять… губернатора из Саратова и противопоставить его сплоченной и организованной оппозиции в Думе – значит обречь Министерство на неуспех. Говорил ему о том, что нужен человек, имеющий на Думу влияние и в Думе авторитет и который сумел бы несокрушимым сохранить порядок. Государь возразил мне, что не хочет Министра из случайного думского большинства, что все сказанное мною обдумал уже со всех сторон. Я спросил его, думал ли он о том, что одно мое имя может вызвать бурю в Думе, он ответил, что и это приходило ему в голову. Я изложил тогда ему мою программу, сказал, что говорю в присутствии Горемыкина как премьера, и спросил, одобряется ли все мною предложенное, на что, после нескольких дополнительных вопросов, получил утвердительный ответ.

В конце беседы я сказал Государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения, что я исповедовался и открыл всю мою душу, пойду, только если он как Государь прикажет мне, так как обязан и жизнь отдать ему, и жду его приговора. Он с секунду помолчал и сказал: “Приказываю Вам, делаю это вполне

сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас – это на пользу России”.

Говоря это, он обеими руками взял мою (руку) и горячо пожал. Я сказал: “Повинуюсь Вам” и поцеловал руку Царя. У него, у Горемыкина, да вероятно и у меня, были слезы на глазах.

Жребий брошен, сумею ли я, помогут ли обстоятельства, покажет будущее. Но вся Дума страшно настроена, обозлена основными законами, изданными помимо Думы, до сформирования кабинета, и будут крупные скандалы.

Если ждет меня неуспех, если придется уйти через 2 месяца, то ведь надо быть и снисходительным – я ведь первый в России конституционный Министр Внутренних Дел…»

Тут положено умилиться. В самом деле – вон он какой рыцарь без страха и упрека! Но… Именно этим письмо и настораживает. Как-то это больно «литературно», вам не кажется? Особенно – заявление, что Петр Аркадьевич собирается пробыть на месте премьера два-три месяца. Уж губернатор-то должен знать – за такой срок решительно ничего сделать невозможно.

Так что создается впечатление, что либо Столыпин писал «для истории», либо, что скорее, он полагал: письмо прочет ещё кто-то, кроме жены. Кто прочтет? Охранка. Письма высших должностных в данном ведомстве читали. И об этом было неплохо известно. Так вот, охранка прочет и доложит куда надо.

8 июля Столыпин возглавил Совет министров, оставаясь руководителем МВД. Последнее очень важно. Потому что в упоминавшемся управленческом бардаке председатель Совета на самом-то деле ничего не контролировал. А вот Министерство внутренних дел… Эта структура совершенно не похожа на современное ведомство с таким же названием. Куда больше оно напоминает НКВД до выделения НКГБ. Точнее – наоборот. Большевики позаимствовали от Российской империи куда больше, чем принято считать.

В самом деле. Министерство контролировало все службы охраны правопорядка – Отдельный корпус жандармов и полицию, включая Охранные отделения[37]. Причем полицией в Российской империи осуществлялись все распоряжения любого ведомства, в которых требовалось принуждение. Земский отдел МВД ведал надзором за крестьянами. Министерство контролировало почту и телеграф. Главное управление по делам печати ведало цензурой, типографиями и книжной торговлей. Также в его ведении находился надзор за сектами и раскольниками. Но самое главное я оставил под конец. Именно в подчинении министра внутренних дел находились **губернаторы**. Такого и в СССР не было. Точнее, об этом мечтал Ежов, но его именно за такие мечты, которые он

начал осуществлять, поставили к стенке. А если главный «внутренний» ещё и председатель Совета министров… Это сила!

Фактически Столыпин стал вторым человеком в Империи. Власть Петра Аркадьевича превосходила власть канцлера – была такая высшая должность в Империи, которая пустовала с 1867 года.

Но снова вопрос: а почему его назначили на такую головокружительную должность? В Саратове он действовал неплохо, но громких успехов не имел. Правда, в июле 1904 года император, проезжая через Саратовскую губернию, встречался со Столыпиным и сказал ему такие слова:

«Вы помните, когда я вас отправил в Саратовскую губернию, то сказал вам, что даю вам эту губернию “поправить“, а теперь говорю – продолжайте действовать так же твердо, разумно и спокойно, как до сего времени».

Но Николай II был не Наполеоном и не Сталиным, чтобы всех и всё помнить. Есть версия, что его кандидатуру «пробила» Мария Федоровна. Она-то, в отличие от сына, в людях разбиралась неплохо. И ей вполне могли указать на перспективного кадра. По крайней мере, именно вдовствующая императрица впоследствии была главной опорой Столыпина в «верхах».

«Достигнув власти без труда и борьбы, силою одной удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собой попечительную руку Провидения».

(С. Е. Крыжановский, товарищ министра внутренних дел)

Хотя… Не всё было так просто.

«Новый премьер не имел выбора при формировании кабинета. Из прежнего состава правительства он удалил лишь таких реакционеров, как А. С. Стишинский и князь А. А. Ширинский – Шихматов, в основном же правительство осталось горемыкинским. Не все его члены были единомышленниками Столыпина. Министр финансов В. Н. Коковцев, опытный государственный деятель и второе по значению лицо в кабинете, не скрывал скептического отношения к аграрным начинаниям Столыпина и жалел на них денег (а вот и еще одно роковое для Столыпина обстоятельство – нехватка средств)».

(П. Н. Зырянов)

И почти сразу же «премьеру», как часто называли Столыпина на западный манер[38], пришлось убедиться, что эта должность весьма опасна. На него совершили новое покушение.

«12 августа организацией Соколова был произведен взрыв дачи министра. Около 3–х часов дня, у подъезда дачи министра, на Аптекарском острове, остановилось ландо. В нем сидело три максималиста, из которых двое, по кличкам “Ваня маленький” и

“Григорий”, были в форме жандармских офицеров. Один из мнимых офицеров, имея под рукой большой портфель, пошел к крыльцу, но бывший на дежурстве чин охраны не пропустил его в подъезд, а стал расспрашивать о причине приезда. Тогда офицер бросил в подъезд портфель. Раздался взрыв, разрушивший почти всю дачу. Из числа лиц, находившихся на даче, 32 человека были убиты, 22 ранены. Погибли также и приехавшие в ландо максималисты. Министр остался невредим.

Неслыханное еще по числу ни в чем неповинных жертв покушение на министра вызвало негодование в широких кругах общества».

(А. Спиридович)

«На даче застал я ужасную картину: у подъезда стояло наемное ландо, лошади которого лежали убитые. Сама дача представляла развалины. Вся ее передняя часть была разрушена. Передняя стена обвалилась, и видны были обширная передняя и соседняя с нею маленькая приемная с обрушившимися потолками, увлекшими за собою меблировку соответствующих комнат верхнего этажа, где жили дети Столыпиных. Тут же лежали, чем-то прикрытые, тела убитых: их было несколько, а именно все находившиеся в момент взрыва в передней. Изувеченная дочь Столыпина – у нее были перебиты ноги – была перенесена в другое здание. Малолетний сын Столыпина, тоже провалившийся вместе с потолком в нижний этаж, был найден среди всевозможных обломков совершенно невредимым.

Столыпин был, несомненно, смелый, мужественный человек: он сам извлек своего сына из обломков и, невзирая на испытанное им потрясение, сохранил полное спокойствие. Силой взрыва он сам, находившийся за две комнаты от его центра, равно как бывшие у него в это время в кабинете симбирский губернский предводитель дворянства Поливанов и председатель губернской управы Беляков были отброшены на пол, причем свалившаяся со стола чернильница своим содержанием облила затылок и шею Столыпина. Тотчас следом за мною приехал Коковцов. Как сейчас вижу следовавшую за этим небольшую сценку. В крошечной уборной, выходившей в сад, стоит Столыпин и, скинув верхнее платье, старается отмыть облившие его чернила. По одну его сторону стоит Коковцов, по другую – я. Мокрый, со струящейся с него водой, Столыпин, несколько возбужденный, с жаром говорит: “Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России”. И это не была поза. Столыпин в эту пору, в первом пылу государственного творчества, был действительно всецело предан мысли о реформах России и думал лишь о них».

(В. И. Гурко)

Эту акцию совершила «Организация эсеров-максималистов», которых чаще называют просто максималистами. Данные ребята в начале 1906 года откололись от эсеров, сочтя их недостаточно революционными. Максималисты были полными отморозками. Они вообще отрицали любую легальную борьбу, считая достоянным внимания только терроризм. Вот они и начали развлекаться с дачи Столыпина…

Предтеча чрезвычаек

Так уж случилось, что через неделю после взрыва дачи Столыпина, 19 августа 1906 года в качестве «меры исключительной охраны государственного порядка» был принят «Закон о военно-полевых судах». Именно от этого закона пошло выражение «столыпинский галстук».

…Об «усмирениях» и сегодня много спорят. И ведь дело тут не в уровне жестокости. В конце-то концов, порядок каким-то образом надо было наводить. Дело в методах, которыми они проводились. Потому что каратели действовали по принципу «разберись, кто виноват, и накажи, кого попало». Вели себя как оккупанты. Или колонизаторы. По сути – «давили взбунтовавшееся быдло». Эти методы с абсолютной точностью, только в куда больших масштабах впоследствии применяли белогвардейцы, особенно колчаковцы.

Да и большевики многое позаимствовали. Крестьяне и рабочие, воевавшие на стороне красных, в детстве или в юности были свидетелями действий карательных отрядов столыпинских военно-полевых судов во времена революции 1905–1907 годов. Жители деревень и рабочих предместий платили по старым счетам. С процентами.

Но самое-то главное – Столыпин в этом не слишком виноват…

Идут вперед каратели

Подавление крестьянских восстаний началось с лета 1905 года.

По всей Руси великой «на подавление» двинулись карательные отряды. Действовали они предельно жестко. Сегодня принято говорить, что боролись против террористов. Это не так. Карательные отряды против подполья бесполезны. Боролись с народом.

Вот что объявлял Ф. В. Дубасов:

«Если **сельские общества** или хотя **немногие из их членов** позволят себе произвести беспорядки, **то все жилища такого общества** и все его имущество будут по приказу моему уничтожены».

«Беспощадная расправа с крестьянским “самоуправством” стала первым и главным принципом государственной политики в революционной деревне. Вот типичный приказ министра внутренних дел П. Дурново киевскому генерал-губернатору, “… немедленно истреблять, силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища… Аресты теперь не достигают цели: судить сотни и тысячи людей невозможно”. Этим указаниям вполне соответствовало распоряжение тамбовского вице-губернатора полицейскому командованию: “меньше арестовывайте, больше стреляйте…” Генерал-губернаторы в Екатеринославской и Курской губерниях действовали еще решительнее, прибегая к артиллерийским обстрелам взбунтовавшегося населения. (Ну до этого пока новороссияне не дошли, хватает ОМОНа. Напомню – на дворе 1905 год, “русские и православные” министры и генералы истребляют собственный голодный народ с помощью артиллерийского огня и карательных экспедиций. Без помощи всяких китайцев и латышей… обходятся так сказать “православным воинством”.) Причём самое паскудное в этой ситуации – что народ голодал из-за жадности землевладельцев и имперского правительства».

(И. Поморцев)

«В деревню прибыл карательный отряд. Его командир, уланский ротмистр, приказал выдать зачинщиков. Когда его приказание не было выполнено, солдаты схватили нескольких крестьян и повесили. Хотя двоих из них, братьев Семеновых, вообще не было в деревне во время разгрома усадьбы. После всех мужчин подвергли порке».

(П. Колосов)

С рабочими разбирались так же.

Вот к примеру, как происходило «умиротворение» в окрестностях Москвы.

Командир Лейб-гвардии Семеновского полка полковник Мин выделил шесть рот под командой 18 офицеров и под начальством полковника Римана. Этот отряд был направлен в рабочие поселки, заводы и фабрики по линии Московско – Казанской железной дороги. Отправляя эту часть полка в кровавый поход, полковник Мин отдал приказ, в котором предписывалось буквально следующее: «…арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллериею».

(Из протокола дополнительного допроса обвиняемого Шрамченко Владимира Владимировича, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО г. Ленинград, 27 ноября 1930 года)

Жесткость Мина понять можно. Дело происходило сразу после Ноябрьского вооруженного восстания. Другое дело, что офицеры карательных отрядов, мягко говоря, несколько увлекались карательными мерами, особо не разбираясь, кто прав, кто виноват. И так происходило по всей стране.

«По приезде на станцию Перово несколько солдат, под личной командой Римана, штыками закололи пом. нач. станции. Как фамилия жертвы – мне не известно…

Со слов офицеров полка слышал, что на ст. Голутвино был расстрелян машинист Ухтомский и еще 30 человек. В расстреле Ухтомского, если не ошибаюсь, участвовали солдаты и офицеры 9 роты, под командой капитана Швецова. Как зовут Швецова – не помню. Из разговоров офицеров мне было известно, что особыми зверствами отличался Аглаимов – адъютант одного из батальонов. Аглаимова зовут Сергей Петрович. Зверство его выражалось в том, что собственноручно из нагана расстреливал взятых в плен, за что получил высший орден Владимира 4–й степени. Наряду с Аглаимовым такими же зверствами отличались братья Тимроты. Из разговоров с Поливановым или Сиверсом в ДПЗ узнал, что они находятся за границей.

(Из протокола дополнительного допроса обвиняемого Шрамченко В. В.)

Поясню. «Взятие в штыки» означает, что солдаты ворвались на станцию и перекололи всех, кто не успел убежать.

Что-то знакомое, не правда ли? Именно так во время Гражданской войны действовали и красные, и белые. Опыт имелся.

В наказе в I Госдуму крестьян Никольско – Азясского общества Успенской волости Мокшанского уезда Пензенской губернии сказано:

«А когда народ, доведенный до крайности, поднялся на защиту своих прав и стал добиваться лучшей доли, в помощь полиции и жандармам дали отряды казаков и солдат и тут же началось такое, чего и в татарское владычество не было. Засекали на смерть и расстреливали без всякого суда людей и грабили при обысках мужицкое добро. Сотни и тысячи людей выхватывались из деревень и накрепко засаживались в тюрьме. Лучшие люди, стоящие за народ, целыми вагонами, как груз, отправлялись на многие годы в Сибирь».

Иногда против жестокости карателей протестовали… помещики! В 1906 году донские помещики обратились к министру внутренних дел с петицией. Там сказано про усмирителей: «Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невиновными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения… Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

Их можно понять. Солдаты уйдут, а с крестьянами им жить…

Одной из причин столь разухабистых методов было то, что на усмирение бросили гвардию. А это было своеобразное войско. Это были не элитные части в современном понимании – то есть обладающие самой лучшей боевой подготовкой. Как показали 1914–1915 годы, подготовлены гвардейцы были отвратительно. Это были **привилегированные** войска. Они не участвовали в войнах с 1815 года. Зато офицеры служили в Петербурге. Перед гвардейцем автоматически открывались двери высшего света – куда проникнуть было чрезвычайно непросто.

Попасть в гвардейские офицеры не дворянину было практически невозможно. Формальных ограничений не было. Но для вступления в полк необходимо было иметь рекомендацию служившего там офицера и единогласное решение офицерского собрания. Это была каста, куда «плебеев» не брали. К тому же гвардия открывала очень хорошие карьерные перспективы. По традиции бывший гвардеец, достигший больших чинов, тащил за собой однополчан. Так что у данных господ был развит «гвардейский дух» – сознание, что именно они являются солью земли, а остальные так… Это был социальный расизм в квадрате. Как вспоминают многочисленные очевидцы, большинство гвардейских офицеров воспринимали происходящее как «бунт черни».

Не стоит забывать: служба у гвардии была чрезвычайно дорогая, жалования хватало едва ли на четверть самых необходимых расходов. А с чего жили дворяне-гвардейцы? С

поместий! Так что для них крестьянские бунты являлись покушением **на их личные интересы**.

Примечательно, что впоследствии гвардейцы **хвастались** своими подвигами против безоружного населения. Нет, иногда и в самом деле необходимо применять крутые меры. Но гордиться работой карателя… Впрочем, многие после «усмирений» ушли в отставку. И вряд ли это были самые плохие офицеры…

Кстати, разложение армии началось не в 1917 году, и даже не в 1914, а в 1906–м. Да, солдаты выполняли приказ. Но когда они возвращались после службы в родные деревни, то слышали вопросы: «Да что ж, вы, суки, творили?» Впоследствии это очень серьезно аукнулось.

Кроме гвардейцев, активное участие в усмирениях принимали казаки, что породило к ним стойкую ненависть. Так что указы о «расказачивании» красноармейцы проводили в жизнь с большим энтузиазмом…

Чрезвычайные меры

У чиновников МВД в 1905–1906 годах возникали в головах разные светлые идеи. Так, социал-дарвинист Гурко предложил ввести… институт заложников. Совсем знакомо? Большевики просто-напросто учились у предшественников.

Столыпин был резко против. Он вообще высказывался против крутых мер. Даже взрыв дачи, при которой пострадала его дочь, не изменил мнения «премьера». Насмотрелся, видимо, в Саратовской губернии. Потому что там, судя по письмам Столыпина, народ уже начал звереть. К тому же было понятно – успокоить деревню такими мерами можно. А что потом делать на руинах?

Но 15 августа в министерство пришла записка от Николая II, которая начиналась следующими словами: «Я желаю, чтобы немедленно были учреждены военно-полевые суды для суждения по законам военного времени».

«Впечатление, произведенное этой запиской, было огромное. Мера эта в ту минуту, очевидно, не совпадала с намерениями Столыпина, все еще мечтавшего справиться с революцией мерами конституционными. Насколько помнится, не сочувствовал этой мере и министр юстиции Щегловитов, столь решительно впоследствии вторгавшийся своим личным произволом в дела правосудия».

(В. И. Гурко)

Что оставалось делать Столыпину?

Вообще-то закон должна была утвердить Государственная Дума, но Первую Думу уже разогнали, ждать созыва второй было недосуг. Так что действовать он начал сразу же после подписания.

Власти всех уровней отнеслись к новому закону с большим одобрением.

Через шесть дней после издания закона, 26 августа, Николай II повелел военному министру объявить командующим войсками его требование о безусловном применении закона о военно-полевых судах. Вместе с этим командующие войсками и генерал-губернаторы предупреждались, что они будут лично ответственны перед «его величеством» за отступления от этого закона.

Региональные власти не отставали. Так, например, Прибалтийский генерал-губернатор писал 14 декабря 1906 года: «В настоящее трудное время от всех без исключения офицеров надлежит требовать проявления мужественного сознания необходимости действовать решительно в постановлении

приговоров, суровость коих нужно признать необходимою для пресечения преступной деятельности отбросов населения, стремящихся поколебать основы государственного строя».

Что же представлял из себя военно-полевой суд? Эти суды были двух видов. Военно-окружные и собственно военно-полевые. В первом случае каждый из таких судов состоял из 5 строевых офицеров, назначаемых начальником гарнизона. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду. Заседания военно-полевого суда проходили при закрытых дверях, приговор выносился не позже чем через двое суток и в течение 24 часов приводился в исполнение по распоряжению начальника гарнизона. Во втором варианте все было точно так же, но судей назначал командир полка, осуществлявшего карательную операцию на данной территории. Разница происходила из-за того, что часто на «умиротворение» бросали части, прибывшие из других мест. Прежде всего – гвардейские, которые не желали подчиняться местному начальству.

Вот как оценивал деятельность этих структур один из современников:

«Военно-полевой суд не был стеснен в своей деятельности процессуальными формами. Он являлся прямым отрицанием всего того, что носило название “гарантии правосудия”. Вместо публичности заседания была введена исключительная замкнутость всего процесса разбирательства при недопущении на заседание даже и тех немногих лиц (например, родных подсудимых), с присутствием которых мирилось рассмотрение дела при закрытых дверях в обычном суде. Отменялось объявление приговора в присутствии публики. Вместо обвинительного акта представлялось краткое распоряжение генерал-губернатора о предании военно-полевому суду Не было судоговорения, так как исключалось присутствие на заседании как прокурора, так и защитника. О независимости судей из числа офицеров, назначенных по усмотрению начальства, не могло быть и речи. Они были связаны требованием политики царизма выносить приговоры к смертной казни. Известно, что попытки не подчиняться этим требованиям влекли за собой репрессии для некоторых членов военно-полевого суда».

Насчет «репрессий» несколько преувеличено – но вот случаи, когда офицеры, проявляющие «либерализм» (то есть пытавшиеся разобраться), с треском вылетали со службы или переводились в разные медвежьи углы, – известны.

Надо сказать, что Николай II впоследствии пытался смягчить применяемые методы. «Напоминаю Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их

признаю правильными, когда они приводятся в исполнение через 48 часов после совершения преступления – иначе они являются актами мести и холодной жестокости».

Однако мнение императора во внимание принято не было. Точнее, на него попросту наплевали. Казнили все равно в течение суток. Так бывает очень часто. Высшая власть может говорить, что хочет, – а на местах действуют так, как считают нужным. Тем более что, в отличие от товарища Сталина, Николай II не брал на себя труд проверять: выполняются его распоряжения или нет. Вот их и не выполняли.

Напрашивается сравнение со знаменитыми «особыми тройками» тридцатых годов. При ближайшем рассмотрении это сравнение оказывается отнюдь не в пользу столыпинских чрезвычайных судов. Не все знают, кто входил в особые тройки. Так вот, в них входили следующие товарищи: председатель НКВД данного района, первый секретарь партии и прокурор. То есть присутствовал юрист – человек, который знал законы и юридическую практику. Не стоит думать, что его присутствие было чисто формальным. Сегодня не любят вспоминать, что «особые тройки» нередко выносили и оправдательные приговоры. Другое дело, что беспредела в тридцатых было выше крыши. Но это совсем иная тема. Все-таки присутствие юриста демонстрирует желание властей хоть в какой-то мере соблюдать закон. Иначе – зачем было вообще огород городить? Можно было сажать по три чекиста – и спокойно шлепать приговоры конвейерным методом…

Но вернемся к столыпинским военно-полевым судам. Как уже было сказано, здесь действовала «особая пятерка», состоящая даже не из военных юристов, а из строевых офицеров. Военные – это люди совсем иной профессии, имеющие совершенно иную психологию. Они не только не знали законов, но и не имели и не могли иметь опыта ведения следствия. А вот решительности у военных всегда много. Что же касается царских офицеров, то там дело обстояло еще веселее. Ни в гимназиях, ни в военных училищах не преподавали обществоведения или чего-либо вроде «основ государства и права».

Более того. В офицерской среде культивировалось презрение к полиции и жандармам. Впрочем, как и к юристам. Так что сведения о следственных действиях и о судебной процедуре были минимальными. Да и психологию социального расизма не следует сбрасывать со счетов. На фига разбираться? Подумаешь – невиновного повесили! Главное-то – нагнать страху на мужичье.

К тому же – чем во все времена отличаются армейские начальники? Стремлением выполнить приказ и доложить об

исполнении. Поэтому в военно-полевые суды назначали тех, кто работает максимально быстро и не задает лишних вопросов. Бунтует быдло? Вешать и пороть. Пороть и вешать. Это ничем не отличалось от того, как впоследствии уже совсем иные люди «давили контру». В обоих случаях сначала приводили приговор в исполнение, потом разбирались. Или не разбирались.

Итог был мрачным. Встречались села, где отсутствовало **почти все взрослое мужское население, посаженное в тюрьмы или отправленное в ссылку**.

Военно-полевые суды просуществовали восемь месяцев. Весной 1907 года Вторая Дума указ не утвердила, и они прекратили свое существование. Да и революция к тому времени уже явно шла на спад. Каков же итог? Только военно-окружными судами были приговорены к смертной казни 4797 человек (из них повешены 2353 человека). По другим данным – 6193 и 2694 соответственно. Военно-полевыми судами без суда и следствия, по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляно 1172 человека.

По сравнению с последующими событиями свирепого XX века – не так уж и много. Но ведь главный вопрос – в реакции общества на происходившее. А она была довольно бурной. Особенно когда речь шла о мерах в отношении крестьян. Понятно, когда применяют крутые меры к террористам. Или к повстанцам, особенно если они захвачены с оружием в руках или с несомненными следами, доказывающими, что они это оружие держали. Но крестьяне-то насилия практически не применяли! А если и применяли – то проправительственная пресса не удосужилась донести эти факты до общественности.

Прежде всего был сильно подорван престиж армии, что аукнулось в 1917 году. Но хуже было иное. Когда перед участниками Гражданской войны вставала необходимость в жестких мерах, они знали, как действовать. Только вот масштабы были куда более серьезные…

Мнения очевидцев

«Не подлежит все же сомнению, что революцию 1905 г. предотвратил всецело Дурново. Именно он, и только он, проявил в то время правильное понимание положения вещей и с редкой планомерностью, хотя, право, и с беспощадностью, удержал от крушения разваливающийся государственный механизм. Но если Дурново укротил революционную вспышку 1905 г., то уничтожить ее последствий он, конечно, не мог».

(В. И. Гурко)

Как видим, о Столыпине речь вообще не идет. Впрочем, есть и полностью противоположные мнения.

«Никто столько не казнил, и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто так не произвольничал, как он… Столыпинский режим уничтожил смертную казнь и обратил этот вид наказания в простое убийство. Часто совсем бессмысленное, убийство по недоразумению… Начали казнить направо и налево, прямо по усмотрению администрации казнят через пять-шесть лет после совершения преступления, казнят и за политическое убийство, и за ограбление винной лавки на пять рублей, мужчин и женщин, взрослых и несовершеннолетних».

(С. Ю. Витте)

Витте понять можно. Ведь Столыпин занял его место. Точнее, Сергея Юльевича задвинули с поста председателя Совета министров раньше – и заменили на Горемыкина. Но он-то рассчитывал вернуться. И тут эта перспектива накрылась медным тазом. Обидно, да?

Ну, и, наконец, мнение Столыпина, которое он высказал 13 марта 1907 года в Государственной Думе:

«Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?

Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильности, допущенные при применении этого закона. Нарекания эти голословны, необоснованы, и на них отвечать преждевременно. Я буду говорить по другому, более важному вопросу. Я буду говорить о нападках на самую природу этого закона, на то, что

это позор, злодеяние и преступление, вносящее разврат в основы самого государства.

Самое яркое отражение эти доводы получили в речи члена Государственной думы Маклакова. Если бы я начал ему возражать, то, несомненно, мне пришлось бы вступить с ним в юридический спор. Я должен был бы стать защитником военно-полевых судов, как судебного, как юридического института. Но в этой плоскости мышления, я думаю, что я ни с г. Маклаковым, ни с другими ораторами, отстаивающими тот же принцип, – я думаю, я с ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину. Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны; оно доводило государство не только до усиленных репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, – оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения.

Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте. Я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера – мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность. Поэтому правительство должно в настоящее время ясно дать себе

отчет о положении страны, ясно дать ответ, что оно обязано делать».

На что «бросили» Столыпина

События первой революции привели к тому, что в России образовался совершенно иной политический расклад. И большинство представителей властной элиты не представляли, что делать в этой ситуации. Они оказались просто не готовы к крутым переменам. И Столыпина, образно говоря, кинули с гранатой под танки. При том что ему стреляли и в спину. Как бы к нему ни относиться, но в мужестве Петру Аркадьевичу отказать невозможно.

«Сама фигура Столыпина казалась идеально подходящей на роль реформатора. Во-первых, он появился как бы “ниоткуда”, из российской глубинки, а не из привычной дворцовой камарильи и дискредитировавших себя прежних политических деятелей. Во-вторых, он был молод – 44 года. Как писал Крыжановский: “Он первый внес молодость в верхи управления, которые до сих пор были, казалось, уделом отживших свой век стариков”. В – третьих, он производил впечатление человека жесткого и решительного, “сильной личности”, способной навести “порядок”. И его поведение на посту саратовского губернатора, казалось, подтверждало это. И четвертое: он умел четко и лапидарно излагать свои мысли, что в эпоху нарождавшейся “публичной политики” имело особую цену. Его изречения и теперь с восторгом повторяют наши государственные деятели.

Позднее выяснилось, что многие из этих характеристик оказались достаточно спорными. И вовсе не “ниоткуда” появился он, ибо связи Столыпина с “семьей” императора были достаточно прочны. И совсем не был он столь решительным и бескомпромиссным. Но наличие политической воли и сильной власти в его руках – несомненно. Точно так же, как несомненно и наличие обоснованной программы, независимо от того, кто первым ее сформулировал – Бунге, Гурко или Кривошеин».

(В. Логинов)

Оппозиция

«Идя справа, эти течения были: определенно самодержавное, неуклонно и упрямо отстаивающее то положение, что призыв населения к законодательству отнюдь не должен в чем-либо умалить историческую власть монарха; умеренно-либеральное – определенно высказывавшееся за конституционную монархию, но готовое поддержать в остальном как существующее правительство, так и общий государственный уклад; радикальное, желающее сохранить лишь вывеску монархии, но в сущности стремящееся к установлению народовластия и демократического строя, и, наконец, революционно-социалистическое, видящее в изменениях формы правления лишь орудие для изменения всего экономического и социального уклада страны.

Для власти, как всегда, были страшны не увеличение количества ее врагов и усиление их агрессивного наскока на правительственный аппарат, а все большее сокращение ее приверженцев и защитников, так как ни одна существующая власть, владеющая всем правительственным механизмом, не была свергнута, коль скоро сохраняла в населении страны сколько-нибудь значительное количество лиц, ей сочувствующих и готовых ее защищать».

(В. И. Гурко)

Бурные события начала XX века привели к тому, что так называемая «общественность» оформилась в достаточно серьезную политическую силу, с которой приходилось считаться.

Началось это всё ещё в реформы 1861 года. Кроме освобождения крестьян, Александр II провел ряд либеральных преобразований. Так, были введены единые суды (до этого они являлись сословными), а также суд присяжных. Появились земства и городские Думы – некие демократические образования на местах. Стало полегче с цензурой.

Однако образованной публике хотелось большего. Чего – они в самом-то деле толком не очень понимали. Точнее, символом веры стала конституция. Подчеркну – я не говорю о революционерах. Их было все-таки немного. Но вот стремление к демократии было очень даже распространено.

Консерваторы упрекали подобных господ в том, что они бездумно нахватали западных идей. И консерваторы в данном случае были полностью правы. В самом деле – либералы сделали символом веры демократию, не очень понимая, зачем она вообще нужна. Как это всегда бывает с нашей интеллигенцией – люди уверовали в палочку-выручалочку, которая способна решить все

проблемы.

Тут я немного отвлекусь, коснусь одного из «символов веры» – введения конституции. Тут вышло очень забавно. Дело в том, что как сторонники этой меры, так и её противники видели в ней ограничение самодержавия. Одним данная светлая идея нравилась, другим не очень. Хотя на самом-то деле конституция и степень авторитарности власти **вообще** никак между собой не связаны. Снова вспомним Наполеона Бонапарта. В его империи конституция **существовала**! Мало того – император французов строго соблюдал её положения. Что не мешало ему являться самым полновластным из тогдашних европейских монархов. Парадокс? Ни в коей мере. Ведь дело-то в том, что и как в конституции написать. К примеру. Допустим, у монарха имеется право помилования. Казалось бы – а что тут такого? Никому не мешающее право проявить гуманизм. А вот представьте, что некие люди начинают отстреливать тех, кто монарху не нравится. И они не скрываются, они сдаются властям – и государь их освобождает…

Таких вот конституционных уловок можно привести десятки. Этого в России решительно никто не понимал.

Александр II, увидев, что система пошла вразнос, стал к концу своего царствования прижимать всякое стремление к демократическим свободам. Его сын продолжил деятельность в том же направлении. Однако при Николае II эта волна стала снова подниматься. И дело совсем не в слабоволии последнего императора. Хотя и в этом тоже. В шестидесятых-семидесятых годах XIX века мечты о демократии были всего лишь утопией прекраснодушных мечтателей. Она была никому из серьезных людей не нужна. А вот к концу века сложилась совершенно иная ситуация.

Развилась промышленность, а соответственно – возникли мощные финансово-промышленные группы. Как отечественные, так и иностранные. Таким господам требовалось продвигать свои интересы. Какое-то время договаривались с конкретными представителями власти – как с помощью прямых взяток и откатов, так и с помощью косвенных методов стимулирования нужных людей. К примеру, нужного чиновника вводили в состав совета директоров акционерного общества. Но ведь в условиях демократии действовать гораздо удобнее. Именно **ради этого** демократия и существует. К примеру, в США существуют лоббистские агентства. Суть их в том, что бизнесмен приходит туда и поясняет: ему необходимо принять такой-то законопроект. Лоббисты через свои связи в Конгрессе выполняют заказ. Это там настолько привычно, что никто и не задумывается, что данная

система – по сути легальная коррупция.

Разумеется, всё это прикрывается красивыми словами о свободе и демократии. Но дело не в словах.

На этом фоне и начала подниматься российская «общественность», и этот подъем лучше всего проявился в создании Партии народной свободы, более известной как конституционные демократы (кадеты).

Хотя считать их, как это было принято у советских историков, «выразителями интересов крупной буржуазии» не совсем верно. Они **хотели** стать таковыми. Реально получалось не очень.

На самом же деле основу партии кадетов составляли адвокаты, профессура, журналисты – всех этих господ называли «людьми свободных профессий». Они провозглашали прежде всего общелиберальные заклинания. Во что писал Дмитрий Иванович Шаховской, стоявший у истоков кадетской партии:

«Мы демократы. Мы желаем полной равноправности. Мы стремимся к возможно полному и всестороннему развитию личности. Мы хотим свободы».

Данные господа глядели на Запад, они видели, что в демократических государствах именно адвокаты, профессура и журналисты чаще всего пробивались к власти. И хотели того же.

Большинство будущих лидеров вышло из земского движения. Земства ведали школами, больницами и кое-чем еще. Но что самое главное – там кипела столь милая сердцу либералов демократическая жизнь. Еще одной возможностью проиграть в демократию было городское самоуправление – городские Думы.

Через эти учреждения прошло большинство лидеров российского либерального движения. Так вот, такие люди как Шаховской начали пытаться устанавливать связи между земствами. Это было деятельностью на грани легальности. То есть за такое ещё не сажали, но некоторые неприятности на свою голову получить было можно. Именно так и родилось так называемое земское движение. Которое было либеральным и оппозиционным.

Психология земцев довольно быстро менялась. Если первоначально они шли «служить народу», то потом уже собирались «вести народ». Это свойственно и революционерам. Но данные господа пошли дальше. Они стали считать, что именно «либеральная интеллигенция» и есть «соль земли русской». То есть прежде всего эти господа боролись **за свои** права. О народе, конечно, тоже вспоминали. Иногда.

2–4 августа 1903 года в швейцарском городе Шаффхаузен был образован так называемый «Союз освобождения». Ядром новоиспеченной организации стала редакция журнала

«Освобождение», выходившего за границей. Из известных людей в числе отцов-основателей имелись: уже знакомые нам Д. И. Шаховской, экс-марксисты П. Б. Струве и Е. Д. Кускова. Кроме того, присутствовали и известные в будущем философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Вернадский, а также будущий председатель первого состава Временного правительства князь Н. Н. Львов.

Программа предусматривала:

• создание конституционной монархии;

• избирательные права;

• право народностей на самоопределение;

• принудительное отчуждение частновладельческих земель.

О последнем пункте стоит сказать особо. Земли предполагали отобрать у помещиков и раздать крестьянам отнюдь не за бесплатно – предполагалось, что крестьяне их должны выкупить. Однако в массовой пропаганде последнее весьма важное обстоятельство как-то замалчивалось. Уже упомянутая аграрная программа Кутлера была по сути позаимствована у кадетов.

Росту оппозиционности способствовала деятельность князя П. Д. Святополка – Мирского, занимавшего пост министра внутренних дел в 1904–1905 годах (его сменил П. Н. Дурново, а того – Столыпин). Из всех вариантов политической тактики князь выбрал самый худший. Он постоянно давал оппозиции разные туманные обещания, которые выполнить не мог, даже если бы очень хотел. Что с одной стороны порождало раздражение, с другой – уверенность, что власть слаба – и на нее надо только энергичнее поднажать.

Стоит упомянуть о весьма необычной акции «Союза освобождения», которая очень хорошо характеризует этих людей.

…В Российской империи на любое публичное собрание требовалось разрешение полиции. Давались эти разрешения не слишком охотно. К тому же на любом таком мероприятии мог присутствовать полицейский или жандармский офицер, который имел право закрыть собрание, едва только ему покажется, что ораторы говорят что-то не то…

Но русские люди умеют выкручиваться. Был найден обходной путь. Сообразили, что не существует никаких ограничений на проведение… банкетов.

Тут надо пояснить. Банкеты в те времена играли огромную роль в жизни «общества». Многолюдные застольные посиделки проводили все, кто мог и по любому поводу. На них не только выпивали и закусывали, но и произносили речи. Причем не как-нибудь, с бокалом в руке, а всерьез. В любом приличном ресторане имелся банкетный зал, в котором, кроме всего прочего,

стояла… кафедра. Такая же, как в университетских аудиториях. И вот участники банкета по очереди вылезали на нее – и толкали заранее приготовленные речи по бумажке… Честно говоря, я не очень понимаю, когда участники банкетов успевали что-то съесть и выпить. Но успевали.

Вот такие мероприятия и стали проводить с 20 ноября. Повод нашелся – двадцатилетие введения судебных уставов. (Я не знаю, что это такое, но какая разница.)

Итак, в банкетных залах собирались за накрытыми столами солидные господа и толкали речи – о необходимости введения свобод и конституции. Принимали резолюции о необходимости проведения политических реформ… Всего прошло более 120 собраний в 34 городах.

Революционеры, да и крайне правые, изрядно поглумились над этой кампанией. Дескать, вот суть либералов – рассуждают о свободе под осетрину и заливного поросенка. Хотя меньшевики банкетную кампанию поддерживали. Крайне правых более всего возмущало, что эти банкетные речи были совершенно определенно ориентированы на западные газеты. Либералы ведь были искренне убеждены, что «Запад нам поможет».

К 1905 году отделения «Союза освобождения» имелись в 22 городах. Но самое главное – подавляющее большинство оппозиционной «общественности» придерживалось именно кадетских взглядов. То есть являлись сторонниками демократии и конституции. Формально кадеты выступали за конституционную монархию. Однако в реальности предполагалось, что император останется малозначащей фигурой. Точнее тем, на кого можно будет сваливать свои неудачи.

На пике революции забастовки организовывали самые разные силы. Но самой шумной структурой был так называемый «Союз союзов» – прокадетская структура. Кстати, что бы там не говорили революционеры, на тот момент им было с либералами по пути. Эсеры мечтали всё о том же парламенте – только без царя. Большевики также в виде программы-минимум выдвигали лозунг парламентской республики. Так что в данный момент вся эта разношерстная компания двигалась в одном направлении.

«Вся пресса обратилась в революционную в том или другом направлении, но с тождественным мотивом – “долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора“… В последний год образовался ряд союзов – союз инженеров, адвокатов, учителей, академии (профессоров), фармацевтов, крестьянский, железнодорожных служащих, техников, фабрикантов, рабочих и

проч. и, наконец, союз союзов, объединивших многие из этих частных союзов… В этих союзах принимали живое участие Гучков, Львов, князь Голицын, Красовский, Шипов, Стаховичи, граф Гейден… К этому союзу присоединились и тайные республиканцы, люди большого таланта, пера и слова и наивные политики: Гессен, Милюков, Гредескул, Набоков, академик Шахматов… Все эти союзы различных оттенков, различных стремлений были единодушны в поставленной задаче – свалить существующий режим во что бы то ни стало, а для сего многие из этих союзов признали в своей тактике, что цель оправдывает средства, а потому для достижения поставленной цели не брезговали никакими приемами, в особенности же заведомой ложью, распускаемой в прессе. Пресса совсем изолгалась, и левая так же, как правая…

В балтийских губерниях революция выскочила несколько ранее.

На Кавказе целые уезды и города находились в полном восстании, происходили ежедневные убийства…

Царство Польское находилось почти в открытом восстании, но революция держалась внутри…

Вся Сибирь находилась в полной смуте…»

(С. Ю. Витте)

Я ещё раз подчеркиваю – во время революции 1905–1907 годов из всех многочисленных сил, в ней участвовавших, именно либералы имели реальный шанс взять власть. Крестьяне о таких материях просто не задумывались, а если задумывались – выдвигали те же демократические лозунги. Революционеры не имели достаточного влияния, время лозунга «Вся власть советам!» ещё не пришло.

Думский тупик

Такой расклад существовал на время принятия Манифеста 17 октября. Николай II подписывать его очень не хотел. Но иного выхода у него просто не было. Точнее, был – сбежать из страны. К этому он был готов, императорская яхта «Штандарт» круглые сутки находилась под парами возле Петергофа, где пребывал император. Но его убедили, что можно ещё побороться. Николая фактически заставили подписать Манифест, который открыл совершенно новую страницу в истории России.

Вот текст Манифеста.

«Высочайший Манифест

БОЖЬЕЙ МИЛОСТИЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, ИМПЕРА – ТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС1ЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛБСК1Й, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная Его печаль. От волнений ныне возникших может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы Нашей.

Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга. Мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли.

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в меру возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее

развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Денъ в Петергофе в 17 день октября в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое Царствования же Нашего одиннадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

“НИКОЛАЙ”».

Основные положения понятны: легализованы политические партии, обещана свобода прессы и объявлены выборы в Государственную Думу, что породило эйфорию среди либералов. Крестьянам и рабочим этот манифест не давал ровным счетом ничего, но про них тут же забыли.

Правда, вскоре выяснилось, что Дума являлась совсем не парламентом, то есть законодательным органом. Она могла выдвигать законопроекты и их обсуждать – но окончательное решение оставалось за императором. К тому же существовали варианты протолкнуть тот или иной закон в обход Думы.

Тем не менее, Дума имела весьма серьезное влияние. Они шумели. И думские речи во множестве перепечатывали газеты. А игнорировать общественное мнение после революции правительство уже не решалось. Так что с Думой приходилось считаться.

Отношение к Государственной Думе было разным. Так, большевики и эсеры выступили за её бойкот. Большинство же депутатов составили кадеты. И тут сразу же наметились противоречия между правительством и кадетами. Власть, затевая всю эту возню с представительным органом, преследовала цель – отделить умеренную оппозицию от радикалов. С умеренными предполагалось наладить конструктивный диалог. Причем один из главных вопросов был всё тот же – агарный. И это понятно. Усадьбы-то продолжали гореть.

«Перед русской государственностью в то время открывалось два пути. Один, имея в своей основе твердое охранение

самодержавного строя, состоял в решительном и быстром проведении правительственною властью тех органических реформ, которых неотступно требовали развивавшаяся народная жизнь и расширявшаяся хозяйственная деятельность населения. Здесь в первую очередь необходимо было перестроить социальный организм страны. Наряду с самыми решительными мерами, направленными к сохранению остатков редеющего и тем самым утрачивающего свое политическое значение землевладельческого класса и к уравнению в общественном положении с дворянством представителей крупного промышленного класса посредством его постепенного слияния с ним – путь, по которому с давних пор следует Англия, – нужно было создать мощный слой зажиточного крестьянства, владеющего на праве личной собственности крупными, десятин в 30–50, участками земли – этого надежнейшего во все времена и во всех государствах устоя существующего порядка.

Путь этот требовал от правительства большой энергии, широкого реформаторского размаха и исключительного такта, и при всем том нельзя было быть уверенным, что социальное перестроение государства обгонит заливавшую страну революционную волну, но признать его безнадежным тоже нельзя было.

Если же государственная власть на такую широкую и быстро осуществляемую реформу не почитала себя способной либо вообще признавала ее недостаточно обеспечивающей спокойное развитие государства и желала немедленно привлечь на свою сторону либеральную общественность, то надо было осуществить ее основное желание и ввести конституционный образ правления при народном представительстве, опирающемся на ограниченный круг избирателей. Крупные реформы могли быть в таком случае осуществлены уже с участием этого представительства. Конечно, часть радикал-либералов этим бы не удовлетворилась и еще теснее связалась бы с революционными партиями. Однако оказавшиеся на стороне правительства интеллигентные силы были бы также весьма значительны, и бой, во всяком случае, перестал бы происходить между одним правительством и всей передовой общественностью. В нем со стороны власти неминуемо приняли бы деятельное участие и культурные общественные силы.

Это был тот естественный путь, идя по которому, государства Западной Европы постепенно эволюционировали от самодержавия к парламентаризму».

(В. И. Гурко)

Ага, разбежались. Ни о каком сотрудничестве оппозиция и не

думала. Они смотрели на ситуацию по-иному. Манифест 17 октября рассматривался только как первый шаг к вожделенной парламентской монархии. В принципе, это была английская тактика – постепенное «откусывание» парламентом у монархии всё больших прав. Так что вторым шагом думцы выдвинули лозунг, который и повторяли до Февральской революции, – «назначение ответственного министерства». То есть проще говоря – назначение на руководящие посты лидеров оппозиционной общественности.

Власть относилась к таким инициативам без всякого восторга. Как оказалось впоследствии – не зря. После Февраля 1917 года к власти дорвалась именно подобная публика, большинство членов первого состава Временного правительства являлись кадетами. Они за считанные недели сумели развалить всё, что только можно было, продемонстрировав при этом полную беспомощность в делах, где нужно не болтать, а реально что-то делать.

Оказавшись в Думе, кадеты продолжали оставаться в жесткой оппозиции. Думцы, как оказалось позже, сильно преувеличивали своё влияние.

Тем более что председатель Совета министров И. Л. Горемыкин оказался просто не в состоянии работать с такой публикой. Он и не работал. Что, разумеется, прибавляло оппозиционности.

Стало понятно, что с такой Думой каши не сваришь. Так что Николай II эту Думу решил распустить. В манифесте император высказался так:

«Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению.

Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновение закону и законным властям.

Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле. Призываем всех благомыслящих русских людей объединиться для

поддержания законной власти и восстановления мира в Нашем дорогом Отечестве».

Это произошло через три дня после назначения Столыпина, 9 июля 1906 года. Связь между этими двумя событиями очевидна. Ведь предстояли выборы нового состава Думы. И Петр Аркадьевич был назначен именно под это.

* * *

Что же касается депутатов, то они, увидев запертые двери Таврического дворца, в котором происходили заседания, решили взбрыкнуть. Самые активные подались в Выборг. Выбор места был обусловлен тем, что город находился на территории княжества Финляндского, пользовавшегося определенной автономией. Русская полиция там действовать не могла, а местная сочувствовала оппозиции. Там был принят так называемый «Выборгский манифест»:

«Указом 8–го июля Государственная Дума распущена.

Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручали нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать законы о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы Правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны. Когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев Правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного

представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда Правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть средства, станет делать займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне они недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию.

Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой, непреклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами.

9–го июля 1906 года».

Однако ничего из этого не вышло. Как оказалось, активно поддерживать либералов никто особо не стремился. Революция явно шла на спад. Это прекрасно поняли в «верхах». Сразу после роспуска Думы Столыпин вел переговоры с наиболее умеренными представителями оппозиции. Не исключалась возможность назначения нескольких её представителей на министерские посты. Однако когда увидели, что волнений после разгона Думы не последовало, махнули рукой на поиск компромисса.

Так что Столыпин мог начинать осуществлять вторую часть своего знаменитого лозунга: «Сперва успокоение, потом реформы».

Декларация о намерениях

Столыпин известен прежде всего своей аграрной реформой. Но его деятельность далеко ею не ограничивается. Планы у него были обширные.

Сразу же после своего назначения Столыпин заявил своим сотрудникам:

«Перед нами до собрания следующей Государственной Думы 180 дней. Мы должны их использовать вовсю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени».

Свои реформаторские планы Столыпин озвучил в Думе 6 марта 1907 года. Вот наиболее важные фрагменты его речи:

«В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени.

…

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

…

Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется

именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обусловливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

…

Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессословная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы.

…

Земские начальники упраздняются.

…

С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению.

…

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответственный законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелия главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства

имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 мил. десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов ограничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

…

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

…

Школьная реформа на всех ступенях образования строится министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней. Особые заботы министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

…

Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была

потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам».

Некоторые положения начали осуществляться ещё до начала работы Второй Думы.

«27 августа 1906 года по 87–й статье был принят указ о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам части казенных земель. 5 октября последовал указ об отмене некоторых ограничений в правах крестьян. Этим указом были окончательно отменены подушная подать и круговая порука, сняты некоторые ограничения свободы передвижения крестьян, избрания ими места жительства, отменен закон против семейных разделов, сделана попытка уменьшить произвол земских начальников и уездных властей, расширены права крестьян на земских выборах.

Указ 17 октября 1906 года конкретизировал принятый по инициативе Витте указ 17 апреля 1905 года о веротерпимости. В новом указе были определены права и обязанности старообрядческих и сектантских общин. Представители официальной церкви так и не простили Столыпину того, что старообрядцы получили определенный устав, а положение о православном приходе застряло в канцеляриях.

9 ноября 1906 года был издан указ, имевший скромное название “О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования”. В дальнейшем, дополненный и переработанный в III Думе, он стал действовать как закон 14 июня 1910 года. 29 мая 1911 года был принят закон “О землеустройстве”. Эти три акта составили юридическую основу серии мероприятий, известных под названием “столыпинская аграрная реформа”».

(П. Н. Зырянов)

«Всего труднее Столыпину было получить согласие царской семьи на отчуждение удельных земель. Государь, справедливо признавая, что удельные земли составляют собственность всего русского императорского дома, не хотел решить этого вопроса единолично. По этому поводу Столыпин мне рассказывал, что он ездил специально с этою целью к великому князю Владимиру Александровичу и его супруге Марии Павловне, и сколь неохотно они выразили свое согласие. Меня Столыпин почитал, не без

основания, столь враждебно настроенным против этой меры, что даже скрыл предпринимаемые по этому поводу шаги, пока они не привели к благоприятному (по его мнению) результату».

(В. И. Гурко)

Разумеется, государственные и удельные земли передавались крестьянам отнюдь не бесплатно. И дело тут не в жадности государства и императорской семьи, а в принципе. Столыпин был убежден, что бесплатно землю раздавать нельзя ни при каких условиях. Позиция его имела как экономические, так и социально-психологические обоснования. Ведь при бесплатной раздаче земель на некоторое проблема гасилась, а, следовательно, тормозилась реформа. С другой стороны, по мнению Столыпина, бесплатная раздача земли порождала психологию «халявщиков».

Хотя такой радикальный «антиобщинник» как В. И. Гурко был резко против передачи этих земель. Он считал это «уступкой кадетам». Дело в том, что их могли приобретать и «товарищества». То есть – та же самая община. Разница была в том, что Столыпин был заинтересован всё – таки прежде всего в стабильности государства. Он-то поработал губернатором, причем в одной из самых «горячих точек». Гурко же был упертым до фанатизма. Он полагал, что «Карфаген должен быть разрушен». Любой ценой.

Подробно о сути и ходе реформы будет рассказано ниже. Потому что в 1907 году она была только провозглашена – и тут же забуксовала.

Первая неудача

Первую серьезную неудачу Столыпин протерпел в одном из самых шумных российский вопросов: еврейском.

При подготовке этой книги я изучил множество материалов о Столыпине, написанных авторами с разной политической ориентацией. Об отношении Петра Аркадьевича к евреям там говорится:

– Столыпин был ярым антисемитом. (Вариант – героически боролся с «еврейским засильем».)

– Столыпин являлся последовательным сторонником предоставления евреям равных прав.

– Столыпин был агентом жидомасонов.

Еврейский вопрос в начале века озвучивался постоянно и со всех сторон. Начали либералы, которые стали сильно возмущаться после произошедшего в 1903 году Кишиневского погрома. Его организацию приписали правительству и лично Витте. На Западе появилась фальшивка – письмо Витте кишиневскому губернатору фон Раабену с соответствующими распоряжениями. Впоследствии тему «погром организовало правительство» вторично запустил в 1906 году бывший начальник Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин – известный тем, что подтвердил Бурцеву провокаторство Азефа. Лопухин, выйдя в отставку, хотел начать политическую карьеру и рвался в ЦК партии кадетов. А для этого требовалось круто «засветиться».

В 1905 году на Юге России прокатилась новая волна погромов. Они начинались под антисемитскими лозунгами, но вообще-то громили всех, кто попадался. Либеральная пресса всё это добросовестно освещала. Да так, что, в конце концов, погромом стали называть чуть ли не любую уличную драку, в которой начистили физиономию какому-нибудь Когану или Рабиновичу.

В конце 1905 года вышли на сцену крайне правые – «Союз русского народа» и иные, более мелкие структуры. (Заметим, что к погромам они не имели никакого отношения.) Эти господа стали излагать в своих многочисленных, но малотиражных газетах вариации на тему песни: «Если в кране нет воды, воду выпили жиды». Заодно записывали в евреи всех, кто им не нравился, – например, того же Витте.

Вообще-то, если черносотенцев не было бы – либералам стоило бы их создать самим. Потому что «союзники» и идейно близкие им ребята являлись замечательной страшилкой для

интеллигентов – такой же, каким в годы перестройки было общество «Память»[39]. Тем более что за этим шумом глохли очень серьезные вопросы о засильи иностранного банковского капитала – благо среди банкиров евреев хватало. Скажи что-нибудь на тему иностранных банков – так сразу поднимется визг, что ты черносотенец… А вот то, что банки финансировали либеральные газеты, – непреложный факт.

Итак, вопрос был актуальным. И вот, при подготовке к созыву Второй Думы Столыпин стал продвигать законопроект на «еврейскую тему». Основные положения его были следующими:

– облегчение условий поступления евреев в гимназии и высшие учебные заведения (в Российской империи для них существовала процентная норма, превышать которую было запрещено);

– расширение круга евреев, имеющих право жительства вне черты еврейской оседлости.

Кстати, стоит упомянуть, что под словом «еврей» в законах Российской империи понималась не национальность, а **вера**. Если еврей крестился – все ограничения снимались автоматически.

«Для более полного понимания того, к чему стремился Столыпин, полезно иметь в виду и те законы, которые готовились, но не увидали света.

Был один закон, который мог бы своей цели достичь и стать предвозвестником новой эры; правительство его приняло и поднесло Государю на подпись: это “закон о еврейском равноправии”. При диких формах современного антисемитизма[40] тогдашнее положение евреев в России может казаться терпимым. Но оно всех тяготило как несправедливость, потому такая реформа была бы полезна».

(В. А. Маклаков)

Зачем это было нужно Столыпину? Причины две. В 1906 году «премьер» рассчитывал «оторвать» часть либералов от оппозиции и склонить их к конструктивному сотрудничеству. Тем более что среди кадетов было немало евреев. С другой стороны, имелась надежда, что такие послабления отвлекут еврейскую молодежь от революционных партий, куда она шла рядами и колоннами. А ведь кроме интернационалистских социал-демократов, эсеров и анархистов существовал ещё и очень влиятельный в «черте оседлости» Бунд – чисто еврейская социалистическая партия, на тот момент занимавшая крайне левые позиции.

Законопроект вызвал большие дебаты, многие его поддержали.

«…Столыпин просил всех нас высказаться откровенно, не считаем ли мы своевременным поставить на очередь вопрос об

отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России и, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, – только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самого могущественного еврейского центра – в Америке».

(В. Н. Коковцов)

Сам Коковцов высказался в том смысле, что понимает вред, приносимый евреями. А потом продолжил:

«Но я убедился, что всякие меры относительно евреев совершенно бесполезны. Евреи настолько ловки, что никакими законами им путь не преградишь. Совершенно бесполезно запирать им куда-либо двери – они тотчас находят те отмычки, при помощи которых двери эти можно отворить. В результате получается бесполезное раздражение еврейства, с одной стороны, и создание, с другой, почвы для всевозможных злоупотреблений и вмешательства со стороны администрации и полиции. Законы, стесняющие евреев, дали не что иное, как доходные статьи для разнообразных агентов власти».

Еще интереснее высказался В. И. Гурко:

«Одно из двух: или присутствие евреев безвредно, и следует в таком случае упразднить все установленные по отношению к ним правоограничения, и в первую очередь упразднить черту еврейской оседлости, или, наоборот, они являются разлагающим элементом, и в таком случае, если навешенные против них замки недействительны, то нужно заменить их засовами или чем-либо иным, отвечающим цели.

Первое, быть может, самое лучшее. Население страны, в том числе и наша интеллигенция, лишенная механической защиты от засилья еврейства, поневоле выработает в себе самом силу сопротивления, как это уже произошло в значительной степени в пределах черты оседлости. Перестанет умиляться их участию и наша интеллигенция, испытав сама силу еврейского засилья, хотя бы, например, в школе. Принятие частных мер в смысле уравнения прав евреев с правами остальных граждан может иметь только отрицательные результаты. Оно не удовлетворит евреев, не ослабит их революционности, но зато придаст им лишнее орудие, даст большую возможность бороться с правительством. Всем известна та роль, которую играло еврейство в продолжение смуты. Что же, в награду за это им предоставляются льготы?!»

В конце концов, после долгих обсуждений, было решено голосовать, решение принималось простым большинством. (Хотя

вообще-то Столыпин мог продавить законопроект и своей волей.)

Но только ничего из этого не вышло. Законопроекты утверждались Николаем II. А тот его завернул. В своей записке император пояснил:

«Петр Аркадьевич,

возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным.

Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно, и нощно, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, – внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям…

Николай».

С политической точки зрения эта попытка Столыпина была большой ошибкой. Гурко-то был прав. Если бы закон приняли – он ни евреев, ни либералов не удовлетворил бы. Зато Столыпин получил стойкую ненависть не только черносотенцев, но и многих более умеренных монархистов. Именно тогда Столыпина объявили «агентом жидомасонов». Организации СРН разных городов стали бомбардировать Николая II письмами, резко осуждающими Столыпина. Крайне правая печать тоже не отставала.

В общем, Петр Аркадьевич заполучил себе многочисленных врагов. Причем среди них были те, кто мог постоянно «капать на мозги» императору и императрице. В 1906 году это не имело для него особых последствий. Но аукнулось позже…

Думские заморочки

Одну из причин реформаторы видели в Государственной Думе второго созыва, которая начала работу 20 февраля 1907 года. Если первая Дума была оппозиционной, то со второй вышло ещё хуже. Она стала куда более пестрой и еще более радикальной. На этот раз в неё двинулись и большевики с эсерами. Реальной силы они не представляли, поскольку находились в глухом меньшинстве. Но они (а особенно большевики) шли исключительно затем, чтобы «использовать думскую трибуну для критики правительства». Чем и занимались. Причем в отличие от кадетов, терять им было нечего.

Дума снова шумит

«Избирательная кампания проходила в обстановке грубого произвола и репрессий со стороны властей всех рангов. Сенатские “разъяснения” исключили из числа избирателей большие группы крестьян и рабочих. Преследовались левые выборщики, запрещались избирательные собрания, масса манипуляций была пущена в ход по части рассылки избирательных повесток, назначения дня и места выборов и т. д. Тем не менее итоги выборов, хотя они происходили уже в обстановке сильного спада революции, оказались для “верхов” еще более разочаровывающими».

(А. Аврех)

Состав Второй Думы получился такой:

Левые фракции получили 222 мандата (43 % общего числа избранных депутатов). Из них:

Народники разных направлений – 157 мест (трудовики – 104, эсеры – 37, народные социалисты[41] – 16).

Социал-демократическая фракция – 65 депутатов.

Далее:

Кадеты – 98 депутатов.

Беспартийные – 50 депутатов.

Польское коло – 46.

Мусульманская фракция – 30.

Казачья группа – 17.

Зато выросло правое крыло – правые (монархисты – 10) и октябристы[42] (44) заняли в Думе 54 места (10 %).

Цирк начался по новой. Речь Столыпина вызвала многочисленные нападки депутатов, и Петр Аркадьевич произнес одну из своих «хитовых» фраз:

«Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли и мысли, все они

сводятся к двум словам: “руки вверх”. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием и сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: “не запугаете”».

Левые отнеслись к проекту земельной реформы резко отрицательно. Так, фракция трудовиков, основу которой составляли крестьяне, полагала, что указ от 9 ноября 1906 года «преследует политическую цель расслоения деревни на зажиточное меньшинство, которое должно явиться прочной опорой правительства и земледельческого класса, и экономически-зависимую и политически-совершенно бесправную массу… Он выгоден главным образом помещикам и фабрикантам, так как значительно увеличивает предложение труда и понижает и без того крайне низкую заработную плату».

Сами же левые в аграрном вопросе предлагали «установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом».

«С целью осуществления реформы в проекте предлагалось образовать общенародный земельный фонд, в который включались казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные земли, а также принудительно отчуждаемые помещичьи и другие частновладельческие земли (при условии, если размеры отдельных владений превышали установленную для данной местности трудовую норму).

…

Из общенародного фонда выделялись земли для государственных и общественных нужд, которые поступали в распоряжение общественных и государственных учреждений. Остальная земля передавалась для ведения сельского хозяйства в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, в первую очередь местному земледельческому населению. Наделение землей предполагалось произвести в пределах трудовой нормы, избыток сверх трудовой нормы передавался в общественный фонд в качестве запаса для наделения переселенцев или в случае прироста местного населения. Трудовая норма могла быть пересмотрена, а излишки после ее пересмотра также могли подлежать отчуждению с дальнейшей передачей в общенародный фонд.

Крестьянские депутаты находились в оппозиции государственной власти, поскольку отвергали рыночные отношения в аграрной сфере, а предлагали полунатуральную форму сельскохозяйственного производства, что не соответствовало государственным интересам. За это П. А.

Столыпин критиковал трудовиков, заявляя, что нельзя ленивого равнять к трудолюбивому».

(С. Н. Никольский)

Кстати, свою ещё более знаменитую фразу: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» Столыпин также сказал перед Второй Думой (10 мая) – и также завершая речь по агарному вопросу. Столыпину вообще лучше всего удавались концовки речей. Но в этой речи гораздо интереснее то, что «премьер» доказывает свою точку зрения – что программа трудовиков никакой особой пользы крестьянам не принесет.

«На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 дес, в Архангельской даже по 1309 дес, в 14 губерниях недостало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 85 ООО мещан, – а эти два последние разряда владеют до 17 000 000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда».

Но… Крестьяне очень внимательно следили за ходом думских дебатов. Они слали свои наказы. И в них как-то не наблюдалось поддержки начинаний Столыпина.

Историк С. Дубровский их обобщил. И вот результат. Требование отмены **частной собственности на землю содержались в 100 % документов**, причем 78 % хотели, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой. 59 % требовали закона, запрещающего наемный труд в сельском

хозяйстве, 84 %) требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога. Среди неэкономических требований выделяются всеобщее бесплатное образование (100 %) документов), свободные и равные выборы (84 %).

И депутаты-крестьяне добросовестно озвучивали подобную точку зрения.

Потешная Дума

В общем, стало понятно, что со Второй Думой каши тоже не сваришь. Тем более что реформа буксовала. Как считали в правительственных кругах – причина как раз в думской оппозиции. Существовало мнение: крестьяне не хотят выходить из общины, потому что полагают – скоро станут раздавать помещичью землю, а тем, кто выйдет, – не дадут. На самом-то деле всё было куда сложнее… Но вот так считали. В том числе и Столыпин. И что делать? Снова Думу распускать? Некоторые особо горячие парни из числа правых призывали вообще перестать играть в эти демократические игры – а вернуть систему управления в состояние до 17 октября. Но на это не пошли. Реальной опасности, как мы уже видели, Дума для власти не представляла. Однако… Столыпин понимал, что какое-то количество политических деятелей не оставляли надежды прорваться в реальную власть. Так уж пусть будут в Думе, нежели они снова окажутся в подполье или полу подполье. В отличие от правых, Столыпин понимал: наступившее в стране «успокоение» крайне шатко. И порядок, действуя только кулаком, не наведешь. Но и игры по принятым после 17 октября демократическим правилам никого среди властной элиты не устраивали. Тогда решили действовать по принципу, опять же в духе «англо-саксонских идеалов»: «Если джентльмена не устраивают правила игры, он их меняет». Вот и Столыпин решил создать новую Думу «под себя».

Что и было сделано.

«Разгон Думы был делом нетрудным, но опыт показывал, что новая Дума будет повторением разогнанной. Отсюда вставал вопрос, править ли без Думы или же менять избирательный закон так, чтобы обеспечить благоприятный для правительства состав депутатов.

Во главе заговора стоял царь. Его мало интересовали хутора и отруба, но раздражала левая Дума. А. С. Изгоев считал, что Столыпин принял участие в этом деле едва ли не против своего желания. Однако никто из мемуаристов вроде бы не пишет, что Столыпин противился государственному перевороту. Тем более что речь шла о судьбе реформы, которую он считал своим кровным делом и которой очень гордился. Ради этой реформы он готов был пожертвовать какой угодно буквой закона. Замысел состоял в том, чтобы одновременно с роспуском Думы обнародовать новый избирательный закон…

Утром 1 июня 1907 года председатель Думы Ф. А. Головин

получил от Столыпина записку с просьбой предоставить ему слово в начале заседания и удалить из зала публику. И вот, как вспоминал Головин, “на трибуне появилась высокая и мрачная фигура Столыпина с бледным лицом, темною бородою и кроваво-красными губами”.

Металлический голос премьера долетал до самых удаленных уголков притихшего зала. Премьер требовал от Думы устранения из ее состава 55 социал-демократических депутатов, обвиняемых в заговоре против государства. Дума ответила тем, что образовала специальную комиссию для разбора дела.

Простая логика требовала от правительства довести провокацию до конца, чтобы получить более весомый предлог для роспуска. Но царь совсем потерял терпение и в личной записке Столыпину напомнил, что “пора треснуть”. 3 июня 1907 был издан манифест о роспуске Думы и об изменении положения о выборах. Это событие вошло в историю под названием третьеиюньского государственного».

(П. Н. Зырянов)

Именно этот день считается окончанием первой русской революции. Его же называют третьеиюньским переворотом. Следующую Думу Столыпин стал создавать уже «под себя».

Избирательный закон был сильно подкорректирован, он теперь предоставлял гораздо более серьезные привилегии дворянам. А вот крестьянам – наоборот. Дело в том, что очень трудно было расстаться с иллюзией про патриархальную любовь мужичков к батюшке-царю. Но к 1907 году оказалось, что эта любовь, мягко говоря, не всеобъемлюща. Главной особенностью нового закона было то, что избирательные правила, все эти «курии» и «выборщики» были сознательно запутаны до невозможности. Что позволяло сторонникам правительства проталкивать своих кандидатов.

«По старому закону крестьянские выборщики в губернских избирательных собраниях Европейской России выбирали одного обязательного крестьянского депутата из своей среды сами, без участия других выборщиков. Теперь же обязательный депутат-крестьянин избирался всем составом губернских выборщиков. Ясно, что выборщики-помещики, получившие преобладание по новому закону в большинстве губернских избирательных собраний, выбирали не тех, кого хотело избрать большинство выборщиков-крестьян, а, наоборот, тех, которые были для последних неприемлемы».

(А. Аврех)

Думский справочник 1910 года отражает следующую картину. Дворяне, составлявшие по переписи 1897 года менее 1 %

населения, получили в III Думе 178 депутатских мест, или 43 % их общего числа. Крестьян-землевладельцев было избрано 66 (15 %), лиц либеральных профессий – 84 (19,5 %), промышленников и торговцев – 36 (7,5 %), священников – 44 (10 %), рабочих и ремесленников – 11.

Политический расклад в момент открытия Думы 1 ноября 1907 года был таков. (Впоследствии он несколько менялся, так как депутаты могли бегать из фракции во фракцию или создавать новые.)

Правая фракция: 51.

Национальная группа: 26.

Фракция умеренно-правых: 70.

Фракция Союза 17 октября (октябристы): 154.

Польско-литовско-белорусская группа: 11.

Польское коло: 11.

Фракция прогрессистов: 28.

Мусульманская группа: 8.

Конституционно-демократическая фракция (кадеты): 54.

Трудовая фракция (трудовики): 14.

Социал-демократическая фракция: 19.

Беспартийные: 6.

Итак, большинство получили умеренно-правые.

Иногда систему, существовавшую по 1912 год, называют «третьеиюльской». Она связана прежде всего с именем П. А. Столыпина. Также этот период называют «бонапартизмом». В самом деле, похоже, хоть Столыпин, в отличие от Наполеона, и не был самым главным. Но в его руках сходились все нити власти и имелся ручной законосовещательный орган.

Лидер умеренно-правых в будущей III Думе П. Н. Балашов писал царю:

«Конечно, ни один благоразумный человек не посоветует Вашему величеству вернуться к традициям прежнего самодержавия и бюрократического строя; эта форма правления приговорена уже окончательно Вами самими 17 октября, и всякий истинный русский патриот и убежденный монархист может только этому порадоваться».

Новая Дума начала интересно. Депутаты откровенно маялись дурью, принимая микроскопические законы. Известный журналист М. О. Меньшиков веселился в прессе. В статье «Веселые законы» он спрашивал депутатов:

«Каково ваше мнение “о предоставлении пенсионных прав врачам больницы имени императора Николая II при Киевском Покровском женском общежительном монастыре”… Или, например, как вы отнесетесь к вопросу “о кредите на наем

помещения для пермской дворянской опеки”? Или что вы думаете “об утверждении строительной стоимости сортировочной станции в Ховрине?”».

Имелись и такие законопроекты:

«Об освобождении от воинской повинности калевицкого духовенства бошинского хурула Донской области»; «О порядке исчисления 2 % пенсионных вычетов при зачете служащим в мужском и женском училищах при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла в Москве в срок выслуги на пенсию прежней до издания закона 2 февраля 1904 г. службы их в упомянутых училищах в случае невозможности точного выяснения размера содержания, полученного за вычитаемое время»; «Об учреждении при Эриванской учительской семинарии 20 стипендий для воспитанников-татар, с отпуском из казны по 2600 р. в год, о дополнительном ассигновании по 140 р. в год на вознаграждение учителя пения при названной семинарии и преобразовании одноклассного начального училища при сей семинарии в двухклассный состав и дополнительном ассигновании на его содержание по 930 р. в год»; «О передаче благотворительных заведений в ведение Варшавского магистрата»; «О продлении срока действия закона о сборе с паровых котлов»; «О назначении пособия экспедиции эстляндскому морскому и севастопольскому яхтклубам».

В думских кругах и прессе такие законопроекты получили название «вермишель».

Зачем это делалось? А чтобы депутаты знали своё место и не вздумали играть в большую политику. В политику собирался играть только один человек. И мы знаем его фамилию.

И Столыпин начал. 16 ноября он произнес новую программную речь.

«Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (*Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы “браво”.)*

Противопоставить этому явлению можно только силу (*возгласы “браво” и рукоплескания в центре и справа)*. Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и

впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. (*Возгласы “браво” и рукоплескания в центре и справа.*) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой. (*Голоса в центре и справа: “браво”.*)

…

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (*рукоплескания в центре и справа*), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (*Рукоплескания в центре и справа.*)

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни.

…

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть (*бурные рукоплескания и возгласы справа “браво”*)…историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (*Бурные рукоплескания и возгласы “браво” в центре и справа*)».

Самое интересное в этой речи – Столыпин, по сути, признает, что реформа не работает.

Дума, впрочем, тоже не работала.

«Думский обозреватель “Речи” нарисовал следующую

итоговую картину восьмимесячной работы Думы в первую сессию. Было образовано 27 постоянных комиссий, итоги работы которых оказались совершенно ничтожны. Так, комиссия по торговле и промышленности рассмотрела всего один законопроект – об устройстве свино-торгового двора в г. Сосновицах. Комиссия по борьбе с пьянством обсуждала вопросы об этикетках на водочных бутылках, о запрещении продажи водки вне городов, о вознаграждении частных лиц за разоблачение корчемства и т. п. Бюджетная комиссия, самая большая и авторитетная, успела рассмотреть только одну десятую часть всех титулов. Финансовая комиссия рассмотрела свыше 30 законопроектов – все мелкие. Никакого практического результата не дала работа комиссий законодательных предположений и по народному образованию. Таким образом, ни один сколько-нибудь крупный вопрос не был решен даже в комиссиях. В порядке думской инициативы было внесено 46 законопроектов. Ни один из них не стал законом».

(А. Аврех)

Новые ссоры

Тем временем октябристам стало надоедать их дурацкое положение. И они пошли на обострение.

Некоторое время думцы упражнялись в громких речах. Например, по поводу вопросов обороны – хотя по закону повлиять на военное и военно-морское министерства они никак не могли.

«Вожаки партии 17 октября ежегодно по поводу бюджета и других вопросов, касающихся обороны государства, говорили речи, в которых критиковали военные порядки, выражали различные общие пожелания и выказывали свой либеральный патриотизм, критикуя действия великих князей. Такие речи были новы для русской публики, хотя они ничего серьезного не содержали и не могли содержать, но, с одной стороны, выносили на свет божий некоторые разоблачения… а с другой стороны, касались царских родственников, которых государь постоянно в рескриптах восхвалял… Новизна этого явления давала обществу надежды, в обществе говорили: “Хотя партия 17–го октября до сих пор ничего не сделала, несмотря на то что от нее зависят весы думских решений, но мы на них надеемся, смотрите, какие смелые и решительные речи их вожаки говорят по поводу военных и морских вопросов. Ай да молодец Гучков; ай да ловко отделал морского министра Звегинцев; смело и со знанием дела говорит Саввич”».

(С. Ю. Витте)

Иногда для того, чтобы продемонстрировать, что они хоть что-то делают, думцы слали грозные депутатские запросы. Об одном стоит рассказать хотя бы потому, что ситуация хорошо иллюстрирует, как в Российской империи обстояло дело с сохранением секретов.

А дело было так. Английская фирма «Виккерс» строила по заказу военно-морского ведомства броненосный крейсер «Рюрик». По условиям англичане строили только судно, артиллерию русские должны были устанавливать своими силами. Дело в том, что в 10–миллиметровых судовых орудиях были применены разработки, которые иностранцам показывать не стоило. Но англичане каким-то образом добились, чтобы им были предоставлены чертежи. А потом, «до кучи» им передали и чертежи снарядов, тоже содержащих «ноу-хау». И уж заодно – секрет новейшей брони… Ну, просто Российская Федерация, девяностые годы. И уж чтобы совсем весело было – англичане провалили все сроки сдачи, а положенную неустойку «замылили». Последнего добились вульгарными взятками, а также

обещаниями рассказать много интересного о высокопоставленных морских чиновниках.

Дума возмутилась. Господа моряки думцев попросту послали. Дескать, не лезьте, куда не положено. Знакомая ситуация?

Лидеру октябристов Александру Ивановичу Гучкову всё это надоело – и он решил уйти в оппозицию, сообразив, что со Столыпиным он карьеру не сделает. Гучков толкнул речь о старой проблеме Империи – что на высоких постах сидят люди, которые ни перед кем не обязаны отчитываться.

«Для того чтобы закончить перед вами картину той организации или, вернее, той дезорганизации, которая водворилась во главе управления Военного министерства, я должен еще сказать, что должность генерал-инспектора всей артиллерии занимает великий князь Сергей Михайлович, должность генерал-инспектора инженерной части – великий князь Петр Николаевич и что главным начальником военно-учебных заведений состоит великий князь Константин Константинович… Это является делом совершенно ненормальным. Назвать это своим именем – это наш долг. Прав был депутат Пуришкевич, который говорил, что мы больше не можем позволить себе поражений… Если мы считаем себя вправе и даже обязанными обратиться к народу, к стране и требовать от них тяжелых жертв на дело этой обороны, то мы вправе обратиться к тем немногим безответственным людям, от которых мы должны потребовать только всего – отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия, которые связаны с теми постами, которые они занимают».

Своего Гучков добился – завоевал репутацию «правдоруба». Николай был в бешенстве. С этого момента Гучков для царской четы стал ненавистной фигурой. Императрица вообще мечтала его повесить…

В итоге Столыпин поссорился с октябристами. Партийная газета «Голос Москвы» писала:

«До последних дней все как будто постепенно налаживалось. Ценой уступок и самоограничений была добыта возможность законодательной работы… рисовалась радостная возможность мирного прогресса обновления родины. Но под очевидным воздействием каких-то новых давлений г. Столыпин в своей последней речи резко повернул курс политики».

Некоторое время спустя на Столыпина «наехали» правые, окопавшиеся в Государственном совете. Мы помним, что это был за милый орган. Так вот, тамошним сидельцам очень не нравился взлет Столыпина. Еще бы! Петр Аркадьевич прочно устроился у руля государственной власти, оттерев всех. Его решили поставить

на место.

«Одновременно крайние правые начали кампанию против Столыпина, развязав “министерский кризис” в его истинно русском варианте. Поводом к нему послужил мелкий законопроект о штатах морского генерального штаба, внесенный морским министром в первую сессию III Думы. 24 мая 1908 г. законопроект был принят. Однако Государственный совет, сославшись на то, что, утвердив штаты, Дума нарушила 96–ю статью Основных законов, согласно которой строевая часть (и, следовательно, штаты) является исключительно компетенцией царя, отклонил его. Дума, говорил лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново, имела право утвердить лишь испрашиваемую сумму, а не сами штаты. Утвердив их, она тем самым вторглась в прерогативы монарха. Впервые Государственный совет открыто выступил против III Думы и Столыпина. Все это сопровождалось большим шумом в правой печати с воплями об “узурпации”, покушениях на “прерогативы” и т. д. Всем было ясно, что острие интриги направлено против премьера. Последнему, однако, ничего не оставалось, как настаивать на своем: в абсолютно неизменном виде законопроект был снова внесен в Думу, и 19 декабря 1908 г. Дума, признав законопроект спешным, вновь приняла его в прежней редакции. При этом докладчик, известный нам Н. В. Саввич, специально проанализировав 96–ю статью, показал, что никакого ее нарушения со стороны Думы не было.

19 марта 1909 г. вновь принятый Думой законопроект был поставлен на повестку дня Государственного совета. Обсуждение было бурным, но на этот раз с помощью сильного нажима удалось провести законопроект 87 голосами против 75, и то только потому, что Столыпин признал факт нарушения 96–й статьи и обещал не допускать таких казусов в будущем.

Эта победа оказалась пирровой. Против премьера и Гучкова была развязана такая ожесточенная кампания, что Столыпин оказался на грани отставки, а лидер октябристов – перед перспективой бегства половины своей фракции в лагерь правых».

(А. Аврех)

Против «премьера» началась очень серьезная кампания в печати. Возглавлял её знакомый нам М. О. Меньшиков и… английская газета «Дейли телеграф». Последняя заявляла:

«Конституционное самодержавие дошло до поворотного пункта, и монарх, сознавая это, приостановился на момент, прежде чем повернуть направление политики».

Фактически Столыпину ставили в вину стремление захватить реальную власть в стране.

25 марта 1909 года Гучков писал своему стороннику Звегинцеву: «Общее положение неважно, отставка Ст-на и части кабинета возможна».

Праволиберальная газета «Слово» писала:

«То, что называют “министерским кризисом”, имеет важное и общественное значение… Одна за другой за эти годы с политической сцены сходили общественные группы, но перед исчезновением октябристов невольно охнешь и откроешь рот от изумления. Ведь если устанавливающейся системе управления Россией не нужны даже такие лица, как Гучков, оказавший громадную моральную поддержку правительству еще в кровавые дни московского восстания, то кто же нужен? У Гучкова был план, было ясно сказавшееся в его военно-морских речах национальное воодушевление – и он все-таки за бортом; он был ставленником тех, к которым должно перейти дворянское наследство, – оказывается, что от них только пузыри идут. Вот эта сторона переживаемого нами кризиса может быть действительно роковой, так как она образует пустоту вокруг власти, которой она должна бояться не меньше, чем природа».

Правых можно понять. Они опасались, что из Столыпина выйдет «русский Бисмарк». Как известно, прусский «железный канцлер» фактически руководил сперва Пруссией, а затем и Вторым рейхом – да так, что мало никому не показалось. Представители элиты, готовы были это терпеть, когда на пороге стояла революция. А вот когда обстановка более-менее устаканилась – начались претензии… Они в упор не понимали, что никакого «успокоения» на самом-то деле не произошло, что 1905–1907 годы – это только первая серия. Но… Ребята решили, что теперь можно снова жить расслабленно, как раньше.

Правда, отставка так и не состоялась.

27 апреля 1909 года Николай II вручил Столыпину рескрипт, в котором предлагалось выработать «в пределах, указанных государственными основными законами, правила, в которых было бы перечислено, какие дела в сфере военного управления принадлежат исключительно верховной власти, какие, помимо нее, также и законодательным учреждениям. Деятельность Совета министров одобряю». По некоторым сведениям тут снова приложила руку Мария Федоровна.

Как можно вляпаться в грязь

Между тем Столыпин оказался вовлечен в одну из самых грязных историй времени царствования Николая II, которая нанесла престижу власти – как в России, так и за рубежом – ущерб, сравнимый с поражением в Русско-японской войне и «кровавым воскресеньем». Речь идет о «деле Азефа».

Что у нас с провокаторами?

Подробный рассказ об этом персонаже выходит за рамки этой книги[43]. Так что – только краткая информация.

Азеф Евно Фишевич. 1869 года рождения. Родом из еврейского местечка, сын бедного портного. Свою взрослую деятельность начал с вульгарного «кидалова». Он занимался в Ростове мелким бизнесом, взял на реализацию у партнера товар, а деньги не вернул. После чего отбыл в Германию – учиться на инженера-электрика. За границей Азеф обратился с письмом в Департамент полиции, предложив свои услуги по «освещению» деятельности русских студентов за границей. Причина проста и незамысловата – деньги.

В 1899 году Азеф получил диплом и прибыл в Москву. Работа иненера-электрика была чрезвычайно востребованной и высокооплачиваемой. Однако Азеф продолжал сотрудничать и со спецслужбами. По предложению Департамента полиции (приказывать агентам охранка[44] не могла) внедрился в среду социалистов-революционеров. Там он быстро выдвинулся, проявив выдающийся аналитический ум и незаурядные организаторские способности.

Азеф был одним из четырех человек, провозгласивших в 1901 году создание Партии социалистов-революционеров (эсеров). И стал вторым по значимости в Боевой организации (БО) – то есть в структуре, непосредственно занимавшейся организацией террористических актов. А в 1903 году, после ареста руководителя БО Г. А. Гершуни, Евно Фишевич возглавил эту организацию.

Именно под чутким руководством Азефа БО провела свои самые громкие акции – в том числе убийство министра МВД В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича и многих других. А Азеф… продолжал получать деньги от Департамента полиции. Мало того, охранка не трогала резвящихся в России людей из его ближайшего окружения – например Бориса Савинкова. Кстати, именно поэтому Савинков приобрел славу «великого террориста». Без Азефа он не смог сделать ровным счетом ничего.

Это позволяет многим историкам утверждать: высшие чиновники использовали БО для собственных разборок. А иначе приходится считать, что Азеф являлся эдаким гением коварства Мефистофелем, а всё руководство спецслужб – полными лохами.

Интересно, что уже во времена Столыпина в беседах со своим тогдашним куратором, начальником Санкт – Петербургского Охранного отделения, Азеф высказывал восхищение политикой

«премьера».

«По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком – не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением, отзывался о насильственных, революционных методах действия. Вначале я его этим заявлениям не вполне доверял. Но затем убедился, что они отвечают его действительным взглядам. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы, да и то проводимые с большой постепенностью. Почти с восхищением он относился к аграрному законодательству Столыпина и нередко говорил, что главное зло России в отсутствии крестьян-собственников».

(А. Герасимов)

Но сколь веревочка ни вейся… В 1908 году Азеф был разоблачен знаменитым «охотником за провокаторами» эсером Б. В. Бурцевым. Это вызвало дикий шум по всему политическому спектру. За границей – тоже. Эта история вбила последний гвоздь в гроб эсеровского терроризма (впрочем, к этому времени он и так уже почти выдохся). Но мой рассказ не о террористах.

Зашевелилась Дума. Они сделали правительству запрос по делу Азефа, подняв его на принципиальную высоту – о методах работы спецслужб. Эти методы и в самом деле были аховые. Кроме Азефа, имелось множество других агентов, которые выступали как провокаторы в прямом смысле слова. Поясню. В те времена в революционной и либеральной среде «провокатором» называли любого полицейского или охранного осведомителя. Но на самом-то деле провокатор – это тот, кто сам **организует** какие-либо противозаконные действия, а потом сдает своих поделыщиков. Это было очень удобно для полицейских и жандармских чинов: сам устроил акцию, сам её и раскрыл. Понятно, что такие методы совсем не способствовали искоренению терроризма. Напомню, что в 1906 году террор вышел за все мыслимые рамки. Тогда стреляли и кидали бомбы эсеры, максималисты, анархисты, польские сепаратисты и вообще все кому не лень. И когда во главе тех или иных групп стояли провокаторы…

В общем, никто уже не понимал – где кончаются террористы и где начинается охранка. А ещё меньше понимали – в чьих интересах «охранники» действуют.

Так, на слушаниях по запросу, которые проходили в Думе 11 и 13 февраля 1909 года, были такие выступления:

«В Твери окружной суд судит за убийство агента губернского жандармского управления, и подсудимый **оказывается агентом охранного отделения**. В Екатеринославе обливают серной

кислотой помощника полицейского надзирателя**. Подсудимый заявляет, что служил в охранном отделении по специальности провокатора**. В Гродно судебная палата разбирает дело об организации социалистов-революционеров, **и главным организатором группы**, создавшей целый план террористических действий, оказывается агент охранного отделения. В Киеве окружной суд рассматривает дело об экспроприации, и начальник сыскной полиции сообщает, что **руководил экспроприацией отдел сыскного отделения…»** (Выделено мной. – *А. Щ.*)

В данном случае депутаты ничего не выдумали. Все приведенные факты имели место.

И никого в белом фраке

А что Столыпин? Вообще-то он был не в теме. Хотя про существование Азефа он знал. Но вот подробности…

Дело в том, что Третий отдел Департамента полиции[45], руководивший Охранными отделениями, был «государством в государстве». Формально он подчинялся министру МВД, но на самом деле не подчинялся никому. Его положение можно сравнить разве что с ФБР при Джоне Эдгарде Гувере[46]. Другие легендарные спецслужбы, такие как ГУГБ или СД[47], такой независимостью никогда не обладали. А вот «Охранники» делали всё что хотели.

К тому же Столыпин, хоть служил всю жизнь в МВД, к полицейской работе, а уж тем более – к политической полиции – никогда отношения не имел. Да и занимался Петр Аркадьевич в основном высокой политикой, а не делами родного министерства.

Тем не менее, Столыпин бросился выгораживать Азефа. Дело тут было не только в чести мундира. Понятно же, что данный запрос был «наездом» на власть. И «премьер» ринулся в бой, обладая лишь теми сведениями, которые ему предоставила охранка. Сами понимаете, что они предоставили…

В речи 13 февраля Столыпин сказал депутатам:

«Между тем, дело Азефа – дело весьма несложное, и для правительства и для Государственной Думы единственно достойный, единственно выгодный выход из него – это путь самого откровенного изложения и оценки фактов. Поэтому, господа, не ждите от меня горячей защитительной или обвинительной речи, это только затемнило бы дело, придало бы ему ведомственный характер; отвечая же лично на этот запрос, я хотел бы осветить все это дело не с ведомственной, не с правительственной даже, а с чисто государственной точки зрения. Но, прежде чем перейти к беспристрастному изложению фактов, я должен установить смысл и значение, которое правительство придает некоторым терминам.

Тут в предыдущих речах все время повторялись слова “провокатор”, “провокация”, и вот, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений, я должен теперь же выяснить, насколько различное понимание может быть придано этим понятиям. По революционной терминологии, всякое лицо, доставляющее сведения правительству, есть провокатор; в революционной среде (*возгласы слева*) такое лицо не будет названо предателем или изменником, оно будет объявлено провокатором.

Это прием не бессознательный, это прием для революции

весьма выгодный.

Во-первых, почти каждый революционер, который улавливается в преступных деяниях, обычно заявляет, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступление, а во-вторых, провокация сама по себе есть акт настолько преступный, что для революции не безвыгодно, с точки зрения общественной оценки, подвести под это понятие действия каждого лица, соприкасающегося с полицией. А между тем, правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считает провокатором только такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокатора. (*Возглас слева: верно!*)

Таким образом, агент полиции, который проник в революционную организацию и дает сведения полиции, или революционер, осведомляющий правительство или полицию, ео ipso еще не может считаться провокатором. Но если первый из них, наряду с этим, не только для видимости, для сохранения своего положения в партии выказывает сочувствие видам и задачам революции, но вместе с тем одновременно побуждает кого-нибудь, подстрекает кого-нибудь совершить преступление, то, несомненно, он будет провокатором, а второй из них, если он будет уловлен в том, что он играет двойную роль, что он в части сообщал о преступлениях революционеров правительству, а в части сам участвовал в тех преступлениях, несомненно, уже станет тягчайшим уголовным преступником. Но тот сотрудник полиции, который не подстрекает никого на преступление, который и сам не принимает участия в преступлении, почитаться провокатором не может.

Точно так же трудно допустить провокацию в среде закоренелых революционеров, в среде террористов, которые принимали сами участие в кровавом терроре и вовлекали в эти преступления множество лиц. Не странно ли говорить то же о провоцировании кем-либо таких лиц, как Гершуни, Гоц, Савинков, Каляев, Швейцер, и др.? Но смысл и выражение запроса не оставляют никакого сомнения в том, что Азефу приписывается провокация в настоящем смысле этого слова, а также и активное, последовательное участие в целом ряде преступлений чисто государственных.

Кто же такой Азеф? Я ни защищать, ни обвинять его не буду. Такой же сотрудник полиции, как и многие другие, он наделен в настоящее время какими-то легендарными свойствами. Авторами запроса ему приписывается, с одной стороны, железная энергия и сила характера, причем сведения эти почерпнуты из заметки

“Нового времени”, которой почему-то приписывается и придается чуть ли не официозный характер. С другой стороны, ему приписывается целый ряд преступлений, почерпнутых из источников чисто революционных. Правительство же, как я сказал, может опираться только на фактический материал, а считаться с разговорами, которые, несомненно, должны были создаться вокруг такого дела, с разговорами характера чисто романического, фельетонного на тему “Тайны департамента полиции”, оно, конечно, не может.

Поэтому, господа члены Государственной думы, перейдем к фактам, пересмотрим данные, внешние данные из жизни Азефа, проследим по совету члена Государственной думы Покровского революционную карьеру Азефа и, параллельно, его полицейскую карьеру и рассмотрим его отношения к главнейшим террористическим событиям последнего времени. По расследовании всего материала, имеющегося в Министерстве внутренних дел, оказывается, что Азеф в 1892 г. живет в Екатеринославе, затем он переезжает за границу, в Карлсруэ, кончает там курс наук со степенью инженера, в 1899 году переселяется в Москву и остается там до конца 1901 года. После этого он уезжает за границу, где и остается до последнего времени, временами только наезжая в Россию, о чем я буду говорить дальше.

…

Допустим, что Азеф, по наущению правительственных лиц, направлял удары революционеров на лиц, неугодных администрации. Но, господа, или правительство состоит сплошь из шайки убийц, или единственный возможный при этом выход – обнаружение преступления. И я вас уверяю, что если бы у меня были какие-либо данные, если были бы какие-либо к тому основания, то виновный был бы задержан, кто бы он ни был.

Наконец, если допустить, что Азеф сообщал департаменту полиции все то, что он знал, то окажется, что один из вожаков, один из главарей революции был, собственно, не революционером, не провокатором, а сотрудником департамента полиции, и это было бы, конечно, очень печально и тяжело, но никак не для правительства, а для революционной партии».

И закончил, как всегда, патетически.

«Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно,

по крайней мере, в главных очертаниях здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю России. (*Шумные рукоплескания справа и в центре.*) И время это, господа, наступает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда. (*Рукоплескания справа и в центре.*)»

Многие современники говорили, что в речах Столыпину лучше всего удаются концовки. Хотя, четно говоря, это «пристегнутая» патриотическая риторика, не имеющая связи с темой, не самый лучший ораторский прием. Но именно своими концовками его речи и запомнились.

Зря это он так поспешил. Я уже упоминал, что интерес к делу Азефа был огромный, в том числе и у заграничной прессы, на которую Столыпин никак не мог повлиять. А эта пресса, в том числе и «желтая» (к примеру, Азефа называли «инфернальным героем Достоевского»), не стеснялась в выдвижении версий. Так, были озвучены слухи, глухо ходившие в российских «верхах» ещё с 1904 года, что «Плеве был устранен по приказу Витте». А уж кому мешал Сергей Александрович – тут уж изощрялись, как могли. Витте он, кстати, тоже мешал…

Но это было бы половиной беды. Хуже другое. Разоблачивший Азефа Бурцев на этом не успокоился. Заработав на разоблачении главного стукача охранки хорошие деньги, Бурцев решил вложить их в дальнейшее расследование этого дела. Впрочем, он также занимался и выявлением других агентов. Но более всего он хотел с помощью дела Азефа повалить Столыпина. Бурцев, вообще склонный находить именно персональных врагов во вражеском стане, «премьера» люто ненавидел[48]. Так что «охотник за провокаторами» стал копать дальше, создав в Париже нечто вроде частного политического сыскного агентства. И работала эта структура неплохо. Стали всплывать всякие-разные ну очень некрасивые подробности.

Ладно бы, стало известно то, что было уже доказано: Азеф вел двойную игру, морочил голову как революционерам, так и Департаменту полиции. Самое гнусное было – **зачем** он это делал. Из собранных Бурцевым материалов получалось – Азеф просто-напросто занимался коммерцией. При помощи Департамента полиции провокатор пролез в руководство эсеров. В партии он сумел поставить БО и себя как её руководителя в исключительное положение. К примеру, он единолично распоряжался огромными средствами, выделяемыми на террор, – и никому не отчитывался. Потом же он поставил дело так, что

начал тянуть немалые деньги и с другой стороны, уверяя, что только он и никто другой может остановить терроризм. На самом-то деле ничего он не остановил. Да, он парализовал действия БО – но зато подтолкнул иные эсеровские боевые структуры…

Доходило до абсурда. Так в 1908 году эсеры (не из БО) ограбили казначейство в Черджуе (ныне – Чарджоу) и взяли 300 тысяч рублей. Азеф в ультимативной форме потребовал у партии: или выделяем 100 тысяч в «боевой фонд», или завязываем с террором. Фактически Азеф эти деньги прикарманил. Но самое смешное другое. Столыпин, узнав об «эксе», пришел в бешенство и потребовал арестовать виновников и вернуть деньги. Герасимов не решился… попросить эти деньги у Азефа. Потому что знал: тот всё равно не вернет. Ничего себе отношения с секретным агентом!

То есть получалось – некий подонок под покровительством МВД (в том числе и Столыпина) занимается черт знает чем и получает от министерства за это деньги. Причем даже после разоблачения Азеф, скрываясь в Европе, получал от ДП зарплату в 1000 рублей в месяц. То есть ему платили больше, чем министру.

Но и на этом дело не закончилось.

Стали всплывать более интересные вещи, касавшиеся непосредственно Столыпина. Речь идет об убийстве петербургского градоначальника фон Лауница. Господин был тот ещё. Он являлся убежденным черносотенцем, членом «Союза русского народа». Настолько убежденным, что отказался от полицейской охраны, заменив её мордоворотами из СРН.

С мозгами у градоначальника было неважно.

«Помню, одно время Лауниц стал носиться с планом обезвредить революционеров, скупив все имеющееся у них оружие. Устроить это дело ему предлагал Красковский[49], лишь бы деньги… Тем не менее Лауниц откуда-то добыл денег и вскоре с большим апломбом заявил о своем огромном успехе: ему удалось купить у революционеров пулемет, заплатив за него 2 тысячи рублей. Столыпин просил меня расследовать этот случай. Удалось выяснить, что пулемет был выкраден из Ораниенбаумской стрелковой офицерской школы, очевидно теми самыми людьми, которые продали его Лауницу. Я доложил об этом Столыпину, который много смеялся».

(А. Герасимов)

Фон Лауниц относился к Столыпину резко отрицательно, считая его «агентом мирового сионизма». И мечтал «премьера» сместить. Казалось бы – совершенно разные «весовые категории»? Председатель Совета министров и градоначальник, пусть и столичный. А вот и нет. Фон Лауниц пользовался большим

расположением и доверием Николая II. Как мы увидим дальше, император воспринимал чужие советы, руководствуясь очень прихотливой логикой… Так что фон Лауниц был для Столыпина весьма опасен.

21 декабря 1906 года должно было состояться торжественное открытие нового здания Института экспериментальной медицины, во главе которого стоял член императорского дома принц Петр Ольденбургский. На этом мероприятии должно было состояться покушение на фон Лауница и на Столыпина. Охранному отделению стало об этом известно. Согласно версии полковника Герасимова, он предупредил обоих, Столыпин не поехал, а градоначальник Герасимова послал… Правда, фон Лауниц хотел сместить и Герасимова и заменить его черносотенцем Юскевичем – Красковским…

Градоначальник в итоге был убит. Имеются в этом деле странности. Герасимов «не смог уговорить» Лауница. А может, и не очень уговаривал? К тому же, мало ли что Лауниц отказался от охраны! Ну, дурак. Но ведь, зная о возможности покушения, можно было бы послать на мероприятие нескольких агентов в штатском. Градоначальник бы их и не заметил. Но не послали. А значит…

Версия достаточно хлипкая. Но журналистам доказательства не особо требуются. К этому же подверстывалось уже упоминавшееся убийство графа А. П. Игнатьева, где тоже на горизонте маячила охранка… Граф-то ведь тоже был решительным противником столыпинских преобразований…

В общем, МВД и Столыпин в частности оказались с ног до головы понятно в чем.

Надо было выкручиваться. Заграничной агентуре отдали приказ разыскать Азефа. Правда, искали как-то вяло. И не нашли. Хотя на самом-то деле провокатор не особо и скрывался.

Нам трудно представить шок, который вызвало в России дело Азефа. Мы живем в иное время, когда грязные методы в политических играх стали общепринятыми. А тогда эти расклады выглядели диковато. Причем наибольшее впечатление роль МВД в этой грязной истории произвела на лояльных граждан. Оказалось, что террористы, наводившие страх на законопослушных обывателей, направлялись агентом Департамента полиции! И нечего удивляться, что после этому верили абсолютно всей «черной» информации о «верхах». И что министров назначает Распутин, что императрица – немецкая шпионка.

Но хуже всего последствия были для охранки. Собственно, вся её работа была построена на внедрении своих агентов в

революционную среду. А вот оказалось – эти агенты черт знает что творят. Нет, агентов продолжали вербовать и дальше. Но вот веры им больше не было. Как не стало веры и охранным отделениям. Их стали ограничивать в правах, а после – сокращать их число. Спору нет – с зарвавшимися спецслужбистами надо было что-то делать. Но альтернативу до 1917 года так и не нашли.

И ведь что символично – Столыпина убил тоже агент охранки…

Борьба за «рабочие законы»

«…Видимой власти Столыпина приходилось вести тяжкую борьбу и сдавать одну позицию за другой».

(А. И. Гучков)

Кроме агарного вопроса, ещё одной «болевой точкой» Российской империи был так называемый рабочий вопрос. И если точнее – проблемы правового и социального положения рабочих. Революция 1905–1907 годов продемонстрировала – эти вопросы надо решать как можно быстрее. Столыпин за это взялся. Но уперся в непреодолимую стену…

История рабочего вопроса. Краткий курс
И так как все мы люди,
То должны мы – извините! – что-то есть.
Хотят накормить нас пустой болтовней —
К чертям! Спасибо за честь!
И так как все мы люди,
То нужны нам башмаки без заплат,
И нам не поможет треск речей
Под барабанный раскат.
Марш левой! Два! Три!
Марш левой! Два! Три!
Встань в ряды, товарищ, к нам!
Ты войдёшь в наш единый рабочий фронт,
Потому что рабочий ты сам!

(Гимн рабочего фронта)

Я неоднократно упоминал, что никаких рабочих с юридической точки зрения в Российской империи не существовало. Были крестьяне, которые непонятно почему околачиваются в городах и ходят работать не в поле, а на заводы и фабрики. Было их немного, меньше 10 % населения России. Однако число их стремительно росло. А что самое главное – эти люди были недовольны своим положением и представляли из себя реальную силу.

А чем они были недовольны? Начнем с заработков. По сведениям автора вышедшей в 1898 году книги Туган – Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем», прожиточный минимум для **холостого** рабочего в Петербурге – 17 рублей. К 1912 году цены выросли примерно на 25 %. То есть

он составлял более 21 рубля. (Я привожу именно 1912 год, потому что по нему более всего данных.)

В провинции цены были ниже. Но и заработки тоже.

Стоит ещё отметить. Тогдашний рабочий не имел отпусков, ему не оплачивали бюллетени и не платили пенсию.

Для начала поглядим на «флагманы индустрии», которые располагались в основном в больших городах. А главным промышленным центром являлся Санкт – Петербург.

Зарплата квалифицированных рабочих (в руб.). 1912 г.

13 основных производств 50 губерний в России	**Количество работников в заведении**				
	Свыше 1000 чел.	От 1000 до 500 чел.	От 5000 до 100 чел.	От 50 до 20 чел.	До 20 чел.
В год (в среднем)	239,6	234	229	255	216
В месяц	19,91	19,5	19,2	21,25	18,8
В день	0,65	0,64	0,62	0,70	0,59

Но кроме крупных предприятий существовала так называемая местная промышленность. Это были полукустарные предприятия с низким уровнем механизации.

Данные взяты из отчета одной из многих санитарных комиссий ведомства Ф. Ф. Эрисмана, основателя санитарии и гигиены в сегодняшнем понимании. Эти комиссии, в данном случае, обследовали уездные фабрики Московской губернии.

Местная промышленность. Заработная плата в месяц (в руб.)

(Московский уезд)

Вид производства	Мужчины	Женщины	Малолетние
Стеклянный завод мастера рабочие	30–358–12	—	–4,5–5,5
Ковровая и шелкотканная фабрика	22–30	10–25	
Механические заведения			
Бахромные заведения	9–18	5–15	3–6
Бумагопрядильная фабрика	8–18		
Самоткацкая и бумажная фабрика	6–8	6–9	3–5
Сапожные заведения	5–8*	5–15	3–6
Химические заводы	4–8*	–	–
Кожевенные заводы	5–9*	–	–
Отбельные и красильные	9–12	–	–
Спичечные	9–11	6–8	2–5
Медноцепочные	5–7*	2–4*	–
Мелкие ткацкие	3–7*	2–4*	0,80*

* На хозяйских харчах.

Существовал и ещё один, довольно многочисленный вид рабочих. Это те, кто выполняли разовые работы. Ну, вроде сегодняшних бригад квартирных ремонтников. В крупных городах существовали особые места, где такие артели (бригады) нанимали.

Доход работника в день в группах специальностей непостоянного труда и найма по надобности.

Санкт – Петербург, 1912 г.

Специальность	Доход в рублях, в день
Каменотес	1,25–1,35
Каменщик	1,15–1,25
Конопатчик	1,1–1,25
Кровельщик	1,2–1,3
Маляр	1,2–1,4
Обойщик	1,15–1,25
Печник	1,2–1,4
Поденщик с лошадью	2,9–3,2
Землекоп	0,9–1
Пильщик	1,0–1,1
Слесарь	1,25–1,4
Стекольщик	1,2–1,35
Столяр	1,3–1,5
Полотер	1,15–1,25
Трубочист	1,15–1,25
Работник за все	0,8–0,95
Работница за все	0,6–0,7

Разумеется, существовали и рабочие очень высокой квалификации, они получали до 100 рублей, а иногда и больше. Но их было немного. Но самое главное – именно представители рабочей элиты стояли во главе большинства забастовок! А почему?

Да потому что рабочих тоже считали за быдло. Они были совершенно бесправны. Защитить свои права цивилизованным способом у них не имелось возможностей. Точнее, при Александре III были введены первые в истории России законы о труде.

1886 год – закон «о штрафах и расчётных книжках». (Закон был призван положить конец беспределу фабрикантов, штрафовавших рабочих за все на свете.)

1885 год – запрещение ночного труда женщин и детей.

1886 год – закон об определении условий найма и порядка расторжения договоров рабочих с предпринимателями.

Для контроля за соблюдением законов были введены фабричные инспекции при Министерстве финансов. Но только практически всегда эти конторы вставали на сторону

предпринимателей. Причина – как банальные взятки, так и «социальный расизм». Впрочем, были и экономические причины. Но о них ниже.

Итак, выход был один – подниматься на забастовку. И поднимались – чем дольше, тем больше. До 1904 года требования рабочих были **исключительно** экономические. Байки о том, что забастовки организовывали революционеры, не соответствуют действительности. Разумеется, борцы за народное дело всячески стремились внедриться в эту среду. Но до поры до времени они только помогали рабочим. Так, во время грандиозной забастовки ткачей в 1896 году в Санкт – Петербурге, получившей называние «промышленной войны», социал-демократы из знаменитого «Союза борьбы за освобождения рабочего класса» печатали забастовщикам листовки. Делали они это очень грамотно и оперативно. Так, рабочие были готовы принимать помощь от всех, кто был готов им помочь.

Что же касается властей, то они рассматривали трудовые конфликты не как столкновение разных интересов, которое можно решить миром, а как «подрыв устоев». Такое уж было у господ начальников мышление. Быдло бунтует? Разогнать и пересажать!

К тому же представители властей пребывали в сладких иллюзиях. Они полагали: рабочего вопроса в России просто не существует. Потому что… нет рабочих.

Особый журнал Комитета министров от 28 и 31 января 1905 года отмечает, что главной причиной наплевательства к нуждам рабочих «служил существовавший тогда взгляд на существо рабочего вопроса в России, будто условия фабричной жизни у нас и на Западе совершенно между собой различны. Число рабочих, занятых на наших фабрично-заводских предприятиях, весьма незначительно; благодаря счастливым условиям землепользования большая часть русских рабочих тесно связана с землей и на фабричные работы идет, как на отхожие промыслы, ради подсобного заработка, сохраняя постоянную, живую связь с деревней; никакой систематической борьбы рабочих с предпринимателями в России нет; нет в ней и самого рабочего вопроса, а потому и не приходится создавать по западным образцам фабричного законодательства. Возражать против этого взгляда в настоящее время, после январских событий, нет более надобности».

Когда облеченные властью чиновники рассуждают «о счастливых условиях землепользования» в России, остается удивляться – как **такая** власть смогла столь долго протянуть…

Но дело не только в психологии начальства. К ней

подверстывалась политика Витте. Напомню, что Сергей Юльевич выступал за максимально быстрое развитие промышленности, причем упор он делал именно на частую инициативу, то есть на предпринимателей. Разумеется, в этом случае он и стоял на стороне хозяев. Тем более что большие надежды были связаны с привлечением иностранных инвестиций. А иностранцев привлекал в Россию в том числе и низкий уровень заработной платы в стране. В Германии, к примеру, рабочие получали примерно в четыре раза больше.

А ведь фабричные инспекции были как раз в ведении Витте. Понятно, что тамошние чиновники знали, чью сторону принимать…

«То был момент, когда правительству надлежало овладеть рабочим движением и направить его по руслу мирного профессионального движения. Витте и его министерство этим вопросом от сердца не интересовались. Из двух сил, правильным взаимоотношением которых в значительной мере разрешается рабочий вопрос, – капиталист и рабочий – Витте смотрел только на первого.

Не связанный ни происхождением, ни духовно со старым дворянством и его родовитой аристократией, он, очень заискивая в них светски, сердцем тянулся к новой знати – финансовой. Ее он и защищал, и весьма часто в ущерб рабочему классу.

Между тем, властям на местах приходилось сталкиваться и считаться с проявлениями рабочего движения. Надо было так или иначе действовать. В таком положении была и Москва».

(А. И. Спиридович)

И куда было деваться рабочим? Революционеры ведь говорили: при этой власти вы ничего не добьетесь, её надо менять. Так ведь и получалось…

Самые умные из государственных мужей понимали, что добром это не кончится. К таким относился лучший сыскарь того времени, начальник Московского охранного отделения[50] Сергей Васильевич Зубатов. Он-то по роду своей деятельности отлично знал, что главная причина возросшей активности рабочих – не в агитации революционеров, а в их недовольстве своим положением. И понимал, что голыми репрессиями ничего не исправишь. В 1901 году в Москве было создано «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». Фактически это был первый в России легальный профсоюз. В том же году в «черте оседлости» он организовал первую легальную партию. Да ещё и еврейскую – Еврейскую независимую политическую партию (ЕНРП). Цель была – вывести еврейских рабочих из-под влияния Бунда.

Главной задачей Зубатова было – не допускать забастовок. Средств для этого у него имелось немного, так что полковник попросту давил полицейской властью на предпринимателей и фабричные инспекции. Кончилось это плохо. Предприниматели начали возмущаться. К тому же на Юге России в 1903 году разразилась грандиозная забастовка, видную роль в которой сыграли зубатовские структуры.

Георгий Гапон тоже начинал с Зубатовым. Собственно, его «Собрание фабрично-заводских рабочих» раскрутилось именно на стремлении пролетариев решить свои проблемы законными методами. После «кровавого воскресенья» о мире говорить уже смысла не было…

В 1905 году рабочее движение поднялось девятым валом. Забастовки шли одна за другой. Теперь появились и политические лозунги. Однако и в то время революционеры руководили рабочими далеко не всегда. Так случилось в Баку, где зажигал серьезный парень по имени Иосиф Джугашвили.

Кое-где ещё… Хотя «политика» была нагрузкой, которую подкидывали забастовщикам даже не столько революционеры, сколько кадеты. Но какая разница! Тем более, по стране стали создаваться уже реальные профсоюзы.

Что же делать с рабочими?

Власти стали дергаться уже после «кровавого воскресенья». Дело в том, что людей на улицу Гапон вывел не просто так. Это было финалом грандиозной забастовки в Санкт – Петербурге.

Стали предпринимать попытки решать вопрос.

«Так, 24 января (1905 г.) министр финансов собирает у себя представителей правлений и владельцев расположенных в Петербурге и его окрестностях фабрик и заводов и предлагает им тотчас ему сообщить, какие они могут и намерены сделать уступки рабочим. Промышленники, естественно, отвечают, что каких-либо общих для всех заводов и фабрик уступок они ни указать, ни сделать не в состоянии. Каждый завод имеет свои особенности, и расценка труда производится на них различными способами в зависимости от характера производимых на них работ. Степень прибыльности отдельных предприятий также весьма различна, и что одно предприятие может сделать, то другие не в состоянии осуществить без полного краха. Заявление это, однако, не удовлетворяет министра финансов, и он двусмысленно заявляет, что упорное нежелание предпринимателей пойти навстречу требованиям рабочих может иметь для них тяжелые последствия».

(В. И. Гурко)

То есть господа предприниматели начали вешать лапшу на уши. Дескать, ничего-то они сделать не могут и вообще – делиться своими прибылями упорно не желают.

Однако положение было очень серьезным. 29 января 1905 года была создана комиссия по рабочему вопросу. Её председателем стал член Государственного совета Н. В. Шидловский. В комиссию предполагалось ввести представителей от работодателей и рабочих.

В Указе по поводу её создания сказано, что эта структура создана «для безотлагательного выяснения причин рабочего недовольства в Петербурге и его пригородах и принятия мер для устранения их в будущем».

Комиссия весьма трезво смотрела на ситуацию. Министр финансов В. Н. Коковцов, возглавлявший эту структуру, в отличие от Витте, не являлся столь последовательным другом предпринимателей. Он полагал:

«В сущности, всякая забастовка… есть явление чисто экономическое и при известных условиях отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию… Подавляющее большинство забастовок проистекает из-за чисто

экономических… и, если можно так выразиться, кровных причин, ничего общего с преступной пропагандой не имеющих».

Что называется – хоть до кого-то дошла такая очевидная истина. На самом-то деле рабочие ничего не имели против царя-батюшки. Дали бы возможность жить по-человечески – а там всё едино.

Комитет министров с такой постановкой вопроса согласился. В одном из документов сказано:

«Для правильного разрешения вопросов о забастовках, возникающих исключительно на экономической почве, необходимо, чтобы рабочие были надлежащим образом организованы и знали точно свои права и обязанности, и что посему поставленный Комитетом вопрос об изменении действующих о стачках постановлений должен быть разрешен, по существу, лишь по обсуждении и выяснении всех прочих мер, определяющих внутренний быт рабочих».

Если перевести это с канцелярита на нормальный русский язык, то это означает, что комиссия полагала:

что желательно создать профсоюзы, которые бы представляли интересы рабочих. Это давало возможность отсечь разнообразных революционеров, претендующих на то, что именно они борются за рабочее дело;

что нужно определить «правила игры». Дескать, хотите говорить об условиях работы – вот и говорите. А в политику не лезьте.

В более конкретном виде программа, выработанная комиссией, предлагала следующее:

1) обязательная организация больничных касс на базе совместных взносов и хозяев, и рабочих;

2) создание на фабриках и заводах смешанных органов из представителей администрации и рабочих «для обсуждения и разрешения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих»;

3) сокращение рабочего дня с 11,5 часа до 10, ограничение законом количества сверхурочных работ;

4) пересмотр статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договора о найме.

Вы будете смеяться, но именно **эти** требования в 1896 году пропагандировали ребята из «Союза освобождения рабочего класса», который создан при непосредственном участии В. И. Ульянова. Того, который Ленин[51]. Если пункты 2–4 понятны, то по первому стоит дать пояснение. Я уже упоминал, что никаких больничных в «России, которую мы потеряли» рабочим не полагалось. Если человек заболевал – то мог только радоваться,

что его не увольняли, пока он отлеживался. Соответственно, «больничная касса» – это, по сути, страховой фонд. Предполагалось, что из него должны осуществляться выплаты в том числе и за полученные на производстве травмы. На охране труда предприниматели экономили, поэтому производственный травматизм был очень высоким. Так что участие предпринимателей было вполне логичным. Как мы увидим, именно вокруг этих самых касс и разгорятся самые большие споры…

Предприниматели против больничных касс высказались в том смысле, что проект «представляет беспримерное явление… удовлетворять свои потребности за чужой счет – глубоко развращающий принцип».

Вот так мыслили господа российские промышленники. Платить за полученные на производстве травмы они полагали «глубоко развращающим принципом».

Да и вообще, договориться не сумели.

А жизнь шла своим ходом.

В октябре 1905 года грохнула всеобщая забастовка. А это уже мероприятие пострашнее вооруженного восстания. Недаром Николай II переехал из Царского Села в Петергоф, где постоянно держал под парами свою яхту, будучи готовый в любой момент драпануть из страны. В Петербурге был создан Совет рабочих депутатов, который и не скрывал, что готовится брать власть. Кстати, большую роль в этом Совете играл Лев Троцкий.

Что же касается экономических результатов, они впечатляли: 30 % рабочих добились удовлетворения своих требований, около 60 % закончили борьбу компромиссом. Так продолжительность рабочего дня сократилась, в среднем, с 12–14 до 10–11 часов.

Однако положение стало меняться. После 17 октября либералы про рабочих забыли. Они до этого заигрывали с ними, потому что им нужна была массовка. Когда появилась перспектива поиграть в парламент, кадетам сразу стало не до работяг.

Петербургский Совет рабочих разогнали. Декабрьское московское восстание и другие подобные выступления подавили. И тут предприниматели продемонстрировали, что они ничего не поняли и ничему не научились. «Капитаны промышленности» демонстрировали исключительную тупость и жадность. Они тут же ринулись отыгрывать утраченные позиции.

«Исключительно подло и злобно повела себя после поражения революции 1905–1907 гг. буржуазия – как будто она вообще не думала о будущем. Сразу на 10–50 % были понижены расценки зарплаты рабочих и увеличен рабочий день – по всей

России. На многих заводах он стал 12–13 часов. Была вновь введена отмененная в 1905 г. система штрафов. Вот сообщения профсоюзов (опубликованы в газете “Пролетарий”, 1908, № 39): “Штрафуют за случайный выход на лестницу, за питье чаю в 5 часов, за переход из одной мастерской в другую и даже за долгое пребывание в ватер-клозете (фабрика Хаймовича в Санкт – Петербурге). Штрафуют за мытье рук за 5 минут до гудка, за курение табаку от 1 до 2 руб. (Кабельный завод). Штрафуют за ожог, причиненный самому себе (Трубочный завод). Штрафуют за “дерзость”, за “грубость”, и штрафы превышают часто двухдневный заработок”. 10 мая 1907 г. Департамент полиции издал циркуляр, ставящий профсоюзы практически в полную зависимость от хозяев и властей (например, в Москве по ходатайству городского головы Н. Гучкова были закрыты профсоюзы металлистов, коммунальных работников, текстильщиков, типографов, булочников).

И все это сопровождалось глумлением. Директор Невского завода так сказал пришедшей к нему на переговоры делегации рабочих: “Господа, ведь вы же – марксисты и стоите на точке зрения классовой борьбы. Вы должны поэтому знать, что раньше сила была на вашей стороне, и вы нас жали, теперь сила в наших руках, и нам незачем церемониться”».

(С. Кара – Мурза)

Не отставали и власти. Почти все профсоюзы были запрещены или задвинуты в полулегальное положение.

Естественно, они ушли в подполье. Рабочие за время революции получили огромный опыт забастовочной борьбы. К тому же теперь люди отлично понимали, что «никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и ни герой». Уже в 1912 году начала подниматься новая революционная волна. «Успокоения» хватило на **пять лет**!

Ещё одно поражение

«Кого Юпитер хочет погубить,
того он сперва лишает разума».

(Древнеримская пословица)

Рабочий вопрос был для Столыпина важен не только сам по себе. Эта проблема была напрямую связана с аграрной реформой. Ведь очевидно было, что множество разорившихся в результате реформы крестьян двинет в города. И куда они придут? В озлобленную среду, где их с нетерпением будут ждать революционеры?

Вообще-то революционное движение после революции пребывало в глубочайшем кризисе. Но не надо быть особым гением, чтобы сообразить: если предприниматели будут продолжать творить беспредел, то оно возродится, как Феникс из пепла, сколько ни вешай, сколько ни сажай. Всё одно – «будут новые победы, встанут новые бойцы». Заметим, что большинство тех, кто в октябре 1917 года пришел к власти, – Сталин, Троцкий, Дзержинский, Свердлов и многие другие, – проявили себя именно в первую революцию. А следом шли «люди 1905 года», кто тогда впервые ввязался в это дело и увлекся… Причем это были парни с психологией «всех не перевешаете». Можно по-разному относиться к ним, но стоит признать очевидный факт. Это были железные люди, которых невозможно было ни сломать никакими репрессиями, ни купить. Остановить их можно было единственным способом – выбить из-под них социальную базу.

Для того Столыпин и озаботился принятием законов, регулирующих отношения между предпринимателями и рабочими.

Рабочим вопросом занялось Особое совещание при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра Д. А. Философова. Оно провело свою работу в два этапа – с 14 по 21 декабря 1906 года и с 14 февраля по 12 марта 1907 года. Следующим этапом было совещание под председательством товарища министра торговли и промышленности Н. А. Остроградского. Оно проводило свои заседания в апреле-мае 1908 года. В общем-то, говорилось на них примерно одно и то же.

Совещание Философова рассматривало десять законопроектов:

1) страхование болезней;

2) страхование несчастных случаев;

3) страхование инвалидности;

4) сберегательные кассы обеспечения;

5) правила о найме рабочих;

6) рабочее время;

7) врачебная помощь;

8) меры поощрения строительства здоровых и дешевых жилищ;

9) промысловые суды;

10) фабричная инспекция и фабричные присутствия.

Член Совета министра внутренних дел И. Я. Гурлянд высказался в том смысле, что законотворчество в этой области должно «послужить толчком к новому пробуждению среди них сознания своих профессиональных интересов… Весьма важно, конечно, чтобы это движение не было тотчас же использовано в революционных целях. Надо ясно отдать себе отчет в том, что рассматриваемыми законопроектами создаются сильные рабочие организации, в руках которых будут сосредоточены крупные денежные суммы. Рабочему классу даются, таким образом, организация и деньги».

Последнее представлялось весьма опасным. В самом деле, рабочие организации в случае принятие законов получали возможность иметь легальные денежные фонды, которые можно было использовать и для забастовок. Дело-то в том, что главная трудность забастовщиков, что во время проведения стачки зарплату рабочим не платят. Но кушать-то хочется. Так что существование таких денежных фондов дает возможность рабочим более уверенно себя чувствовать. А если в руководство организаций проникнут революционеры…

Как сделать, чтобы и рабочие интересы соблюсти, и революционеров не допустить, было непонятно. И Тогда Столыпин пошел на весьма неординарный шаг. Он пригласил к сотрудничеству Льва Александровича Тихомирова.

Это был очень интересный человек. В своё время он состоял в террористической организации «Народная воля». Сам в террористических действиях не участвовал, однако редактировал издания революционеров – «Народная воля» и «Листок “Народной воли”», в которых рекламировался терроризм. Тихомиров успел выехать до разгрома организации. На Западе он некоторое время крутился среди эмигрантов, однако, в конце концов, разочаровался в радикальных идеях. В 1888 году он выпустил брошюру «Почему я перестал быть революционером», в которой резко критиковал революционные методы. В том же году Тихомиров подал прошение о помиловании. Лев Александрович

его получил, вернулся в Россию и стал сотрудничать в консервативной газете «Московские ведомости». При этом Тихомиров не отказался от идеи социальной справедливости. Просто он стал смотреть на вещи по-иному. Бывший революционер стал убежденным монархистом. Как мы увидим дальше, монархическую идею можно понимать ну очень по-разному. Лев Александрович понимал её следующим образом. Царь стоит над социальными классами. А, следовательно, государство, как орган, осуществляющий волю монарха, должно равным образом заботиться об интересах всех и решать конфликты своей волей.

Тихомиров участвовал в проекте Зубатова, оказав полковнику большую информационную поддержку. Вот этого человека и привлек Столыпин. В 1907 году. Он лично вызвал Тихомирова в Петербург и предложил занять должность члена Совета Главного управления по делам печати. Главным же делом, порученным Тихомирову, была выработка политики по рабочему вопросу.

Лев Александрович развил бурную деятельность. Свою позицию он сформулировал очень четко:

«В политике и общественной жизни все опасно… Понятно, что бывает и может быть опасна и рабочая организация. Но разве не опасны были организации дворянская, крестьянская и всякие другие?.. Вопрос об опасности организации для меня ничего не решает. Вопрос может быть лишь в том: вызывается ли организация потребностями жизни? Если да, то, значит, ее нужно вести, так как если ее не будут вести власть и закон, то поведут другие – противники власти и закона. Если государственная власть не исполняет того, что вызывается потребностями жизни, она… за это наказывается революционным движением… Вывод отсюда тот, что наше государство в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы об организации рабочих. Все сложности и опасности этого дела должны быть приняты во внимание, но никоим образом не могут остановить исполнения долга государства перед этим громадным слоем населения».

По мнению Тихомирова, идея профсоюзов «ничего революционного не заключает, а при разумном осуществлении имеет даже великий антиреволюционный характер… В движении профессиональном и движении революционном мы имеем перед собой два совершенно различных явления… требующих совершенно различных мер, совершенно различного отношения к власти».

Он полагал – нужно выдвинуть «идею попечения, при котором даже репрессия теряет одиозный характер, ибо имеет в виду нужды и пользы самих же рабочих». Государство «должно

идти во главе народного устроения и за небрежение к этому может потерять в народе всякий кредит».

Полностью Тихомиров изложил свои взгляды в «Положении о рабочих обществах».

Основные тезисы этого проекта следующие:

«а) чтобы среди рабочей массы преобладающее влияние получили постоянные рабочие, как наиболее заинтересованные в процветании кормящей их промышленности; б) чтобы рабочие имели достаточные права для повышения уровня своей жизни; в) чтобы власть сохранила достаточно надзора и возможности своевременной репрессии; г) чтобы рабочие не приходили к вражде с другими классами, но по возможности направлялись на путь обоюдовыгодного мирного сожительства».

То есть это идея социального партнерства. А за соблюдением «правил игры» должно следить государство. Для этого Тихомиров предлагал создать особый департамент при Министерстве внутренних дел. Туда же он предлагал перенести и фабричную инспекцию, изъяв её у Министерства финансов. Смысл последнего очевиден. Находясь при Минфине, фабричные инспекторы проявили уж очень большую пристрастность, решая все вопросы в пользу предпринимателей.

В совещаниях от правительства присутствовал и ещё один интересный человек – профессор И. Х. Озеров, тоже принимавший участие в зубатовском проекте – видный экономист и знаток международного профсоюзного движения. Он сыграл заметную роль – постоянно ловил представителей предпринимателей на вранье.

А те врали постоянно и много. Первый бой был дан в вопросе о больничных кассах. Господа промышленники решительно не желали вкладываться в здоровье рабочих. В самом деле – они должны лечить какое-то быдло!

Так, представитель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов М. Н. Триполитов заявил, что «промышленность несет и так много жертв».

Озеров отпарировал: «Говорить, что много сборов лежит на фабрикантах, нельзя. Им много дают доходов их предприятия. Нигде такой доходности, как в России, нет. Даже в Германии она ниже».

Включился ещё один бизнесмен, Н. Ф. фон Дитмар:

«Во-первых, если бы и признать доходность нашей промышленности высокой, то это явление временное и на нем нельзя строить постоянных законов; во-вторых, прибыль, которую дают предприятия в России, меньше, чем за границей».

Озеров ехидно парировал:

«Промышленники жалуются, что их высокая доходность – явление временное; но оно продолжается несколько десятков лет… Гг. представители промышленности могли бы рассказать в этом отношении много пикантных вещей. Я делаю свой вывод, именно: что доходность у нас достаточно велика, больше, чем в Западной Европе».

Крыть было нечем. Предприниматели поняли, что их оппонент разбирается в теме, соврать ему не получится. В итоге из них поперла апологетика «дикого капитализма».

Нобель: «Если нам не будет предоставлено право некоторого противодействия влиянию массы, то мы пропали; без всякой дисциплины нам жить нельзя».

Триполитов: «Если рабочие будут знать, что за оставление работ хотя бы 10 лицами будет грозить расчет всем рабочим, тогда прекратятся забастовки… Фабриканту следует дать полную власть угрозы прекращения работ и увольнения рабочих».

Глезмер: «Мне кажется, если мы имеем дело с Министерством торговли и промышленности, то очевидно, что это министерство должно более или менее выступать на защиту промышленности и торговли. Поэтому, идя в принципиальном противоречии, мне кажется, оно не отвечает тому, для чего создано такое министерство».

То есть государство должно защищать нас и только нас.

Гужон: «Мы все восстаем против того, что вы по каким-то политическим соображениям… хотите уменьшать время работы. Нельзя поддаваться всяким требованиям рабочих; нужно, чтобы рабочие знали: раз они работают на данной фабрике, им платят, если не желают работать – пусть уходят».

Заводчики не желали брать на себя никакой ответственности за то, что происходит в стране.

«С передачей в июне 1908 г. законопроектов в Думу наступил последний этап их превращения в законы. Он стал самым длинным. Российские капиталисты оказали им столь ожесточенное сопротивление, что дело затянулось на несколько лет. В ход были пущены саботаж, закулисные влияния, формальные предлоги, кампания в печати и т. д. Совет съездов торговли и промышленности сразу же создал специальную комиссию под председательством Федорова “для выработки объединенного взгляда представителей торговли и промышленности на основные проблемы рабочего законодательства, и в частности на страхование от болезней и несчастных случаев”. Работа комиссии продолжалась восемь месяцев. В циркуляре от 25 февраля 1909 г. сообщалось, что “Совет съездов на основании работы комиссии Федорова и

обширного материала, полученного от различных районных торгово-промышленных организаций, при широком участии представителей промышленности и торговли… детально рассмотрел и внес в законопроекты Министерства торговли и промышленности ряд постатейных, подробно мотивированных изменений”».

(А. Аврех)

В ходе дискуссий барон Е. Е. Тизенгаузен, директор фабрики Коншина в Серпухове, завел и песню о народной нравственности:

«Законы эти служат источником нравственного падения масс, они развращают народную душу.

…

Беречь самобытность, беречь народную душу и не навязывать ей чуждых настроений должно быть лозунгом работников на этой ниве».

Вот это уже совсем честно. По мнению данного знатока «народной души», рабочие должны вкалывать и не вякать.

Кстати, вся либеральная пресса горячо поддерживала русских предпринимателей, которых преследует кровавая гэбня, простите, МВД. Инициативы по социальной защите рабочих рассматривались как «полицейский произвол». Защищали рабочих… Левые, понятно, им по работе так было положено. Но к ним присоединились, вы будете смеяться, ультраправые.

Видные черносотенные думские ораторы, Марков 2–й, Г. Замысловский и другие не пожалели сильных эпитетов по поводу предпринимателей, обвиняя их в ненасытности. Типичные заголовки черносотенных газет: «Зарвавшиеся монополисты», «Круговая кабала». А вот характерный пассаж из одной статьи: «Господство монополистов, потерявших меру в своих притязаниях и не боящихся для защиты своих привилегий проливать кровь рабочих, создающих им их колоссальное богатство». Сгодилось бы и в большевистской или в анархистской газете, не правда ли?

Длинный спор правительства и предпринимателей закончился полной победой последних. Рабочее законодательство было принято в той форме, в которой оно выгодно предпринимателям. Казалось бы, а что мешало Столыпину продавить законы? Но он не мог действовать, просто наплевав на интересы промышленников. Кстати, Наполеон тоже не мог. Объявлять войну акулам промышленности – чревато очень серьезными неприятностями. На это решились только большевики[52]. А доблестные российские предприниматели из-за своего эгоизма не желали ничего видеть и понимать.

В итоге – уже в 1912 году снова поднялась грандиозная волна забастовок. Да так дело и пошло… Социал-демократы, в том

числе и большевики, прекрасно себя на этих забастовках чувствовали. С 1912 года стала выходить газета «Правда». Борьба продолжалась.

Кстати, революция, итогом которой стало то, что предпринимателей вышибли из России пинком под зад, началась в феврале 1917 года именно с забастовки…

Дело жизни Столыпина

Но всё это было пустяками. Аграрная реформа – вот где было самое интересное. Именно вокруг неё и кипели основные страсти.

В особом секретном журнале Совета министров от 13 июня 1907 года сказано:

«Крепкое, проникнутое идеей собственности, богатое крестьянство служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия; и если бы правительству удалось проведением в жизнь своих землеустроительных мероприятий достигнуть этой цели, то мечтам о государственном и социалистическом перевороте в России раз навсегда был положен конец… Но столь же неисчислимы были бы по огромной важности своей последствия неудачи этой попытки правительства осуществить на сотнях тысяч десятин принятые им начала землеустройства. Такая неудача на многие годы дискредитировала бы, а может быть, и окончательно похоронила бы все землеустроительные начинания правительства, являющиеся ныне, можно сказать, центром и как бы осью всей нашей внутренней политики. Неуспех вызвал бы всеобщее ликование в лагере социалистов и революционеров и страшно поднял бы престиж их в глазах крестьян».

То есть Столыпин понимал: у него единственный шанс. В случае неудачи возможности «второй попытки» уже не будет.

Слово «премьеру»

Петр Аркадьевич неоднократно высказывал свою позицию по поводу аграрной реформы. 10 мая 1907 года он сказал речь «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности», окончание которой всем известно: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Это очень любят цитировать. А вот каким путем Столыпин собирался сделать Россию великой?

«Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков.

…

…Признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованною класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах, – что же из этого выйдет? Что, был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

…

Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата.

…

Национализация земли представляется правительству гибельною для страны, а проект партии народной свободы, то есть полу-экспроприация, полунационализация, в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

…

Нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определенна: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами».

* * *

Гораздо более откровенно Столыпин высказался в Думе 8 декабря 1908 года. Текст стоит привести полностью. Тут обсуждается вроде бы частный вопрос реформы, но личные взгляды Столыпина хорошо понятны. Тут он выступает не только за разрушение общины, но и семьи как экономической ячейки. В чем суть? Оппоненты Столыпина выступали за принцип «семейной собственности». То есть за то, чтобы хозяин не мог обделить детей. Допустим, продать свой надел – и вложить в тогдашний «МММ». (Тогда подобных «пирамид» было полно.) Столыпин же считал – так быть не должно. Владелец пусть как хочет – так и распоряжается.

Итак, речь «премьера» (выделено мной. – *А. Щ.*):

«Господа члены Государственной Думы! Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу после того, как громадное большинство Государственной Думы высказалось за проект в его целом, то делаю я это потому, что придаю этому вопросу коренное значение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью – значит исказить закон, значит лишить его руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие,

где община, как принудительный союз, ставит преграду для его самодеятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью: надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли.

Если, господа, мысль эта понятна, если она верна, то нельзя вводить в закон другое понятие, ей противоположное; нельзя, с одной стороны, исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки, располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны, признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом. Господа, противоречие это станет еще более ясным, если мы дадим себе отчет в том, как понимает правительство термин “личная собственность” и что понимают противники законопроекта под понятием “собственности семейной”. Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своею землею, властен закрепить за собою свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном распоряжении; он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но вместе с тем ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности – и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодеятельность.

Государство может, оно должно делать другое: не тому или иному лицу оно должно обеспечить определенное владение, а за известной группою лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле, за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли надельной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца.

Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: надельная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; надельная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги,

она не может быть завещана иначе, как по обычаю. Но, господа, что такое семейная собственность? Что такое она в понятиях тех лиц, которые ее защищают, и для чего она необходима? Ею, во-первых, создаются известные ограничения, и ограничения эти относятся не к земле, а к ее собственнику. Ограничения эти весьма серьезны: владелец земли, по предложению сторонников семейной собственности, не может без согласия членов семьи, без согласия детей домохозяина ни продать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрепить его за собою, ни отвести надел к одному месту; он стеснен во всех своих действиях. Что же, господа, из этого может выйти? Возьмем домохозяина, который хочет прикупить к своему участку некоторое количество земли; для того чтобы заплатить верхи, он должен или продать часть своего надела, или продать весь надел, или заложить свою землю, или, наконец, занять деньги в частных руках. И вот дело, для осуществления которого нужна единая воля, единое соображение, идет на суд семьи, и дети, его дети, могут разрушить зрелое, обдуманное, может быть, долголетнее решение своего отца. И все это для того, чтобы создать какую-то коллективную волю! Как бы, господа, этим не наплодить не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозит в будущем и мелкою чересполосицею, а в настоящую минуту она, несомненно, будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина.

Во имя чего все это делается? Думаете ли этим оградить имущество детей от отцов пьяных? Ведь в настоящее время община не обеспечивает от разорения; и в настоящее время, к несчастью, и при общине народился сельский пролетариат; и в настоящее время собственник надельного участка может отказаться от него и за себя, и за своих совершеннолетних сыновей.

Нельзя создавать общий закон ради исключительного уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету.

Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предыдущий оратор господин Бобринский! Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развивать институт опеки за расточительность, который в настоящее время наш Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недробимости участков. **Но главное, что необходимо, это – когда мы пишем закон для**

всей страны – иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых.

Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта не далека, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина! И вот в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке ст. 87 закон от 9 ноября 1906 года: оно ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собою более 320 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство. Многих смущает, господа, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа. Но левые в данном случае идут против принципов разумной и настоящей свободы. Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 миллионов горькою неволею? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу. Нельзя, господа, возвращаться на это путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. Необходимо думать и о низах, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия.

И насколько, господа, нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года.

Я позволю себе привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: “Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции”. (Заметим – Столыпин и не скрывает, что хочет “атомизировать” общество – *А. Щ.*) Затем, дальше с этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями. Поэтому сторонники семейной собственности и

справа, и слева, по мне, глубоко ошибаются. Нельзя, господа, идти в бой, надевши на всех воинов броню или заговорив всех их от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи. Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния – земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля – это залог нашей силы в будущем, земля – это Россия».

В этой речи видна мифология реформы. Она вечная для всех либералов. Бедный – это «пьяный бездельник», который не хочет работать. Между тем это совсем не так. Что такое пожар в деревне – представляете? А это – гибель не одного хозяйства. Кстати, тогда имели место и знакомые всем по телевизионным репортажам лесные пожары.

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.

(Анна Ахматова)

В наше время пострадавшим от стихии выдают материальную помощь. Тогда – не выдавали. Пойдем дальше. Болезни. Медицинской помощи в деревне фактически не существовало. Значит, если в семье серьезно заболел единственный работник – семья обречена на голод. То есть любая крупная неприятность отбрасывала крестьянина в нищету. «Мир» мог помочь. Индивидуалу оставалось подыхать.

Разумеется, с точки зрения высокой государственной политики это казалось неважным. Вот только социал-дарвинистская теория столкнулась с народным менталитетом… Русские люди почему-то не считали, что проигравший должен умереть. Ну, вот не считали и всё. А тех, кто так считали, называли жлобами.

* * *

Но интереснее не думские речи Столыпина, а его более

личное мнение, высказанное в переписке со Львом Толстым.

21 июля 1907 писатель решил написать Петру Аркадьевичу письмо, а 26–го – закончил и подписал. Напомню, что Толстой в начале XX века был по взглядам анархо-коммунистом. Правда, в отличие от сторонников князя Кропоткина, он отрицал любое насилие. Но тем более его взгляды были противоположны столыпинским. Толстой был решительно против частной собственности на землю.

Итак, Лев Толстой:

«Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли. Если революционеры всех партий имеют успех, то только потому, что они опираются на это доходящее до озлобления недовольство народа. Все эти меры – от социалистического требования отдачи всей земли народу до продажи через банки и отдачи крестьянам государственных земель, так же как переселения, – все это неосуществимые фантазии или паллиативы, имеющие тот недостаток, что только усиливают раздражение народа признанием существующей несправедливости и предложением мер, не устраняющих ее…»

Столыпин ответил:

«Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, то есть при наличии права собственности на землю. Теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок в полную собственность…

Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались

великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий – вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину… А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем».

В это пассаже Столыпина очень видно так называемое «цензовое мышление», присущее тем, кто брал пример с «передового Запада». Суть его в том, что в расчет принимаются только интересы зажиточных людей – в данном случае богатой крестьянской верхушки. С этой точки зрения Столыпин прав – он хотел сделать богатых крестьян ещё богаче – и освободить их от ограничений – прежде всего – в торговле землей. Остальные просто игнорировались. Слабость такого подхода в том, что остальные тоже имеют свою волю. Что и доказали последующие события.

Между тем психология общины оказалась очень живучей.

Ориентация на жлобов

Итак, что представлял из себя закон 9 ноября 1906 года? По нему «каждый домохозяин, владеющий надельною землей на общинном праве, может во всякое время требовать за собою в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли».

«Суть закона раскрывалась в его 1 статье, устанавливавшей, что каждый домохозяин, владевший надельной землей на общинном праве, мог потребовать “укрепления” причитавшейся ему земли в личную собственность. Более того, закон разрешал ему оставить за собой и излишки, превышавшие норму, если он за них заплатит общине, но не по существовавшим на данный день ценам, а по выкупной цене 1861 г., когда эти цены были значительно ниже. В общинах, где не было переделов земли более 24 лет, за излишки платить не надо было вообще. На выход из общины требовалось согласие сельского схода, но, если оно не давалось в течение 30 дней, выдел осуществлялся распоряжением земского начальника. По требованию выделявшихся община была обязана выделить им взамен чересполосных земель отдельный компактный участок – отруб. Предусматривалось также отселение на хутора. Общины, где не было переделов с момента наделения землей, объявлялись перешедшими к подворному владению».

(А. Аврех)

Выделим в этом законе главное:

• крестьянин при желании мог выйти из общины. То есть получал землю в частную собственность – больше его землю уже не делили;

• в результате многочисленных общинных переделов возникла такая чересполосица, что ум за разум заходил. Разумеется, в этом случае об использовании каких-то технических средств[53] и речи быть не могло, даже если у кого-то и были деньги их приобрести. Теперь крестьянин мог собрать всю свою землю в единый кусок – «отруб». Так что проблема чересполосицы ликвидировалась;

• крестьянин мог выйти из общины и продать свою землю «миру». Если у того не было денег, их давал в виде ссуды Крестьянский банк;

• бывший общинник при желании мог переселяться в Сибирь. Его обеспечивали транспортом, Крестьянский банк также давал ему ссуду.

Правда, частная собственность на землю ограничивалась. Землю нельзя было передать лицу иного сословия, заложить в

любом банке, кроме Крестьянского, продать за личные долги. Завещана она могла быть только по обычаю, то есть близким родственникам. Кроме того, по настоянию правительства в разгар прений по указу была внесена и принята 56–я статья, ограничивавшая скупку земли шестью наделами в одни руки.

Столыпину были нужны «крепкие крестьянские хозяйства», а не то, что земля попала бы в руки спекулянтов. Впрочем, как быстро выяснилось, все эти ограничения не работали.

«Крепкий работящий собственник, по замыслу Столыпина, должен был формироваться на основе широких слоев зажиточного и среднего крестьянства. Считалось, что дух предприимчивости, освобожденный от стеснений со стороны общины и семьи, в короткое время способен преобразить даже весьма хилое хозяйство середняка. Каждый должен стать “кузнецом своего счастья”, и каждый такой “кузнец” мог рассчитывать лишь на крепость своих рук и рук своих ближних, ибо сколько-нибудь значительной помощи со стороны на переустройство хозяйства не предполагалось. **Ставка делалась почти исключительно на “дух предприимчивости”** (выделено мной. – *А. Щ.*), что показывает, что и Столыпин, при всей своей практичности, волей или неволей бывал идеалистом…

Абстрактность замысла столыпинской аграрной реформы в значительной мере объяснялась тем, что ее сочиняли люди, неважно знавшие русскую деревню. За два года пребывания в Саратове Столыпин, конечно, не мог узнать ее достаточно глубоко… Главным правительственным теоретиком по землеустройству был **датчанин** А. А. Кофод. В Россию он приехал в возрасте 22 лет, ни слова не зная по-русски, и затем долго жил в небольшой датской колонии в Псковской губернии».

(П. Н. Зырянов)

И ведь нельзя сказать, что Столыпина не предупреждали о сомнительности его затей.

Член-корреспондент Императорской Академии (то есть нынешней Академии наук) экономист А. И. Чупров писал ещё в 1906 году:

«Отрубное владение бесспорно имеет на своей стороне немало преимуществ, и если бы возможно было скоро завести его по всей России, русское сельское хозяйство, по всей вероятности, осталось бы в выигрыше. Но вся беда в том, что мысль о мало-мальски быстром распространении отрубной собственности на пространстве обширной страны представляет собою чистейшую утопию, включение которой в практическую программу неотложных реформ может быть объяснено только малым знанием дела».

Решительным противником столыпинской реформы был член «Особого совещания Государственного совета Российской империи о мерах по укреплению крестьянского землевладения», известный ученый, академик Петр Петрович Семёнов – Тянь – Шанский. Который был не только выдающимся географом-путешественником, но и крестьянской проблемой к моменту начала реформы занимался около сорока лет. То есть знал суть дела получше, чем Столыпин или Гурко.

Но подобные возражения отметались с ходу как «ретроградские». Тоже чисто революционный подход. Революционеры никогда не прислушиваются к критике своих проектов. Они ведь лучше знают… Вы думаете, Егора Гайдара не предупреждали о том, что получится?[54]

Реформа шла не слишком здорово. Поэтому следующие законы все более и более облегчали процесс выхода.

«Условия выхода из общины были окончательно определены законом 14 июля 1910 г.: все общины, в которых не было переделов со времени наделения их землей, признавались перешедшими к наследственному владению с правом личной собственности домохозяев на состоявшие в их пользовании земли. Достаточно было волеизъявления одного члена такой общины, чтобы действие указанного закона распространилось на все сельское общество.

Принципиальное значение имело положение о том, что “каждый домохозяин, владеющий надельною землею на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части означенной земли”. В тех общинах, где со времени наделения их землей не было общих переделов, наделы признавались как бы автоматически “перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению”. При этом земля становилась личной собственностью главы семьи.

В общинах, где переделы осуществлялись периодически, от желающих получить свою долю земли в личную собственность требовалось просто подать заявление старосте. Тот выносил вопрос на рассмотрение общины, которая обязана была выделить соответствующий надел заявителю в короткие сроки. “Укрепленный” (полученный в личную собственность) крестьянин имел право продать, заложить в банке под кредит, прикупить к нему дополнительную землю».

(А. Шлыкова)

Дополнением к закону от 14 июня 1910 года был принятый 29 мая 1911 года закон о землеустройстве. Теперь для проведения землеустройства не требовалось предварительного укрепления

земли за домохозяевами. Селения, где были проведены землеустроительные работы, автоматически объявлялись перешедшими к наследственно-подворному владению.

О Крестьянском банке стоит сказать особо, так как именно он играл роль «паровоза» реформы.

Эта государственная структура (точное название – Крестьянский поземельный банк) возникла в 1883 году. Его целью была выдача целевых ссуд крестьянам для покупки земель разорившихся помещиков. В начале века энтузиасты полагали, что «еще 50 лет работы Крестьянского банка – и помещичье землевладение исчезнет в России естественным путем». Возможно, это и так. Беда Российской империи заключалась в том, что у нее пятидесяти лет в запасе уже не было. Потому-то Столыпин и пришпоривал реформу…

В период реформы, то есть с 1907 по 1916 год, в его распоряжении находилось 6443,5 тысяч десятин земли стоимостью 578,1 миллиона рублей. Тогда же банк был призван «к особо напряженному участию… в выполнении неотложных задач правительственной деятельности». Указом от 3 ноября 1906 года на него была возложена задача «оказывать крестьянам возможно более широкую помощь как путем выдачи ссуд для покупки земли, так и усилением операции по приобретению земель за счет собственных средств Банка». А главной целью – способствовать «прочному насаждению в среде крестьянского населения единоличной собственности на землю как основы преобразования хозяйственного уклада сельской России».

15 ноября 1906 года вышел указ о предоставлении Крестьянскому банку права выдачи ссуд под залог надельных земель с целью:

– уплаты за наделы, оставляемые крестьянами, переселяющимися на новые земли;

– пополнения той части покупной цены на землю, приобретаемую с помощью Крестьянского банка, которая не покрывалась ссудой Банка, выдаваемой под залог покупаемой земли;

– покрытия расходов, вызываемых улучшением землепользования;

– перехода от общинного владения к подворному;

– разделения общества на отдельные поселки и хутора и проч.

Причем деятельность Банка в процессе реформ на 180 градусов изменила свою «идеологическую направленность». Дело в том, что с момента основания эта структура выдавала единоличным покупателям ссуду в размере лишь около 1/2

покупной цены, тогда как товариществам и обществам приблизительно от 3/4 до 4/5. То есть политика Банка была направлена именно на поддержание общины. А вот с 1908 года земли из имений Банка продавались **только** в единоличную собственность. По указу 27 июня 1908 года товарищества могли получить ссуду при условии, что они дадут формальное обязательство выделять по первому требованию каждого из членов товарищества причитающееся на его долю количество земли к одному месту в единоличную собственность с освобождением от круговой поруки.

Причем полную ссуду, соответствующую стоимости земли, практически никогда не выдавали. Давали 80–90 %. Руководство объясняло это принципиальными соображениями.

«Необходимо, чтобы покупщик раньше, чем превратиться во владельца приторгованной земли, покрыл известную часть покупной цены… Уплатив за землю из трудовых сбережений, крестьянин проникается сознанием, что эта земля его неотъемлемая собственность, и как бы роднится с нею».

А вот кто покупал? Крестьяне? А вот и нет. Исследователь С. М. Дубровский утверждал: «Состав покупателей – это новая сельская буржуазия, которая до того имела мало собственной земли, но успела уже тем или иным путем накопить капитал и теперь реализовать его покупкой земли». То есть кулаки.

Условия продаж были довольно жесткими – за просрочку платежей земля у покупщика отбиралась и возвращалась в банковский фонд для новой продажи.

Но так или иначе, с 1905 по 1914 годы в руки крестьян перешли 9,5 миллиона десятин земли.

Итак…

Это суть реформы в самом общем виде. На первый взгляд, все очень хорошо и правильно. Мало того, что образуется класс преуспевающих фермеров, а это выгодно для экономики. Так ведь эти люди, по идее, должны были стать прочной опорой власти. Крепкому хозяину совершенно не нужны ни революции, ни демократические преобразования, он всегда за порядок. И еще один бонус – община, от которой одни неприятности, превратится из сплоченной, враждебно настроенной власти структуры в россыпь грызущихся за выживание индивидуумов.

Да только вот… Что на деле означала ставка на «крепкого хозяина»? Ведь понятно, что если крестьянин соберет свои полоски в отруб или даже переберется на хутор – земли у него не прибавится. Он купит соседские. А тем что делать? Ведь таких неудачников при успехе реформы оказалось бы **десятки миллионов**! И куда им деваться? Батраков столько не нужно. В город? Так индустриализацию никто проводить не собирался, а стихийный рост промышленности такого количества людей переварить не мог. Промышленность, при сильном напряжении, могла принять пару миллионов человек. А по разным оценкам, на селе проживало от **20 до 32 миллионов** «лишнего» населения.

В Сибирь? Но это только кабинетные теоретики могут полагать, что возможно за несколько лет перевезти и разместить такое количество людей. Точнее, можно – но расходов бы это потребовало, как на большую войну. А денег не было. Да и опыта проведения подобных мероприятий тоже. Все-таки переселенцы – не армия, которую можно относительно быстро переправить «из точки А в точку Б» и разместить. Да и с армией это не так-то просто… И ведь даже не слишком многочисленные переселенцы столкнулись с огромными проблемами. А по задумке-то их должно было быть больше **на порядок**. Для перемещения такой массы людей в России не было возможностей[55].

Итак, «лишних людей» девать некуда. Значит? Пусть подыхают. Слабых не жалко. О том, что эти люди могут не тихо помирать, а взбунтоваться – да так, что 1905 год покажется раем, Столыпину в голову не приходило. А ведь нет более лютого революционера, чем разорившийся собственник… Впрочем, может, Столыпин и задумывался над этим… Да ведь оно и проще – постреляем при подавлении. И все будут довольны.

К тому же Столыпин, как и большинство представителей элиты, был ярко выраженным западником. Помните, как он умилялся фермерскими хозяйствами Пруссии? Если получилось

на Западе – значит, должно получиться и у нас. О разнице в условиях, а уж тем более в менталитете, он не задумывался. Да и на Западе было все не так просто. В той же Англии общину ломали **триста лет**! В Пруссии, хуторами которой восхищался Столыпин, переход занял **сто лет**. Столыпин же решил то же самое сделать за двадцать.

Вот тут очень хорошо видно сходство между Столыпиным и Хрущевым. Ведь Никита Сергеевич, кроме всех известных экспериментов с кукурузой и освоением целины (хотя это можно сравнивать с переселенческой политикой Столыпина), занимался еще и преобразованием сельской местности. Правда, он действовал в противоположном направлении – Хрущев стоял за ликвидацию «неперспективных» деревень и за создание агропромышленных гигантов. Сама по себе идея не самая глупая. Но – при определенных условиях. Как и фермерство. А вот когда подобные идеи становятся идеологией… Ничего хорошего не выйдет. Большевики при коллективизации, в общем, сумели сделать выводы и ликвидировать перегибы. Столыпин не смог. Он не мог, подобно большевикам, послать в деревню «тридцатитысячников», которые были глубоко убеждены в правильности «генерального курса», но при этом не являлись «барами»[56]. Поэтому и проиграл.

Кипели споры, словно чайник

Мнения о провозглашенной реформе были разные. Очень разные. И весьма неожиданные для авторов реформы.

Кадеты против правых

Помещики очень обрадовались. Еще бы! Их трогать не станут. А то ведь опасались. Совет объединенного дворянства[57] был доволен. Правда, громко выражать свою радость не решился, ограничившись секретным циркуляром: «За двухлетнее почти существование съезда уполномоченных и Постоянного совета объединенных дворянских обществ труды их оказали несомненную услугу делу восстановления хоть какого-либо правопорядка в России и не остались без влияния на всю правительственную политику, что не раз признавалось в печати даже представителями левых партий. В самом деле, мы видим, что аграрная политика данного времени близко подходит к той, которая проектировалась на I съезде уполномоченных и является прямым следствием правительственного сообщения от июня 1906 г., непосредственно последовавшего за высказанными в адресе государю взглядами дворянства».

Впрочем, у членов Совета в мозгах царил полный разброд.

Тот же Совет объединенного дворянства направил Столыпину меморандум, выражавший определенное недовольство реформой. Там было сказано: «Направив все усилия на подъем крестьянского хозяйства, правительство бросило всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию».

Точнее, реформа-то дворянам нравилась, но они упрекали Столыпина за то, что, увлекшись крестьянами, он позабыл о них. Хотя беспокойство их понятно. Ведь удайся реформа – новые крепкие хозяева помещиков бы просто-напросто съели бы…

А вот что было в Думе. Там обсуждения начались лишь 23 октября 1908 года, то есть идее дали созреть, тем более в составе Третьей Думы левых было немного.

«В общей сложности обсуждение его шло более полугода. Выступило полтысячи ораторов, не считая прений в аграрной комиссии, предшествовавших пленарным заседаниям. Уже сам этот факт, а также ожесточенность, с которой шли думские дебаты, свидетельствуют о том, что все классы и партии русского общества отчетливо понимали: новый правительственный аграрный курс имеет жизненно важное значение для исторических судеб страны и, следовательно, для них самих. Успех его означал бы окончательную победу прусского пути развития капитализма и привел бы к глубокому изменению в соотношении классовых сил в стране, прежде всего к изменению

позиции крестьянства».

(А. Аврех)

Мнения же в Думе были такие.

Октябрист С. И. Шидловский:

«Во всяком случае могу с уверенностью сказать, что ближе меня едва ли кто-нибудь из членов Думы стоял к указу 9 ноября, так как мне же пришлось проводить его и через земельную комиссию и через Государственную думу не считая всех предварительных переговоров с Государственным советом, правительством и проч.

…

Если кто действительно желает обращения нашего государства в правовое, тот не может высказаться против личной собственности на землю».

Кадет А. Е. Березовский:

«Указ приведет к образованию сельского пролетариата, который волей-неволей нами этой свободой толкается на грабежи и присвоение чужой собственности, которая нас всех так измучила и предел которой мы желали бы положить… В будущем нашем постановлении этот обезземеленный народ, в сущности, наталкивается на то, чтобы броситься на те же землевладельческие земли и осуществлять свое право на них явочным порядком».

Националист В. А. Бобринский:

«Указ этот был срочно нужен, крестьянство заметалось, оно потеряло голову, и его охватили волнения, отчаяние и растерянность, народ пошел за врагами отечества, и было одно время опасение, что Россия гибнет. Необходимо было найти выход, и найти его спешно и немедленно, и при этом найти верный выход. И правительство нашло его, оно нашло верный путь, а потому мы заявляем, что не было закона более важного, более спешного, чем указ 9 ноября».

Н. Е. Марков (Марков Второй)[58], Союз русского народа:

«Я нисколько не опасаюсь того, что часть крестьян при этом неизбежно обезземелеет; да, несомненно, обезземелеет, и опять-таки в этом я не вижу ни малейшего зла. Обезземелеют слабые, негодные. И скатертью им дорога, пусть уходят, а те, кто из них сильнее, те пусть остаются. Говорят о кулаках. Что такое – кулак? Это хороший деревенский хозяин, который действительно каждую копейку бережет и умеет извлекать из своего состояния больше, чем это делают растопыри, люди, которые растопыривают руки и землю теряют. Пролетариат необходим и для промышленности, и для сельского хозяйства. Говорят, безземельным нечего будет делать. Как нечего делать? Пусть едут в пустыни (*голос слева:*

“Сам отправляйся туда”)… Кто бедствует и не желает трудиться, тем место не на свободе, а в тюрьме, или они должны быть вовсе исторгнуты из государства, это – пропойцы или лодыри».

«Позиция октябристов была абсолютно идентична позиции правых. Недаром не только докладчик земельной комиссии по указу 9 ноября, но и ее председатель (М. В. Родзянко) были октябристами. Более того, прогрессисты, стоявшие в “конституционном” отношении ближе к кадетам, чем к октябристам, в данном случае полностью разошлись со своими соседями слева и безоговорочно поддержали столыпинский аграрный курс. В статье, озаглавленной “Ложная позиция”, редактор прогрессистской газеты М. М. Федоров прямо заявил, что аграрная речь Милюкова – ошибка и что кадетам надо было стоять за указ».

(А. Аврех)

Кадет Шингарев начал свою речь с характерного признания:

«Этот кошмарный аграрный вопрос в России обладает странным свойством феникса, вновь возрождающегося из, казалось бы, потухшего пепла.

…

Насаждение личной собственности… и порядка настолько ценные сокровища, что чрезвычайно рискованно подвергать их неумелым экспериментам. Мы также за выдел, поэтому не требуем указ отклонить; но мы хотим, чтобы этот выдел был обставлен разумными мерами, закономерно. Чтобы этот институт проводился не так, как горячие блины, а долгой, трудной, обдуманной законодательной работой».

То есть просто хотелось принять участие.

Но у тех же кадетов имелись и иные взгляды.

Кадет А. Ф. Бабянский:

«Я человек западной культуры, но я был учеником знаменитого профессора К. Д. Кавелина в 80–х годах. Это тоже человек западный, но я помню его поучения в этом отношении. Он говорил: “Господа, берегите общину, вы помните – это вековой институт”».

Еще один кадет:

«Куда они пойдут? В город? Но город уже переполнен в избытке таким элементом; они пойдут на завод, пойдут на шахты, где прежде имели работу, теперь нет; и они возвратятся назад и вместо заработка принесут домой только революционные листки и брошюры. Ведь мы правой рукой делаем одно, а левой возбуждаем революцию… потому что если правительство, паче чаяния, не удовлетворит этих безземельных людей своими землеустроительными мерами, то что же получится? Получатся

миллионы обезземеленных людей, которых мы сами бросаем в революцию».

Вот вам и конформисты!

Но интереснее всего точка зрения тех, кого реформа задевала непосредственно, – крестьянских депутатов. В III Думе их было две группы. Одни входили в группу трудовиков, то есть умеренно левых. Их мнение не было неожиданным. Они выступали резко против столыпинского закона.

Крестьянин-трудовик А. Е. Кропотов:

«И вот мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября – это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков и помещиков, а из бедняков – батраков, вечно голодных работников».

Г. Е. Рожков:

«Я слышал, как говорили, что закон 9 ноября надо обязательно провести, потому что он уже два года существует на местах, и если мы его не пропустим, то Дума будет распущена (*рукоплескания слева; шум и возгласы справа: "Ого!" Звонок председателя*). Господа, нас сюда послал народ не для того, чтобы Думу беречь, а для того, чтобы облегчить жизнь исстрадавшемуся народу (*рукоплескания слева*). Поэтому ни в каком случае никто не должен дать свой голос за такой закон, к которому нужно подгонять жизнь штыками и нагайками».

И. С. Томилов:

«Цель издания этого закона всем известна. Он издан для того, чтобы погасить революционное движение, посеять раздор и вражду среди крестьян, поссорить их между собой и тем отвлечь стремление отобрать у помещиков землю».

К. М. Петров 3–й:

«Все крестьяне должны быть наделены землей из удельных, кабинетских, монастырских, посессионных, частновладельческих и прочих земель. Все земли должны перейти в уравнительное пользование всего народа… Указ 9 ноября, как сильно действующий болезнетворный микроб, может обнаружить несколько иные свои свойства, чем представляют себе заправилы… При первой возможности мы будем добиваться для трудового народа всего того, о чем говорили в первой и второй Государственных думах. При первой возможности мы будем стараться, насколько хватит наших сил, защищать трудовое население против эксплуататоров – господ помещиков-дворян и промышленников-капиталистов».

С левыми все понятно. А вот другие…

Большинство крестьянских депутатов являлись так называемыми «правыми крестьянами». То есть теми, кого

продвинули в Государственную Думу правые. Они были даже не консерваторами, а конформистами. То есть были за начальство и придерживались принципа: начальству виднее. Интереснее высказывания как раз вторых.

«Эти крестьянские депутаты, избранные в Думу не столько крестьянами, сколько помещиками, убежденные, что землю крестьяне получат лишь в том случае, если перестанут “бунтовать”, а все надежды возложат на царя и Думу, преисполненные великодержавных и иных предрассудков, испытывавшие глубокое недоверие не только к интеллигенту-революционеру, но и к интеллигенту-либералу, считавшие, что их место именно на правых скамьях и в местных отделах “Союза русского народа”, политически неискушенные, казалось бы, не должны были внушать каких-либо опасений по части своего отношения к указу…

…

Еще в начале 1908 г. правые крестьяне внесли в Думу свой аграрный законопроект (проект 42–х), который поверг и правительство, и Думу в настоящий шок. Передовая “Речи” оценила его точно и выразительно: “Гони природу в дверь, она влетит в окно”. Из этого следовал вывод, что указ 9 ноября не излечит крестьянство от трудовицкого духа и, следовательно, надо вернуться к кадетскому способу разрешения аграрного вопроса.

Основное содержание законопроекта 42–х сосредоточивалось в пунктах 3,5 и 6 раздела Айв пунктах 2 и 4 раздела В. Пункт 3 гласил, что если в данной местности не хватит земли, то в государственный земельный фонд передаются и земли частновладельческие по справедливой оценке для передачи на льготных условиях безземельным и малоземельным крестьянам, причем “продажа земли частным лицам воспрещается”. Пункт 5 предусматривал, что “долги, лежащие на землях, передаваемых в государственный земельный фонд, переводятся на государственное казначейство”. Согласно пункту 6, “для возмещения части предстоящих государству расходов при проведении земельной реформы необходимо ввести прогрессивный налог с земли”».

(А. Аврех)

Крестьянин Герасименко (Волынская губерния):

«Нельзя умолчать о том, что много обвинялось здесь некоторыми ораторами крестьянское население, будто бы эти люди ни к чему не способные, ни к чему не годные и ни к чему вообще не подходящие, что насаждение у них культуры – работа тоже как будто излишняя и т. д. Но, господа, подумайте; на чем

же это крестьяне должны применять культуру, если у них оказывается 1–2 десятины. Никогда никакой культуры не будет… Дальше здесь еще указывалось на то, что если, например, раздать крестьянам всю землю, они оголодают еще хуже. Я никогда не видел, чтобы помещичья земля обрабатывалась культурнее крестьянской… обработка помещичьей земли совершенно не отличалась от крестьянской, хотя у крестьян хозяйство ведется на 1 десятине, а у того господина велось на 1000 десятин, но она была по всей ее производительности, по всему ее вообще урожаю почти одна и та же. О законе 9 ноября я скажу, господа, так, что провести его существование действительно нужно… Но, господа, говорить о том, что проведением закона 9 ноября был бы разрешен общекрестьянский и общеземельный вопрос, мне кажется, утверждать нельзя». Крестьянин Сидоренко (Киевская губерния):

«Закон 9 ноября хорош, потому что як будет право собственности, так можно и одобрение получить, но что касается малоземелья и безземелья, то пока не будут удовлетворены безземельные, до тех пор не будет у нас по России спокойствия».

Депутат от Тверской губернии Дворянинов, волостной:

«Очень грустно было слышать, господа, что времени немного, что теперь уже браться не стоит. Ведь, господа, нам будет очень неприятно возвращаться ни с чем; как мы будем тогда возвращаться, как нас будут тогда спрашивать, как спрашивали, когда мы на каникулы приезжали, ко мне подходили с кольями к окнам, хотели стекла повыбить, это ужасно. Я знаю, многим крестьянским депутатам угрожающие письма с мест посылали, что вы за нас совсем не стоите, ничего не говорите ни о земле, ни о налоге, для чего вы посланы? Господа, когда разойдемся, тогда вы, интеллигенты, будете в городах, вас будет охранять полиция, а ведь мы должны опять в эту же самую страду ехать… Нам придется в ту же деревню ехать, к тем же соседям, и на нас будут смотреть с презрением, потому что вы, дескать, получаете жалованье, а ничего не делаете».

Крестьянин М. С. Андрейчук:

«Обсуждая закон, созданный указом 9 ноября, я его приветствую… Но я хочу обратить внимание на кое-что другое. Наш уважаемый докладчик в своем докладе подчеркнул, что если принять этот самый закон 9 ноября, то этим решится аграрный вопрос; по-моему, совсем не так. В аграрном вопросе должны быть разрешены еще многие другие стороны, так как не суть важно, что острота явилась в аграрном вопросе от 9 ноября, а суть важно и остро это безземелье и малоземелье крестьян. Если я голоден, все равно буду кричать: “Есть хочу”. Поэтому

необходимо “частичное отчуждение”».

Крестьянин Никитюк:

«Этот закон я приветствую, но я еще больше его приветствовал бы, если бы у нас была правда, если бы с этим законом наделялись землей безземельные и малоземельные… Я не буду здесь много говорить, но скажу: пусть нам отдадут землю, ту землю, которой мы пользовались еще в 40–х годах. Нас обманули в 1861 году при наделении землею… Говорят: у вас есть земельные банки, пусть они вам помогают. Да, верно, есть. Кому же они помогают? Только богатым, у кого уже есть земля, а бедному даже ссуды не выдадут».

Депутат от Смоленской губернии Федоров:

«Закон 9 ноября вполне ясен и понятен. С одной стороны, нельзя не признать закона 9 ноября, но с другой – нельзя голосовать за этот закон, потому что в нем ничего не сказано о тех безземельных и малоземельных, которые в случае принятия указа 9 ноября останутся совершенно без земли и будут выброшены на произвол судьбы».

Крестьянин Могилевской губернии Шевцов:

«Но, господа, указом 9 ноября, опять я говорю, мы не ублаготворим народ. Он ожидал вовсе не указа 9 ноября, он его и не ожидает; он ожидает не разделения наших земель, которые у нас есть, он ожидает каких-либо источников наделения крестьян землею… Поэтому… про указ 9 ноября я упоминаю с болью сердца; он нужен и вовсе не нужен, он так, на воздухе… он идет сам по себе… дайте нам земли; я не говорю, на каких условиях, но дайте… Без этого, господа, никогда вы не дойдете до мирного и спокойного, так сказать, состояния (*рукоплескания слева и голос:* “*Слушайте, господа правые*”)».

Депутат-крестьянин от Витебской губернии В. Г. Амосенок:

«Я, господа, – заявил он, – соглашусь с речью господина Шингарева, за исключением слова “принудительный”. Даже я бы советовал предать забвению слово “принудительный”… Я скажу о своей Витебской губернии, там у нас сами уже поспешили перейти на хуторское хозяйство. И кто же? Поспешили Нестер, у которого 5 наделов земли, где 26 десятин при 5 наличных душах. Конечно, само собой разумеется, он уже не крестьянин, а мелкий помещик… А Андрей, у него один надел на 14 душ. Что ему остается делать, когда из общины Нестер уйдет? Или в батраки уйти, служить за кусок хлеба, или продать землю за ломаный грош и отправиться в Сибирь… Это просто разорение. Чем вперед нам торопиться к принудительным мерам прибегать, заставлять переходить на хутора, так лучше принять первую меру, наделить крестьян **принудительно** (ничего пассаж, а? – *А. Щ.*) землей. А

раз этого нет, то предать забвению и то и другое… Восьмидесятимиллионное население ждет от нас хлеба, а не камня, и если мы ему дадим хлеб, то и перед Богом не будем отвечать, и батюшка государь возрадуется и скажет: действительные народные представители… Когда меня крестьяне посылали, так они сказали: поезжай проси, требуй, чтобы нас землей наделили. Мы не приехали для того, чтобы наши изрезанные клочки разрывать на мелкие кусочки. Пусть не думает правительство, что от этого страна усмирится и успокоится. Если мне придется десятина земли, все равно я буду кричать: дайте мне земли, мне есть нечего, я существовать не могу. А что нам член Думы Шидловский указывает, что наша культура пропадает, то я глубоко поклонился бы перед членом Думы Шидловским, если бы он мне эту культуру доказал на 1 десятине, чтобы с семьей можно было существовать. Я бы заплатил за нее с удовольствием. Господа, я не вижу культуры у тех людей, которые о ней кричат и загребают жар нашими руками».

То есть крестьяне-конформисты ритуально одобряют мудрость правительства, потом вылезает насущный вопрос: вы нам **сперва дайте землю**, а потом мы уж поглядим. Что вообще полностью противоречит самой сути реформы. Даже в тех местах, где община уже разваливалась сама по себе, например в Западном крае или на Юге, крестьяне все равно продолжали стоять на своем: они требовали передачи помещичьих земель.

Свой аграрный законопроект внесли в Думу депутаты-священники, также в массе своей разместившиеся на правых скамьях. Он тоже был левее, чем кадетский.

«Почему деревенский священник, этот урядник казенного православия, оказался больше на стороне мужика, чем буржуазный либерал? Потому что деревенскому священнику приходится жить бок о бок с мужиком, зависеть от него в тысяче случаев, даже иногда – при мелком крестьянском земледелии попов на церковной земле – бывать в настоящей шкуре крестьянина. Деревенскому священнику из самой что ни на есть зубатовской Думы придется вернуться в деревню, а в деревню, как бы ее ни чистили карательные экспедиции и хронические военные постои Столыпина, нельзя вернуться тому, кто встал на сторону помещиков. Таким образом оказывается, что реакционнейшему попу труднее, чем просвещенному адвокату и профессору предать мужика помещику».

(В. И. Ленин)

Член Государственного совета М. В. Красовский, выступая на Госсовете с докладом, посвященным Указу 9 ноября, заявил: «Оказалось, что вместо степенных мужиков, которых думали

получить в Думу в качестве представителей крестьянства, явилась буйная толпа, слепо идущая за любым руководителем, который разжигает ее аппетиты».

Ругань крайних

И для полноты картины можно вспомнить представителей крайних политических течений. Начнем с Ленина. Куда же без него?

Надо отметить, что Владимир Ильич менял точку зрения на проблему. В 1908 году он писал (выделено мной. – *А. Щ.*):

«На самом деле аграрный вопрос стоит теперь в России так: для успеха столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. **В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики "невозможен". Возможен**! Но наше дело – ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития через крестьянскую революцию».

То есть Ленин элементарно боится, что у Столыпина все получится. И тогда ему придется менять профессию – потому что в этом случае перспективы дожить до нового социального взрыва у него уже не имелось.

Впрочем, многие историки утверждают, что по образу мышления Ленин и Столыпин были очень похожи. Они оба, каждый со своей точки зрения, полагали: есть некий экономический «универсальный ключик», который применим ко всем странам без исключения. Ведь знаменитая ленинская работа «Развитие капитализма в России» ни в чем не противоречит мировоззрению Столыпина и Гурко. Ильич в этой работе доказывает: община нежизнеспособна, она разлагается – в деревне развивается капитализм, и это неизбежно. Так ведь Столыпин исходил из тех же соображений – он просто хотел развитие капитализма подтолкнуть. Так что и Ленин, и Столыпин являлись революционерами[59]. А то, что у них были разные идеалы… Так каждый выбирает то, что ему больше нравится.

И только в 1912 году, когда реформа уже фактически полностью провалилась, Ленин написал статью «Последний клапан», которую изучали советские школьники. Кстати, она впервые была напечатана во вполне легальной газете «Невская звезда».

«Достаточно поставить ясно и точно вопрос об этих пережитках средневековья и крепостничества в современном

русском земледелии, чтобы оценить значение столыпинской “реформы”. Эта “реформа” дала, конечно, отсрочку гибнущему крепостничеству, – точно так же, как пресловутая, расхваленная либералами и народниками, так называемая “крестьянская” (а на деле помещичья) реформа 1861 года дала отсрочку барщине, увековечив ее под иной оболочкой вплоть до 1905 года.

“Отсрочка” старому порядку и старому крепостническому земледелию, данная Столыпиным, состоит в том, что открыт еще один и притом последний клапан[60], который можно было открыть, не экспроприируя всего помещичьего землевладения. Открыт клапан и выпущен несколько пар – тем, что часть совершенно обнищавших крестьян “укрепили” свои наделы в личную собственность и продали их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев, – далее, тем, что часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и иногда устроившись на отрубах, поставили еще более прочное капиталистическое хозяйство, чем прежде.

Наконец, открыт клапан и выпущен пар тем, что кое-где устранена особенно нестерпимая чересполосица и облегчена необходимая при капитализме мобилизация крестьянской земли.

Но этой отсрочкой уменьшено или увеличено общее количество противоречий в деревне? Уменьшен или увеличен гнет крепостнических латифундий? Уменьшено или увеличено общее количество “пара”? На эти вопросы нельзя ответить иначе, как во втором смысле.

Голодовка 30 миллионов[61] доказала на деле, что в данное время возможен только этот последний ответ. Это – голодовка мелких хозяйчиков. Это – картина кризиса все того же старого, кабального, нищего и задавленного крепостническими латифундиями крестьянского хозяйства. Таких голодовок при крупных некрепостнических поместьях, при капиталистических латифундиях в Европе не бывает и быть не может.

Масса крестьян, за исключением вполне освободившихся от земли пролетариев (которые “укрепили” землю, чтобы продать ее) и ничтожного меньшинства зажиточных мужиков, осталась в прежнем и еще худшем положении. Никакое укрепление земли в личную собственность, никакие мероприятия против чересполосицы не могут сделать массы нищих крестьян, сидящих на плохой, выпаханной земле, обладающих лишь стародедовским, вконец изношенным инвентарем, с голодным рабочим и рогатым скотом, – сколько-нибудь культурными, сколько-нибудь хозяевами.

…

Нужны десятилетия и десятилетия таких же периодических

голодовок, чтобы мучительно вымерла масса теперешних хозяйств, для “успеха” столыпинской реформы, т. е. для создания установившегося буржуазного строя общеевропейского типа в нашей деревне. А в настоящее время, после шестилетнего испытания столыпинской “реформы” и шестилетних “блестящих” прогрессов числа “укрепивших землю” и т. д., не может быть ни малейшего сомнения в том, что эта реформа кризиса не устранила и устранить не может.

…

Старый кризис нарастает по-новому, в новой обстановке, при гораздо более определившихся отношениях между классами, но он нарастает, и его социально-экономическая (и не только экономическая) природа остается по сути дела прежнею.

Ничтожное число хороших, отрубных хозяйств крестьянской буржуазии, – при уменьшении числа пролетариев, связанных наделом, – при сохранении всевластия Пуришкевичей, – при громадной массе обнищавших и вымирающих от голода закабаленных средних крестьян, – при увеличении числа пролетариев, наделом не связанных, – вот картина сегодняшней русской деревни.

Нужно ли еще доказывать, что столыпинская аграрная программа не может, а народническая (в исторически-классовом значении этого слова) может уничтожить кабалу и отработки? Может ли современное положение деревни не питать таких мыслей, что хорошие отрубные хозяйства при полной свободе мобилизации земли неизбежно положили бы сразу конец всем средневековым голодовкам, всякой кабале и всяким отработкам, если бы эти хозяйства по вольному выбору крестьян были понаделаны на всех тех семидесяти миллионах десятин помещичьей земли, которые пока стоят вне “землеустройства”? И не заставит ли нас ирония истории сказать, что столыпинские землемеры пригодились для “трудовицкой” России?»

Однако Столыпина критиковали и с другой стороны – некоторые крайне правые, которых принято называть черносотенцами. Кстати, это не негативное прозвище, они и сами так себя нередко именовали[62].

Вообще-то отношение к Столыпину у крайне правых было непростым. Идеологически они были как против Думы, так и против любых реформ. Но с другой стороны, черносотенцы демонстрировали абсолютную лояльность власти и Николаю II лично. Ну а раз государь соизволил проводить такую политику – ничего не поделаешь. Критиковать царя крайне правым не полагалось. Впрочем, некоторые все-таки критиковали.

Если одни лидеры крайне правых, вроде Маркова Второго,

добросовестно делали вид, что верят в реформы, то другие, вроде Александра Дубровина, всегда выступали против Манифеста 17 октября. Поэтому, кстати, Союз русского народа два раза, в 1908 и 1911 годах, раскалывался.

Но и те, и другие относились к Столыпину и его затеям крайне настороженно. Они ведь являлись сторонниками традиционной России и отлично понимали, что в случае успеха реформ это будет совершенно **иная** страна.

Тем более что те из крайне правых, кто умел думать хоть о чем-то, кроме «борьбы с еврейским засильем», очень плохо относились к капитализму. Ведь капитализм разрушает традиционный уклад жизни, он космополитичен по своей природе. Другое дело, что никаких внятных конструктивных идей у черносотенцев не имелось.

Но были среди этой публики очень интересные персонажи. Например, иеромонах Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов). Этот человек являлся «правым народником». То есть «за царя, но против жидов, чиновников и интеллигентов». Столыпинские реформы он категорически не принимал.

«Дальше с настоящим кадетским, крамольным, трусливым, малодушным Правительством жить, а тем более мириться нет никакой возможности. Довольно. Сам Обер – Прокурор тем, что поднял гонение на меня, стоящего за исконные Русские начала, доказал, что он изменил Русскому народу… Изменил ему и первый министр Столыпин, считая истинных сынов Родины погромщиками, убийцами, разбойниками и заигрывая с врагами Родины, Церкви и Русского народа!

О чем другом, как не об этом также свидетельствует его противное заявление в Государственной Думе, что Правительство будет применять военно-полевые суды в случаях самых дерзновенных убийств. Интересно знать, какие случаи Столыпин считает исключительными, какие убийства считает он дерзновенными? Если прямо говорить, то нужно признать, что Столыпин открыто становится в ряды врагов Русского народа. Напрасно он сказал громкие слова: “Не запугаете!“ Стоит только удивляться тому, что и Православные Русские люди по поводу этих слов присылали первому министру сочувственные телеграммы! Одно недомыслие, и только! Не понимаю просто, как это многие Православные люди не поняли, что слова “не запугаете“ есть не чистый, внушительный голос твердой и верной Души, а надтреснутое дребезжание оторвавшейся струны, мелкой души, далеко отстающей от Русского народного самосознания. Если бы Столыпин, действительно, не боялся крамольников, то он не стал бы слушать их безумных, преступных, оскорбительных

речей и немедленно сказал бы кому следует, что нужно сказать зазнавшимся и зарвавшимся злодеям: “Вон отсюда!“ и вздернуть их на виселицу. Вот тогда бы виднее было бесстрашие первого министра! Более подходящим будет признать, что слова “не запугаете“ были сказаны не по адресу крамольников, ибо Столыпину нечего их бояться, так как они своего не тронут, а по адресу черносотенцев, которым Столыпин, действительно, сделал много зла; это зло он начал делать с первых шагов своего премьерства, когда сказал: “А что за Союз Русского Народа, где он находится: я на него внимания не обращаю“. И все время он шел по этому преступному, предательскому пути. Но да будет ведомо господину Столыпину, что Русский Православный народ только посмеется над его словами “не запугаете“, когда настанет время, а это время наступит скоро и не дозволит ему дурманить Русских граждан какими-то заморскими конституциями и кадетскими бреднями!

Нет, все говорит за то, что настала пора покончить все политические счеты с нынешним Столыпинским министерством и спасти Родину, Церковь и Трон Самодержца великого самому народу!

Дальше полагаться на Правительство преступно!»

* * *

Стоит заодно пояснить отношение Столыпина к «Союзу русского народа» и прочим подобным организациям. Петр Аркадьевич по своим взглядам, безусловно, являлся националистом. Для сегодняшних либералов равнодушие к «общечеловеческим ценностям» – уже приговор. Да и в начале XX столетия либеральные политические деятели и журналисты ставили знак равенства между понятиями «националист» и «черносотенец». Хотя вообще-то национализм испытывал бурный подъем во всех европейских странах. Это началась идейная подготовка к Мировой войне. К примеру, тогда сложились идейные основы германского нацизма. Да и всякие клички разных народов – вроде «лягушатников», «макаронников», «гуннов»[63] пресса раскрутила именно в начале XX века. Так что ничего особенного в национализме не было.

Столыпина обвиняли в том, что он финансировал черносотенные организации. Да, финансировал. Он как глава МВД выполнял **прямые распоряжения императора**. Дело в том, что Николай II испытывал слабость к «союзникам» (так называли себя члены «Союза русского народа»). Он питал иллюзию, что

именно эти ребята – «настоящие русские люди», не затронутые пропагандой «жидов и социалистов». Как известно, в итоге «союзники» Николая II предали. Они 12 лет подряд заявляли, что в случае чего будут верной защитой престолу, встанут как один… Тянули с Николая деньги – а в феврале 1917 года в поддержку царя не выступил **ни один** черносотенец.

Столыпин отлично понимал сомнительную политическую ценность данных господ. Еще в 1909 году он дал распоряжение своим сотрудникам проверить: что представляют собой эти организации. Результат впечатлял.

Полковник А. Герасимов, начальник Санкт – Петербургского охранного отделения:

«Я немедленно отправил телеграфный запрос во все жандармские и Охранные отделения с просьбой дать точную справку об организациях СРН и специально о лицах, которые подписали названные[64] телеграммы. Ответы были получены более из 100 пунктов. В большинстве они были просто убийственны для СРН. Состав отделов и подотделов СРН обычно не превышал 10–20 человек. Руководителями были часто люди опороченные, проворовавшиеся чиновники или исправники, выгнанные за взятки со службы; некоторые до настоящего времени состояли под судом и следствием».

С. П. Белецкий, директор Департамента полиции:

«Результаты проверки были неутешительны; деятельность означенных организаций выражалась главным образом в форме участия в церковных торжествах и посылке телеграмм царю и отдельным министрам, сами же организации в большинстве распались, большинство деятелей осталось старых, новых идейных работников почти не прибавилось».

И какая польза была от таких деятелей? К тому же правые вляпались и в политический терроризм. 18 июля 1906 года боевиками СРН был убит депутат Государственной Думы М. Я. Герценштейн. Заметим – убитый был членом партии кадетов. Это очень характерно. Не большевика и не эсера убили. По той причине, что революционеры за убийства своих товарищей очень сурово мстили. А кадеты являлись типично интеллигентской партией…

Да и то все вышло как-то гнусно. Убийцам обещали за «работу» деньги. Правда, так и не заплатили, но не в том дело. В роли киллеров использовали какую-то шпану, которая чуть ли не на следующий день после «дела» про все разболтала в кабаке.

К тому же крайне правых просто корежило от мысли о каких-то реформах. Так что Столыпин старался держаться от них подальше.

«Своей земельной реформой Столыпин разжег в деревне пламя гражданской войны».

(Ауфхаген)

Итак, реформа пошла. Но почти сразу выяснилось: она идет не так и не туда…

Даешь ускорение!

«Исключительно “сильные” люди, как Бисмарк, умели уступать, когда это было полезно, забывая о своем самолюбии. Столыпин же любил идти напролом… У него было пристрастие к тем “эффектам”, которые обывателей с толку сбивают (он называл их действие “шоком”). Он не умел целей своих достигать незаметно, под хлороформом, по выражению Витте, в чем была главная сила этого гениального практика. Столыпин наносил удар тем мерам, которые хотел провести».

(В. А. Маклаков)

Столыпин не являлся идеалистом, полагавшим, что стоит только издать закон – и все пойдет само собой. Он вполне понимал – для проведения реформы в жизнь необходим механизм ее реализации. Все-таки он потрудился губернатором – и отлично знал, как можно «исполнять» распоряжения начальства.

Вот «премьер» и начал создавать этот самый механизм.

«Для проведения реформы им была создана надежная управленческая вертикаль. Непосредственное осуществление земельных преобразований возлагалось на уездные и губернские землеустроительные комиссии, действовавшие при участии земских начальников. Создание землеустроительных комиссий началось сразу же после утверждения их законом от 4 марта 1906 года. Об энергии, с какой власти взялись за проведение аграрных преобразований, свидетельствуют следующие данные. К концу 1906 года было создано 184 уездных комиссии, а в 1909 году действовало уже 3 8 губернских и 411 уездных землеустроительных комиссий. Технические работы выполнялись кадрами землемеров, которых постоянно недоставало и подготовка которых была широко развернута в ведомстве Главного управления землеустройства и земледелия. Руководство работами на местах возлагалось на губернаторов».

(С. Н. Третьяков)

Заметим, кстати, что в своей программной речи в Думе 6 марта 1907 года Столыпин обещал отменить институт земских начальников. Однако оказалось, что данные господа очень даже нужны и заменить их некем.

Но с самого начала многое было упущено. Прежде всего – информационное обеспечение реформы. Можно, конечно, предположить, что Столыпин искренне верил в то, что провозглашал: крестьяне изнемогают под «общинным гнетом» – и с энтузиазмом ринутся прочь из общины. Но, скорее всего, о многом он просто не подумал…

Вообще-то с проправительственной пропагандой в Российской империи дело обстояло из рук вон плохо. Ее эффективность можно сравнить с СССР начала восьмидесятых. Недаром многочисленные авторы сетуют, что все газеты занимали оппозиционную позицию да и вообще принадлежали евреям. На самом-то деле это не так – и в смысле оппозиционности, и в смысле их принадлежности. Монархических газет хватало. Однако они были либо слишком официозными, либо малотиражными, либо тоже играли в какие-то игры. К примеру, «катили бочку» на Столыпина, критикуя его «справа». А ведь Главное управление по делам печати было под Столыпиным… И пропагандистские кампании тогда проводить очень даже умели. Что стоит кампания либералов против Распутина. Да и большинство журналистов – это профессионалы-наемники, которые будут доблестно защищать те идеи, за которые заплатили. Но Столыпин об этом даже не подумал…

Впрочем, вести пропаганду среди крестьян тогда никому из правительственных чиновников просто в голову не приходило. Ну, мозги так работали у представителей элиты. Всерьез за пропаганду среди крестьян взялись только большевики.

А это значит, что «информационное поле» было отдано разнообразной оппозиции. Ведь как дело происходило? Нельзя сказать, что крестьяне были совсем уж неграмотными. В любой деревне имелись люди, умеющие читать. И политическими новостями там очень даже интересовались, газеты читали. Но одно дело – уметь разбирать буквы, другое – понимать достаточно сложно написанные тексты. «Серьезные» газеты были рассчитаны на образованную публику, а в «газетах-копейках»[65] о реформе не писали.

Что делали крестьяне, когда хотели разобраться? Звали того, кто пограмотнее, – и просили объяснить. Из таковых под рукой чаще всего оказывался учитель или доктор. (Священникам не доверяли.) А эти люди, как правило, придерживались либо либеральных, либо народнических взглядов. Что и понятно – сельский учитель получал меньше питерского дворника. К тому же его постоянно долбили бесконечными реформами образования. (Знакомо?) Да и сельский доктор зарабатывал немногим больше – при тяжелейшей работе. (Читайте врачей-писателей В. В. Вересаева или А. П. Чехова.) За что им было любить правительство? Они и объясняли крестьянам… Не отставали и оппозиционные политические партии. Вот образец большевистской агитки, написанный специалистом этого дела – поэтом Демьяном Бедным в 1912 году.

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ – кто по дворам, кто – под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.
«Ну, что, брат-лапоть, как делишки?» —
С соседом речь завел сапог.
«Не говори… Казнит меня за что-то бог:
Жена больна и голодны детишки…
И сам, как видишь, тощ,
Как хвощ…
Последние проели животишки…»
«Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?»
«Не, мира не порочь.
Мир… он бы, чай, помог… Да мы-то не миряне!»
«Что ж? Лапти перешли в дворяне?»
«Ох, не шути…
Мы – хуторяне».
«Ахти!
На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?»
«Почти!
От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!
Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: “Вас, братцы, из села
Никто не гонит.
Да мир ведь – кабала! Давно понять пора;
Кто не пойдет на хутора
Сам счастье проворонит.
Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно,
Рукам – легко, душе – отрадно.
Рай – не житье: в мороз – тепло,
В жару – прохладно!”
Уж так-то выходило складно.
Спервоначалу нам беда и не в знатье.
Проверили. Изведали житье.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю… Уж я те говорю…
Такая жизнь пришла: заране гроб сколотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало – не воротишь!
Теперя по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья».

Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздохнул сапог: «Эх-ма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя как ни тяжка, —
Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе “душка”
Насчет отпору,
Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загниет.
А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!
Уж сколько раз враги пытались толковать:
“Ох, эти сапоги! Их надо подковать!”
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы – в воду и в огонь!
Попробуй-ка нас тронь.
Мы повоюем!»

Как видим, произведение написано очень грамотно. Автор доступно излагает то, что понимали и крестьяне: «мир» в случае чего поможет, на хуторе ты предоставлен самому себе. Хотя в реальности «мир» не так чтобы очень и помогал… Но ведь главное – идея.

Это было, конечно, не самым важным фактором. Но о других – немного ниже. Факт же тот, что крестьяне отнюдь не рвались выходить из общины. Нет, кое-кто выходил. Однако прежде всего ринулись те, кого земля не слишком и интересовала.

«В ответах корреспондентов Вольного экономического общества выделяются три причины выхода из общины: 1) боязнь потерять при переделе имевшиеся излишки земель: 2) стремление продать землю; 3) желание вести самостоятельное хозяйство. По сведениям, собранным Московским обществом сельского хозяйства, в 1909 г. укрепили землю в собственность для ее продажи 52,5 % опрошенных, из опасения потерять излишки земли при переделе – 27,3 % и для улучшения хозяйства лишь 18,7 %».

(И. Ковальченко)

Итак, **половина** выходивших из общины собиралась землю продать, а не становиться «крепкими хозяевами».

А кем являлись желающие выйти? Это были отнюдь не «пьяные», о которых так любил в своих речах говорить Столыпин[66]. Хотя, конечно, имелись и такие. Люди с психологией люмпенов есть в любой социальной группе. Речь о

других. Как мы помним, членами общины числились люди, которые давно уже не имели отношения к крестьянству Это были не только рабочие. Так, крестьянами по паспорту являлось большинство извозчиков, а также приказчики в лавках, официанты и прочие рядовые представители сферы услуг. К примеру, всем известно, что Сергей Есенин родом из крестьянской семьи. Менее известно, что его отец, не говоря уже о самом поэте, землю не пахал. Отец Есенина работал приказчиком в разных московских магазинах. Будущий поэт в семнадцать лет отбыл из родной деревни в Москву, где также занял место приказчика.

Нужна ли была этим людям земля? К сожалению, я не нашел данных о социальном составе людей, вышедших из общины без земли – то есть получивших за нее деньги. Возможно, такие исследования просто не проводились. Хотя очевидно, что для того же приказчика гораздо заманчивее выглядела перспектива вложить полученные деньги где-нибудь в городе. Например, приобрести лавку. А для извозчика – возможность стать «хозяином»[67].

Недаром в Московской губернии число вышедших из общины было рекордным для Нечерноземья – 32 %. Именно потому, что под боком огромный город[68].

Такие выходцы с одной стороны облегчали проведение реформы – они уменьшали количество общинников, то есть претендентов на землю. Но главный-то вопрос – создание «крепких хозяев» – провисал.

Очень мешало и хроническое отсутствие денег в казне. В 1908 году «Специальное совещание», которое занималось переделом земли, заявило, что на расходы по этой проблеме потребуется 500 миллионов рублей. Правительство же смогло выделить… меньше 5! А без денег, как известно, не работает ничего. Это доказывает, что «верхи», за исключением Столыпина и его сторонников, **не воспринимали реформу как судьбоносную для страны**. Дескать, выйдет – хорошо, не выйдет – да и черт с ней. Что тоже говорит о ее перспективах. Сравните с советской коллективизацией, на которую были брошены огромные ресурсы.

Обнаружив, что реформа буксует, Столыпин начал ее откровенно подталкивать. Я уже упоминал о Крестьянском банке, которому просто-напросто запретили давать ссуду коллективам. Понятно, что это было направлено прежде всего против общины.

Но применялись и чисто административные меры.

Министр МВД стал рассылать многочисленные циркуляры «на места». Суть их заключалась в том, чтобы максимально

ускорить выход крестьян из общины. Администрация начала давить.

«Сразу же после принятия указа 9 ноября Министерство внутренних дел сделало ставку на форсирование процесса земельной реформы. На места начали рассылаться многочисленные циркуляры и инструкции с рекомендациями по ускорению землеустроительных работ. Специальными распоряжениями губернаторам предлагалось создание особых совещаний “по применению указа 9 ноября”. Регулярно созывались специальные съезды чиновников для обсуждения хода земельных мероприятий.

При подобной организации дела была вполне закономерна бюрократическая практика административного нажима на крестьян для ускорения выделов и увеличения их количества. С этой целью широко использовались фальсификации мнений сельских сходов, лживые обещания отдельным крестьянам предоставить лучшие земли, чтобы склонить к выделам, разверстание общинных земель, минуя решения схода и многие другие злоупотребления».

(С. Н. Третьяков)

В самом деле. По закону, если мирской сход не хотел выделять отруб – прибывал земский начальник и продавливал раздел своей волей. Но земля-то разная – получше и похуже, «удобья» и «неудобья»… И делить ее можно по-всякому. Как вы думаете, земский начальник действовал по справедливости? Как-то не верится. Скорее всего, он проводил в жизнь генеральную линию, которая была за то, чтобы поддерживать желающих выделиться. Его обязывали к этому прямые и недвусмысленные распоряжения начальства. К тому же зажиточный крестьянин, желающий выйти из общины и получить отруб, мог просто дать взятку, чтобы делили так, как ему нужно. Можно догадаться, кому отходила лучшая земля. А ведь большинство земских начальников были дворянами. То есть – «снова баре нас обманывают».

«При навязываемых темпах землеустройства и отсутствии должного агрономического обеспечения процесс разверстания земель протекал неудовлетворительно. Не соблюдалась необходимая конфигурация отводимых участков. Широко были распространены случаи, когда укрепление земель происходило без всякого разбора и вызова сторон. В итоге, крестьяне часто не имели представления о границах своих земель, из-за чего возникали конфликты, длившиеся иногда годами».

(С. Н. Третьяков)

Чем это отличается от коллективизации? Последняя

преследовала полностью противоположные цели, но методы абсолютно те же. А ведь что бы там не врали сегодня, большинство крестьян коллективизацию поддерживали. В отличие от столыпинской реформы.

А почему крестьяне были против?

Один из основоположников современной западной социологии Питирим Сорокин, формулируя отличие реформы от революции, на первое место поставил следующий признак: реформа должна соответствовать «базовым инстинктам», менталитету данного народа, его представлениям о добре и зле. Если реформа не соответствует данному условию, она обречена и мирный выход из кризиса маловероятен.

(В. Логинов)

Среди неудач реформы в первую очередь бросаются в глаза «перегибы». Их было более чем достаточно. Чем дальше шла реформа, тем было веселее. Начался уже полный беспредел.

В 1908 году МВД разослало губернаторам циркуляр, в котором разрешалось производить принудительные выделы постоянно, а каждый такой выдел **означал передвижку всех крестьянских полос**. Циркуляр МВД подчеркивал: «Осуществимость обязательных выделов помимо согласия обществ несомненно сделает последние более уступчивыми».

Что это означало? Да то, что землю стали делить тогда, когда левая нога начальства захочет. Это породило на деревне, во-первых, полный хаос в землепользовании, а во-вторых, неуверенность в завтрашнем дне.

На местах же инициативу восприняли… Как всегда воспринимают в таких случаях директивы начальства. Так уфимский губернатор уведомил своих подчиненных, что «оценка их служебной деятельности, по распоряжению господина министра внутренних дел, будет производиться исключительно в зависимости от хода высочайшего указа от 9 ноября 1906 года».

То есть чтобы быть на хорошем счету, чиновнику требовалось представить радующий глаз начальства «процент охвата» реформой. А как ты этого добился, никого не волнует.

Можно представить, что тут началось. Веками представители властей объяснялись с крестьянами исключительно с помощью командного мата и стучания кулаком по столу, а иногда и по зубам. Действовать иначе просто не умели.

«С 1908 года переделы стали постоянными, ибо по новому закону их производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделить надел или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель. Вот

почему 3/4 тех, кто пожелал выйти из общины, не получили согласия сельских сходов. Но между губернаторами шло открытое соревнование за процент “выделившихся”, и они принуждали крестьян силой. И это касалось уже не тысяч, а миллионов…

…

Министр Кривошеин не выдержал: местные власти, выговаривал он губернаторам, составляют чрезмерные и невыполнимые планы землеустройства, тогда как “население не прониклось еще сознанием необходимости землеустроительной меры”. А чиновник, отвечавший за реформу в Уманском уезде, оправдывался: ну, выгонял силой на отруба, подавлял недовольных, чуть до смертоубийства не дошло, но “ведь до сего времени считалось нормальным, если при помощи дреколья одна часть общества одерживает верх над другою”».

(В. Логинов)

Но главная причина недовольства крестьян была не в «перегибах». Крестьяне в большинстве реформу **не приняли**. В самом деле. Часть земли из общины уходила навсегда. А по какому праву? Потому что так решило начальство.

К тому же мужики из общины выходить решительно не желали. Вот что писали крестьяне во II Думу:

«По мнению крестьян, этот закон Государственной Думой одобрен не будет, так как он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь и все потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам…

Мы признаем землю Божьей, которой должен пользоваться тот, кто ее работает; оградите переход земли в одни руки, ибо будет то же, что и теперь, – ловкие люди будут скупать для притеснения трудового крестьянства…

У нас у всех в памяти кутузки, продажа скота, заушение со стороны властей, слезы жен и детей, которые оплакивали трудами откормленную скотину и продавали с торгов кулаку за недоимки; мы знаем, что землей владеют только тысячи, а безземельных миллионы, а поэтому право и желание должно быть по закону на стороне большинства».

«В воспоминаниях земского начальника из Вологодской губ.

В. Поливанова описан такой случай. В страду в деревню приехали землеустроители, созвали сход и объявили, что велено делиться на хутора. Сход посовещался и отказался. Начальник пообещал ссуду, потом угрожал арестовать “бунтовщиков”, потом

пригрозил прислать на постой солдат. Крестьяне твердили: “Как старики жили, так и мы будем жить, а на хутора не согласны”. Тогда начальник пошел пить чай, а крестьянам велел сесть на землю и ждать. Вышел поздно вечером. “Ну как, согласны?” Сход ответил: “Все согласны. На хутора так на хутора, на осину так на осину, только чтобы всем, значит, вместе”. Поливанов пишет, что ему удалось дойти до губернатора и отложить реформу деревни Лопатихи».

(С. Кара – Мурза)

Дальше – больше. Начались бунты, направленные как раз против реформы. Снова полилась кровь. Так 15 мая 1910 года при подавлении восстания в уезде Тамбовской губернии полиция использовала огнестрельное оружие. Было убито шестеро крестьян.

А что Столыпин хотел? Это на государственном уровне можно рассуждать – дескать, пусть большинство разорится или вовсе подохнет с голоду. А вы это крестьянам объясните… И ведь мужички хорошо знали того, кто станет крепким хозяином. Это тот самый кулак-мироед.

Митрополит Вениамин (Федченков), будучи сам родом из крестьянской семьи, а потом долгое время работавший сельским священником, так отзывался о Столыпине уже после революции:

«Ему приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого “хуторского“ хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение… Не знаю, верно ли я сформулировал его идею. Тогда я жил в селе и отчетливо видел, что народ – против нее. И причина была простая. Из существующей площади – даже если бы отнять все другие земли: удельные, помещичьи, церковные и монастырские – нельзя было наделить все миллионы крестьян восьмидесятидесятинными хуторами, да и за них нужно было бы выплачивать. Значит, из более зажиточных мужиков выделилась бы маленькая группочка новых “владельцев“, а массы остались бы по-прежнему малоземельными. В душах же народа лишь увеличилось бы чувство вражды к привилегиям “новых богачей“… Хутора в народе проваливались. В нашей округе едва нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное».

В самом деле – куда деваться остальным? Перебираться в город с большой семьей было немыслимо. На это могли пойти только молодые и холостые. В батраки? Так жизненный опыт показывал, что все в батраки не попадут. К тому же дело было

еще и в мировоззрении.

«На деле батрак и хозяин крестьянского двора – не просто разные статусы, а фигуры разных мироустройств. И все теории, исходящие из модели “человека экономического”, к крестьянину просто неприложимы и его поведения не объясняют. Вот важный факт: во время всеобщей июльской аграрной забастовки 1905 г. в Латвии большинство забастовщиков были батраками. Они были гораздо сильнее, чем в центральной России, “овеяны духом капитализма”, однако во время забастовки вели себя не как батраки, а как крестьяне. Они требовали не увеличения зарплаты, а продажи им или сдачи в аренду участков помещичьей земли. Иными словами, требовали дать им возможность восстановить статус крестьянина».

(С. Кара – Мурза)

К батракам на селе относились примерно так же, как сейчас – к бомжам. Причем дело тут отнюдь не в материальном положении.

Вот тут мы подходим к очень интересной теме.

Дело-то в том, что зарабатывали батраки в период столыпинской реформы **больше**, чем крестьяне.

Вот сведения об их заработках (в рублях).

С. – сев; С/к – сенокос; Ж. – жатва (плюс работы по складированию).

Работник, мужчина	Черноземная полоса			Нечерноземная полоса			Всего по Европейской России		
1906 г.	55	83	80	65	84	72	60	83	75
1907 г.	54	74	81	67	84	77	60	80	78
1908 г.	54	68	75	71	88	78	63	79	76
1909 г.	62	72	91	73	86	78	67	79	83
1910 г.	60	82	93	73	87	80	67	84	87
1911 г.	61	79	83	75	95	84	68	85	84
1912 г.	63	86	98	82	104	96	72	95	97
1913 г.	66	91	108	92	115	108	79	103	108
1914 г.	72	99	102	103	131	108	87	115	105

То есть если пересчитать, батрак в среднем получал в 1906 году примерно 18 рублей в месяц. А в 1914–м – 25 рублей. Не такая уж маленькая зарплата по сравнению с крестьянами. Она сравнима с заработками рабочих. Причем в Нечерноземье эти ребята зарабатывали больше, чем там, где существовали крупные хозяйства, порой весьма неплохо оснащенные передовой сельскохозяйственной техникой. И ведь батрака не волновало то, что, к примеру, лошадь заболела. Получил свою денежку за работу – и гуляй себе.

Итак, что мы видим? Парадокс. С материальной точки зрения батраком работать было выгоднее. То есть казалось бы, Столыпин был прав. Но… Люди упорно цеплялись за общину.

В виде иллюстрации я расскажу свою семейную историю. По отцу я родом из крестьян, из деревни Горки Вязьминского района Смоленской губернии. Так вот, жители этой деревни являлись не очень крестьянами. Большинство мужиков работало на железнодорожном узле Вязьма. Железнодорожникам платили

неплохо. Мой двоюродный дед сумел даже выучиться на инженера и круто поднялся, прикупил себе небольшое поместье. Большевики, понятно, поместье отобрали, но он не обиделся – снова пошел в инженеры, а впоследствии строил Мурманск.

То есть какие там крестьяне? Но! Жители деревни Горки всеми силами держались за землю. Мне трудно понять, как они могли работать на железной дороге и одновременно пахать и сеять, – но вот так было. И ведь у них были не какие-нибудь огороды. Люди держали лошадей. А лошадка-то каждый день кушать просит. Просто так, «чтобы было», ее держать никто не стал бы. При этом **никто** из общины не вышел.

Это я все к чему? А к тому, что кроме чисто экономических раскладов имелась еще и психология. Люди хотели жить так, как они жили.

Еще одна причина противостояния реформам заключалась в том, что община являлась защитой от нечистоплотных дельцов. Крестьяне сильно опасались, что, когда они окажутся «сами по себе», всякие гешефтмахеры не мытьем так катаньем выманят у них землю. Как показали последующие события, данные опасения имели все основания.

К тому же общинники были убеждены: их с помощью реформы снова обманывают. Точнее – пытаются обстряпать дело так, чтобы помещики ничего не потеряли. И ведь так оно и было. Напомню, столыпинская реформа была разработана как альтернатива программе Кутлера, который как раз выступал за отчуждение помещичьих земель. А крестьяне хотели получить помещичьи земли. Да, это желание было в значительной степени иррациональным – так как особого прибытка мужики бы от этого не получили. Но данное желание было вбито в подкорку. Вот так уж сложилось исторически. И выбить его было невозможно. А уж тем более – такими сомнительными перспективами, которые предполагала столыпинская реформа. Вообще-то люди хотели справедливости. Почему государство снова решает проблемы за их счет? Это был разговор на разных языках. «Образованные» мыслили категориями «священной частной собственности». Но крестьяне не понимали – а с чего бы это она «священная»? И ведь по сути они были правы! Поместья вообще-то изначально давались дворянам как **плата за службу**. Но указ «О вольности дворянства» 1762 года помещиков освободил от обязательной службы. Вторично их освободил от этого Александр III. Так по какому праву?

Мужики веками вкалывали на барина, потом сами же выкупали землю, а теперь снова… Ну, вот не было в России уважения к частной собственности! Об этом можно думать все что

угодно, но политику необходимо считаться с существующими реалиями. А Столыпин решил, что сумеет продавить реформу грубой силой. Не сумел.

И что получилось?

Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.

(Частушка)

При разговоре об итогах лучше всего «проверить алгеброй гармонию». Посмотрим цифры.

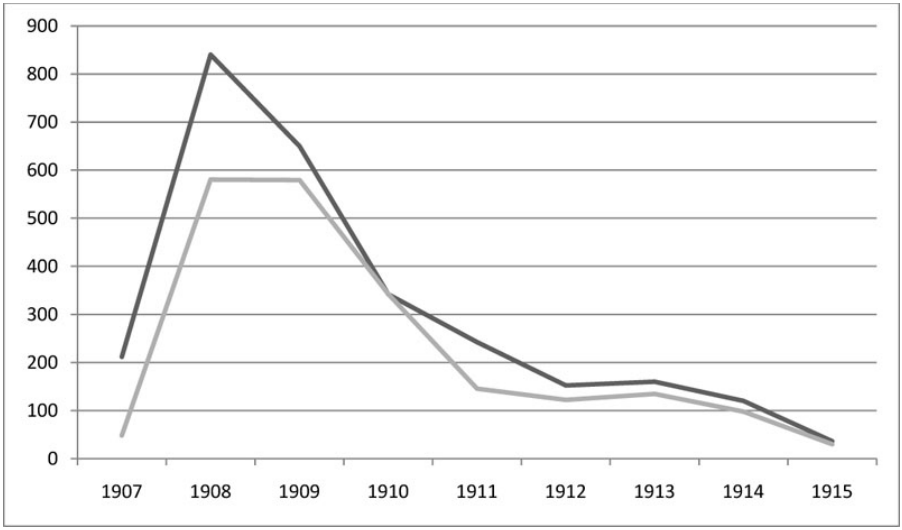
Образование самостоятельных крестьянских хозяйств. (в тыс. чел.)

Годы	Число домохозяйств, потребовавших закрепления земли в собственность в Европейской части России	Число домохозяйств, получивших свои наделы в личную собственность
1907	211,9	48,3
1908	840,1	580,3
1909	649,9	579,4
1910	341,9	342,2
1911	242,3	145,6
1912	152,4	122,3
1913	160,3	134,5
1914	120,3	97,9
1915	36,5	29,9
Всего	2755,6	2080,4

Динамические процессы лучше всего рассматривать в виде графиков – сразу все становится понятно. Тем более что многие авторы, приводя вышеупомянутую таблицу, совершенно не задумываются о смысле данных. Иначе как же можно утверждать, что «реформу прервала смерть Столыпина»?

Вот график, составленный по этой таблице. Черная линия – число тех, кто потребовал закрепления земли, серая – кто

получил наделы в собственность.



Итак, что мы видим на этой картинке?

Первое. Пик приходится на 1907–1909 годы. Потом идет совершенно безнадежный спад. Без каких-либо серьезных тенденций к новому росту. Микроскопический подъем виден лишь в 1912 году (то есть уже после убийства Столыпина), а потом снова спад. Правда, менее крутой, так и абсолютные цифры уже мизерные, ничего не решающие. Налицо затухание процесса, как говорят физики. Так что утверждения, что смерть Петра Аркадьевича прервала реформу, – это либо откровенное вранье, либо болтовня безнадежных гуманитариев, которые прогуливали в школе уроки математики.

Вывод простой – реформа полностью себя исчерпала за три первых года. Все, кто хотел стать собственниками, – ими стали. Дальше шло уже «дожигание». Или откровенные аферы, о чем речь пойдет ниже.

Второе. Куда интереснее существенное расхождение числа «хотевших» и «получивших». Как видим, вторых существенно меньше – особенно на максимуме процесса. Подчеркну – требование «закрепления земли в собственность» означает не голословное заявление на сельском сходе и даже не поданная в соответствующее учреждение бумажка. Это вполне официальное действие, за которым следовала разверстка земли. Собственно, именно факты разверстки и регистрировались.

Выходит, что многие желали закрепить собственность, сделали первый шаг, но собственниками так и не стали. С чего бы это?

Крестьяне им помешать не могли. Некоторые авторы что-то невнятно говорят насчет того, что потенциальных хуторян запугивали соседи. Но никто не может привести никаких данных. Для сравнения – о противодействии коллективизации прекрасно известно из сводок ГПУ – где что подожгли и скольких убили. Имеются и соответствующие судебные решения. В случае столыпинских реформ таких данных нет. А ведь в 1908 году разрыв между «желавшими» и «ставшими» составил 260 тысяч домохозяйств. То есть – 30 %!

О противодействии властей и говорить смешно, они всячески подталкивали людей на выход. Так в чем дело?

«В некоторых районах закрепление земли в собственность не означало разрыва крестьян с общиной, поскольку не все крестьяне выходили на хутора и отруба. Многие оставались в общине, опасаясь, что вне ее, вне общинного пользования пастбищами, водопоями, школой, дорогами и т. п., им будет еще труднее».

(А. Шлыкова)

Тоже как-то невнятно.

На самом-то деле главная причина совсем не этом. В том, что «хотели выйти на хутор и не вышли», решающую роль играла крестьянская хитрость. Крестьянин заявлял о намерении получить отруб – то есть объединить свои земли в один кусок. И объединял. Причем на выгодных условиях, да еще при покровительстве начальства. Вместо «полосок» он получал нормальный земельный участок. А выходить из общины не спешил. То есть самые хитрые мужики использовали реформу в своих целях, они попросту «развели» власти. Они с успехом обходили все указанные выше проблемы земельных переделов. Причем самые зажиточные как раз предпочитали оставаться в общине.

Всего же в личную собственность перешло 15,9 миллиона десятин земли.

1101,8 домохозяйств с площадью в 4 миллиона десятин свою землю продали. Это составило 9 % всех крестьянских дворов и 2,8 % надельных земель. То есть нельзя сказать о том, что это очень уж сильно повлияло на рынок земли. Прорыва не случилось.

«Таким образом, из общины уходили прежде всего представители полярных слоев деревни – полностью или в значительной мере пролетаризированные ее слои, стремившиеся продать надел, и наиболее состоятельные крестьяне, ведущие предпринимательское хозяйство. Этим было обусловлено то, что самая высокая доля дворов, вышедших из общины, была в районах с наибольшим развитием капитализма в крестьянском

хозяйстве. Это губернии – Таврическая (63,6 %), Екатеринославская (54,1 %), Самарская (49,4 %), Киевская (48,6 %), Курская (43,8 %). Наименьшее число дворов вышло из общины в Пермской (4 %), Вятской (4,9 %), Астраханской (5,3 %), Вологодской (6,5 %) губерниях, т. е. на окраинах Европейской России, где помещичье землевладение и хозяйство играли незначительную роль, а обеспеченность крестьян надельной землей была самой высокой сравнительно с другими районами. Обращает на себя внимание и тот факт, что доля вышедших из общины в нечерноземной полосе (13,8 %) была вдвое ниже, чем в черноземной (27,7 %). Исключением была Московская губерния (31,2 %)».

(И. Ковальченко)

А как обстояло дело с хуторами? Тоже не слишком здорово.

«В 1907–1915 гг. на надельных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3 %) от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12 232 тыс. дес. земли (8,8 %) всех крестьянских земель). Всего же с учетом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн. дес. земли, что составляет 11 % от общей площади надельных земель. Очевидно, при таком низком удельном весе индивидуальное участковое хозяйство не могло оказать существенного воздействия на общее развитие сельскохозяйственного производства страны. Важным является и то обстоятельство, что почти половина участкового землевладения (7 млн. дес. из 15,4 млн. дес.) было сконцентрировано всего в семи южных и юго-восточных губерниях (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Саратовская, Самарская, Ставропольская губернии), на которые приходилось менее 10 % всех надельных земель. По отношению к ним участковое землевладение составляло здесь примерно треть. Именно здесь, в районах Степного юга и юго-востока Европейской России, личное участковое землевладение и землепользование могло в наибольшей мере воздействовать на ход буржуазной аграрной эволюции».

(И. Ковальченко)

А результат? С ним не очень все хорошо.

«За 1907–1915 гг. землеустроители провели работу на 20,2 млн десятин надельных земель. Но лишь немногим более половины этих земель были единоличными (на 1 января 1915 г. – 10,3 млн десятин из 16,8 млн); остальные приходились на различные виды группового землеустройства (выдел земли целым селениям, уничтожение чересполосицы и т. д.). Из 6,2 млн

человек, подавших ходатайства о землеустроительных работах, лишь 2,4 млн домохозяев получили утвержденные землеустроительные проекты. Из всех землеустроенных хозяйств действительно единоличных было 1265 тыс., т. е. 10,3 % всех хозяйств, с 12,2 млн десятин, что составляло 8,8 % всей надельной земли. Столыпинское землеустройство, перетасовав надельные земли, не изменило земельного строя, он остался прежним – приноровленным к кабале и отработкам, а не к новейшей агрокультуре, о чем разглагольствовали сторонники указа 9 ноября».

(А. Аврех)

Но на самом деле все было гораздо хуже. Апологеты реформы подразумевают «по умолчанию», что все выделившиеся крестьяне стали бурно процветать. А это совсем не так.

«Реформа приняла принципиально иное направление, нежели это задумывалось ее творцами. Не выделение “сильных и трезвых”, не создание слоя “крепких хозяев”, которые могли бы стать опорой режима, а исход из общины прежде всего “пьяных и слабых”. Из 15 млн крестьянских дворов из общины выпито 26 %) хозяев, т. е. четверть. Но принадлежало им лишь 16 % надельной земли. 40 % выделенной земли сразу продали, и это четверть всей земли, перешедшей в личное владение. По данным Карелина, 2,5 млн хозяев лишь формально вышли из общины, т. е. укрепили свои наделы, но в составе общинных земель».

(В. Логинов)

Вот свидетельство мелкого чиновника А. Клопова, рассказывающего о выселившихся на хутора.

«Я видел семьи из 10 человек, сидящих на клочке в 2–5–6 десятин земли, затратившие последние гроши, добытые путем займа, на перенос своих хат, живущие впроголодь на покупном хлебе уже теперь (ноябрь 1909 г.), после обильного урожая. Какую-нибудь развалившуюся печь крестьянину не на что поправить. Доходов впереди никаких, и остаются неудовлетворенными самые элементарные нужды. Многие сидят без воды, т. к. лужи, из которых они черпали воду, замерзли. На устройство же колодцев нет средств. Такие картины можно наблюдать… около самого административного центра губернии, где, как говорят, благосостояние крестьян неизмеримо выше, чем в остальных местах».

К тому же землю тут же стали покупать спекулянты. Закон 9 ноября пытался это предотвратить, но ведь, как известно, если нельзя, но очень хочется, – значит, можно.

«Добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков, скупивших по 30 и более наделов».

(Газета «Речь», 1911 год)

А вот данные Главного управления земледелия и землеустройства – то есть государственного учреждения.

«Безземельные покупщики земли как из имений банка, так и от частных владельцев – это в подавляющем большинстве представители крестьянской буржуазии, но только скопившие себе капиталец не около земли, а каким-то другим путем и теперь вложившие этот самый капиталец в землю на предмет первоначального накопления уже возле матери-земли (Симбирское земство). В Ефимовском уезде Тульской губ. из 105 обследованных “банковых” хуторян (то есть тех, кто брал кредит в Крестьянском банке. – *А. Щ.*) 52 принадлежали к мещанам и к лицам некрестьянского сословия (духовенство, полицейские, сидельцы винных лавок и пр.), 29 к деревенским кулакам и только 24 к крестьянам. Так же и в северных и промышленных губерниях: Законом 9 ноября спешили воспользоваться здесь лишь элементы, и так давно уже порвавшие с деревней и переселившиеся в город».

А зачем им была нужна земля? Для перепродажи, для чего же еще?

«Как ночной шакал, роется он (спекулянт. – *А. Щ.*) острым рылом в наследии поместного дворянства, не брезгуя и отбросами общины. Он не имеет исторически нарощенных привилегий своих предшественников, но уже верхним чутьем угадывает, что будущее может остаться за ним. К услугам таких господ появились и ученые юристы-адвокаты, которые, разъезжая по селам, “за скромную плату” устраивают выделы из общины и продажу душ. Чичиковы нашего времени, они рыскают, как голодные волки, по деревням и селам».

(«Вестник Европы»)

И кому было хорошо от размножившихся спекулянтов, кроме них самих? А вот «теплого» отношения к властям эта публика прибавила.

В результате «сильных хозяев» оказалось очень немного – 4–5 % всех хозяйств. Для создания нового социального слоя среди крестьян этого маловато…

Советский исследователь 20–х годов Лев Литошенко в книге «Социализация земли в России» приводит таблицу, составленную по 25 губерниям на 1917 год (в основу положено исследование 427 тысяч крестьянских хозяйств).

По посеву (в десятинах)		По числу лошадей		По числу коров	
Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %
Без посева	11,49	Без лошади	28,75	Без коровы	18,18
До 1,0	10,34	1	47,62	1	56,68
1,1–2,0	18,36	2	17,57	2	18,94
2,1–4,0	28,92	3	3,98	3	4,30
4,1–6,0	14,65	4	1,24	4	1,23
6,1–10,0	11,16	5 и более	0,84	5 и более	0,67

Мифом является и то, что столыпинская реформа способствовала бурному росту сельского хозяйства. Некоторое увеличение производства зерна в эти годы и в самом деле произошло. Но главной причиной была отмена выкупных платежей, к которой Столыпин вообще никакого отношения не имеет.

«Валовые сборы земледельческой продукции в 1909–1913 гг. т. е. в разгар столыпинской реформы, возросли сравнительно с началом века незначительно (всего на 7,3 %). Среднегодовой же прирост этих сборов заметно снизился (до 1,46 % против 2,41 %). Поэтому утверждения о росте сбора хлебов в период реформы в два раза являются чистейшим вымыслом. Даже по сравнению с 70–ми гг. XIX в. этот прирост (по зерновым и картофелю) составил всего 75,7 %). Реформа не привела к сдвигу в развитии земледелия. Пик этих сдвигов был пройден до революции 1905–1907 гг.».

(И Ковальченко)

Зато эта возня до крайности обострила обстановку в деревне, вроде бы умиротворенную карательными отрядами.

Князь М. М. Андроников, которого уж никак нельзя назвать левым, докладывал великому князю Николаю Николаевичу:

«Конечно, путем репрессий и всякого рода экзекуционных и административных мер удалось загнать в подполье на время глубокое народное недовольство, озлобление, повальную ненависть к правящим, – но разве этим изменяется или улучшается существующее положение вещей?…В деревне наступает период “самосуда”, когда люди, окончательно изверившись в авторитет власти, в защиту закона, сами приступают к “самозащите”… А убийства не перечесть! Они стали у нас обыденным явлением при длящемся “успокоительном”

режиме, только усилившем и закрепившем произвол и безнаказанность административных и судебных властей».

Куда доехал «столыпинский вагон»

Другим направлением столыпинской реформы была переселенческая политика. С ним связано появление «столыпинского вагона». Он прославился позже – когда в нем стали перевозить заключенных. В качестве «зэковозов» вагоны стали использовать еще до революции. Однако первоначально они были созданы именно для переселенцев. Этот вагон напоминал сегодняшний плацкартный (тогдашний вагон третьего класса). Были еще две особенности. Вместо последнего «купе» имелось большое багажное отделение. Кроме того, верхние полки в «купе» заменялись на сплошные нары. (При переделке этого вагона в вагон-зак убрали боковые места и поставили перед всеми «купе» решетки.) А вот почему переселенческие вагоны стали переделывать в транспорт для зэков? Потому что переселенцы закончились.

Вот эти вагоны, загруженные переселенцами, и покатили в Сибирь.

На самом деле крестьяне не особо рвались переселяться. Вот характерные высказывания в крестьянских письмах:

«Если вы уже очень хвалите Сибирь, то переселяйтесь туда сами. Вас меньше, чем нас, а, следовательно, и ломки будет меньше. А землю оставьте нам».

«Мы понимаем это дело так: спокон веков у нас заведен обычай, что на новое место идет старший брат, а младший остается на корню. Так пускай и теперь поедут в Сибирь или в Азию наши старшие братья, господа помещики, дворяне и богатейшие земледельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь, в России».

«…Требуем во что бы то ни стало отчуждение земли у частновладельцев-помещиков и раздачи ее безземельным и малоземельным крестьянам. Казенных земель у нас нет, а переселяться на свободные казенные земли в среднеазиатские степи мы не желаем, пусть переселяются туда наши помещики и заводят там образцовые хозяйства, которых мы здесь что-то не видим».

Но кто-то ехал.

«В новые районы отправлялись в основном молодые семьи, имевшие средние наделы. Они выходили из общины, закрепляли землю в свою собственность. Затем продавали ее. К вырученным деньгам прибавляли кредиты и отправлялись искать счастья за Уралом».

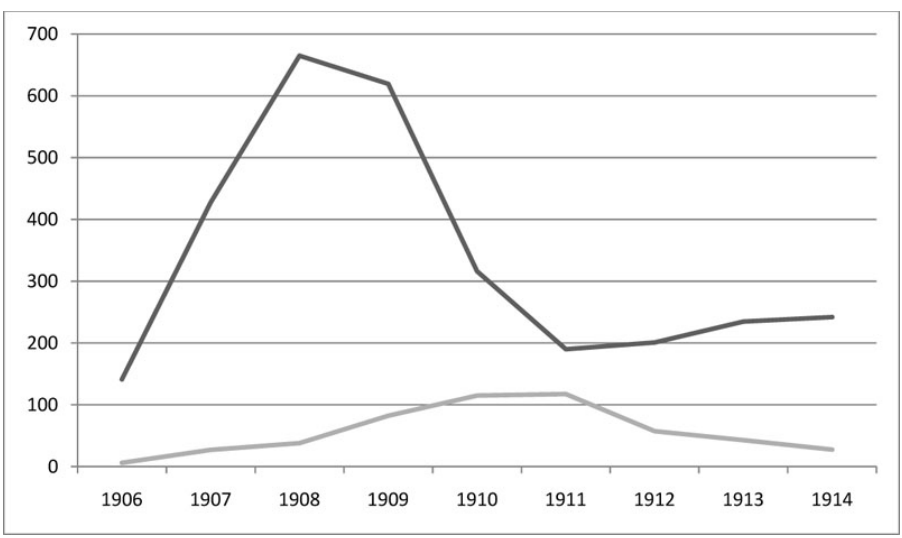
(А. Шлыкова)

Снова обратимся к цифрам.

Переселение крестьян на новые земли (в тыс. чел.)

Годы	Количество переселенцев	Число вернувшихся обратно	% возвратившихся
1906	141,3	6,2	4,4
1907	427,3	27,2	6,4
1908	664,8	37,9	5,7
1909	619,3	82,3	17,3
1910	316,2	114,9	36,3
1911	189,8	117,3	64,3
1912	201	57,3	28,5
1913	234,9	43	18,3
1914	241,9	27,6	11,4
Всего	3036,5	513,7	16,9

В виде графика это выглядит так.
Черная линия – уехавшие, серая – вернувшиеся.



Тут все не так однозначно, как в случае с приобретением земли в собственность. Однако имеется и сходство. Пик переселенцев приходится на самое начало мероприятий Столыпина – на 1907–1908 годы. Что и понятно. Наиболее

рисковые ребята двинулись в Сибирь. Однако число таких людей не слишком велико. Тем более, что знали тогдашние крестьяне о Сибири? Да только то, что туда отправляют на каторгу. В хорошее место каторжников гнать не будут. Но, тем не менее, кое-кто поехал. Дальше начинает расти число «возвращенцев». Разумеется, эти две тенденции напрямую взаимосвязаны, что хорошо видно на графике. Чем больше возвращались – тем меньше находилось охотников ехать.

А почему они возвращались? Многочисленные свидетельства говорят об очень плохой организации процесса. И это объяснимо. Чиновники просто никогда с таким не сталкивались. Да и Столыпин слишком гнал реформу – толком не подготовились. Хватало, разумеется, воровства и прочих злоупотреблений. За Уралом нравы были вообще веселые – каждый начальник чувствовал себя мелким царьком и плевать на всех хотел.

Имелось и еще одно обстоятельство. Столыпин, по многочисленным отзывам его подчиненных, в качестве министра проявил себя не с лучшей стороны. То ли слишком увлекся политическими играми, то ли не обладал нужными способностями. Так, при нем каждый департамент жил собственной жизнью, никакой координации не наблюдалось. А ведь при осуществлении переселенческой политики требовалась как раз очень четкая координация между разными структурами и взаимодействие с другими ведомствами.

Одной из главных проблем было обеспечение крестьян всем необходимым. Ведь деньги – не самое важное. Надо, чтобы имелся в наличии скот, инвентарь, семенное зерно, продовольствие на год, до первого урожая. Об этом были даны распоряжения, но… Как всегда бывает – далеко не везде сумели организовать. Те же проблемы наблюдались и с отводом земель. К тому же начались конфликты. Сибирь, конечно, бескрайняя, но приезжие совсем не рвались селиться в глухой тайге, желали в населенных местах…

Критическим моментом стал 1911 год. Тогда вернулась треть уехавших. Это уже была катастрофа. Нередко такое большое количество вернувшихся и малое – уехавших объясняют разразившимся в 1911 году очередным массовым голодом. Однако снова глядим на график – версия не соответствует действительности. Тем более что от голода, как показывает практика, бегут в любую сторону.

А вот затем процесс переселения, хоть и медленно, но начал идти. И опять же – после смерти «великого реформатора»!

И вот что забавно. Переселенцы на новых местах стали… организовываться в общины!

А каковы итоги переселенческой политики? Для Сибири они положительны.

«В целом успехи переселенческого движения были неоспоримы. Совершился громадный скачок в экономическом и социальном развитии Сибири. Население региона возросло на 153 %. Переселенческие поселки превращались в большие населенные пункты, развивавшиеся на основе местного самоуправления. Если до реформы в Сибири происходило сокращение посевных площадей, то за 1906–1913 гг. они были расширены на 80 %. По темпам роста животноводства Сибирь также обгоняла Европейскую Россию.

Приток переселенцев и свободное, не отягощенное сословными барьерами развитие рыночных отношений привели к широкому распространению в Сибири прогрессивных форм организации аграрного производства. Транссибирская магистраль способствовала превращению Сибири в ведущий регион страны по производству товарной продукции сельского хозяйства и объему покупок сельскохозяйственной техники. Сибирские города и села становились центрами оживленной торговли сельскохозяйственной и промышленной продукцией.

Эти процессы сопровождались бурным ростом сельскохозяйственной кооперации – маслодельных и молочных крестьянских артелей. Колонизация Сибири явилась главной причиной ее экономического подъема, способствовала общему прогрессу народного хозяйства».

(А. Шлыкова)

Хотя на самом деле все было совсем не так кучеряво. В 1918 году большевиков в Сибири поддерживали, в основном, «столыпинские переселенцы», коренные сибиряки были против новой власти.

18 мая 1919 года военный министр Колчака генерал А. П. Будберг записал в дневнике: «Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири… главными районами восстания являются поселения столыпинских аграрников… В шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова “перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным”».

С чего бы это?

Потом, правда, Колчак своим «мудрым» руководством довел сибиряков до того, что против него поднялись все. Но это уже другая история.

А вот что дало переселение для страны в целом?

Давайте продолжим размышление над цифрами. Переселилось три миллиона человек. Много это или мало? Мало.

Никаких проблем переселенцы не решали. Да и не могли решить. Было б их больше – власти бы просто не справились. Ведь и без этого вышло довольно коряво.

«При всех трудностях, с которыми сталкивались переселенцы, они несомненно внесли, как показано в обширной литературе, существенный вклад в хозяйственное освоение новых регионов. Однако переселения не ослабили ни земельной нужды крестьянства, ни социальной напряженности в деревне. Не привели они и к заметному росту могущества состоятельных слоев деревни, хотя прежде всего им достались земли переселенцев».

(И. Ковальченко)

Теперь о тех, кто вернулся. Вроде бы, общий итог, как абсолютный, так и процентный – удовлетворительный. Полмиллиона, каждый шестой.

Вот только кто возвращался… Это были озлобленные люди, потерявшие все, превратившиеся в люмпенов. Понятно, что они на всех углах кляли правительство, втравившее их в авантюру. Это были полмиллиона готовых агитаторов. Большевики и эсеры о таком количестве смутьянов и мечтать в то время не могли.

«Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль… Возвращается не тот, что всю жизнь был батраком, возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать раздельно, и этот человек, справедливо объятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить, – этот человек ужасен для всякого государственного строя».

(А. И. Комаров)

* * *

Как видим, ничего хорошего из аграрной реформы не вышло.

«Но прежде всего, и это было главным, столыпинский аграрный курс провалился политически. Он не заставил крестьянина забыть о помещичьей земле, как рассчитывали вдохновители и авторы указа 9 ноября. Более того, даже новоиспеченный реформой кулак, грабя общинную землю, держал в уме и помещичью, как и остальные крестьяне. К тому же он становился все более заметным экономическим конкурентом помещика на хлебном рынке, а порой и политическим, прежде всего в земстве. В то же время новая популяция кулаков, “сильных” хозяев, о которых мечтал Столыпин, была

недостаточно многочисленна, чтобы стать новой массовой опорой царизму, составляя 4–5 % сельского населения.

…

Творцы и сторонники нового аграрного курса могли бы возразить (и такие возражения делались), что дело было не в его ошибочности, он был правильным, а дело в том, что не хватало времени для его реализации. Нужно было не восемь-девять лет, какие отпустила реформе история, а, скажем, 20, которые просил Столыпин, и она бы увенчалась полным успехом. Война и революция этому помешали. Доля истины здесь есть – с десятилетиями процесс сделался бы действительно необратимым. Но вопрос надо ставить иначе: почему история не дала этих 20 лет? А не дала потому, что страна (и деревня в том числе) уже больше не могла жить в условиях архаичного политического и аграрного строя, несмотря на проводимую политику укрепления и разверстания. Крах столыпинской реформы был обусловлен главным объективным фактором – тем, что она проводилась в условиях сохранения помещичьего землевладения и для сохранения этого землевладения. В этом коренился изначальный порок политики аграрного бонапартизма, приведшего в конечном итоге к новой революции и превращению всей земли в общенародную собственность».

(А. Аврех)

«Оказавшись недостаточной для решения аграрного вопроса, реформа стала вполне достаточной для того, чтобы разрушить привычные устои деревенской жизни, т. е. большинства населения в России. Миллионы вышедших из общины, покинувших отчие дома и переселявшихся за Урал, массовая продажа полосок, постоянные переделы и новое землеустройство – все это создавало атмосферу неустойчивости и всеобщей истерии. А невозможность противостоять издевательствам и насилию, ощущение бессилия против несправедливости – по всем законам социальной психологии – рождало лишь злобу и ненависть. Столыпин хотел принести успокоение, но принес лишь новое всеобщее озлобление. Это и стало одной из главных причин того глубокого нравственного кризиса, в который была ввергнута Россия.

…

Аграрная реформа сделала то, чего не смогла сделать революция. Ибо даже в моменты ее наивысшего подъема оставались регионы и социальные слои, стоявшие как бы вне общего движения. Реформа внесла вопрос о собственности и о земле в каждый крестьянский дом. Смута вошла в каждую семью. И не случайно наиболее умные и богатые, на которых

рассчитывал Столыпин, остались в общине. Также не случайно и то, что даже самые правые крестьяне, как только в Думе речь заходила о земле, фактически выступали с программой “черного передела”».

(В. Логинов)

Выделившихся крестьян в деревне стали считать предателями. В 1917 году их громили раньше, чем помещиков.

Но самое главное – эти немногочисленные «крепкие хозяева» совсем не стали опорой власти. Во время Первой мировой войны они своими действиями бодро подталкивали страну к пропасти. Причем делали это не со зла. Они просто иначе не умели жить…

Все повторяется. В конце девяностых годов XX века нам с апломбом объявили, что «фермер накормит Россию». Провели реформу, которая ничем по сути не отличалась от столыпинской. Колхозные земли был розданы крестьянам. Егор Гайдар вообще считал себя продолжателем дела Петра Аркадьевича, о чем неоднократно заявлял. И вот где эти фермеры, кроме как в телеэкране?

Кстати, ваучеры – это ведь, по сути, то же самое. Каждому выдавался кусочек от общественного достояния. Который, дескать, можно использовать как угодно и стать собственником. И кто стал? А?

В паутине интриг

Уже с 1908 года положение Столыпина начало резко ухудшаться. Дело тут в ошеломляющей слепоте российской элиты. Им казалось – революцию-то подавили? И все тут. Можно дальше наслаждаться жизнью. И Столыпин стал все более и более вызывать раздражение. Слишком уж много он забрал власти. Начались интриги.

Хозяин земли русской

О Николае II до сих пор обстоятельного разговора не было. По той причине, что к реформаторской деятельности Столыпина он до некоторого времени особого отношения не имел. По большому счету, он свалил на Петра Аркадьевича эту головную боль. Впрочем, император имел на это право. Кому хотел, тому дела и поручал. Однако со временем в борьбе против Столыпина его противники стали пытаться воздействовать на Николая. Так что о последнем русском императоре как о государственном деятеле стоит рассказать поподробнее.

Я уже упоминал, что монархизм может быть очень разным. Взгляды на собственную власть у Николая II были интересные. Их внушили ему два беспринципных карьериста – Д. С. Сипягин, бывший в конце XIX – начале XX века министром внутренних дел, и журналист князь В. П. Мещерский.

В дневнике статс-секретаря А. А. Половцова от 12 апреля 1902 года описана суть взглядов, в которых два бойких господина убедили императора:

«Люди вообще не имеют влияния на ход человеческих событий, а что всем управляет Бог, помазанником Коего является Царь, который поэтому не должен ни с кем сговариваться, а следовать исключительно Божественному внушению. Если царские веления современникам не нравятся, то это не имеет значения. Результат действий, касающихся народной жизни, обнаруживается лишь в отдаленном будущем и лишь тогда получают сами эти действия правильную оценку. Согласно сему Государь никого больше не слушается и ни с кем не советуется».

Я думаю, что даже верующий человек согласится – Бог дарует человеку разум и свободу, а не занимается через государя «ручным управлением» страной. А смысл действий данных господ понятен – стремление манипулировать царем.

С этим, правда, вышла промашка. Николай Александрович отнюдь не являлся безвольной тряпкой. Когда подобное пишут в мемуарах, например, Витте – это означает, что император не всегда слушал именно его. Впрочем, для мемуаров проигравших политических деятелей общим тезисом является: «Я ж говорил, но меня не послушали»…

К своей власти Николай II относился очень трепетно. Так, он не мог себе простить, что подписал Манифест 17 октября.

При этом лидерскими качествами император не обладал.

«В личности Николая II наблюдалось странное и редкое сочетание двух, по существу совершенно противоположных,

свойств характера: при своем стремлении к неограниченному личному произволу он совершенно не имел той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться. Основным качеством народного вождя – властным авторитетом личности – Государь не обладал вовсе. Он и сам это ощущал, ощущала инстинктивно вся страна, а тем более лица, находившиеся в непосредственных сношениях с ним.

…

Слабоволие это состояло в том, что он не умел властно настоять на исполнении другими лицами выраженных им желаний, иначе говоря, не обладал даром повелевать. Этим, между прочим, в большинстве случаев и обусловливалась смена им министров. Неспособный заставить 12 своих сотрудников безоговорочно осуществлять высказываемые им мысли, он с этими сотрудниками расставался, надеясь в их преемниках встретить боле послушных исполнителей своих предположений.

Однако если Николай II не умел внушить свою волю сотрудникам, то и сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем-либо Царя и навязать ему свой образ мыслей».

(В. И. Гурко)

Нередко это выражалось в упрямстве, казалось бы, на пустом месте. Николай часто нарушал установленный порядок ведения дел. Конечно, это было его правом. Но если правила игры не устраивают, то надо менять правила. Ordung ist ordung, как говорят немцы. Такая особенность характера императора воспринималась окружающими как мелкое самодурство. Подчеркиваю – **мелкое**. Оно больше раздражает. Так, Петр I был тем еще самодуром. Но его уважали и даже любили. Видимо, дело как раз в «харизме» – в том, что он умел заставить себе подчиняться. А Николай II не умел…

Однако хуже было другое. Внутренняя убежденность в своей правоте – это, может, и хорошо. Но только если человек не отметает информацию, которая этому убеждению противоречит. Николая ведь неоднократно предупреждали об опасности революции. Достоверных свидетельств нарастания революционного процесса имелось сколько угодно. Но… Император был непоколебимо убежден, что народ за него, а воду мутит немногочисленная кучка горлопанов. Вообще-то складывается впечатление, что Николай, подобно Об ломову, очень не любил, когда нарушают его внутренний покой. Недаром ведь он буквально отмахивался от сообщений о голоде в России. Он **не хотел** в это верить. Недаром он до Февраля 1917 года с полным доверием воспринимал верноподданнические чувства черносотенцев, наивно полагая – это и есть истинное мнение

народа. Хотя ведь не составляло особого труда разобраться – что из себя в реальности представляет данная публика… Возможно, этим и обусловлено его стремление оттягивать принятие важных решений. Ведь в политике любая решенная проблема выдвигает множество новых. Пара примеров. Непосредственной причиной «кровавого воскресенья» было то, что Николай фактически отстранился от принятия решений, спихнув это на подчиненных. А те свалили на армейских офицеров, которые были просто не обучены борьбе с уличными беспорядками. У военных мышление – врага надо уничтожить. Вот и постреляли…

Но дело обстояло еще интереснее. Рабочие под предводительством Гапона «шли к государю с челобитной», как поется в рабочей песне. То есть с петицией, говоря «по-образованному». Это было незаконным делом. Подача петиций была запрещена всем, кроме дворян. Но весь 1904 год их подавали все кому не лень. То есть «де факто» такого запрещения уже не существовало. Ситуация очень нехорошая. По уму – надо либо отменять запрещение, либо преследовать нарушителей закона. Давно известно – если нарушение не карается, то к закону относятся наплевательски. Император не сделал ни того, ни другого.

Другой пример. Перед Февральской революцией, аж с декабря 1916 года, было известно о возне заговорщиков в Государственной думе. В январе 1917 года начальник Петербургского охранного отделения Константин Иванович Глобачев направил царю развернутый доклад, в котором имелись все сведения о планируемом либералами перевороте. Это были уже не слухи, а конкретные данные. За такие развлечения в военное время можно было брать на цугундер без вопросов. Что сделал Николай II? А ничего он не сделал! Потому что аресты думских деятелей были чреваты скандалом не только с «общественностью», но и с английским посольством, в которое данные деятели проложили торную дорогу. (Заметим, что Великобритания признала Временное правительство **до** отречения Николая. Что вообще не лезет ни в какие рамки.) Император успокаивал себя тем, что весной должно начаться общее наступление Русской армии и союзников, немцев разгромят – а там как-нибудь все наладится. Хотя до этого он бы не дотянул по-любому. А. И. Гучков и его поделыщики планировали совершить переворот в марте. А ведь существовал еще и «генеральский» заговор. Вспыхнувшая революция просто слегка поторопила события.

Отношение Николая к сотрудникам было тоже своеобразным.

Напомню, что император с симпатией относился к тем, кто

при предложении высокой должности от нее отказывался. Он полагал-значит, этот человек не карьерист. Он настаивал – а отказывать настойчивым просьбам царя было как-то не принято.

Но давайте задумаемся – а по какой причине человек может отказываться от почетной высокой должности?

– Человек трезво оценивает свои силы и понимает, что он «не тянет». Тут понятно – если его назначить, он все одно не справится.

– Чиновнику хорошо и на своей нынешней теплой и непыльной должности, он не хочет ответственности. Значит, он спихнет работу на подчиненных, и толку от такого назначения не будет.

– Человек – прожженный карьерист, он, зная упомянутую особенность Николая, ломает комедию.

Все три варианта – не самые лучшие. Зато к профессионалам император относился очень плохо.

«Доказательством именно указанного происхождения слабоволия Николая II может служить, между прочим, и то, что личной приязни к своим сотрудникам, даже долголетним, Николай II не питал совершенно. Ни в каких личных близких отношениях ни с одним из них он не состоял и с прекращением деловых отношений порывал с ними всякую связь. Можно даже утверждать обратное, а именно, **что чем дольше сотрудничал он с каким-нибудь лицом, тем менее дружественно он к нему относился, тем менее ему доверял и тем охотнее с ним расставался** (выделено мной. – *А. Щ.*). Причины этого, на первый взгляд нелояльного явления были разнообразны.

Тут сказывалась и свойственная Государю склонность увлекаться новыми лицами и даже новыми мыслями. К тому же можно сказать, что в течение всего своего царствования Николай II искал такое лицо, которое бы добросовестно и умело осуществляло его мысли, **оставаясь при этом в тени и не застилая собою его самого**.

В проявлениях инициативы со стороны своих министров Николай II усматривал покушение узурпировать часть его собственной царской власти. Происходило это не только от присущего ему обостренного самолюбия, но еще и потому, что у него отсутствовало понимание различия между правлением и распоряжением, вернее говоря, в его представлении правление государством сводилось к распоряжениям по отдельным конкретным случаям. Между тем, фактически всероссийский император силою вещей мог только править, т. е. принимать решения общего характера и широкого значения, распорядительная же часть поневоле всецело сосредоточивалась в

руках разнообразных начальников отдельных частей сложного государственного механизма и всего ярче выявлялась в лице отдельных министров.

При отмеченном отсутствии в сознании Государя точного разграничения понятий правления и распоряжения, на практике получалось то, что, **чем деятельнее был данный министр, чем большую он проявлял активность и энергию, тем сильнее в сознании Царя укреплялась эта мысль о посягательстве на его, царскую, власть и тем скорее такой министр утрачивал царское доверие**. Именно эту участь испытали два наиболее талантливые сотрудники Николая II – Витте и Столыпин.

Любопытно, что Государь и сам признавал, что нахождение данного лица в должности министра ослабляло к нему его доверие. В дневнике А. Н. Куропаткина имеется этому прямое подтверждение. Куропаткин, усматривая, что доверие к нему Государя уменьшается, просил однажды Царя об увольнении его от должности военного министра, добавив при этом, что, коль скоро он перестанет быть министром, он будет надеяться, что царское доверие к нему вновь возрастет, на что ему в ответ Государь откровенно сказал: “Как это не странно, но в этом отношении вы, пожалуй, правы”.

Ревнивым отношением к лицам, им самим поставленным во главе отдельных отраслей управления, объясняется и стремление Государя пользоваться указаниями людей безответственных, не облеченных никакой властью. Николаю II казалось, что стоящие в стороне от управление государством посягать на его прерогативы никак не могут, а потому, следуя их советам, он был убежден, что проявляет непосредственно свою личную волю. Отсюда становится понятным и то влияние, которым в течение известного времени пользовались такие безответственные советчики, как кн. В. П. Мещерский и виновник японской войны А. М. Безобразов, а также приближенные ко двору, но не имевшие по своей должности никакого касательства к государственным делам дворцовые коменданты П. П. Гессе, Д. Ф. Трепов, В. Н. Воейков и, наконец, друг Царицы, А. А. Вырубова».

(В. И. Гурко)

Про подобных советчиков есть очень мудрый анекдот. У мужика стали дохнуть куры. Он приходит к соседу просить совета. Тот говорит – сделай то-то. Мужик делает, куры продолжают дохнуть. Сосед дает новый совет… В конце концов мужик говорит:

– Все куры передохли.

– Жаль, а у меня еще столько хороших советов.

Такова ценность советов людей, которые за результаты своих

слов не отвечают. А подобных советчиков всегда полно. Причем именно безответственные люди больше всего любят советы давать.

Тучи сгущаются

Но вернемся к нашему герою. Столыпин упорно гнул свою линию, понимая, что «успокоение» в стране очень зыбкое. Он полагал:

«После горечи перенесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной думой и Государственным Советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольна потому, что Россия недовольна собой. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда образуется и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией. И достигнуть этого возможно, главным образом, при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями».

То есть впереди множество работы и расслабляться рано. Однако так думали не все.

С. И. Тимашев, министр торговли и промышленности в кабинете Петра Аркадьевича, в воспоминаниях пишет:

«Намерение Столыпина… выдвинуть в первую очередь экономические вопросы осталось неосуществленным, хотя время для этого было чрезвычайно благоприятным. Наступило успокоение, политический горизонт казался безоблачным, иностранные капиталы прибывали, во всех отраслях хозяйственной деятельности страны наблюдалось большое оживление, и приходится очень сожалеть, что это хорошее время было упущено. Председатель Совета был главным образом занят осуществлением предпринятой им крупной землеустроительной реформы».

Итак, как только порядок в первом приближении навели, обнаружилось множество недовольных Столыпиным. С разномастной оппозицией понятно. Впрочем, тут тоже дело обстояло непросто. Левым и крайне правым столыпинские преобразования были «против шерсти». А вот октябристы из Третьей Думы по большому счету ничего против них не имели. Но хотели «рулить» сами. И это бы ладно. Оппозиция могла шуметь сколько угодно – никаких реальных рычагов влияния на Столыпина у них не было. Но против Петра Аркадьевича стали выступать дворяне.

В советское время в любой публикации о Столыпине отмечалось, что аграрную реформу он проводил в интересах дворян. С точки зрения марксизма все логично – «премьер»

преследовал «классовые интересы». Благо был богатым помещиком. Не зря ведь Солженицын приуменьшал его социальный статус. Именно для того, чтобы опровергнуть советских историков. И во многом советские авторы правы. Его реформа тем и отличалась от законопроекта Кутлера, что выводила из-под удара помещиков.

Но на самом-то деле классовое происхождение не говорит ни о чем. В конце концов, идеолог анархизма князь Кропоткин[69] и «бабушка русской революции» Брешко – Брешковская тоже были выходцами из семей крупных помещиков.

Но можно поглядеть и с иной точки зрения. Ведь в чем была цель реформы Столыпина, если охарактеризовать ее одной фразой? В создании нового класса собственников в стране, где к земельной собственности относились без всякого уважения. В этой ситуации создавать одних собственников, при этом нанося ущерб другим, – не самый лучший вариант. Столыпин неоднократно подчеркивал – он хотел, чтобы уже мысли ни у кого не оставалось о возможном дальнейшем принудительном перераспределении земли. «Частная собственность священна и неприкосновенна», – как было написано в Конституции Наполеона.

Но ведь рыночные правила игры не только исключают, а даже предполагают **законное** перераспределение собственности. Одни богатеют, другие разоряются. Ведь понятно было – в случае успеха реформы сформируется новый класс молодых хищников, которые дворян съедят и не заметят. Дворянам-то было что в лоб, что по лбу. Как у тебя отберут землю – императорским указом, сделают ли это восставшие крестьяне или «крепкие хозяева»?

С дворянами было вообще интересно. Основа их экономического могущества, помещичье землевладение, была в значительной степени подорвана. Но они сохранили «властный ресурс».

К началу XX века основная масса чиновничества была разночинной по своему происхождению. Среди людей, состоявших на гражданской и военной службе, процент дворян составлял в конце XIX века 36,9 %. Но представители высшей бюрократии, высшие четыре класса, те, кто решает, собственно правящий слой – были представлены **исключительно** дворянскими фамилиями. Это означает, что административная элита назначалась все из той же узенькой прослойки. Сидели как приклеенные.

Известный кадетский публицист Б. Нольде в своих опубликованных после революции воспоминаниях писал, что российская бюрократия того периода выносила наверх людей

двух основных типов. «Одни выплывали потому, что умели плавать, другие – в силу легкости захваченного ими в плавание груза. Все их внимание было устремлено наверх, к лицу монарха, и не с тем, чтобы вести его к поставленным ими государственным целям, а с тем, чтобы в минуту, когда бывшие у власти люди более крупного калибра начинали его утомлять своей величиной, он вспоминал о них и инстинктивно чувствовал в них людей более сговорчивых и менее утомительных, ибо легковесных и гибких. У людей этого второго типа был служебный формуляр вместо служебной биографии, видимая политическая роль вместо политических убеждений, чутье обстановки вместо знания государственного дела».

Генерал А. Мосолов, занимавший в 1900–1916 годах должность начальника канцелярии Министерства императорского двора, вспоминал, что при вступлении в должность в 1900 году он пережил немало затруднений с персоналом канцелярии. Дело было в том, что большинство чиновников являлись сыновьями камердинеров великих князей, людьми без высшего образования и необходимого для службы воспитания, попавших в министерство по протекции своих покровителей. «Благодаря высокому заступничеству молодые люди считали себя неуязвимыми со стороны начальства». Да уж, поработай с такими кадрами…

В качестве примера можно привести семью Танеевых. Представители этой благородной фамилии на протяжении ста лет передавали от отца к сыну должность управляющего личной императорской канцелярией. Последний представитель этого семейства в бюрократическом аппарате Российской империи А. Танеев – широко образованный человек, выдающийся музыкант – вырос при дворе и достиг высшей ступени иерархической лестницы, наследовав должность главноуправляющего канцелярией от своего отца. Кроме всего прочего, он был статс-секретарем, обер-гофмейстером высочайшего двора, членом Государственного совета… Впоследствии, по мнению Мориса Палеолога, Панеев являлся «одной из главных опор Распутина». Очень возможно, потому что дочь Анна Танеева в замужестве носила фамилию Вырубова. Кому это ничего не говорит, поясню – именно она сделала больше всех, чтобы «старец» прописался в царской резиденции.

Недаром уже знакомый нам генерал Мосолов сетует, что «оскудение в России в эту эпоху государственно мыслящими и работоспособными людьми было прямо катастрофическим».

С. Витте писал в этой связи Николаю II: «В России по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное

вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность… Таким образом, функции государственной жизни в этих двух странах совершенно различны, а в зависимости от сего должны быть различны и требования, предъявляемые в них к лицам, стоящим на государственной службе, то есть к чиновникам. В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность, в России же, кроме направления частной деятельности, он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности».

То есть если в Англии сойдут и исполнители-чиновники, то в России в тех условиях требовались люди по серьезнее.

Правый кадет А. С. Изгоев писал в конце 1907 года: «Среди двух правящих наших классов, бюрократии и поместного дворянства, мы напрасно стали бы искать конституционных сил. Интересы этих классов не могут быть ограждены при господстве в стране правового строя. Эти классы не способны осуществить конституции даже в формальном ее смысле».

В июне 1912 года перед открытием Думы тогдашний премьер В. Коковцов, сменивший Столыпина, недалекий, но усердный бюрократ, обратился ко всем ведомствам, чтобы узнать, что там собственно творится? И что же? Как с горечью отметил премьер, «ни одно ведомство не выдвинуло проектов, хотя бы отдаленно напоминающих меры, направленные на приспособление к буржуазному развитию страны и вообще заслуживающие название реформ».

Философ С. Н. Булгаков писал о дворянах: «Ах, это сословие! Было оно в оные времена очагом русской культуры, не понимать этого значения русского дворянства значило бы совершать акт исторической неблагодарности, но теперь это – политический труп, своим разложением отравляющий атмосферу, и между тем он усиленно гальванизируется, и этот класс оказывается у самого источника власти и влияния. И когда видишь воочию это вырождение, соединенное с надменностью, претензиями и, вместе с тем, цинизмом, не брезгающим сомнительными услугами, – становится страшно за власть, которая упорно хочет базироваться на этом элементе, которая склоняет внимание его паркетным шепотам».

В самом деле – в XX веке дворянская верхушка проявила себя с совершенно омерзительной стороны.

И вот эти люди начали кампанию против Столыпина. К делу

подключили князя Михаила Андроникова.

Это была очень темная личность.

«Маленький, полненький, чистенький, с круглым розовым лицом и острыми всегда смеющимися глазками, с тоненьким голоском, всегда с портфелем и всегда против кого-либо интригующий, князь Андроников умел проникать, если не в гостиную, то в приемную каждого министра.

Князь обладал средствами, нигде не служил, но уже несколько лет числился чиновником для поручений при Министерстве Внутренних Дел только для того, чтобы иметь возможность, когда надо, надеть форменный вицмундир. При Маклакове его отчислили от Министерства, и он устроился причисленным к Святейшему Синоду. Маклакову он, конечно, жестоко мстил потом. Князь состоял в нескольких коммерческих предприятиях и занимался делами, существо которых для всех оставалось тайной. Себя он называл “адъютантом Господа Бога”, “человеком в полном смысле”, “гражданином, желающим как можно больше принести пользы своему отечеству”.

Княжеский титул, неимоверный апломб, беглый французский язык, красивая остроумная речь, то пересыпанная едкой бранью, то умелой лестью и комплиментами, а также бесконечно великий запас сведений о том, что было и чего не было, – все это делало князя весьма интересным и для многих нужным человеком. И его принимали, хотя за глаза и ругали, ибо все отлично знали, что нет той гадости, мерзости, сплетни и клеветы, которыми бы он не стал засыпать человека, пошедшего на него войной».

(А. Спиридович)

Ко всему прочему Андроников являлся гомосексуалистом.

Причем князь демонстративно выставлял напоказ свою беспринципность, да и «голубизну» тоже – что тогда было не слишком принято.

Влияние Андроникова было очень велико.

Генерал А. А. Мосолов писал:

«Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет… Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения».

Причем к Столыпину Андроников питал и личную неприязнь. Дело в том, что князь попытался наладить с Петром Аркадьевичем хорошие отношения.

Вот фрагменты письма Андроникова Столыпину от 4 августа 1907 года, где он просит принять его, чтобы выслушать «… обстоятельный доклад о тех тягостных впечатлениях, которые приходится испытывать, переехавши границу, каждому русскому, любящему свою Родину, исключительно потому, что правительство не предпринимает решительных мер для осмысленного ограждения себя от возмутительных и подчас необоснованных нападок, глубоко возмущающих и восстанавливающих против него все общественное мнение Европы».

На самом-то деле это был стандартный прием Андроникова, чтобы втереться в доверие.

Однако Столыпин его раскусил и послал куда подальше – не пожелал с ним иметь никаких дел. Князь не просто обиделся. Такое отношение второго лица в государстве наносило ущерб его репутации. Ведь одна из причин влияния этого типа заключалась в том, что он демонстрировал: у него, в верхах, дескать, все схвачено.

Вот он-то и начал…

Андроников являлся неплохим журналистом. Он стал поливать грязью Петра Аркадьевича в газете «Новое время». Заметим, что издание считалось консервативным.

Однако «поливом» в прессе Андроников не ограничивался. Он стал «капать на мозги» своим высокопоставленным знакомым. Так, он писал великому князю Николаю Николаевичу:

«С такой же помпою осматривали новоучрежденные хутора в европейской части России. Для людей местных, видящих вещи как они есть, а не так, как их воспевает официозная печать, давно уже ясна несерьезность аграрных увлечений г. Столыпина. На один жалкий на казенный счет устраиваемый бутафорский хутор, который показывают совершенно так же, как картонные деревни по Днепру в путешествие Екатерины, приходятся – увы – сотни брошенных наделов, обездоленных жен, и сирот, и пропойц домохозяев, ставших пролетариями. Деревенская голь растет сотнями тысяч и скоро начнет расти миллионами… Куда денет г. Столыпин эту страшную армию все растущего пролетариата? Какою работою он ее обеспечит и где даст приют? А между тем… задача правительства:…поднимать земледелие всей страны, не деля ее искусственно на овец-хуторян… и козлищ-общинников, оставляемых без всякой помощи и доводимых до отчаяния. Создается постепенно такое положение, что в деревне уже становится невозможно жить. Оторвавшийся от земли мужик, пропивший свою кормилицу, обращается в хулигана, в парижского апаша, поджигает, грабит, вламывается в церкви, ибо

с потерей земли и своего старого “мира” ему уже терять нечего».

Обратите внимание. Главный пафос Андроникова не в том, что реформа Столыпина идет куда-то не туда или не дает результатов, а в том, что он якобы строит «потемкинские деревни». То есть обманывает императора. А значит – верить ему нельзя. Вот уж в создании «потемкинских деревень» Столыпина упрекнуть невозможно. Люди Петра Аркадьевича, разумеется, пропагандировали удачно развивавшиеся фермерские хозяйства или переселенческие деревни (а такие были) и не очень заостряли внимание на проблемах, но они не создавали мифов на пустом месте. Все-таки Столыпин – это не Хрущев.

Расчет был понятен: одному такое внушишь, другому – а они будут потихоньку внушать эту идею императору…

Мало того, стали активно распространяться слухи о том, что Столыпин стремится в Бонапарты – то есть мечтает устроить государственный переворот и захватить власть. Многие люди отлично помнили историю героя Русско-турецкой войны генерала Михаила Дмитриевича Скобелева. Есть серьезные основания полагать, что этот человек «глядел в Наполеоны». Конечно, фигуры несопоставимые. За Столыпиным не было военной силы – МВД тогда собственных войск не имело. К тому же Скобелев был в полном смысле «культовой фигурой» – как в войсках, так и в народе. Лубочные картинки с изображением генерала долгое время били все рекорды по продажам. За него бы пошло большое количество молодых и горячих офицеров. Столыпин такой популярностью не пользовался. За главой жандармов офицеры бы не пошли.

Но с другой стороны… Я уже поминал, что недовольных Николаем среди правых было полно. И об этом император прекрасно знал. Так что царь не исключал того, что «премьер» мог войти в контакт с кем-нибудь из представителей элиты. Тем более что Столыпина поддерживала Мария Федоровна, не скрывавшая своих оппозиционных настроений. Почему бы Столыпину и не попытаться строить великую Россию при другом императоре?

Если учесть упомянутые качества Николая II, то такие слухи вполне могли повлиять на его отношение к слишком уж яркому «премьеру».

Источником этих слухов был Яхт-клуб – самая крутая светская тусовка того времени. А слухи… Сегодня они переместились в Интернет – так что любой может проследить законы их распространения.

До некоторого времени все эти противоречия были подспудными. Однако настало время – и они выстрелили, как чеховское ружье на стене.

Столыпин и Распутин

Нельзя не упомянуть о фигуре Григория Ефимовича. Хотя бы потому, что как дворцовую, так и общественную жизнь того времени без него представить невозможно.

Хотя слухи о его всесилии сильно преувеличены. Особенно в период «июльской монархии». Так, мнение, что Распутин мог любого пропихнуть на какую угодно должность, не соответствует действительности. И уж, разумеется, он не спал ни с императрицей, ни даже с Вырубовой. Последняя вообще, несмотря на свой замужний статус, оставалась девственницей по крайней мере до середины 1917 года, когда ее на этот счет освидетельствовали медики.

Слухи о Распутине распускались совершенно конкретными людьми с совершенно конкретными целями – в целях дискредитации власти. А уж после Февральской революции его стали поливать грязью все кому не лень, чтобы самим выглядеть «в белом фраке». Дескать, вот кто виноват, а мы-то были хорошими. Разумеется, сыграла роль и накатившая гласность. Пресса всегда любила перетряхивать грязное белье элиты.

Интересно, что успеху «черного пиара» в дореволюционные времена способствовал «ум и сообразительность» властей. Так газетам было вообще запрещено упоминать фамилию Распутина. Правда, этот запрет вышел уже после Столыпина. К чему это вело? Писали: «известный господин, живущий на Гороховой улице». И ведь так можно писать что угодно. Мало ли кто живет на Гороховой?

То, что Распутин не являлся «святым старцем», каким его пыталась выставить в своих мемуарах дочь (кстати, очень ушлая особа), – факт несомненный. И погулять он любил, и женский пол тоже. Впрочем, генерал Спиридович, начальник царской охраны, который виделся с царем каждый день и знал дворцовые дела не понаслышке, выдвигает несколько иную версию. Он утверждает, что Григорий Ефимович имел непростой характер – его кидало от стремления к праведной жизни к кабакам и разгулу. Не такое уж редкое явление среди русских людей. Последнее, кстати, ни в коей мере не отрицает наличия у него определенных экстрасенсорных способностей. А что он брал уроки гипноза у профессионалов – факт, установленный жандармами.

Имел ли Распутин влияние на принятие кадровых решений? Да, имел. Но далеко не абсолютное. Будучи отличным «природным» психологом[70], он прекрасно понимал, кого хочет видеть на этих постах императрица. И хвалил именно **этих**

людей. А кого она видеть не желала – никогда не проталкивал. Так, к Григорию Ефимовичу одно время пытался «подъезжать» Витте – он хотел с помощью «старца» вернуться в политику. И полностью обломился. Распутин знал, что при дворе Витте не любят – и обратно его не возьмут.

Зато…

«Не подлежит сомнению, что если бы та среда, из которой черпались высшие должностные лица, не выделила такого множества людей, готовых ради карьеры на любую подлость, вплоть до искательства у пьяного безграмотного мужичонки покровительства, Распутин никогда бы не приобрел того значения, которого, увы, он достиг. Если бы эти люди, действительно, были под гипнозом Распутина, если бы они сами верили в его сверхъестественные способности, то можно было бы удивляться их наивности, но порицать их было бы не за что, но дело в том, что все ставленники Распутина прекрасно знали ему настоящую цену.

…

Словом, основным виновником того, что вера Государыни в Распутина осталась до конца непоколебимой, была та среда, которая поставляла такое множество лиц, согласных ради достижения власти, ради карьеры не только пресмыкаться перед распутным мужиком, но еще всячески его превозносить в своих беседах с Государыней. Это были все те же Хвостовы, Штюрмеры, Белецкие и многие другие, которые, прекрасно зная, что такое Распутин, и вполне сознавая весь вред, наносимый обаянию царского имени одним фактом его близости к престолу, тем не менее поддерживали его престиж в глазах Царицы.

Как могла поверить Государыня в продажность Распутина, в его дикий грязный разгул, когда высший иерарх Церкви, митрополит Петербургский Питирим относился к Распутину с таким почтением, что не только звал его к себе обедать, но еще сажал его на почетное место рядом с собою?

В то же время до Царицы доходили через Вырубову собственноручные письма уважаемых архипастырей, в которых они просили Распутина оказать им содействие в получении белого клобука – символа митрополичьего достоинства.

Подобные письма Распутин неизменно доводил до сведения Императрицы, не без основания полагая, что они послужат доказательством того, что люди заведомо почтенные не гнушаются иметь с ним дело и даже просят его заступничества. Снабжал он эти письма и своими резолюциями, вроде следующей: “ни достоин”, положенной им как раз на обращении того архиепископа (предпочитаю имени его не называть, – он остался в

России, но к большевикам не пристал), который стремился к митрополичьей кафедре.

А давний знакомый Царицы, генерал Шведов, принимавший видное участие в работе Красного Креста, кстати сказать, проныра, не брезгавший никакими способами для устройства своей судьбы и наполнения своего кармана, называл Распутина не иначе как “отец Григорий”. Царице это было известно, и она, в свою очередь, отмечает это в письмах к Государю.

…

Влияние Распутина на Царицу в вопросах государственных построено было, главным образом, на том, что и он и его клика умели внушить Александре Феодоровне сознание, что она одна способна отстоять самодержавную власть русского Царя, которую, сама по всей вероятности этого не сознавая, она стремилась фактически всецело присвоить себе. Больше того: при проведении тех или иных лиц на министерские посты Распутин и его alter ego, А. А. Вырубова, стремились лишь незаметно подсказать своих кандидатов Царице и только, после того как Императрица как будто сама на них останавливалась, они подкрепляли ее выбор одобрением и благословением Распутина».

(В. И. Гурко)

И почему бы царской чете не верить **этим** людям, а верить его хулителям?

И ведь то же самое говорил главный борец с Распутиным А. И. Гучков:

«Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах… Григорий Распутин не одинок; разве за его спиной не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары? Ненасытные честолюбцы, тоскующие по ускользнувшей из их рук власти, темные дельцы, потерпевшие крушение журналисты… Антрепренеры старые! Это они суфлируют ему то, что он шепчет дальше. Это целое коммерческое предприятие и тонко ведущее свою игру».

То есть был не Распутин, а распутинщина.

И вот почему бы Григорию Ефимовичу было не брать денег, если ему их постоянно предлагали? А ведь это были даже не взятки. Ему со всех сторон пихали деньги просто «из большого уважения». И именно подобные господа Распутина и развращали. В начале своего пребывания в высших сферах он занимался разными непотребными делами потихоньку. А уж потом, грубо говоря, обнаглел, сознав свою безнаказанность, – стал публично пьянствовать, хвалиться своей близостью к царской семье и так далее.

Крайне сомнительной выглядит и версия, широко озвученная

сперва Солженицыным, а потом Валентином Пикулем, – что Распутина втемную использовали сионисты. Главным аргументом является то, что секретарем у Распутина подвизался Арон Симонович, вроде как крутой деятель сионистского движения. Правда, о невероятной крутизне Симановича известно прежде из его мемуаров, в которых нагромождено огромное количество **фактического** вранья. Конечно, вокруг Григория Ефимовича терлись и евреи тоже. Но они никак не выделялись на местном фоне.

«Сионисткую» версию отрицал и генерал Спиридович, а уж он-то знал очень много – и евреев не слишком любил.

* * *

Перейдем теперь к Столыпину. Петр Аркадьевич со «старцем» общаться решительно не желал. Но как министр МВД он не мог пройти мимо того, что возле царя трется невесть кто. Более всего он опасался, что Распутин может быть агентом революционеров. Эсеры искали всякие способы подхода к царской семье. Так, прикидывая схемы организации покушения на царя в 1908 году, террористы обсуждали и предложение одного семинариста, предлагавшего устроиться в какой-нибудь приход возле Царского Села – и дождаться, когда император окажется на расстоянии выстрела. Так почему бы им и не пропихнуть убийцу под видом «старца»? В общем, Столыпин поручил своим сотрудникам раскопать всю подноготную Григория Ефимовича.

Наведенные справки рисовали малоутешительную картину – репутация у «старца» была очень сомнительной. Хотя вряд ли он был конокрадом. Дело в том, что это преступление расценивалось крестьянами как куда более тяжелое, чем убийство. В самом деле. Убить можно сгоряча или по пьяной лавочке. Это, в общем, понимали[71]. А конокрад, уводящий главного крестьянского кормильца, обрекал целые семьи на голод, а то и на смерть. Причем отлично понимал, что делает. Это был не просто уголовник. Это был «враг народа». Именно так.

Так что крестьяне никогда не гонялись за доказательствами вины подобных людей. Одно только **подозрение** обеспечивало мучительную смерть. А Распутин спокойно ездил в родное село.

Но и без этого послужной список не вызывал восторга у министра МВД. По приказу Столыпина за Распутиным было установлено наружное наблюдение. Результаты впечатляли. Доклады филеров тоже не радовали. Они сообщали, что Столыпин постоянно возвращался домой пьяным, нередко в

компании разных дам, в том числе и тружениц панели. А ведь в этом случае опасность была не только в моральном облике «старца». Он элементарно мог занести в царскую семью сифилис. (Напомню, что эта болезнь передается не только половым путем.) Среди проституток сифилис был весьма распространен, несмотря ни на какие санитарные меры[72]. А это уже не лезло ни в какие ворота. О чем Петр Аркадьевич и доложил царю в 1909 году. Тот оставил доклад без внимания.

Однако Столыпин не успокоился. Несомненно, он считал Распутина шарлатаном. Ни к какой мистике Петр Аркадьевич не был склонен. Тем более что вокруг царицы и до «старца» крутились всякие чрезвычайно сомнительные «целители». К тому же он полагал, что такой завсегдатай дворца не добавляет популярности власти.

«…В начале 1911 года <…> Столыпин снова поставил перед царем вопрос о Распутине. Премьер представил Николаю обширный доклад, составленный на основании следственного материала Синода. Царь ничего не решил, поручив Столыпину встретиться с Распутиным и лично составить о нем мнение. Премьер вызвал “старца”. Войдя в кабинет, тот принялся шаманить».

(В. И. Гурко)

Вот как об этом рассказывал сам Столыпин:

«Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, произносил какие-то загадочные и бесполезные изречения из Священного Писания, как-то необычно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей против меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что она на меня производит какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное влияние. Преодолев себя, я прикрикнул на него и, сказав ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу его раздавить в прах, предав суду по всей строгости законов о сектантах, ввиду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург и вернуться в свое село и больше не появляться».

Распутин и в самом деле был выслан. Он отправился в родное село Покровское. Однако туда рванула Вырубова. Она притащила Григория Ефимовича в Киев, где тогда находилась царская семья. Вскоре после этого Столыпин был убит.

Связано ли было это событие с резким охлаждением Николая II к Петру Аркадьевичу? Возможно. Как уже говорилось, на императора было очень трудно повлиять. За одним исключением. Огромное влияние на него имела жена. А она фанатически верила

в Распутина, а при своем крайне неуравновешенном характере (генерал Спиридович, при искренней к ней симпатии, называет ее сумасшедшей) могла устроить мужу «веселую» жизнь. Но доказательств этой версии не имеется.

«Столыпин был убежденным и последовательным националистом. Слова о “великой России” являлись не просто красивой фразой, а программным лозунгом, которому он придавал такое же ключевое значение, как и своему аграрному курсу. Именно на этих двух “китах” он и намеревался построить “новую” Россию…»

(А. Аврех)

Я перехожу к рассказу об еще одной грани деятельности Столыпина, из-за которой он при жизни подвергался самым большим нападкам, включая навешенные ярлыки «шовиниста» и «черносотенца».

Эта его деятельность дает хорошее представление о том, что Столыпиным двигало.

Нужна собственная партия

В сущности, Столыпин был рожден для роли лидера крупной политической партии, и, родись он в стране с упрочившимся парламентарным строем, он, несомненно, таковым и был бы.

(В. И. Гурко)

Набираясь опыта работы с Государственной думой, Столыпин чем дальше, тем сильнее осознавал необходимость иметь собственную политическую структуру. Причем не только в Думе, но и за ее пределами. Это давало ему дополнительные возможности.

Столыпин обратил свой взгляд на умеренных националистов. Тем более что эта публика была очень плохо организована. Они имели думскую фракцию. Но фракция – это штука очень ненадежная. В тогдашней Государственной думе имелись все знакомые нам реалии – расколы фракций, переходы депутатов из одной партии в другую, наплевательское отношение к фракционной дисциплине…

Что же касается общественных организаций…

В 1906 году в Петербурге была основана еженедельная газета «Окраины России».

«По заявлению самой газеты, она возникла “в самый разгар смут, охвативших всю Россию”, когда “с особою силою проявился сепаратизм окраин… Проповедь обособления окраин и расчленения России раздастся еще и ныне”, поэтому “кто исповедует начало единства, нераздельности и целости России… тот не может не страшиться за ее будущность”.

Спустя два года после своего появления газета выступила инициатором создания “Русского окраинного общества”. 30 марта 1908 г. состоялось первое собрание учредителей общества, на котором был окончательно утвержден устав и избран руководящий орган – Совет общества. В Совет вошли: члены Государственного совета Дейтрих, Д. И. Пихно, Н. Д. Сергиевский (председатель), А. А. Ширинский – Шихматов, член Думы С. Н. Алексеев, сенатор Зверев, А. М. Золотарев (товарищ председателя), Позднеев (секретарь), Кулаковский, академик А. И. Соболевский, исполняющий должность статс-секретаря Государственного совета В. М. Якунчиков, А. А. Тарасов (казначей)».

(А. Аврех)

Как видим, главной задачей Общества было противостояние сепаратизму. Причины для этого имелись – во время революции сепаратисты засветились очень даже неплохо. Наиболее

«горячими токами» были Польша и Финляндия. Причем тамошних сепаратистов поддерживали не только революционеры, но и либералы. Среди последних имелись и те, кто просто использовал этот вопрос для критики правительства, и те, кто искренне полагал: если наступит демократия, никаких проблем не будет. Ирландию, которая сотни лет бунтовала против «демократической» Великобритании, старались не замечать.

Вообще эта тема с XIX века и до сегодняшнего дня – классика политической демагогии и политики двойных стандартов. В самом деле – почему англичане давили требовавших самостоятельности ирландцев, но поддерживали Польшу, которая стремилась к независимости от России? Так же как и сегодня – почему Грузия имеет право на независимость, а Абхазия – нет? Никаких членораздельных «общечеловеческих» объяснений этому не существует. Тут голый прагматизм – если сторонники «самостийности» тем или иным силам выгодны – они «борцы за свободу». Если нет – «сепаратисты».

В «Окраинах России» Общество напечатало и свою программную статью. Там отмечалось, что до революции «забота о целости России… ложилась целиком на плечи правительства… Теперь наступило другое время… теперь все мы ответственны за будущность нашего Русского государства… А в наши дни освободительной вакханалии… эта ответственность еще усугубляется… очевидно, задача русских людей сводится к тому, чтобы бодрствовать и содействовать власти держаться ясного и определенного пути».

Идею подхватил и известный консервативный журналист О. М. Меньшиков.

«Меньшиков же выступил идеологом и глашатаем создания единой партии националистов. С февраля 1908 и по октябрь 1909 г., т. е. вплоть до окончательного оформления партии, он опубликовал на эту тему десятки статей, в которых давал советы, формулировал программные установки, мирил партнеров по переговорам, сам принимал в них непосредственное участие и т. д. Первоначально эта идея вызвала у думских умеренно-правых и националистов, к которым в первую очередь и обращался Меньшиков, лишь теоретическое сочувствие. Дело не двигалось. Положение изменилось, когда за дело взялся сам Столыпин, который и стал главным создателем и хозяином партии националистов. Под его прямым воздействием фракцией умеренно-правых была учреждена также и партия умеренно-правых. 19 апреля 1909 г. состоялось учредительное собрание, на котором присутствовало около 70 человек. Был избран комитет партии во главе с лидером фракции П. Н. Балашовым, который в

своей речи заявил, что целью партии является слияние с националистами в единую фракцию и партию. Начались переговоры, которые длились довольно долго: утрясались, по выражению Меньшикова, “мизерные самолюбия”, вырабатывались программа, устав и пр. Главный спор шел вокруг вопроса о том, кто будет лидером будущей партии. Каждая из сторон настаивала на своей кандидатуре. В конце концов победил Балашов; умеренных, во-первых, было больше, а во-вторых, и это оказалось решающим, глава умеренно-правых обещал быть “щедрым”, т. е. содержать партию на свой счет. Позже правый депутат крестьянин Гулькин выразил эту ситуацию в следующих словах: П. Н. Балашов стал лидером потому, что “кормил свою партию компотом”. Балашов мог себе это позволить – он был богатейшим помещиком Подольской губернии, и “кормить” свою крайне малочисленную партию ему было не так уж накладно».

(А. Аврех)

Столыпин, надо отдать ему должное, прекрасно усвоил подобный прагматичный подход. Для нас правильно то, что нам выгодно. В этом он также являлся предтечей большевиков. Те, оказавшись у власти, очень быстро стали исповедовать ту же самую политическую философию. Пусть под иными лозунгами – но это не слишком важно.

В данном подходе Столыпин выгодно отличался от черносотенцев. Они, разумеется, руками и ногами выступали за единство Империи, но продолжали жить в некоем мифологическом мире. Они полагали: достаточно посильнее врезать железным кулаком – и все проблемы будут решены. Столыпин был не против решительных мер, но осознавал: этого недостаточно.

31 января 1910 года в городской Думе произошло слияние партии умеренно-правых с другой идеологически близкой организацией – Всероссийским национальным союзом. На мероприятии присутствовало около 300 человек.

Программа партии сочетала стандартные тезисы националистов и основные положения столыпинской реформы. Иногда ее суть формулируют как «Россия для русских». Стоит отметить, что подобной политики придерживались тогда **все** «великие державы». Ни о какой «толерантности» речь нигде не велась.

Основные тезисы были следующие:

– неделимость империи;

– недопустимость предоставления «инородцам хозяйственного самоопределения при условии ограждения интересов местного русского населения и общегосударственных

интересов»;

– неприкосновенность частной собственности;

– страхование трудящихся;

– упорядочение переселения;

– уничтожение чересполосицы;

– наделение крестьян свободными землями;

– уравнение крестьян в правах с остальными категориями населения;

– упорядочение судопроизводства;

– всеобщее обучение.

Либералы отреагировали нервно. Газета «Слово» в одной из передовых констатировала: «Бюрократизирование гг. октябристов и дружба с премьером ни к чему не привели; эту позицию заняли по праву гг. умеренно-правые, а разношерстное октябристское большинство вдруг очутилось при пиковом интересе».

В сентябре 1909 года Столыпин дал интервью газете «Волга», выходившей в месте его бывшей работы. Это интервью можно назвать программным. Примечателен выбор издания. Столыпин явно давал понять, что он делает ставку на провинцию, по той простой причине, что в ней меньше политических демагогов. Одновременно Столыпин оставил надежду приручить центральные СМИ.

«Задача провинциальной печати – верно и точно выражать настроение страны, ибо столичные газеты слишком много отдают места вопросам так называемой высокой политики и партийного политиканства, руководимого весьма часто закулисными интригами. Сколько времени, например, было потрачено, да и до сих пор тратится, на бесплодные споры о том, самодержавие у нас или конституция. Как будто дело в словах, как будто трудно понять, что манифестом 17 октября с высоты престола предуказано развитие чисто русского, отвечающего народному духу и историческим преданиям государственного устройства. Государю угодно было призвать народных представителей к себе в сотрудники. Можно ли после того говорить, что народное представительство что-либо урвало от царской власти?»

Одновременно Столыпин заявил о приостановлении курса реформ. Точнее, главной задачей он ставил доведение дела до конца в аграрном секторе.

«Когда эта задача будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедуют наоборот».

Если проще, то Столыпин намертво связывал понятия «гражданственность» и «частная собственность». Это – чисто либеральный тезис. Предполагается: если человек владеет

собственностью, то он обладает и ответственностью. Столыпин так и не понял, что, когда собственники набирают силу, они неизбежно стремятся подмять под себя государство. Да и насчет «гражданственности» не все просто. Так, во время Гражданской войны Белое движение не поддерживал **никто** из крупных русских предпринимателей, сумевших вывезти капиталы за границу.

Но самым интересным является следующий тезис, впервые публично озвученный Столыпиным, хотя в частных беседах он на эту тему неоднократно высказывался:

«Дайте государству 20 лет покоя, **внутреннего и внешнего**, и вы не узнаете нынешней России».

Что из этого следует? Что Столыпин высказывался решительно против **любых** попыток втянуть Российскую империю в военный конфликт. Смысл простой – давайте для начала наведем порядок у себя в доме, а потом будем лезть во внешние разборки.

Между тем в Европе уже полным ходом шла подготовка к большой войне. Пока что – всего лишь дипломатическая. Позиция Столыпина очень многим не нравилась. Петр Аркадьевич практически не уделял роли внешней политике. Хотя мог бы… Возможно, это оказало влияние на дальнейшие события.

Партийный проект оказался мертворожденным. Его партия не имела сколько-нибудь серьезного влияния. Призванная объединить патриотов, она напротив – раздражала всех – и левых, и правых. Тем более что вскоре правые пошли в новую атаку на «премьера»…

Холостой выстрел «финляндского вопроса»

В деятельности Столыпина заметную роль занимает «финляндский вопрос», который после 1905 года стоял крайне остро.

Дело в том, что Княжество Финляндское являлось «государством в государстве». Эта страна, хотя и формально являлась частью Российской империи, имела конституцию и собственный парламент, а также собственные деньги.

Русские уроженцы не имели избирательных прав. Они не могли занимать государственные общественные должности. Существовали ограничения в торгово-промышленной деятельности.

Примечательно, что местная элита являлась не финской, а **шведской**. Так будущий диктатор Финляндии Густав Маннергейм был чистокровным шведом. Он великолепно владел русским и рядом европейских языков, а вот по-фински до 1917 года не знал ни слова.

Трудно понять, о чем думал Александр I, устроивший такое. Ведь в начале XIX века Финляндия являлась захолустной шведской провинцией, в которой никакого финского национализма не было и быть не могло. Но в итоге она оказалась практически изолированной от русского влияния, зато осталась открытым шведскому. Шведы, а точнее стоявшие за ними немцы, и вырастили финский национализм.

Тут надо понимать следующее. Национализм в современном понимании появился только во второй половине XIX века. К примеру, для тех же самых ирландцев главным критерием деления на своих и чужих является вопрос **веры** (католики или протестанты). Национализм появился в связи с распространением определенных философских идей. (Я уж не буду «грузить» читателя, рассказывая, об этих идеях.) Поэтому главную роль во всех этих делах играла интеллигенция, которая мыслила так: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме». Именно поэтому и стали создаваться всяческие мифы, вроде «финской культуры», которой просто-напросто не существовало. Ее придумали. И это бы ладно, но особенность правового устройства Финляндии дала таким вот деятелям возможность развернуться по полной.

А что вы хотели, если право преподавания **истории** в школах имели только «лица лютеранско-евангелического вероисповедания». Вот и получили…

На территории Финляндии русская полиция и охранка действовать не имели права. В случае надобности они вынуждены были обращаться к местным органам правопорядка. А те делали все, чтобы в случае чего революционеры имели возможность скрыться. Так, в 1906 году Боевая организация эсеров имела базу на озере Имандра, где они чувствовали себя в полной безопасности. Оттуда террористы выезжали «на дело» в Петербург и благополучно возвращались обратно. А ведь от столицы до границы было сорок километров.

«Там организован был взрыв 12 августа 1906 г., ограбление в Фонарном переулке, причем похищенные деньги увезены были в Финляндию; покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова, убийство генерала Мина, убийства генерала фон дер Лауница, главного военного прокурора Павлова, начальника Петербургской тюрьмы полковника Иванова, Дерябинской тюрьмы – Гудима, Акатуевской тюрьмы – Бородулина и начальника Главного тюремного управления Максимовского. Там же подготовлялось покушение на военного министра, покушение на министра юстиции, наконец, покушение на Великого князя Николая Николаевича, и если бы не своевременный арест

знаменитого Карла[73], организатора всех этих убийств и покушений, то нельзя было бы, вероятно, предотвратить и покушение посредством взрыва в зале Государственного совета».

(П. А. Столыпин)

Таким положением Финляндии пользовались не только революционеры, но разные махинаторы. Дело в том, что в торговле с западными странами Финляндия проводила самостоятельную таможенную политику Без пошлины в Финляндию ввозилось сырье. Сравнительно небольшой пошлиной облагались импортные товары и оборудование. Это привело к тому, что цены на многие товары в Финляндии были ниже, чем в России, поэтому для защиты интересов русских промышленников между Великим княжеством и Россией был установлен таможенный барьер. При этом граница была весьма условной. Через нее вовсю гнали контрабанду. Уже позже, в 1916 году, прогремело «дело петербургской таможни». Была раскрыта грандиозная интернациональная ОПГ, которая гнала контрабанду вагонами.

Можно еще вспомнить, что, едва получив независимость[74], «мирная Финляндия» тут же выкатила РСФСР претензии на Карелию и Кольский полуостров. Петроград же предполагалось провозгласить «свободным городом». Бои с финнами шли аж до 1924 года. Да и впоследствии страна занимала откровенно враждебную позицию к СССР. Что и стало причиной Зимней войны.

В общем, в верхах решили, что такое положение дел недопустимо.

«О том, что дело было задумано всерьез, свидетельствует создание при Совете министров на основании всеподданнейшего доклада Столыпина, утвержденного царем 18 октября 1907 г., Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского. Председателем Совещания стал Столыпин, в качестве членов в него вошли государственный контролер П. А. Харитонов и члены Государственного совета Дейтрих и профессор Сергиевский, сенатор Н. П. Гарин, генерал-лейтенант Бородкин. В 1908 г. в него были введены еще три человека: Коковцов, министр юстиции И. Г. Щегловитов, по прозвищу Ванька – Каин, и финляндский генерал-губернатор (сперва генерал В. А. Бекман, а затем сменивший его генерал Ф. А. Зейн). Совещание просуществовало вплоть до Февральской революции, и всегда его возглавлял председатель Совета министров. Кроме того, в качестве рабочего органа при Совещании была создана высочайше утвержденная подготовительная комиссия, которую возглавил Н. Н. Корево. Он являлся также председателем

комиссии по систематизации финляндских законов».

(А. Аврех)

22 декабря 1907 года Столыпин писал Николаю II о своем разговоре с финляндским генерал-губернатором:

«Я счел нелишним громко заявить, что Ваше величество твердо решили в случае нарушения финляндцами закона и неподчинения законным требованиям действовать силою “manu militari”. По-видимому, в Гельсингфорсе начинают понимать, что это не пустые угрозы, и мне кажется, что дело принимает удовлетворительный оборот».

Далее Столыпин организовал три депутатских запроса в Думу – от октябристов, националистов и крайне правых.

Так, в запросе октябристов говорилось:

«Руководящие финляндские власти вопреки российским основным законам дают тенденциозное направление законодательной деятельности в целях обособления Финляндии в ущерб Российскому государству».

Остальные запросы примерно о том же. Суть запросов в следующем – какое законодательство в Финляндии имеет приоритет: имперское или местное? В этом вопросе имелась неопределенность, которую каждая сторона толковала в свою сторону.

Столыпин особо и не скрывал, что за этими запросами стоит он. По закону для подготовки ответа на запрос правительству полагался месяц. Петр Аркадьевич впервые в истории Думы всех трех созывов взялся отвечать на следующий день:

«Я должен признаться, что счел бы весьма трудной и неблагодарной задачу опровергать все факты, которые лежат в основе поданного в Государственную думу запроса.

…

В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то. Теперь государь пытается собрать рассыпанную храмину русского народного чувства, и выразителем этого чувства являетесь вы, господа, и вы не можете отклонить от себя ответственности за удержание этих державных прав России… Правительство просит от вас лишь вашей нравственной поддержки… Я уверен, господа, что вы отвергнете запрос: но вами… будут найдены выражения, которые заставят, побудят правительство представить на ваш же суд законопроект, устанавливающий способ разрешения наших общих с Финляндией дел».

Итогом стало создание своего рода согласительной комиссии: Особого совещания по Финляндии смешанной русско-

финляндской комиссии для выработки законопроекта об общеимперском законодательстве. Каждая сторона делегировала в нее по пять членов.

Совещание работало довольно долго, продемонстрировав принципиально разный подход. Финская сторона хотела оставаться «государством в государстве». В итоге русские члены Совещания внесли законопроект. В нем предполагалось, что имперское законодательство является приоритетным в вопросах:

– Участия Финляндии в государственных расходах, включая сборы, взносы и налоги.

– Отбывания воинской повинности.

– Прав русских подданных, проживающих в Финляндии.

– Употребления государственного языка.

– Исполнения в Финляндии приговоров и решений судов и требований властей других частей империи.

– Основных начал и пределов управления Финляндии особыми установлениями на основании особого законодательства.

– Охраны государственного порядка и организации такой охраны.

– Уголовного законодательства и **судебной ответственности должностных лиц Финляндии**.

– Основных начал судопроизводства в Финляндии;

– Основных начал школьного дела в Финляндии и устройства за ними надзора.

– Устройства, права и условия деятельности в Финляндии компаний, обществ и союзов, а также публичных собраний.

– Законодательства о печати и привоз в Финляндию литературы из-за границы;

– таможенная часть и таможенные тарифы.

– Охраны торговых и промышленных привилегий, а также авторских прав.

– Монетной системы и денежного обращения.

– Почты, телефона, воздухоплавания и других способов связи.

– Железнодорожного дела в Финляндии в связи с обороной государства и сообщением с другими частями империи и международным.

– Мореплавание и лоцманская и маячная части.

– Прав в Финляндии иностранцев.

Заметим, что вопросы связи и железной дороги являются **стратегическими**. Как и мореплавание.

Обсуждение законопроекта затянулось, но 25 мая 1910 года он был принят. 8 июня на заседании Государственного Совета Столыпин заявил:

«В настоящее время я считаю необходимым обратить ваше внимание в нескольких лишь словах на принципиальную сторону дела. Я должен это сделать, потому что как русские наши оппоненты, так и **те из иностранцев, которые считают себя призванными влиять на русские дела**, относят правительственный законопроект к области грубого правонарушения и стараются внушить нашим законодательным учреждениям, что они совершили или совершают дело чуть ли не позорное. А так как правительство, разрешая каждое дело, должно иметь в виду всегда и прежде всего интересы России, то позорным оно считало бы лишь полное равнодушие или, скорее, малодушие – забвение об этих интересах. Отсюда, я думаю, понятно вам, почему правительство считало необходимым подняться в финляндском вопросе выше местной узкой точки зрения и, столкнувшись с ней, оглянуться на прошлое, оценить настоящее и проникнуться, главным образом, одною мыслью: не попасть в юридическую ловушку, не утерять всего того, что в прежние времена было создано напряжением воли и порывом гения русского народа».

Закон был принят 17 июня 1910 года.

Сам по себе этот закон не имел никакого практического значения. Он являлся всего лишь основой для более конкретных законодательных актов. Их начали разрабатывать.

Первые два были посвящены «уравнению русских уроженцев в Финляндии с правами местных граждан» и «вопросу об отбывании населением Великого княжества Финляндского воинской повинности».

Первый законопроект начинался:

«1. Русским подданным, не принадлежащим к числу финляндских граждан, предоставить в Финляндии равные с местными гражданами права.

2. Лицам, получившим образование в имперских учебных заведениях или выдержавшим установленные в империи испытания, предоставить в Финляндии равные права с лицами, получившими образование в соответствующих финляндских учебных заведениях или выдержавшими на основании местных правил соответствующие испытания; разрешение же могущих возникать в сем отношении сомнений возложить на финляндского генерал-губернатора по соглашению с подлежащими министрами и главноуправляющими отдельными частями».

Законопроекты были приняты уже после смерти Столыпина. Однако они так и остались неработающими. Никаких практических мер по их реализации так и не предприняли до

самой революции. По простой причине – руки не дошли. Ниже будет рассказано о милой обстановочке, воцарившейся после смерти Столыпина.

В итоге вся эта возня обернулась большим политическим поражением. Старое ковбойское правило гласит: «Достав оружие – стреляй». Принимаешь «крутые» законы – обеспечь их исполнение. Не можешь – не принимай. Интересно, что кадеты предупреждали: реализовать законы будет невозможно. А в итоге получилась очередная демонстрация слабости правительства.

Классовое сознание в полный рост

Столыпину же пришлось убедиться, что его имперские взгляды наталкиваются на откровенный эгоизм тех, кто любил поговорить о «великой России».

В марте 1911 года разразился большой скандал. И начался он, в общем-то, с мелочи. Столыпин продвигал законопроект о земстве в западных губерниях – Виленской, Гродненской и Ковенской, Могилевской, Минской и Витебской; в трех юго-западных – Киевской, Подольской и Волынской.

Инициатором этой идеи был один из лидеров националистов – Д. И. Пихно, хозяин влиятельной правой газеты «Киевлянин». Интересно, что его пасынком являлся «рыцарь монархизма», знаменитый В. В. Шульгин, к которому после смерти Пихно перешла газета.

Дело обстояло вот в чем.

«По закону в губерниях, где не было земств, выборы в Государственный совет, по одному от губернии, производились губернским съездом землевладельцев, обладавших необходимым земельным цензом. Поскольку он был достаточно высоким, а крупное землевладение в перечисленных губерниях было в основном сосредоточено в руках польских земельных магнатов, все девять избираемых членов неизменно оказывались поляками; и положение не могло существенно измениться до тех пор, пока порядок выборов оставался неизменным. Проект Пихно и был направлен на его разрушение».

(А. Аврех)

Суть законопроекта заключалась в том, что он уменьшал влияние в этих губерниях крупных землевладельцев, которые там были представлены, в основном, поляками.

Зато повышал влияние мелких собственников – в основном, русских, украинцев и белорусов. Помещики-поляки не слишком и скрывали, что мечтали о восстановлении на этих землях власти «Великой Польши». Они всеми силами пытались проводить скрытую полонизацию. Это не только не радовало, но и порождало социальное напряжение. Крестьяне ненавидели не только помещиков как таковых, но и как поляков. А эти паны еще и навязывают свои порядки…

Столыпин по взглядам являлся прежде всего патриотом, а уж потом помещиком.

Петр Аркадьевич высказался в Думе на эту тему 7 мая 1910 года.

«Необходимо искать его (решение вопроса. – *А. Щ.*), господа,

не в абстрактной доктрине, а в опыте прошлого и в области фактов. (*Рукоплескания справа; голоса: “Браво!”*) И вот совершенно добросовестные изыскания в этих областях привели правительство к необходимости: во-первых, разграничения польского и русского элемента во время самого процесса земских выборов; во-вторых, установления процентного отношения русских и польских гласных, не только фиксировав их имущественное положение, но запечатлев исторически сложившиеся соотношения этих сил; в-третьих, учесть в будущем земстве историческую роль и значение православного духовенства (*голоса справа: “Браво!*) и, наконец, дать известное ограждение правам русского элемента в будущих земских учреждениях.

…

Русская недвижимая собственность в Ковенской губернии составляет не более 14 %, в Виленской губернии – 20,5 %). И если, господа, не исковеркать совершенно земской идеи, не насадить русских в земстве по назначению, то, конечно, оно перейдет в руки местных людей, и в первую голову самых сильных, то есть не литовцев, не белорусов, а поляков. Не думайте, господа, что у правительства есть какая-нибудь предвзятость, есть какая-нибудь неприязнь к польскому населению. (*Голос слева: “Еще бы!”; голос справа: “Тише!”*) Со стороны государства это было бы нелепо, а с моей стороны это было бы даже дико, потому что именно в тех губерниях, о которых я теперь говорю, я научился ценить и уважать высокую культуру польского населения и с гордостью могу сказать, что оставил там немало друзей.

…

Я не буду приводить других примеров, но нам, в порядке исследования хозяйственно-экономического течения, на что только я обращаю внимание в своем изложении, не мешает вспомнить попытку того времени со стороны польского дворянства укрепить за собой господство над русско-литовским простонародьем путем отмены крепостного права без наделения землей.

Я упоминаю об этом только для того, чтобы вы могли учесть существующий до настоящего времени известный аристократизм местных землевладельцев, которые привыкли держать местное население под сильным экономическим гнетом и в экономической зависимости. *(Голоса справа: “Верно!”)* В это-то время западно-русский народ и изобрел про себя самого весьма унылую, весьма печальную поговорку: “Зробишь – пан бере, не зробишь – пан дере, нехай, кажу, нас вмисти чорт побере”.

…

Я не буду голословен, я укажу на городские самоуправления. Там, где польский элемент может оказать достаточное воздействие, там он, как в Минском городском самоуправлении, не пропускает совсем русских – это было на последних городских выборах, где не прошел ни один гласный по русскому списку. Нам говорят “нет”. Я укажу на другие городские самоуправления, где в исполнительные органы проникает смешанный состав, как, например, в Житомире. Там все важнейшие должности по найму – и бухгалтеры, и секретари, и юрисконсульты, и врачи, и заведующие водопроводом – все отдано полякам».

Столыпин не слишком надеялся на крупных русских землевладельцев. Петр Аркадьевич полагал, что они являются политически пассивными, в то время как поляки наоборот – проявляют большую активность. Благо он сам не только являлся тамошним помещиком, но и трудился предводителем дворянства и своих соседей прекрасно знал.

Во время дебатов в Думе более всего интересна реакция крестьян из тех мест – то есть тех, кто был «в теме». Они законопроект поддержали.

Во время обсуждения депутат-крестьянин Минской губернии Кучинский заявил:

«Правительственный законопроект более приемлем, и вот почему: **в нем это все в интересах русского населения, в особенности крестьян»**.

Однако имелись и замечания с дополнениями.

Депутат-крестьянин от Витебской губернии Амосенок заявил, что он будет голосовать за правительственный законопроект:

«В прошлом заседании председатель Совета министров сказал, что если пустить в земство много крестьян, то мы, так сказать, прервем путь культурным людям. Я просто этого не понимаю. Кто культурнее: дворянин, который имеет 15 ООО денег долга, или тот крестьянин, который имеет 4 дес. и 10 детей и все повинности платит, и еще четвертной билет имеет… Поэтому я думаю, что правительство даст мне обещание, что оно даст гораздо больше доступа крестьянства в этом земстве.

…

Мы уже три года здесь (в Думе. – *А. Щ.*), **но никакого благодеяния доселе не видим**, ничем они нам не помогают. Крестьян должны пропустить в половинном числе, как им это и нужно и на что они имеют право по их численности».

А вот среди правых, которые любили клясться национальными интересами, имелись иные господа. Они являлись прежде всего помещиками. И такие инициативы

Столыпина им очень не понравились. Граф Бобринский заявил:

«Более 25 % поляков не будет. Казалось бы, это вполне благополучно и хорошо. Но, главное, можно ли положиться на всех крестьян? (*Смех и рукоплескание*)».

Один из лидеров правых в Государственном совете П. Н. Дурново писал по поводу этого закона Николаю II:

«Проект нарушает имперский принцип равенства, ограничивает в правах польское консервативное дворянство в пользу русской “полуинтеллигенции”, создает понижением имущественного ценза прецедент для других губерний».

Такого же мнения придерживался и другой лидер правых – В. Ф. Трепов.

Вот это марксисты называют «классовой солидарностью». То, что в многонациональном крае в местных властях заправляли поляки, которые там составляли подавляющее меньшинство (от 1 до 3,4 %), их не волновало. Действуя интригами, Дурново и Трепов в Государственном совете законопроект провалили.

Именно с этого началась новая атака на Столыпина.

Выстрелы в Киеве

Я понимаю стремление Столыпина попасть в Бисмарки; но для того, чтобы попасть в Бисмарки, нужно отличаться проницательным умом и государственным смыслом; а в этом поступке нет ни проницательного ума, ни государственного смысла… ибо, говорю я, если Столыпин за все время своего управления говорил об успокоении и не добился успокоения, если он говорил об усилении России и не добился усиления, то он этим шагом достиг и добился одного – добился полного объединения, за малым исключением, всего благомыслящего русского общества в одном: в оппозиции самому себе.

(В. М. Пуршикевич, крайне правый депутат Государственной думы)

Националистические инициативы Столыпина не принесли ему любви правых. Скорее, наоборот. Одну из причин я уже указывал – Петр Аркадьевич являлся слишком сильной фигурой. Другая причина – его национализм был совершенно иным. По большому счету это была та идея, крайним развитием которой позже станет итальянский фашизм45 и режим Франко. То есть корпоративное государство. Кстати, в фашистской Италии сохранялась монархия. Муссолини формально являлся всего лишь главой правительства. Другое дело – вряд ли Столыпин сам понимал, куда ведут его идеи. Как революционеры-народники не осознавали, что логическое завершение их идеалов – это большевизм. Время таких радикальных закидонов еще не пришло. Путь к ним открыла Мировая война, породившая людей с совершенно иной психологией.

Традиционные же националисты, если не считать романтиков-черносотенцев, видели главной опорой империи только дворянство. Столыпин же искал иные пути. Тем более что экономическую эффективность его главного дела, аграрной реформы, тогда оценить было еще трудно. Но уже стало очевидно, что она ни в коей мере не сняла социальную напряженность, прежде всего – претензии крестьян на помещичьи земли.

45 В данном случае термин «фашизм» я употребляю без какой-либо моральной оценки.

Новый «наезд» правых

В 1910 году зыбкий союз Столыпина и правых рухнул. Последние перешли в новое массированное наступление.

О. М. Меньшиков писал:

«…Слишком очевидна неуспешность нашей государственной работы… Новый режим – прекрасная вещь, но дайте же его! Ведь его нет… Может быть, это отчасти вина неопытного возницы в лице молодого нашего премьер-министра?.. Правительство наше, несомненно, видит расстройство государственных дел, видит его и Г. дума. Но и кабинет, и парламент одинаково слабы, чтобы как-нибудь выбраться из прискорбного положения.

…

Когда дождевая туча нависла над полем, нечего служить молебны о дожде: он сам хлынет. Именно то, что полный парламентаризм не дан, доказывает, что для него нет условий».

Более умеренные правые тоже не отставали.

Главная газета октябристов, «Голос Москвы»:

«И в Думе и вне Думы представители Союза 17 октября, отдавая должное личным качествам П. А. Столыпина, неуклонно указывали на многие ошибки правительственного курса, страдающего раньше всего недостаточной определенностью».

«Золотое перо» октябристов, А. В. Бобрищев – Пушкин, выступавший под псевдоним Громобой, высказывался в статье «Мертвый штиль»:

«Правительственная “полнота власти” сильно страдает от их (реакционеров) интриг, и, имея дело с ответственным, хотя и не в парламентском смысле, правительством, Дума не может все же твердо знать даже завтрашнего правительственного курса».

Он же в другой статье:

«Сама по себе думская работа, какова бы она ни была, не дает и не может дать никаких практических результатов, и, защищая работоспособность и деловую энергию большинства третьей Думы, мы должны, конечно, признать, что общий итог законодательной работы за истекшие 2,5 года крайне ничтожен. Но в этом виновата уже не Дума. Ее работа встречает систематическое противодействие в Г. совете, на деятельность которого реакционная группа оказывает почти решающее влияние. Система организации нашей верхней палаты дает широкий простор для реакционной интриги».

Напомню, что Столыпин был назначен премьером во многом для того, чтобы взаимодействовать с Думой.

«В этой связи главным вопросом для тех, кто принимал

решения, а это были “верхи” и правые, стал вопрос: что делать с Думой? Здесь могло быть только два выхода: либо полная ликвидация, либо превращение ее (частичное или полное) в законосовещательную, осуществление нового 3 июня. Первый вариант отбрасывался сразу: мысль о невозможности жить без Думы после революции 1905–1907 гг. прочно укоренилась в сознании правящего лагеря. Оставался, следовательно, только второй путь. Но идея превращения Думы в законосовещательную также практически не имела сторонников, за исключением жалкой кучки черносотенцев, группировавшихся вокруг “Союза русского народа”, возглавляемого А. И. Дубровиным, и его газеты “Русское знамя”. Все остальные черносотенцы, включая Пуришкевича, Маркова 2–го и др., не говоря уже о националистах, были за законодательную Думу. В такой Думе они прежде всего видели орудие контроля над правящей бюрократией, доверие к дееспособности которой было сильно подорвано во время революции 1905–1907 гг. Законосовещательная Дума такую роль играть не могла.

Следовательно, оставался только один путь – дальнейшее изменение избирательного закона. По этой линии и шли многочисленные проекты, излагавшиеся не только в конфиденциальных записках, но и на страницах таких правых газет и журналов, как “Новое время”, “Московские ведомости”, “Гражданин”. Все проекты были очень похожи друг на друга, так что достаточно сослаться на один, который предлагал Меньшиков. Поскольку Россия является господством одного народа, то осуществлять его волю должны царь и единодушный “совет” при нем. Как только он раскололся на партии, надо как можно скорее убрать “смутьянов”, чтобы устранить враждебную мысль и враждебную критику».

(А. Аврех)

И тут правые нанесли решительный удар. Он заключался в уже упоминаемом провале законопроекта Столыпина о выборах в Государственный совет от западных земств. Для «премьера» дело было даже не в данном законе, а в принципе. Причем Столыпин совершенно не ожидал такого исхода. Коковцов свидетельствовал:

«Он был настолько уверен в успехе, что еще за несколько дней до слушания дела… не поднимал вопроса о необходимости присутствия в Государственном совете тех из министров, которые носили звание членов Совета, для усиления своими голосами общего подсчета голосов».

Тем не менее, законопроект был провален.

Газета «Новое время»:

«Удар, нанесенный ими (правыми. – *А. Щ.*) законопроекту рассчитан на неожиданность его для противника… Провал законопроекта – это удар тем более тяжелый, что он является вместе с тем и неожиданным».

Петр Аркадьевич воспринял это как «наезд». И был прав. Мало кто сомневался, что дело было не только в законопроекте, но и в стремлении поставить на место Столыпина. Честно говоря, как отмечают многие современники, его характер к этому времени изменился не в лучшую сторону. Столыпин стал слишком самоуверенным и никого уже не слушал. Вот и доигрался.

«”Речь” писала, что, когда Столыпину, находившемуся в здании Государственного совета, сообщили о результатах голосования по вопросу о куриях, он от полной неожиданности густо покраснел и растерялся. В той же статье она сообщала ставшие известными подробности того, как был подготовлен удар по Столыпину. За полторы недели до начала обсуждения председатель Государственного совета М. Г. Акимов сообщил лидеру правых в Совете П. Н. Дурново, что высшие сферы высказались за принятие законопроекта. В ответ Дурново собрал свою фракцию, чтобы обсудить полученное известие. Было принято письмо на имя Акимова, в котором перечислялись сомнения относительно законопроекта, с просьбой передать это письмо царю. Акимов письма не передал. Тогда это сделал В. Ф. Трепов. По свидетельству Витте, “Трепов был очень близок к государю и пользовался особой милостью его величества, поэтому и имел право просить у его величества аудиенции для передачи различных своих государственных впечатлений и мнений”. Миссия Трепова увенчалась полным успехом: он привез своим товарищам по фракции радостное известие, что царь разрешил голосовать им “по совести”, т. е. против законопроекта, причем Столыпин об этом ровным счетом ничего не знал вплоть до голосования статьи о куриях».

(А. Аврех)

В общем, получилась классическая политическая «подстава». Впрочем, правые этого и не особенно скрывали. «Акела промахнулся!» И по Столыпину стали топтаться все кому не лень.

О. М. Меньшиков:

«Было бы неправдой утверждать, что П. А. Столыпин непопулярен. Напротив, он пользуется общим уважением, но в этом уважении чувствуются как бы ноты некоторого разочарования… Мы все ждем появления больших людей, очень больших, великих. Если данная знаменитость получила величие в аванс и вовремя не погасила его, общество этого не прощает…

Годы идут, но большого дела что-то не видно».

Про карьеру Столыпина Меньшиков пишет, что это «первый случай после эпохи временщиков… Удача преследовала г. Столыпина и дальше. Трагедия нашей революции прошла над самой его головой, но он вышел благополучно из катастрофы. Он унаследовал, правда, уже разгромленный бунт, но имел счастье дождаться заметного “успокоения”. Но увы, маятник остановился лишь на одну секунду, и, кажется, мы снова… начинаем катиться влево. Вот тут-то удача как будто и оставляет своего любимца…

Кризис не в том, что Гос. совет разошелся с П. А. Столыпиным, а в том, что последний не в состоянии стать хозяином положения… В составе правительства невольно ищешь появления действительно большого человека, того главного артиста власти, на котором обыкновенно держится вся труппа. П. А. Столыпин при всех достоинствах – не премьер в этом сценическом смысле».

Смысл понятен – Столыпин не оправдал возложенных на него надежд. Понятен и вывод – раз не оправдал, он должен уйти.

А ведь Меньшиков был не из тех журналистов, кто «лезет с гранатой под танк». Он очень хорошо понимал, когда и что писать. И если уж он завел подобные песни – значит, тому была причина.

А кто стоял за всем этим? Да как раз те, кто рвался во временщики, те, кто, говоря об интересах России, имели в виду исключительно собственное благополучие. Именно такие персонажи были готовы подлизываться к Распутину и вообще к кому угодно, дабы занять теплые места.

5 марта 1911 года Петр Аркадьевич подал императору прошение об отставке. Причем чуть ли не все были убеждены, что отставка будет принята.

Газета «Речь»:

«По полученным 7 марта ночью сведениям, отставка Столыпина принята. Его преемником на посту председателя Совета министров считают В. Н. Коковцова, а на посту министра внутренних дел – государственного секретаря А. А. Макарова».

И в другой статье:

«Отставка П. А. Столыпина и назначение В. Н. Коковцова временным председателем Совета министров суть совершившиеся факты».

Кстати, Макаров являлся приятелем Распутина, который его очень хвалил императрице.

Однако дело повернулось совсем не так. В ход событий вмешалась старая покровительница Столыпина – императрица Мария Федоровна.

Прибыв в Царское Село из Аничкова дворца, она долго и очень эмоционально убеждала сына, что Столыпин на своем посту необходим России, что он является «последней опорой трона». В чем, как увидим дальше, была полностью права. Кроме того, Столыпина горячо отстаивали великие князья Александр и Николай Михайловичи. Они опасались, что после отставки премьера все пойдет вразнос. И ведь тоже как в воду глядели…

В результате император отставку не принял. Он сказал Столыпину:

«Я не могу согласиться на Ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать, отдавая себе отчет, каким образом могу я не только лишиться Вас, но допустить подобный исход под влиянием частичного несогласия Совета. Во что обратится правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с Советом, а завтра с Думою, будут сменяться министры».

Мало того – премьер выдвинул условия: Дурново и Трепова отправить в отпуск, а Думу и Государственный Совет распустить на три дня, дабы за это время Столыпин пропихнул бы тот самый проваленный законопроект на основании 87–й статьи Основных законов. Данная статья давала возможность провести закон в обход как Думы, так и Госсовета.

Николай требования Столыпина удовлетворил. Дума и Совет были распущены, Дурново и Трепову император приказал сказаться больными – и уволил их в отпуск до 1 января 1912 года.

Столыпин вроде бы победил. Однако большинство представителей политической и околополитической среды полагали, что это пиррова победа. Утвердилось мнение: Столыпина вскоре уберут.

«Старцы верхней палаты тонко расценивают удельный вес предержащих мира сего. И если вес этот убавился в их глазах, если всю тяжесть своего мнения они положили на противоположную чашу весов, то, значит, в воздухе запахло чем-то другим, чем прежде. Возрастающая непрочность кабинета П. А. Столыпина ни для кого не была секретом в последнее время. И вот вчера мы получили наглядное и объективное доказательство, что слухи и толки последнего времени были не напрасны… Несомненно… что вчерашний вотум не как причина, а как симптом заслуживает особенного внимания.

…

От возможного крушения наш премьер ускользал до сих пор, передвигаясь вправо и подхватывая тот лозунг, которым пробовали воспользоваться против него. Но эта игра, как ни была она искусна, не могла продолжаться бесконечно… Вправо

поворачивать дальше некуда… “убежденных националистов” можно найти сколько угодно в их собственной среде. Для этой политики услуги П. А. Столыпина больше не нужны… И справа, и слева слишком хорошо понимают, что на одной отрицательной программе “успокоения” нельзя же оставаться навек. А ни на что другое присяжные “успокоители” не показали себя способными. Мало того, слишком ясно становится теперь, что и самый момент “успокоения”, хотя бы и достигнутого их трудами, они не сумели использовать, принявши средство за цель».

(Газета «Речь»)

Эта же газета перепечатывает выдержку из немецкого издания «Vossische Zeitung»:

«Столыпин подавил революцию, но сам же предвидит новую. Он сделал все для подавления минувшей революции, но очень мало для предотвращения революции будущей».

«Кризис кончен! Кризис продолжается! Вот отзывы о положении в данную минуту. Они раздаются повсюду, и как это ни странно, но создавшееся положение отражается в них совершенно правильно».

(«Новое время»)

Витте злорадствовал: «Столыпин и его прихвостни торжествовали, но для мало-мальски дальновидного человека было ясно, что это торжество накануне его политической гибели».

Столыпин это и сам понимал, потому что прекрасно знал – Николай II не простит того, что он диктовал ему условия.

Он говорил Коковцову:

«Вы правы в одном, что Государь не простит мне, если ему придется исполнить мою просьбу, но мне это безразлично, так как и без того я отлично знаю, что до меня добираются со всех сторон и я здесь ненадолго».

Коковцов также отмечал:

«Что-то в нем оборвалось, былая уверенность в себе куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что все кругом него молчаливо или открыто, но настроено враждебно».

Ему вторит Гучков, беседовавший со Столыпиным незадолго до смерти:

«Он был в очень сумрачном настроении духа. У меня создалось впечатление, что он все больше и больше сознает свое бессилие в борьбе с безответственными придворными влияниями… По всему было видно, что в нем созрело решение уйти от власти».

А вот что писал А. Н. Хвостов, один из последующих министров МВД (они менялись часто):

«В 1911 г., дней за десять до убийства Столыпина, в Нижний

Новгород, где я в то время был губернатором, неожиданно приехал бывший издатель “России”, знакомый еще моего отца, Георгий Петрович Сазонов и вместе с ним Распутин, которого я ранее никогда не видал. Во время беседы со мной стал говорить… что он прислан царем “посмотреть мою душу”, и, наконец, предложил мне место министра внутренних дел. На мое замечание, что это место занято, Распутин ответил, что это все равно, что Столыпин все равно уйдет».

Впрочем, далеко не все факты вписываются в эту теорию. Тот же Хостов разным людям об упомянутом визите рассказывал по-разному. Так Гучкову он говорил, что визитеры прибыли к нему раньше – весной. Что соответствует показаниям Вырубовой, которая утверждала, что привезла Распутина в Киев из Покровского. А может, никакого визита вообще не было? Хвостов был человеком очень сомнительной честности.

А более всего версии, что Столыпин стал никому не нужен, противоречит его убийство. Если человек уже стал политическим трупом – какой смысл его убивать?

Анархист и стукач

Убийство Столыпина выделяется даже на фоне других странных убийств высших российских политических деятелей.

Для начала поглядим – а кем являлся его убийца, Дмитрий Богров?

Он был сыном крупного еврейского предпринимателя. В юности учился в Мюнхене, где познакомился с анархистскими идеями. В частности – с учением Макса Штирнера. На это стоит обратить особое внимание. Дело в том, что Штирнера, в отличие от большинства других анархистских идеологов, совершенно не волновало светлое будущее человечества. Его интересовала только идея абсолютной свободы личности. И если этой свободе мешают закон и мораль – то к черту их. Кстати, именно идеями Штирнера вдохновлялся герой романа Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников[75].

Доучиваться Богров вернулся в родной Киев, где поступил на юридический факультет университета. Одновременно он вступил в местную группу анархистов.

Надо сказать, что к этому времени анархисты ничего из себя уже не представляли. Наибольшего подъема данное течение достигло в 1906 году. Это было реакцией наиболее радикально настроенных людей на то, что манифест 17 октября простому народу ничего не дал, а восстания провалились. Так что тогда анархисты вдоволь постреляли, покидали бомб и пограбили. Именно в 1906 году попался на ограблении с убийством молодой Нестор Махно и прославился «агарным террором» (грабежами поместий) другой герой Гражданской войны – Григорий Котовский, тоже считавший тогда себя анархистом. Но эту волну довольно быстро сбили. Анархисты, являвшиеся апологетами свободы, в принципе не были способны к конспирации. Их очень быстро переловили – кого повесили, кого надолго отправили на каторгу. Так что в 1911 году немногочисленные анархистские группы являлись кучками болтунов. Хотя, разумеется, охранка за ними присматривала.

Вот и Богров довольно быстро **добровольно** предложил свои услуги местному Охранному отделению. Причины называют разные. Но наиболее простая – деньги. Отец Богрова, хоть и являлся богатым предпринимателем, сына не слишком баловал. Он выделял ему содержание 50 рублей в месяц. Оно, конечно, не так уж и плохо, если учесть, что Богров жил в родительском доме и, следовательно, не должен был платить за крышу и питание, но ему было маловато. Дело в том, что Богров имел весьма

затратные привычки. Он любил посещать бега и играть в карты. А на это не хватило бы всего папиного состояния. Но как бы то ни было, Богров поступил в охранку с жалованием 150 рублей в месяц и получил кличку Аленский.

Хотя, возможно, роль тут сыграло и разочарование Богрова в анархистском движении, которое в Киеве хорошо помнили. Анархисты поначалу были крутыми и неслабыми ребятами, внушающими всем страх. То есть принадлежность к ним давала ощущение своей значительности. А потом они превратились в кучку тусовщиков, которые только и делали, что болтали.

В феврале 1910 года Богров окончил университет и в качестве помощника присяжного поверенного «приписался» к известному адвокату С. Г. Крупнову. Это было неплохое начало карьеры. Для того, чтобы стать практикующим адвокатом, требовалось некоторое время проработать помощником такового. Набравшись опыта, можно было попытаться вступить в Коллегию адвокатов. Но в Киеве Богров не засиделся.

Он писал другу: «Я не могу тебе описать всех неприятностей, которые меня доводили одно время до бешенства: да и вообще, что за охота жить со связанными руками, для меня это не жизнь».

В июне 1910 года Богров перебрался в Санкт – Петербург. Причины были опять же простые и житейские – желание побыстрее сделать карьеру. Дело в том, что Киев в те времена являлся всего лишь губернским городом[76]. То есть захолустьем. И Богров отправился в столицу, где было больше возможностей. Знакомый отца устроил его на службу в «Общество для борьбы с фальсификацией пищевых продуктов». Это была негосударственная структура при очень серьезной организации – Вольном экономическом обществе. Здесь тоже имелись карьерные перспективы – впоследствии можно было пойти как на государственную службу так и в частные фирмы. Корпоративные юристы были тогда очень востребованы.

Одновременно Богров явился к начальнику местного охранного отделения барону фон Коттену и устроился на службу – за те же 150 рублей. Из документов охранки следует, что свой переезд Богров объяснял тем, что в Киеве его положение «несколько пошатнулось, ввиду чего он временно отошел от работы. Последнее время ему удалось рассеять все возникшие против него подозрения, и он находит вполне возможным возобновить свою работу».

Но с работой по обоим направлениям не сложилось. Юридическая карьера как-то не задалась. Что касается службы в охранке, то Богров «работал по анархистам». А анархистов в тот период в Санкт – Петербурге просто не имелось. По крайней мере,

тех, кем имело смысл заниматься охранке. Богров обещал переключиться на эсеров, но и их не нашел. Впоследствии, как установило расследование, «при дальнейших свиданиях с Богровым он никаких существенных сведений не дал».

«Вообще на досугах Богров проводил время в игре в карты, посещал театры, скачки и увеселительные места и т. п., любил проводить время в обществе женщин. Временами он проигрывался настолько, что ему приходилось иногда прибегать к кредитным операциям… Всем, кто интересовался причиной его отречения от политики, он давал ответы, что она перестала его интересовать».

(Б. Ю. Майский)

Богров снова все бросил и отправился за границу, во Францию. При этом охранка сохранила ему жалование. Зачем? А на всякий случай. Как было сказано в одном из документов, «имея в виду трудность приобретения интеллигентной агентуры». Сотрудникам охранки тоже надо было отчитываться о проделанной работе.

За границей Богров отличился только тем, что проиграл в карты четыре тысячи франков. В общем, жизнь не складывалась.

Богров писал одному из друзей:

«Я стал отчаянным неврастеником… В общем же все мне порядочно надоело и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное, хотя и не цыганское это дело.

…

Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика позволит. Тоскливо, скучно, а главное, одиноко».

Как правило, такие люди ограничиваются нытьем. Иногда – кончают жизнь самоубийством. Видный анархист, член Реввоенсовета Повстанческой армии Махно, а впоследствии один самых известных литературных критиков двадцатых годов, И. С. Гроссман – Рощин, хорошо знавший Богрова, писал о нем:

«В его душе была осень, мгла… Был ли Дмитрий Богров романтиком? Нет. В нем жило что-то трезвенное, деляческое, запыленно-будничное, как вывеска бакалейной лавочки… Я очень легко представляю Богрова подрядчиком по починке больничных крыш, неплохим коммивояжером шпагатной фабрики… И он бы серо и нудно делал нудное дело. Но точно так же представляю себе и такой финал: в местной газете, в отделе происшествий появляется петитом набранная заметка: “В гостинице «Мадрид» покончил самоубийством коммивояжер шпагатной фабрики Д. Богров. Причины самоубийства не выяснены”».

Но порой таких вот серенъких людей переклинивает…

Еще один анархист, П. Лятковский:

«Я помню еще его выражение, что мы, мол (в том числе и он), “мелкие сошки”, что мы, мол, “больше играем в революцию”, а главного не делаем. Спросил его, что он подразумевает под “главным”. Он ответил: это то, что люди оценили бы; о чем все знали бы… Он не хотел быть чернорабочим в революции, не хотел быть “мелкой сошкой”; ему нужно было “главное”. Поэтому-то он и вступил в охранку, чтобы сделать это “главное”, потому-то он и стрелял, чтобы его оценили, чтобы его знали. Ему нужна была слава, известность. Пусть слава провокатора, Герострата, лишь бы слава, а не реабилитация… Для него те, о ком он упоминал в своем показании, были “мелкими сошками”, а его смерть со славой для него важнее, чем страдание других».

А вот пример из новейшей российской истории. 7 ноября 2012 года Дмитрий Виноградов убил в Москве пятерых человек. За день перед этим он выложил в Сеть свой «манифест». Там, в частности, сказано:

«Я ненавижу человеческое общество и мне противно быть его частью! Я ненавижу бессмысленность человеческой жизни! Я ненавижу саму эту жизнь! Я вижу только один способ ее оправдать: уничтожить как можно больше частиц человеческого компоста. Это единственно правильное и стоящее из всего того, что каждый из нас может сделать в своей жизни, это единственный способ ее оправдать, это единственный способ сделать мир лучше».

И кто попадется на пути людей такого типа – случайные люди или председатель Государственного Совета – это уж как выйдет…

Такого человека очень легко подтолкнуть в нужную сторону…

Только факты

В конце августа 1911 года император, двор и министры находились в Киеве по случаю торжеств, посвященных открытию памятника Александру II. Присутствовал и начальник секретной охраны императора генерал А. Спиридович. Последнее стоит запомнить – дело в том, что генерал много лет возглавлял именно киевскую охранку – этот город был для него не чужим.

И вот тут-то началось самое интересное. Для начала изложим факты.

26 января Богров явился к начальнику киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко и подал ему «записку», точнее, довольно обширное донесение.

«В записке излагалась длинная и сложная история о том, как в 1910 г. на Троицу из Парижа в Петербург приехала “дама”, которая привезла с собой письма ЦК партии эсеров. Два письма и деньги она должна была передать уже известному нам Егору Егоровичу Лазареву и одно – члену Государственной думы трудовику А. А. Булату. В конце концов письма попали к Богрову, который передал их фон Коттену. После этого между Лазаревым и Богровым установилась постоянная связь. Через некоторое время к Богрову явился незнакомец, отрекомендовавшись другом Лазарева. Незнакомец также спросил, у кого он может собрать справки о его, Богрова, прежней деятельности. Потом к Богрову прибыл еще один господин. В конце июня 1911 г. Богров получил письмо с целым рядом вопросов, в том числе такими: не изменились ли его убеждения, каково настроение и т. д.? Был указан и адрес для ответа (“Вестник знания”. Невский, 40, для Н. Я. Рудакова.) Ответ ушел немедленно. До конца июня никаких дальнейших известий не было, как вдруг “Николай Яковлевич” явился к Богрову в Потоки около Кременчуга, где у его родителей была дача, и рассказал, что был в Киеве, узнал дачный адрес Богрова и разыскал его. Главное, что интересовало “Николая Яковлевича”, – это вопрос, можно ли получить в Киеве квартиру для трех человек. Богров дал утвердительный ответ. Далее прибывший расспрашивал о способах сообщения с Киевом. Богров предложил план переезда на моторной лодке, который “Николай Яковлевич” одобрил. В тот же день он уехал обратно в Кременчуг и обещал в скором времени дать о себе знать.

Свидание Богрова с Кулябко состоялось на квартире последнего, когда у него обедали Спиридович и Веригин. В их присутствии Богров рассказал содержание своей записки с некоторыми дополнительными подробностями. Выслушав его,

Спиридович отверг план с моторной лодкой и предложил “ввести террористов в Киев с одной из ближайших железнодорожных станций”. Устройство конспиративной квартиры было предоставлено Богрову. К этому Кулябко прибавил, что ввиду той роли, которую Богрову придется сыграть в “ликвидации”, он всегда может предоставить ему доступ во все места, связанные с торжествами, и тут же предложил билеты в Купеческий сад и городской театр на 31 августа и 1 сентября, где должны были быть царь, министры, сановники».

(А. Аврех)

Но тут началось что-то непонятное.

Для начала стоит сказать о положении Столыпина. Он на этом празднике жизни оказался, так сказать, вне игры. Настолько, что ему даже не предоставили коляску в императорском кортеже, он вынужден был ездить на наемном экипаже. Кроме того, Столыпину же не нашлось места и на пароходе, на котором Николай II отправился в Чернигов.

Такое положение, казалось бы, объясняется очень просто – это известный с древних времен типичный признак монаршей немилости. Тем более что о грядущей отставке Столыпина говорили все. Но. Подобная демонстрация отношения к своему сотруднику совершенно не характерна для Николая II. Император прославился как раз обратным. Перед отставкой какого-либо чиновника он говорил ему разные хорошие слова и вообще обращался исключительно милостиво. Одни такую особенность объясняют лицемерием Николая Александровича, другие – какой-то извращенной деликатностью… Но это и неважно. Главное – вот так откровенно демонстрировать свою немилость было совсем не в стиле императора. Может, шла какая-то политическая игра, смысла которой мы уже не узнаем?

Но вернемся к Богрову.

«31 августа Богров попросил Кулябко дать ему билет в Купеческий сад. При этом он сообщил, что “Николай Яковлевич” уже прибыл в Киев, причем не один, а с некой девицей по имени “Нина Александровна”. “Николай Яковлевич” предложил ему принять непосредственное участие в покушении, но он отказался. Из разговоров с “Николаем Яковлевичем” Богров понял, что дело серьезное, ибо тот потребовал сообщить приметы Столыпина и Л. А. Кассо. Поэтому ему необходимо быть в Купеческом саду, так как, возможно, за ним будет установлено перекрестное наблюдение сообщниками “Николая Яковлевича” и его отсутствие в саду приведет к провалу. Билет был выдан, однако Богрову не удалось близко подойти к Столыпину. Поздно ночью он сообщил Кулябко, что у “Николая Яковлевича” имеется два

браунинга, а его свидание с “Ниной Александровной”, поселившейся на неизвестной Богрову квартире, должно состояться завтра между 12 и 1 часом дня. Поскольку террористы по-прежнему требуют от него выполнения поручения, ему необходим билет в городской театр на торжественный спектакль. “Николаю Яковлевичу”, чтобы отвести подозрение, он уже сказал, что билет достанет через знакомую кафешантанную певицу Регину. Кулябко согласился выдать билет».

(А. Аврех)

Все это время таинственный «Николай Яковлевич» со спутницей скрывались на квартире Богрова, которая располагалась в доме его отца.

«Решающие события 1 сентября развернулись следующим образом. В 6 часов утра Кулябко впервые доложил о готовящемся покушении киевскому генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову. В 7 часов утра тот сообщил об этом Столыпину с просьбой не ходить по городу. В середине дня Богров сказал Кулябко, что свидание “Николая Яковлевича” и “Нины Александровны” перенесено на 8 часов вечера. Когда Богров явился в театр, Кулябко предложил ему вернуться на квартиру, чтобы убедиться, что “Николай Яковлевич” все еще там. Богров ушел и вернулся через несколько минут, сказав, что “Николай Яковлевич” ужинает, после чего занял свое место в 18–м ряду партера. Во время антракта Кулябко повторил приказание, и Богров снова повторил свой нехитрый маневр. Однако дежуривший у входа офицер отказался впустить его обратно в театр, поскольку билет уже был надорван. Только вмешательство Кулябко, проходившего в это время мимо, позволило Богрову снова оказаться в театре».

(А. Аврех)

В итоге после окончания второго акта спектакля Богров приблизился к Столыпину и всадил в него две пули. Одна попала в руку, другая в живот. Богрова чуть не убили прямо в зале, его с большим трудом удалось отбить.

Что же касается Столыпина, то ранение в живот оказалось роковым. При отсутствии антибиотиков такие раны не лечились. Через три дня он скончался.

Бездарный детектив

Таковы факты. Но они выглядят так, будто написаны детективщиком-графоманом в состоянии жестокого похмелья.

Начнем с начала. Некий революционер, знакомый Богрову только по переписке, предлагает осуществить теракт. Конечно, анархисты были отмороженными ребятами, но тех, кто пренебрегал конспирацией, к тому времени уже повесили. Представьте ситуацию в переводе на сегодняшние реалии. Некий человек, связавшись со своим знакомым по анархистскому интернет-форуму, предлагает ему совершить убийство высокопоставленного лица. Вы можете поверить в серьезность таких намерений?

«Смешно становится только подумать, что таких “орлов” охраны, как Курлов, Спиридович, Кулябко, Веригин, можно было провести на такой очевидной наивности, как то, что этот злополучный “Николай Яковлевич” – надо бы думать, по серьезности затевавшегося предприятия опытный революционер – мог, познакомившись с политическими взглядами Богрова главным образом через письма, сразу же, с места в карьер, предложить такое дело, как участие в террористическом акте».

(А. Мушин)

Тем более что серьезные революционеры относились к анархистам очень настороженно. Среди сторонников безвластия было очень много болтунов, психов, наркоманов[77], алкоголиков и просто идиотов. Так что дела с ними предпочитали не иметь.

Далее. Богров убеждал сотрудников охранки, что «Николай Яковлевич» требовал от него приметы Столыпина. Это вообще полный бред. Никакой тайны они не составляли. Фотографии премьера печатались в газетах и журналах, к тому же тогда была широко распространена торговля фотокарточками любых сколько-нибудь известных людей. Это то же самое, что в 70–х годах XX века спрашивать приметы, допустим, А. Н. Косыгина[78]. Да его портреты продавались в любом крупном книжном магазине! Вот и тогда. Зачем террористу были нужны приметы Столыпина, если он мог зайти в любую книжную лавку и купить «карточку» Петра Аркадьевича?

С последующими событиями начинается полный цирк. Почему за Богровым не установили наблюдение? Напомним, дело-то было очень серьезное, террористы могли передумать и стрелять в императора – тем более что после дела Азефа агентам откровенно не доверяли. А уж Богрову доверять не было вообще никаких оснований. Ведь как агент он себя ничем не проявил.

Фактически его держали на службе «на всякий случай».

Но сообщениям Богрова по непонятным причинам свято верили, не подвергая его слова сомнениям.

Почему-то сотрудники охранки не проверили дом Богрова, где, по его словам, остановился «Николай Александрович». Там имелись горничные, швейцар, которые видели всех входящих. Их можно было расспросить?

«Оказывается, там была прислуга, **к которой один из филеров ходил в гости** (выделено мной. – *А. Щ.*), и самое пребывание этого Николая можно было проверить 20 раз. И было бы обнаружено, что это была сплошная ложь со стороны Богрова».

(А. Мушин)

Это уж вообще запредельно. Филеру ничего не стоило спросить свою подружку: «А к хозяйскому сынку гости не приезжали?»

Это ведь азы сыскной работы, о которых знают не только профессионалы, но и любители детективов. Принцип действия **любой** спецслужбы – «доверяй, но проверяй». А охранка, даже после всех реорганизаций, оставалась очень неплохой спецслужбой.

Вообще, убийство Столыпина являет какую-то совершенно детскую беспомощность киевской охранки. Учитывая то, что раньше местное охранное отделение неплохо гоняло революционеров, в ее непрофессионализм поверить трудно. Напомню, что в городе присутствовал генерал Спиридович, который как раз с успехом громил киевское революционное подполье. Поверить в то, что подобные матерые волкодавы допустили множество чудовищных промахов, – невозможно.

Но и это не все. Агентов охранки **строжайше запрещалось** допускать туда, где были высокопоставленные люди, – поскольку после истории с Азефом особого доверия к ним не было. А если уж и допустили – то за ними должна была топать пара филеров и дышать Богрову в затылок. И ведь убийца был не каким-нибудь навороченным суперменом из голливудского боевика. Выйти на позицию для стрельбы из «браунинга» (то есть почти в упор), выхватить пистолет… Тогдашние работники охранки были, конечно, не сегодняшними спецами, но совсем не дураками. И опыт террористических актов был огромный.

Террориста, если он не профессионал, выдает поведение. А Богров профессиональным убийцей не был. Да и выхватить из кармана пиджака пистолет и начать стрелять не так просто. Это в кино все такие крутые. Вот те, кто служил в армии, а значит умеет обращаться с оружием – возьмите игрушечный пистолет, положите в карман пиджака и попробуйте быстро выхватить… То-

то и оно. Тут нужна долгая тренировка. Богров же даже не служил.

Да, такие теракты осуществлялись в начале XX века. Боевики использовали принцип неожиданности. Это были смертники. Тогдашние правоохранители такое не предусмотрели. Хотя пора бы было сделать выводы.

Получается – Богрова пустили в «свободное плавание», позволив ему резвиться так, как он хочет.

Впоследствии жандармы оправдывались тем, что Богров якобы им заявил: за ним будут следить революционеры. Дескать, поэтому к нему и не приставили агентов.

Это тоже чепуха.

«Сообщение Богрова о том, что за ним, по предупреждению “Ник. Як”., может быть надзор в театре для проверки посещения спектакля, до очевидности было невероятно, так как нельзя же допустить, чтобы “Ник. Яков.” осведомлял Богрова о такой направленной против него же меры и, посвящая Богрова во все свои сокровенные тайны вплоть до указания некоторых из участников заговора, в то же время не верил его обещанию быть в театре и даже прямо обнаружил свое недоверие».

(А. Мушин)

И в самом деле. У жандармов должен был возникнуть вопрос: а зачем было «Николаю Яковлевичу» открывать свои карты? К тому же попасть в тот вечер в театр было очень непросто. За билеты киевляне буквально воевали – ведь присутствие в театре расценивалось как принадлежность к элите. И всех получивших билеты проверяли. Если гипотетический террорист обладал возможностями пропихнуть в театр своих людей, то зачем ему был нужен никчемный Богров?

То есть картинка никак не складывается.

И завершая тему. Следствие над Богровым произошло как-то очень быстро. Его казнили через две недели. Серьезных попыток обнаружить поделыщиков террориста не предпринималось. Возникает вопрос – а не заметали ли наверху следы?

Сенатор М. И. Трусевич, производивший расследование обстоятельств убийства Столыпина, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии докладывал:

«Он, Курлов, в нарушение возложенных на него служебных обязанностей не только не воспретил выдачи Богрову билетов для пропуска на торжества, но и не распорядился об учреждении за Богровым в случае выдачи ему означенных билетов бдительного надзора и принятии необходимых мер».

Оправдания компании жандармов выглядели детским лепетом.

«В ответ на обвинения Курлов в своей записке дал совершенно смехотворное объяснение. Доклад Кулябко, отвечал он на первый вопрос, был сделан в “такой форме”, что не возбудило в нем “никакого сомнения, что наблюдение было установлено и за самим Аленским”. На второй, главный вопрос Курлов дал такой ответ: когда Кулябко доложил ему (в театре) последние сведения о “Николае Яковлевиче”, которые сообщил Богров, “только что опять приезжавший к нему в театр”, то, “где именно сообщил Аленский указанные сведения Кулябку, последний мне не объяснил, и об этом я его не спрашивал, так как понял, что Кулябко мог с ним иметь разговор на подъезде, в вестибюле или ином помещении театра, но не в зрительном зале”. В показаниях, данных Чрезвычайной следственной комиссии, Трусевич решительно заявил: “Относительно Курлова было установлено, что Курлов был осведомлен о том, что агент был допущен в театр”. Курлов на допросе сначала категорически отрицал это, но, когда ему сказали, что Кулябко подтвердил этот факт, он мог только пролепетать в ответ: “Да, по словам Кулябки, выходило так”».

(А. Аврех)

Кстати, если этим оправданиям поверить, то остается только удивляться, на какой стадии деградации находились российские правоохранительные органы, и как власть все-таки продержалась до 1917 года. Но поверить этим «отмазкам» невозможно.

Можно привести еще целый ряд подобных доказательств, в частности противоречия в показаниях каждого из четверки, которыми они фактически изобличали друг друга, но и уже приведенных фактов вполне достаточно, чтобы понять, что все эти детские промахи, допущенные опытными охранниками, были намеренными. Заслуживает внимания только объяснение Курлова в его воспоминаниях. Дело было, оказывается, в том, что охранники, несмотря на весь свой опыт, очень часто становились жертвой какого-то гипнотического доверия, которым они проникались к своим секретным сотрудникам из «революционеров».

Это уже сюжет для триллера. Революционеры постигли тайные знания египетских жрецов, ордена тамплиеров, тибетских лам и колдунов вуду.

Но если все-таки дело обстояло проще, и Богрова использовали, то возникает вопрос – кому это было выгодно? И ответ тут же находится. Прежде всего – одному из заместителей Столыпина, П. В. Курлову. Он был единственным из помощников Петра Аркадьевича, кого ему навязали.

«Большому кругу людей было известно, что Курлов

ненавидел Столыпина, а последний считал его одним из своих самых опасных врагов. Курлов являлся весьма низкопробной личностью: кутил в ресторане на казенные деньги, был весь в долгах, имел самую скверную репутацию. Столыпин только ждал повода, чтобы убрать его, и Курлов об этом хорошо знал. К тому же Курлов был креатурой дворцового коменданта В. А. Дедюлина, одного из ярых врагов Столыпина».

(А. Аврех)

То есть – за Курловым стояли правые, которые Столыпина очень не любили. Их премьер раздражал, поскольку был не из их стаи, к тому же являлся человеком, с которым договариваться было непросто.

Косвенно это подтверждает то, что впоследствии Курлов в своих мемуарах пишет о исключительно теплой дружбе со Столыпиным. Хотя об их реальных взаимоотношениях знало множество людей. Вопрос – а зачем так нагло врать? Курлов был вообще типом очень сомнительным. Он любил погулять в ресторанах на казенные деньги, а главное – имел множество долгов. Последнее в МВД, мягко говоря, не приветствовалось. Ведь должника очень легко заставить сделать что угодно. Недаром в Отдельный корпус жандармов офицеров, имевших долги, просто не брали. Есть сведения, что Столыпин ждал только удобного повода, чтобы избавиться от Курлова.

Возможно, Столыпин знал о Курлове **такое**, что медлить было уже нельзя? Или не только о Курлове…

Опять же – это не значит, что Курлов дал приказ убить Столыпина. Богров хотел эффектно умереть и для начала собирался убить Кулябко. Что, заметим, не составило бы ему никакого труда. Убийства агентами охранки своих кураторов были не такой уж и редкостью. Но Богрову просто подсказали, в кого надо стрелять…

Существует версия, что главным в этой истории был Спиридович. Она основана на том, что генерал знал в Киеве все входы и выходы, ему легче было это организовать. Но только вот зачем? Никаких выгод от смерти Столыпина он не получил. Угрожать ему премьер тоже не мог.

В этой нехорошей истории имеется некоторая информация к размышлению. Я уже упоминал, что после дела Азефа началось наступление на Охранные отделения. Но всерьез эта кампания пошла после убийства Столыпина. Главным был вопрос: а чем, черт побери, они там занимаются? Вопрос-то был сложный. С одной стороны, работники охранки являлись профессионалами, которые могли на равных противостоять революционерам. С другой стороны – эта структура на всех плевать хотела. И что там

они крутили – никто не знал. Проблема, кстати, достаточно обычная для XX века. Я уже упоминал о ФБР. Но ведь и товарищ Сталин в 1937 году понял, что НКВД ему фактически неподконтрольно. Он-то эту проблему решил. Потому что был Сталиным. Он и не с такими проблемами разбирался. В Третьем рейхе имелись те же вопросы с ведомством Гиммлера. Но там все решило внешнее вмешательство. Подошли советские танки – и разбираться стало некому и не с кем.

В Российской империи политическую полицию стали просто-напросто разваливать. К 1917 году она являлась жалкой пародией на саму себя образца начала века. Тут вообще начинаются тайны, о которых надо писать отдельную книгу. Одним из самых ярых разрушителей был командир Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковский, который после победы большевиков мало того, что оказался на их стороне – так и был одним из тех, кто помогал Дзержинскому создавать ЧК. Кем он являлся, что им двигало по жизни – это, повторяю, вопрос не для данной книги. Но подведем итог – после убийства Столыпина политическая полиция **как система** прекратила существование.

* * *

История с убийством Столыпина имеет продолжение. В Киеве Петру Аркадьевичу поставили памятник. Но простоял он недолго. Во время Гражданской войны власть в Киеве менялась **двенадцать** раз, так что всем было не до памятника. Когда большевики в какой-то мере порядок навели, то уже 20–х годах его снесли и собрались на том же месте установить памятник Богрову. Инициаторами этой светлой идеи были бывшие анархисты. Но как раз начались публикации, что Богров-то стукачок… Поднялась мощнейшая полемика. Ее накала мы и представить не можем. Ведь для нас все эти люди – исторические персонажи, а для тех ребят – друзья и знакомые. В общем, дискуссия вышла интересной. Против документов Департамента полиции, которые были тогда доступны, возражать было нечего. Поэтому пошли в ход разные психологические изыски. К примеру, говорилось, что Богров, конечно, был агентом охранки, но раскаялся и решил, так сказать, загладить свою вину убийством премьера. Получалось, что ничем до того не выдающийся человек оказался кем-то вроде экстрасенса Вольфа Мессинга и умудрился обмануть всех профессионалов… В такое не поверили. Памятник Богрову поставлен не был.

Кстати, в уголовном деле Богрова имеются вырванные

страницы. Кто это сделал: то ли жандармы, которые хотели прикрыть упомянутые странности, то ли сторонники Богрова, – теперь уже не установишь.

Часть 3
После столыпина

Уважаемые читатели видели, что автор без особого почтения относится к столыпинским реформам. Но в то же время я героя этой книги уважаю, потому что он был Личностью. Он делал то, что считал нужным. До конца. Медики, делавшие вскрытие Столыпина, утверждали: его организм был полностью изношен, и, даже не будь убийства, Петр Аркадьевич протянул бы в лучшем случае несколько лет. Это при том что Столыпин вообще-то был здоровенным мужчиной. Он потратил свое немаленькое здоровье на попытки что-то изменить.

Лучше всего масштаб этого человека виден, если посмотреть на то, что сложилось в руководстве Империи после него.

«Бардак в любой стране грозит обвалом» [79]

Начну издалека. Сегодня очень модно плакать по поводу «убиенной императорской семьи». У меня сразу возникает вопрос: а какой такой императорской? Николай II **отрекся** от престола 2 марта 1917 года. То есть расстреляна была семья Николая Александровича Романова. Что, конечно, тоже гнусно – но тогда **все стороны** Гражданской войны творили и не такое. Причем **никто** в то время особо этим не возмущался. Белогвардейцам Николай II был совершенно не интересен. О нем вспомнили только тогда, когда белых вышвырнули из России. А почему? Да потому, что после убийства Столыпина в России творилось такое, что глаза бы не глядели.

Императрица рулит

Рассудительность и страстность, мистицизм и непоколебимая верность воспринятым ею отвлеченным теориям и усвоенным принципам каким-то странным образом в ней настолько переплетались и уживались, что порой решительно недоумеваешь, чем вызвано то или иное принятое ею решение: порывом ли ее страстной природы, слепой ли верой в нечто, навеянное ей тем лицом, которое она почитала за выразителя абсолютной истины, или неуклонным соблюдением укоренившегося в ней принципа?

(В. И. Гурко)

В неприятностях, постигших Российскую империю в последние годы ее существования, видную роль сыграла императрица Александра Федоровна.

Как известно, она являлась доктором философии. (Тогдашний доктор примерно соответствует современному кандидату наук – то есть человек, защитивший диссертацию.)

Философия – это очень интересная область человеческой деятельности. К науке она никакого отношения не имеет. Философ рассуждает о глобальных проблемах, причем критерии для своих рассуждений он берет такие, которые ему нравятся. До всяких там нудных и досадных подробностей ему дела нет. В философии есть множество школ, которые **в основе** противоречат друг другу. Для сравнения – а вот попробуйте в физике отрицать второй закон Ньютона или закон Ома. Или в математике – теоремы Пифагора или Коши. На этих принципах создана сегодняшняя техника. И тут принцип простой – если считаешь, что какие-то теории неправильны, – докажи экспериментально. Работает – хорошо, ты прав. Не работает – извини.

А в философии можно болтать языком сколько угодно. Эта болтовня ни на чем не основана и ни к чему не ведет.

Кроме того, философы обычно не видят разницы между словом и делом. Недаром до самого конца своей жизни царица не уставала твердить о черной неблагодарности русского народа. Хотя – а за что было народу благодарить императорскую чету? Но ведь они же болели душой за Россию… То, что оцениваются только дела, а не благие намерения, императрица решительно не понимала.

Александра Федоровна, как и ее супруг, придерживалась концепции абсолютной царской власти. Причем о ее сути царица не имела ровно никакого представления. Ее родина, Великое герцогство Гессен, являлось суверенным государством только по

названию. Фактически же оно полностью зависело от Германской империи. Так что Алиса судила о русской монархии с точки зрения западного обывателя – то есть представляла русского царя абсолютно всемогущим, который может пожелать все, что его левая нога захочет, а все должны помалкивать и бежать исполнять. Такой власти не было никогда ни у Ивана Грозного, ни у Петра I. Даже у Сталина не было.

К тому же Александра Федоровна свято верила в абсолютную любовь к монархии простого народа. Так, в конце XIX века английская королева Виктория (бабушка царицы), умнейшая государыня, написала внучке письмо с рекомендацией наладить хорошие отношения с представителями элиты. На что Александра Федоровна ответила:

«Вы ошибаетесь, дорогая бабушка, Россия не Англия. Здесь нам нет надобности прилагать какие-либо старания для завоевания любви народа. Русский народ почитает своих царей за божество, от которого исходят все милости и все блага. Что же касается петербургского общества, то это величина, которой можно вполне пренебречь».

Вот так. Хотя в России никогда не смотрели на царей как на эдаких фараонов. А уж к началу XX века и подавно. Выстраивать же отношения с представителями элиты императрица просто-напросто не считала нужным. Что, разумеется, не прибавляло ей популярности. Благо было с кем сравнивать. Предыдущая императрица, Мария Федоровна, была исключительно обаятельной женщиной. Она была из тех Женщин, для которых возраст не играет никакой роли. Таких все равно любят и уважают.

А вот Александра Федоровна обладала крайне скверным характером. Генерал Спиридович, с большим пиететом относившийся к царской чете, прямо называет ее сумасшедшей. Если точнее – у царицы был психопатический склад характера. Она считала себя всегда и во всем правой, а любого, кто не то что возражал, но даже позволял высказывать сомнения, начинала считать своим личным врагом.

Прибавьте к этому нездоровый мистицизм. Замечу, мистицизм и религиозная вера – весьма разные понятия. Мистики всегда, в конце концов, сами начинают решать, что в христианском учении правильно, а что нет.

Так, к одним из самых скандальных распоряжений императрицы относится предписание епископу Варнаве (ставленнику Распутина) канонизировать бывшего Тобольского епископа Иоанна Максимовича. Что уже не лезло ни в какие ворота. Но императрица считала себя вправе вот так топтаться на

авторитете Церкви – при том что авторитет к тому времени и так был уже невелик.

И особенности характера, и мистицизм Александры Федоровны, разумеется, только усилились после рождения сына, больного гемофилией. Эту болезнь и сейчас лечить не умеют, а что уж говорить про те времена.

Сама императрица была тоже не очень здоровой. С ней случались приступы истерии. Поясню. Истерия – это не банальная склонность к истерикам, что, конечно, в наше время случается, но походно-полевыми методами лечится очень просто. Это серьезная болезнь, на «лечении» которой, кстати, «поднялся» Зигмунд Фрейд[80]. Ее причины остаются загадкой до сих пор – после Первой мировой войны болезнь загадочным образом исчезла. Суть же в том, что от нервных переживаний у людей (чаще всего женщин) начинались **физические** расстройства. У императрицы, к примеру, время от времени отнимались ноги.

И в довершение прочего – Александра Федоровна совершенно не разбиралась в людях и не могла отличить прохвоста-льстеца от приличного человека. Царица стремилась окружить себя верными людьми. Идея не самая глупая. Но при всем вышесказанном можете представить, кто в этом «ближнем кругу» оказывался. Да прежде всего – беспринципные карьеристы, готовые всегда поддакивать Александре Федоровне. Тем более что откровенная недоброжелательность элиты вызывала в ней подозрительность ко всем.

К тому же, как и Николая, ее раздражали яркие люди, которые, как царице казалось, заслоняли императора.

Глобальная цель Александры Федоровны была та же, что и у Николая II, – сохранить абсолютную царскую власть, так сказать, не поступившись принципами. При этом речь шла не о монаршей власти вообще, а о власти ее семьи. Задача была – передать полноту власти наследнику.

С точки зрения логики это было невыполнимой задачей по определению. Мог ли править Российской империей **инвалид** Алексей Николаевич? Которому грозила смерть от малейшей травмы? Править «из кабинета» теоретически можно, если до этого имелся определенный жизненный опыт. Тот же Сталин, прежде чем оказаться «самым главным в кабинете», пережил столько передряг, что на десятерых хватит. А откуда этот опыт мог взяться у человека, с которым с детства носились как с хрустальной вазой? Не говоря уже о том, что возможность успешного покушения на гемофилика возрастает многократно. Так что как бы ни сложилась история России – Алексей Николаевич либо царствовал бы очень недолго, либо реально

правил бы кто-нибудь другой. И все политические расчеты Александры Федоровны основывались на такой ненадежной основе, как вера в чудо. Если допустить, что Распутин и в самом деле что-то умел (а исключать этого нельзя), то его влияние на императрицу вполне понятно.

Александра Федоровна стала активно вмешиваться в дело государственного управления с 1906 года – когда уже всем стало ясно, что в Империи происходит что-то не то. С тех пор и до Февраля 1917 года ее влияние только росло, особенно резко оно увеличилось после убийства Столыпина.

Вот что она писала Николаю II 17 сентября 1915 года: «Некоторые боятся моего вмешательства в государственные дела (все 44 министра), а другие видят во мне помощника во время твоего отсутствия (Андронников, Хвостов, Варнава). Это доказывает, кто тебе предан в настоящем смысле слова».

Все перечисленные люди являлись полными нулями. Но какая разница? Главное – что преданные.

Министерская чехарда

Прямых столкновений между Александрой Федоровной и Столыпиным не отмечено. Хотя раздражение подспудно накапливалось. Петр Аркадьевич был чересчур независим, к тому же он ни в грош не ставил Распутина, чего не скрывал. И что самое главное – он являлся слишком уж яркой фигурой. А вспомните слухи, что Столыпин якобы лез в Наполеоны. «Доброжелатели», разумеется, усиленно доносили эту «информацию» до императрицы.

Так что после смерти премьера в дело государственного управление стали вносить серьезные изменения. Подавляющее большинство министров и помощников Петра Аркадьевича по МВД назначалось с его согласия.

«С кончиной Столыпина этот порядок подвергся коренному изменению. Произошло это, между прочим, вследствие того, что заменивший Столыпина В. Н. Коковцов стал во главе правительства в такой момент, когда по внешности изменение состава правительства ничем не обусловливалось. Таким образом, Коковцов с места стал во главе коллегии, в которой далеко не все в нее входящие были его политическими единомышленниками и тем более склонными подчиняться его руководящим указаниям».

(В. И. Гурко)

В переводе на нормальный русский язык это означает, что министры плевать хотели на указания председателя Комитета.

В воспоминаниях Коковцов приводит свой разговор с императрицей, состоявшийся в Ливадии 5 октября 1911 года, через месяц после смерти Столыпина.

Александра Федоровна заявила:

«Мы надеемся, что Вы никогда не вступите на путь этих ужасных политических партий, которые только мечтают о том, чтобы захватить власть или поставить правительство в роли подчиненных их воле.

…

Мне кажется, что Вы очень чтите его (Столыпина. – *А. Щ.*) память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности… Не надо так жалеть тех, кого не стало… Каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был стушеваться, так как ему нечего было больше исполнять. Вы не должны стараться слепо продолжать то, что делал ваш предшественник… не ищите поддержки в политических партиях… Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам

место, и что это для блага России».

Вот вам и монаршая благодарность. Но интереснее другое – Коковцову было дано совершенно недвусмысленное указание – не высовываться. Смысл деятельности Столыпина – попытку создать новую опору власти – императрица попросту **не понимала**. А в самом деле – зачем? Вот только назначим «верных людей» на ключевые посты, и дело пойдет. Напомню, что императрица в людях не разбиралась, а еще меньше она разбиралась в деловых качествах претендентов на высокие посты. Зато запудрить мозги ей было нетрудно.

Дальше – больше. Довольно быстро выяснилось, что одни из министров не слишком верные, другие – откровенно не соответствуют занимаемой должности. Их стали постоянно менять.

Апофеозом этого может служить так называемая «министерская чехарда», которая началась во время войны. Министры, товарищи и другие высокопоставленные чиновники менялись со скоростью света.

«В течение июля 1914–февраля 1917 г. личный состав министров и главноуправляющих обновился на три пятых, а высшей ведомственной бюрократии – почти наполовину. За тот же временной отрезок назначения на министерские посты имели место 31, увольнения с них – 29 раз. Всего же в аппарате центральной исполнительной власти произошли около 300 крупных кадровых перемен (назначений, утверждений в должности, перемещений и увольнений)».

(С. В. Куликов)

Как это водится, каждый новоприбывший начальник начинал перетряхивать аппарат, протаскивая за собой верных людей… Потом его увольняли – и все начиналось по новому кругу.

Понятно, что при этом чиновники особо и не работали. К чему? Пока новый начальник войдет в курс дела, его уберут. По свидетельству очевидцев, иногда в канцеляриях невозможно было никого найти. Чиновники просто-напросто не ходили на работу. Что по русским бюрократическим меркам было уже запредельно. Чиновник в России мог бездельничать – но уж в «присутствие» он ходил исправно.

Да и если ходили… Представьте человека, приехавшего с фронта или с военного завода, которому необходимо срочно решить какой-либо вопрос. А в канцелярии одни просто отсутствуют, другие разводят руками: дескать, мы на этой должности недавно, мы не в курсе… Какое уж тут налаживание производства танков…

Бардак стоял неимоверный. К примеру, в ноябре 1915 года А.

Ф. Трепов для борьбы с продовольственными трудностями в столице предложил регулировать железнодорожное движение. По решению Совета министров на шесть дней было закрыто пассажирское движение между Москвой и Петроградом – для пропуска поездов с продовольствием. Однако продукты к Москве не подвезли. Но приказ был? Был! И вот к Питеру пошли… пустые поезда. Если не знать о «министерской чехарде», это выглядит самым настоящим «вредительством». Как вы думаете, случись такое в Великую Отечественную войну, сколько бы людей поставили к стенке? А в 1915–м сделали вид, что ничего особенного не произошло.

С железной дорогой вышла вообще песня. А ведь нормальное снабжение – это главное условие успешного ведения боевых действий. Один из председателей Совета министров Б. В. Штюрмер (всего их за войну сменилось четверо) заметил: «Были такие пробки вагонов, что для того, чтобы сдвинуть пришедшие вновь вагоны, надо было скидывать с насыпи другие вагоны».

Во время Первой мировой войны союзники поставляли России вооружение и снаряжение. Причем куда в более серьезных объемах, чем во Вторую. И значили эти поставки куда больше. Доставка шла через Архангельск и Мурманск (основанный в 1916 году именно для приема военных грузов). Беда только в том, что вывозить из портов грузы не успевали. Поэтому в Архангельске находились совершенно чудовищные склады с тем, чего с нетерпением ждали на фронте. Они так благополучно и пролежали всю Гражданскую войну на Севере.

Ситуация становилась критической. 20 октября 1916 года начальник московского охранного отделения доносил: «В дни кризиса напряжение масс доходит в Москве до той степени, что приходится ожидать, что это напряжение может вылиться в ряд тяжелых эксцессов».

Особо Александра Федоровна развернулась после того, как государь-император в очередной раз отличился. 23 августа 1915 года он сместил с поста Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и лично возглавил войска.

«С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай».

Причины называют разные. Одна из них та, что Николай Николаевич был очень популярен в войсках – и на него многие еще с начала века глядели как на «сильную личность», как на возможную альтернативу Николаю II.

Нет точных данных, что великий князь участвовал в

заговорах. Но мало кто из современников сомневался – если бы ему предложили корону или регентство, он бы не отказался. Хотя, вообще-то, его сиятельство за всю свою длинную жизнь особо не отличился ни в чем.

Вот оценка ситуации В. И. Гурко. Важно не то, правду он пишет или нет, куда важнее другое – **так** думали очень многие.

«Темная клика, окружавшая Распутина и превратившая его в орудие достижения своих целей, усердно работала над упразднением влияния на государя великого князя Николая Николаевича. Ближайшей целью этой шайки – иначе назвать ее нельзя – было в то время внушение императрице, а через ее посредство и государю подозрения в лояльности престолу великого князя. Сначала полусловами, а затем совершенно определенно стремятся они убедить императрицу, что при помощи своей популярности в войсках великий князь Николай Николаевич замышляет так или иначе свергнуть царя с престола и воссесть на нем самому. Единственным средством, способным, по утверждению этих лиц, предупредить готовящееся военное выступление, является немедленное смещение великого князя, причем возможно это только при условии принятия государем верховного командования армиями лично на себя. Играя, как всегда, на мистических свойствах природы царской четы, Распутину и компании удается внушить государю мысль, что долг царского служения повелевает царю делить с армией в тяжелые минуты ее горе и радости. Мысль эта падает на весьма благодатную почву. Стать самому во главе армии Николай II имел намерение еще при самом возникновении войны, и правительству стоило тогда большого труда убедить его отказаться от этого намерения. Под натиском Распутина, а в особенности царицы, государь преисполняется этой мыслью, и, как это доказали последующие события, ничто не было в состоянии поколебать принятое им решение».

Но как бы то ни было Главнокомандующим стал Николай II. Это было большой ошибкой. Дело даже не в том, что он военными способностями, мягко говоря, не отличался. Основную работу выполнял начальник штаба генерал М. В. Алексеев. Тоже не Суворов, но грамотный генерал. Да и не нужны были на той войне великие полководцы. В сражениях Первой мировой побеждал тот, кто делал меньше ошибок.

Беда была в другом. Из Ставки, находившейся в Могилеве, управлять страной было невозможно.

Персонажи на высшие посты попадались совершенно экзотические. К примеру, И. В. Горемыкин, вытащенный в 1914 году из «отстойника» Государственного Совета на пост

председателя Совета министров. Это был полный ноль. На заседаниях он просто засыпал. И упрекать его не в чем. Ну, старый был человек, больной – к моменту назначения ему исполнилось 77 лет. Но других-то не было. Бесконечно тасовали одну и ту же сановную колоду.

Особо стоит упомянуть о последнем министре МВД Российской империи – А. Д. Протопопове. То, что он не имел никакого понятия о порученной ему работе, – уже никого не удивляло. Такими были к концу 1916 года, когда его назначили, чуть ли не все министры. Но он ничего понимать и не хотел. Дело в том, что Протопопов представлял самый отвратительный тип карьериста. Как известно, карьеристы могут быть разными. Кто-то, преследуя исключительно личные интересы, будет, тем не менее, эффективно работать на своем посту. Ну, хотя бы потому, что понимает: рухнет этот режим, рухнет и он. И подобные люди порой делали много хорошего для своей страны. К примеру, был такой светлейший князь Александр Данилович Меньшиков. Жуткий вор и карьерист. Но. Санкт – Петербург-то именно он построил!

Протопопов же принадлежал к распространенному тогда типу чиновников с лакейской психологией «чего изволите». Он сообщал царской чете только то, что те хотели слышать. К тому же пачкал мозги императрице разной мистической ахинеей. Так, после убийства Распутина он стал утверждать, что дух «старца» вселился в него. К тому же участвовал в не очень понятных шпионских, простите, дипломатических играх. Николаю II настойчиво рекомендовал Протопопова английский король Георг V. Учитывая, что англичане стояли за спиной заговорщиков, планировавших свержение императора, это говорит о многом[81].

Политическая ситуация в России пошла вразнос уже с конца 1916 года. Причем заговорщики особо и не скрывались. По крайней мере, участники «думского» заговора. (Всего заговоров было, как минимум, два. Второй – среди военных.) Причем это были не слухи. В начале января 1917 года начальник Петроградского Охранного отделения К. И. Глобачев предоставил Протопову полный расклад по «думскому заговору». Министр МВД императору ни о чем не доложил. И вообще не хотел ничего делать. В конце концов информацию довели до императора, но реакции никакой не последовало.

С огромным трудом Глобачев добился разрешения на арест так называемого Центрального Военно – Промышленного комитета, который являлся одной из структур заговорщиков. Только это уже ничего не решало.

Но самое главное – Протопопов **до последнего момента**

уверял императорскую чету, что, дескать, все находится под контролем, патетически кричал, что в случае нужды зальет столицу кровью… А реально даже не докладывал ни в Ставку, ни в Царское Село, когда ситуация в Петрограде уже вышла из-под контроля. Точнее – докладывал, что все идет хорошо. Впрочем, остальные члены правительства вели себя точно так же. Была ли это глупость или измена – какая разница?

Вот такие министры были после Столыпина. Неудивительно, что в результате недовольными оказались **все**. Вот что заявил 3 ноября 1916 года депутат В. В. Шульгин, всю свою жизнь бывший убежденным монархистом:

«Мы терпели бы, так сказать, до последнего предела. И если мы сейчас выступаем прямо и открыто с резким осуждением этой власти, если мы поднимаем против нее знамя борьбы, то это только потому, что действительно мы дошли до предела, потому что произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно».

Если уж монархист **такое** говорит, то дальше уже некуда. Это значит, что престиж императора упал ниже плинтуса.

Крепкие хозяева

Первая мировая война наглядно продемонстрировала, что аграрная реформа Столыпина была ошибкой по своей идее. Столыпин исходил из либерального мифа, что самые лучшие граждане получаются из собственников. Казалось бы – это очевидно. Если у человека есть собственность, то он обладает ответственностью. И это верно, пока государство развивается спокойно. В самом деле – собственникам не нужны никакие великие потрясения. Но вот когда начинаются проблемы, вроде большой войны, то выясняется – данным господам интересна **прежде всего прибыль**. А на остальное им наплевать. С началом Первой мировой войны оказалось, что на имевшихся «крепких хозяев» никакие патриотические призывы не действуют. Свой карман им был дороже.

Зажиточные крестьяне отнюдь не торопились продавать хлеб (а другим продавать было особо и нечего). Ждали «настоящей цены», справедливо рассудив, что чем дальше идет война, тем хлеб будет дороже. При правильном хранении зерно можно держать несколько лет.

В самом деле. Довольно быстро стало понятно, что война будет затяжная. А значит – цены на хлеб будут расти. Так зачем продавать сейчас, если можно это сделать потом, с большей выгодой? Причем хлеб чаще всего оседал у мелких перекупщиков. То есть у кулаков.

«Наконец, еще один, близкий русскому человеку довод – поведение во время войны. Россия, как говорил Менделеев, долго вынуждена была жить “бытом военного времени”. Поэтому “прогрессивным” для нее могло считаться только то хозяйство, которое сохраняет свою дееспособность в чрезвычайных условиях. Тяжелым, но предельно показательным экзаменом для двух типов хозяйства – трудового крестьянского и частного – стала Первая мировая война. К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн. человек, село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Как же ответило на эти трудности хозяйство – крестьянское и буржуазное? По всей России к 1915 г. посевная площадь крестьян под хлеба выросла на 20 %, а в частновладельческих хозяйствах уменьшилась на 50 %. В 1916 г. у частников вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. В трудных условиях крестьянское хозяйство оказалось несравненно более жизнеспособным».

(С. Кара – Мурза)

К этому подверстался идиотизм власти – провозглашенный

после начала войны «сухой закон». Вопросы народной нравственности при провозглашении этого закона стояли отнюдь не на первом месте. Водку-то тогда гнали из зерна. Вот и предполагалось, что его не станут «переводить в градусы», а станут продавать так. Ага. Все вышло с «точностью до наоборот». Разумеется, самогон гнали и раньше. Однако, в основном, для себя. Тем более что качество первача было отвратительным. Крестьяне не шибко разбирались в химии, да и нормального оборудования на деревне не имелось. А вот после «сухого закона» самогон стали гнать все, кто только мог. Еще бы! Конкуренция в виде «казенной» исчезла. Цены на спиртное выросли. Но что самое главное – сивуху легче продать, довольно быстро были налажены каналы транспортировки напитка в города в подпольные заведения или просто уличным торговцам. Да и хранить тоже удобнее. Примечательно, что до введения закона крестьяне самогонщиков недолюбливали. И со спокойной совестью сдавали их властям. Во время войны это прекратилось полностью. Количество перегнанного зерна точно неизвестно, но оно огромно.

И вот 23 сентября 1916 года была введена… продразверстка. Да-да. Ее придумали отнюдь не большевики[82]. Были установлены твердые цены, по которым крестьяне **обязаны** были продавать зерно.

Кстати, и тут не удержались, чтобы не подмогнуть помещикам. Для владельцев крупных земельных владений были установлены куда более высокие закупочные цены. Может, в этом и имелся какой-то экономический смысл, но реакцию крестьян на подобные действия можно представить…

Вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 г.»:

«Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью».

А многие хлеб просто-напросто не продавали.

Ничего толкового из царской продразверстки не вышло.

Мало кто знает, что большевики, придя к власти, столыпинскую реформу, **не отменили**! Розданные крестьянам помещичьи и иные земли мужики, согласно «Декрету о земле», делили по собственному разумению. Они выбрали общину. Тем не менее, право на выдел сохранялось – и после отмены продразверстки в 1921 году кое-кто им даже воспользовался. Только было этих людей ничтожно мало. А вот в конце двадцатых

резко обострилась международная обстановка и в воздухе запахло войной. И тогда началось то же, что и 1915 году. Крестьяне стали «сундучить» хлеб, ожидая «настоящей цены». И началась новая серия аграрной реформы под названием «коллективизация». Но это уже иная история.

Столыпинский миф

Посмертная история Столыпина началась с вранья на… памятнике. На нем была надпись:

«Родился 2 апреля 1862 г. в Москве, жизнь посвятил служению родине, пал от руки убийцы 1–5 сентября 1911 г. в Киеве».

Между тем Петр Аркадьевич родился в Дрездене. Но уж правда больно не патриотично выглядело.

Собственно, установкой памятника все и закончилось. Царский официоз о Столыпине предпочитал не вспоминать. Равно как и большинство политических деятелей. Не до того им было. Исключением были лишь крайне правые, которые, как мы видели, при жизни Столыпина не слишком жаловали. Но чем дальше – тем больше они превращались в откровенных политических клоунов. Так что пришлось для поднятия авторитета вспоминать имена ушедшего большого человека.

«Выздоровевший от раны П. А. Столыпин, всего вероятнее, удалился бы, как предполагалось еще до покушения, с верхов политики, занял бы пост наместника на Кавказе или посла… Если так, то ему угрожало постепенное забвение. Теперь же он начинает жить и входит в основной капитал нации».

(М. О. Меньшиков)

«Лихорадочным, изнашивающим творчеством он должен был спешить ковать, нагромождать трудовые плоды; недаром этот почти молодой человек стал быстро седеть; этот железный боец стал незаметно подкашиваться невидимой болезнью сердца. Вероятная недолговечность его роли чувствовалась, так сказать, и в окружающем воздухе. Он ее сам сознавал. Ее ощущали и друзья, и недруги. Столыпину далось совершить нечто цельное и действительно прочное».

(А. А. Башмаков)

Причем как обычно бывает, Петру Аркадьевичу стали приписывать собственные воззрения.

«Виднейший представитель национальной идеи был, конечно, ненавистен радикальной адвокатской балалайке, как и всему национально-оскопленному стаду полуинтеллигентов и интеллигентов-неудачников, являющихся командирами революционного стада и состоящих на инородческо-еврейском содержании. Полунедоумки, полу наймиты, они являются героями той революционной шайки, которая вербуется из хвативших городской “культуры” мужиков-аграрников, товарищей-рабочих и безработного городского отброса всех

типов».

(В. А. Скрипицын)

Другое дело, что черносотенные газеты практически никто не читал, кроме самих авторов. Там могли писать все что угодно.

После Февральской революции имя Столыпина было надолго забыто. В том числе и в эмиграции. Никому он не был интересен. В самом деле. Эмигрантскую литературу можно разделить на несколько видов. Одна была ориентирована на настоящее и будущее. То есть ставился вопрос: «Что делать?» Тут Столыпин никак не мог помочь. Особенно после проведения в СССР коллективизации, которая оказалась **успешной**. Это потом кабинетные умники стали рассуждать о том, что коллективизацию не надо было проводить. Большевики сумели вывести сельское хозяйство из векового тупика и решить проблему индустриализации. Тогда успех был слишком очевиден. Впрочем, это уже иная история.

Тем не менее, кое-какие поклонники Столыпина нашлись. Это были эмигранты, окопавшиеся в Харбине и Шанхае, которые в 1931 году создали Русскую фашистскую партию (РФП). Эта организация прославилась только тем, что ее члены являлись откровенными японскими «шестерками», а также переводом «Майн Кампф» на русский язык. Так вот, в 1928 году была опубликована книга члена «православных русских фашистов» Ф. Т. Горячкина «Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин».

Я уже отмечал, что экономические взгляды Столыпина в какой-то мере созвучны идеям, которые пытались воплотить в жизнь Муссолини и Франко. Но именно в какой-то мере. Тем более что автора книги экономика как раз не интересовала. Так, там сказано об аграрной политике Столыпина: «Одним росчерком пера был разрешен аграрный вопрос!»

Русские фашисты опять же приписывали Столыпину невесть что:

«Да, только один религиозно-нравственный фашизм сотрет с лица земли этот кровавый, звериный материалистический интернационализм с возглавляющим его жидомасонством».

Заодно автор залихватски врал:

«Петр Аркадьевич Столыпин – по матери Рюрикович – принадлежит к потомству св. равноапостольного князя Владимира, Столыпин был потомок свят. Ольги, бабки св. Владимира, и потому не мудрено, что душа его так горела любовью к России».

Эти люди призывали добровольцев сражаться **за японцев** на Халхин – Голе. Замечательные «патриоты», правда?

Но РФП так и осталась историческим курьезом, про которую вспоминают разве что сегодняшние последователи этих идей. Члены партии были прижаты к ногтю, когда в Маньчжурию в 1945 году приехали советские танки, их привлекли к суду и повесили.

Зато про Столыпина вспомнили совсем в ином ключе. В 1956 году в Нью – Йорке вышла книга «Правда о Столыпине» А. В. Зеньковского. Автор сообщал сенсационные вещи. Он утверждал, что в 1911 году Столыпин продиктовал ему свой проект о преобразовании государственного управления России. Этот проект Петр Аркадьевич предполагал подать царю. Зеньковский утверждал, что ему удалось спасти документ. Правда, он никак не пояснял – а почему же он так долго тянул с публикацией?

Но сразу же возникает вопрос: а кто был такой этот Зеньковский, пользовавшийся таким доверием премьера? По версии самого автора, он работал в Киевском земстве. В 1906 году он подал в МВД смету, которая Столыпина так восхитила, что тот заметил шустрого чиновника и… вытащил «наверх»? А вот и нет. Оставил в Киеве и сделал кем-то вроде своего тайного советника.

В это верится слабо.

«Тот, кто хотя бы элементарно знаком с системой и иерархией управления Россией в начале XX в., с механизмами принятия решений, функционированием и взаимодействием отдельных частей и систем в виде министерств, ведомств, управлений, комитетов, совещаний, писаными и неписаными правилами подчинения, субординации и т. п., отлично понимает, что рассказ Зеньковского рассчитан на совершеннейших простаков. Между главой царского правительства и провинциальным земским служащим расстояние было примерно таким же, как между эмиром бухарским и писцом на базаре. Вопросы земских смет решались на уровне столоначальника, а даже если бы история со сметой, рассказанная Зеньковским, действительно имела место, то выше Главного управления по делам земского и городского хозяйства Министерства внутренних дел она бы не пошла».

(А. Аврех)

Но самое смешное другое. В справочнике «Весь Киев» за 1912 год действительно значится Зеньковский Александр Васильевич, бухгалтер Киевской губернской управы по делам земского хозяйства. Да только земство в Киеве было создано в августе 1911 года. То есть автор книги врет.

А лжет Зеньковский не просто так. Дело в том, что в «документе», который он приводит, Столыпин предстает… сторонником «общечеловеческих ценностей». Эдакий

предшественник М. С. Горбачева.

Во внутренней политике, там излагается, по сути, кадетская программа – то есть введение всяческих демократических свобод. Предполагается практически полное перетряхивание всех министерств и преобразование их в духе демократии.

С большим трудом можно поверить, что Столыпин действительно так думал – и писал «в стол». Но подавать **такой** проект Николаю II… Это полный бред. С тем же успехом можно было бы предлагать немедленную передачу власти Советам.

Но интереснее всего приписываемые Столыпину взгляды на внешнюю политику.

Так, в книге сказано: «При новых неизбежных очень разрушительных изобретениях… чем дальше, тем все менее и менее будет победителей, и в конце концов все воюющие государства будут находиться на положении побежденных».

Это какие же такие изобретения были известны в 1911 году абсолютно штатскому Столыпину? Про отравляющие вещества и танки никто и не слыхал. Авиацию не воспринимали всерьез. Эффективность пулеметов не понимало и большинство военных. Да и вообще – **никто** не представлял, как пойдет Мировая война. Все потенциальные участники рассчитывали на быструю победу.

То есть Столыпину приписывается знание о наличии некоего ядерного оружия.

Дальше – больше. Из документа следует, что Столыпин собирался создать некий Международный банк. Его цель – предупреждение всемирных кризисов. Опять-таки – явно писал человек, знавший про «Великую депрессию». В 1911 году о таких вещах и не задумывались, а уж тем более – не знали, как с подобной бедой бороться. К тому же реальный Столыпин в экономике разбирался на уровне «перестройщиков». Иначе он бы не стал затевать аграрную реформу.

Но самое главное, ради чего это все было написано. Придуманный Зеньковским Столыпин предлагал полностью переориентировать внешнюю политику с Европы на Северо – Американские соединенные штаты (САСШ). Предполагалось, что император вместе с министром иностранных дел должен выехать в Вашингтон. А там – «общие пути к более тесному и дружескому сближению России с Соединенными Штатами». Якобы Столыпин считал, что Николай II «бесспорно согласится» с его проектами.

Это совершенно запредельная чушь. Столыпин уж точно не был кабинетным прожектером, который может сочинять что угодно, вплоть до планов озеленения Луны.

В 1911 году отношения Российской империи с США были очень плохими. Мысль о том, что глава Империи мог вот так

просто поехать в Вашингтон, рассчитана на читателей, которые вообще не понимают, как подобные визиты организуются и что за ними стоит… Тем более что российский государь мог отправиться с визитом во Францию, в Великобританию, в Германию, в Австро – Венгрию, в Испанию – но не в США. Не «по понятиям» это было[83].

Да и не могла Россия в 1911 году ни на кого переориентироваться. В принципе. Она плотно «сидела на игле» французских займов. Кстати, а что бы Российская империя стала продавать США? Зерно? Так в Америке его было больше, и стоило оно дешевле.

Смысл этого нагромождения вранья понятен. После Второй мировой войны у русской политической эмиграции не было иного выхода, кроме как заискивать перед США. Вот они и старались изо всех сил. Ведь получалось, что Столыпин задолго до Горбачева призывал к «новому мышлению». Кстати, и результат был бы тот же самый…

Собственно говоря – современный столыпинский миф базируется именно на этих двух опорах – ультранационалистической и либеральной. Мифологический Столыпин получился эдаким двуликим Янусом[84]. Национал-патриоты видят одно, либералы другое. При этом как-то не замечается, что именно Столыпин не только не сумел предотвратить великие потрясения, но и своей деятельностью во многом способствовал им.

Как бы ни воспевать его достоинства – но от фактов не скроешься: деятельность Столыпина закончилась пшиком. Однако… Он, дескать, был «лучше большевиков». А чем лучше? Большевики, как бы к ним не относиться, но **победили** в совершенно немыслимых условиях. Остановили страну на грани пропасти, а потом подняли флаг над Рейхстагом. Значит – стоит изучать их опыт. Но вместо этого нам навязывают в герои «капитанов потонувших кораблей». Так что те, кто воспевает Столыпина, может, сами того не понимая, прививают нам комплекс неудачника. А кому это надо?

Приложения

Приложение 1

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ О КРЕСТЬЯНАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

19 февраля 1861 г.

Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г. сопровождался целой серией законодательных актов из 22 документов, касающихся вопросов освобождения крестьян, условий выкупа ими помещичьей земли и размеров выкупаемых наделов по отдельным районам России. Настоящее «Общее Положение» являлось основным законодательным актом, определяющим пути и способы освобождения крестьян в России.

Введение

1. Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда, в порядке, указанном в настоящем Положении и в других, вместе с оным изданных, Положениях и Правилах.

2. На основании сего Положения и общих законов крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляются права, состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу. В пользование сими правами они вступают тем порядком и в те сроки, какие указаны в. Правилах о приведении в действие Положений о крестьянах и в особом Положении о дворовых людях.

3. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют за установленные повинности в постоянное пользование крестьян усадебную их оседлость и сверх того для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей пред правительством и помещиком то количество полевой земли и других угодий, которое определяется на основаниях, указанных в местных положениях.

4. Крестьяне за отведенный на основании предыдущей статьи надел обязаны отбывать в пользу помещиков определенные в местных положениях повинности: работою или деньгами.

5. Возникающие из сего обязательные поземельные отношения между помещиками и крестьянами определяются правилами, изложенными как в сем Общем, так и в особых местных положениях.

Примечание. Сии местные положения суть: 1) для тридцати четырех губерний Великороссийских, Новороссийских и

Белорусских; 2) для губерний Малороссийских: Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 3) для губерний Киевской, Подольской и Волынской; 4) для губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской. Кроме того, к местным положениям присоединены Дополнительные правила: 1) об устройстве крестьян, водворенных в имениях мелкопоместных владельцев, и о пособии сим владельцам; 2) о приписанных к частным горным заводам людях ведомства министерства финансов; 3) о крестьянах и работниках, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах; 4) о крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках; 5) о крестьянах и дворовых людях в Земле войска Донского; 6) о крестьянах и дворовых людях в Ставропольской губернии; 7) о крестьянах и дворовых людях в Сибири, и 8) о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области.

6. Наделение крестьян землею и другими угодьями, а равно следующие за сие повинности в пользу помещика, определяются преимущественно по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению, с соблюдением лишь следующих условий:

1) чтобы надел, предоставляемый крестьянам в постоянное пользование для обеспечения их быта и исправного отправления ими государственных повинностей, не был менее того размера, который определен с этою целию в местных положениях;

2) чтобы те повинности крестьян в пользу помещика, которые отправляются работою, определялись не иначе, как временными договорами, на сроки не долее трех лет (при чем не воспрещается однако же возобновлять такие договоры в случае желания обеих сторон, но также временно, не долее как на трехлетний срок); и

3) чтобы вообще заключаемые между помещиками и крестьянами сделки не были противны общим гражданским законам и не ограничивали прав личных, имущественных и по состоянию, предоставляемых крестьянам в настоящем Положении.

Во всех тех случаях, когда добровольные соглашения между помещиками и крестьянами не состоятся, надел крестьян землею и отправление ими повинностей производятся на точном основании местных положений.

7. На сих основаниях составляются уставные грамоты, в которых должны быть определены постоянные поземельные отношения между каждым помещиком и водворенными на его земле крестьянами. Составление таковых уставных грамот предоставляется самим помещикам. Как на составление оных, так

на рассмотрение и введение их в действие, назначается два года со дня утверждения сего Положения.

Примечание. Подробности, относящиеся до составления и исполнения уставных грамот, содержатся в местных положениях и в Правилах о порядке приведения в действие Положений о крестьянах.

8. Помещики, наделив крестьян в постоянное пользование за установленные повинности землею, на основании местных положений, не обязаны впредь ни в каком случае наделять их каким бы то ни было сверх того количеством земли.

9. По введении в действие настоящего Положения слагаются с помещиков: 1) обязанности по продовольствию и призрению крестьян; 2) ответственность по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей;

3) обязанность ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным, на основании ст. 1119 Зак. о Сост. Т. IX Свода Зак. 1857 года, и 4) ответственность за них во всех казенных взысканиях, как-то: штрафах, пошлинах и проч.

10. Затем на самих крестьян возлагается попечение по общественному продовольствию и призрению и ответственность за исправное отбывание следующих с них казенных и земских, натуральных и денежных повинностей, на основаниях, изложенных ниже (Раздел III).

11. Крестьянам предоставляется право выкупать в собственность усадебную их оседлость, посредством взноса определенной выкупной суммы и с соблюдением правил, в местных положениях изложенных.

12. С согласия помещиков крестьяне могут сверх усадебной оседлости приобретать в собственность, на основании общих законов, полевые земли и другие угодья, отведенные тем крестьянам в постоянное пользование. С таковым приобретением крестьянами в собственность их надела или определенной в местных положениях части оного прекращаются все обязательные поземельные отношения между помещиками и означенными крестьянами.

13. Независимо от способа, указанного в предшествующей статье, обязательные поземельные отношения между помещиками и крестьянами прекращаются следующими двумя способами:

1) если крестьяне добровольно откажутся с соблюдением того порядка и тех условий, какие определены в местных положениях, от пользования предоставленным им наделом; и

2) если крестьяне перейдут, с соблюдением всех установленных для сего правил, в другие сословия.

14. Дабы облегчить крестьянам приобретение в собственность отведенных им в постоянное пользование земель, в случае добровольного на то соглашения между помещиком и крестьянами, или в случае требования самого помещика, правительство оказывает пособие, в том размере и тем порядком, какие определены в особом Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий.

15. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, именуются «временно-обязанными крестьянами».

16. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и приобретшие в собственность поземельные угодья на основаниях, в Положениях изложенных, именуются «крестьянами-собственниками».

17. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляют по делам хозяйственным сельские общества, а для ближайшего управления и суда соединяются в волости. В каждом сельском обществе и в каждой волости заведывание общественными делами предоставляется миру и его избранным на основаниях, в сем Положении изложенных.

18. Помещику впредь до прекращения обязательных к нему отношений крестьян, на его земле водворенных, предоставляется вотчинная полиция и попечительство над обществом сих крестьян, на основании статей 148–163 сего Положения.

19. Крестьяне и общественные их учреждения подчиняются общим губернским и уездным управлениям.

20. Для приведения в действие Положений о крестьянах и для разрешения особых дел, возникающих из обязательных поземельных отношений между помещиками и временно-обязанными крестьянами, учреждаются в каждой губернии: 1) губернское по крестьянским делам Присутствие; 2) уездные мировые съезды и 3) мировые посредники. Состав, предметы ведомства, пределы власти и порядок действия сих учреждений определяются в особом о них Положении.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

О ПРАВАХ КРЕСТЬЯН, ВЫШЕДШИХ ИЗ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Глава I.

О правах личных и по состоянию

21. На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных. На сем основании для

вступления крестьян в брак и распоряжения в их семейственных делах не требуется дозволения помещиков.

Примечание. Попечение о личности и об имуществе малолетних сирот возлагается на обязанность сельских обществ. В назначении опекунов и попечителей, в поверке их действий и во всех сего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями. Если бы в распоряжениях мира родственники малолетнего усмотрели что-либо клонящееся к его ущербу, то они могут обращаться к защите мирового посредника.

22. Крестьяне, как отдельно, так и целыми обществами, могут входить на основании общих постановлений во всякие законом дозволенные договоры, обязательства и подряды:

1) с частными лицами, по взаимному с ними согласию, без ограничения суммы с той и другой стороны;

2) с казною: без уплаты гильдейских пошлин только по предметам крестьянской промышленности и по содержанию оброчных статей и почтовых лошадей, а со взятием установленного на торговлю свидетельства или со внесением соответствующей суммы – по всякому роду дел, на общем для свободных сельских обывателей основании (Св. Зак. 1857 г., т. X, ч. 1, Зак. Гражд., кн. IV, разд. III).

Примечание 1–е. В обеспечение договоров и обязательств с казною крестьяне могут представлять независимо от общих залогов, указанных в законе, и ручательства своих обществ, на основании правил об обязательствах по договорам с казною (Св. Зак. 1857 г., т. X. ч. 1, Зак. Гражд., кн. IV). Земли, отведенные помещиками в пользование крестьянам, не могут ни в каком случае служить залогами по договорам и обязательствам крестьян с казною или с частными лицами.

Примечание 2–е. Сельские и волостные начальники не могут, пока состоят в сих должностях, заключать с крестьянами своей волости обязательства по содержанию оброчных статей и по исправлению каких-либо повинностей.

23. Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляется право наравне с другими свободными сельскими обывателями и с соблюдением установленных в общих законах и в сем Положении правил:

1) производить свободную торговлю, предоставленную крестьянам, без взятия торговых свидетельств и без платежа пошлин (Св. Зак. 1857 г., т. XI, ч. 2, Уст. Торг. ст. 295–298, 349–356 и 358);

2) открывать и содержать на законном основании фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения (Св. Зак. 1857 г., т. XI, ч. 2, Уст. Торг., ст. 335 и 349–356 и Уст. Фабр.,

ст. 48);

3) записываться в цехи, производить ремесла в своих селениях и продавать свои изделия, как в селениях, так и в городах (Св. Зак. 1857 г., т. XI, ч. 2, Уст. Торг., ст. 356);

4) вступать в гильдии, торговые разряды и соответствующие оным подряды (Св. Зак. 1857 г., т. XI, ч. 2, ст. 234, 238–244 и 251–255).

Примечание. Правила об открытии вновь разного рода промышленных заведений в усадьбах, еще не выкупленных крестьянами, излагаются в местных положениях.

24. Крестьянам предоставляются следующие права по искам, жалобам, ходатайству и суду:

1) по делам гражданским: отыскивать свои права, вчинать иски и тяжбы и ответствовать за себя, лично или чрез поверенных, а равно быть поверенными как крестьян своего общества, так и лиц посторонних;

2) по делам уголовным и полицейским: подавать жалобы и охранять свои права всеми дозволенными законом способами, лично и чрез поверенных, в тех случаях, когда участие поверенного допускается в делах уголовных, и

3) быть свидетелями и поручителями на общем основании.

Примечание 1–е. По делам крестьянских обществ могут иметь хождение на правах поверенных только лица, уполномоченные на то мирским приговором.

Примечание 2–е. Хотя, на основании сей статьи, крестьяне на будущее, с обнародования сего Положения, время получают право иска и жалобы, как на посторонних лиц, так и на владельца земли, на которой они водворены; но по таким действиям и распоряжениям помещиков, кои совершились до обнародования сего Положения, в силу существовавших крепостных отношений, начинать иски и тяжбы крестьянам воспрещается, кроме случаев, указанных в ст. 32.

Примечание 3–е. Денежные взыскания с крестьян производятся, применяясь к правилам, постановленным Св. Зак. 1857 г., т. XII, ч. 2, Уст. благоуст. каз. сел в статьях 384–07–й. При продаже имущества крестьян на удовлетворение взыскания из вырученных денег прежде всего и сполна удовлетворяются недоимки по казенным и помещичьим повинностям, а также по мирским сборам, и за тем уже прочие взыскания по соразмерности исков.

25. Крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе как по судебному приговору, или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей.

26. Крестьяне в тяжбах и спорах между собою могут разбираться судебным порядком. Независимо от сего, они могут обращаться для разбирательства к помещику, на земле коего они водворены, если сам помещик и обе тяжущиеся стороны на сие согласны. В сем случае на решение помещика жалобы не допускаются, и решение это приводится в исполнение.

27. В тех случаях, когда крестьяне, как отдельно, так и от всего общества, уполномочивают на ходатайство по их делам помещиков, на землях коих они водворены, доверенности этого рода пишутся на простой бумаге и свидетельствуются мировым посредником, установленным для того порядком.

28. Помещику предоставляется для защиты крестьян, водворенных на его земле, присутствовать, буде пожелает, и без особого на то от них уполномочия при следствиях, производимых над крестьянами по делам о проступках и преступлениях или к коим они прикосновенны, и пользоваться при сем правами, указанными Св. Зак. 1857 г, т. XV, кн. 2, Судопр. Угол, в ст. 152 и 153–й; т. II, ч. 1. Прил. к Общ. Губ. Учр., ст. 4013 (примеч.) и по 4–му Прод. № 2 Учр. Суд. Следов., ст. 24; также получать по сим делам справки в уездных и губернских учреждениях той губернии, где сии крестьяне жительствуют.

29. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, как свободные сельские обыватели, получают также следующие права по состоянию:

1) на основании правил, в сем Положении изложенных, участвовать на сходах в составлении мирских приговоров и в общественных выборах; равно отправлять по выборам общественные должности, установленные законом;

2) перечисляться в другие сословия и общества по правилам, в сем Положении изложенным, а равно, по собственному желанию, поступать в военную службу и наниматься в рекруты на общем для сельских обывателей основании;

3) отлучаться от места жительства с соблюдением правил, установленных общими законами и настоящим Положением;

4) отдавать детей своих в общие учебные заведения и поступать на службу по учебной, ученой и межевой частям на основании правил, установленных на сей предмет для свободных податных сословий, по увольнительным свидетельствам с исключением из податного оклада (Св. Зак., 1857 г., т. III, Уст. о Служ. от Прав., ст. 60–63, 69, 73–75, 77 и 81; т. V, Уст. о Под. ст. 316–320, и т. X, ч. 3, Зак. Меж. ст. 267 и по Прод. III № 1 примеч. к ст. 271).

30. Крестьяне не могут быть лишены прав состояния или ограничены в сих правах иначе как по суду или по приговору

общества, утвержденному порядком, установленным в сем Положении.

Глава II.

О правах по имуществу

31. По обнародовании сего Положения крестьянам оставляется их усадебная оседлость впредь до приобретения ими оной в собственность на правилах, определенных в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий. Все движимое имущество крестьян, как-то: домашний и рабочий скот, земледельческие орудия и пр., на основании существующих постановлений, принадлежит вполне крестьянам; мирские денежные капиталы и мирские же хлебные запасы составляют собственность крестьянского общества.

32. Земли, дома и вообще недвижимые имущества, приобретенные крестьянами в прежнее время на имя их помещиков, укрепляются за крестьянами или их наследниками окончательно по утверждении за ними сих имуществ самими помещиками или решением мирового учреждения на основании особых правил, при сем приложенных.

33. Каждый крестьянин может приобретать в собственность недвижимые и движимые имущества, а также отчуждать оные, отдавать их в залог и вообще распоряжаться ими с соблюдением общих узаконений, установленных на сей предмет для свободных сельских обывателей.

34. Сельское общество может также, на основании общих законов, приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество может распоряжаться по своему усмотрению, разделять их между домохозяевами и предоставлять каждому участок в частную собственность, или оставлять сии земли в общем владении всех домохозяев.

35. Право на участие в общем владении собственностью, приобретенною обществом, каждый крестьянин отдельно может уступить постороннему лицу не иначе, как с согласия мира.

36. Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долею его участия в приобретении сей земли. Если такой выдел окажется неудобным или невозможным, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами по взаимному соглашению или по оценке.

Примечание. Разбор могущих возникать в сих случаях споров

предоставляется уездному мировому съезду.

37. Приобретенными в собственность, на основании 11 и 12–й статей сего Положения землями крестьянского надела и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются как своим достоянием на правилах, изложенных в предыдущих статьях (33, 34, 35 и 36), с соблюдением тех условий, на основании коих усадьбы и земли приобретены, и во всяком случае с тем ограничением, что в продолжение первых девяти лет со времени утверждения сего Положения означенные земли не могут быть отчуждаемы, или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к обществу; но переуступка и отдача в залог таких земель членам того же сельского общества не воспрещается.

Примечание. О порядке пользования и распоряжения землями крестьянского надела, которые будут приобретены крестьянами в собственность с пособием от правительства, излагаются подробные правила в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий.

38. В порядке наследования имуществом крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями.

39. Имущество, оставшееся после крестьян, умерших без наследников (выморочное), поступает в пользу того сельского общества, в пределах коего имущество сие находится.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ И ВОЛОСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОГО ИХ УПРАВЛЕНИЯ

Глава I.

Об образовании сельских обществ и волостей

40. «Сельское общество» составляется из крестьян, водворенных на земле одного помещика; оно может состоять либо из целого селения (села или деревни), либо из одной части разнопоместного селения, либо из нескольких мелких, по возможности смежных, и во всяком случае ближайших между собою поселков (как-то: выселков, починков, хуторов, застенков, односелий или отдельных дворов и т. п.), пользующихся всеми угодьями или некоторыми из них сообща или же имеющих другие общие хозяйственные выгоды.

41. Крестьяне имений, в коих числится не более двадцати ревизских мужского пола душ, если крестьяне эти живут в селении, принадлежащем разным владельцам, или хотя и в отдельных разнопоместных поселках, но не в дальнем одни от других расстоянии, соединяются в одно сельское общество, либо

присоединяются к другим обществам, с согласия сих последних.

42. «Волости» образуются из состоящих в одном уезде и, по возможности, смежных, сельских обществ. При соединении в волости сельские общества не раздробляются.

43. Для волости полагается наименьшее число жителей – около трехсот ревизских мужского пола душ, а наибольшее – около двух тысяч. Наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления оной полагается около двенадцати верст.

Примечание. В тех местностях, где по малому населению не найдется на определенном в этой статье протяжении трехсот душ крестьян, или где, наоборот, на незначительном расстоянии сосредоточено население свыше двух тысяч душ, допускаются отступления от вышеуказанного правила с разрешения начальников губерний.

44. При образовании волостей принимается в соображение нынешнее разделение на приходы, т. е. из каждого прихода образуется волость, если только приход соответствует условиям, в предыдущей статье постановленным. При малочисленности прихода соединяются в одну волость два или несколько приходов; но при сем приходы не раздробляются.

Примечание. Допускаются, с разрешения начальника губернии, отступления от изложенных выше правил, только в тех случаях, когда по местным обстоятельствам встретится особое затруднение в соблюдении оных.

45. Значительное селение, хотя бы оно превышало высший размер числа душ, назначенный для волости, и состояло из нескольких приходов и нескольких сельских обществ, составляет во всяком случае одну волость.

Глава II.
О сельском общественном управлении

46. Сельское общественное управление составляют:

1) сельский сход; и

2) сельский староста.

Сверх того общества, кои найдут то необходимым, могут иметь: особых сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей, сельских писарей и т. п.

Отделение первое. О сельских сходах

47. «Сельский сход» составляется из крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельского общества, и, кроме того, из всех назначенных по выбору сельских должностных лиц. Не

воспрещается домохозяину, в случае отлучки, болезни и вообще невозможности лично явиться на сход, присылать вместо себя кого-либо из членов своего семейства; с дворов же многотягольных дозволяется присылать на сход двух или более крестьян, если сие согласно с местным обычаем.

Примечание 1–е. В сельских сходах участвуют и те крестьяне, которые приобрели свои участки в собственность (крестьяне-собственники); они подают голос на сходах по всем до них касающимся делам, как-то: по раскладкам казенных податей и повинностей, земских и общественных, при суждениях о мирских нуждах и пользах, при выборах должностных лиц и т. п., но не принимают никакого участия в делах, касающихся отношений сельского общества к владельцу отведенной в пользование общества земли.

Примечание 2–е. Крестьяне, состоящие под следствием или судом по преступлениям или проступкам, влекущим за собою потерю всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию обвиняемого ему присвоенных (Св. Зак. 1857 г., т. XV, кн. 1, Улож. о Наказ., ст. 47), или же отданные под надзор общества по решениям судебных мест, не допускаются к участию в сходах.

48. Первое место на сельском сходе и охранение на нем должного порядка принадлежат старосте. Из сего общего правила исключаются только те случаи, когда сходы собираются: 1) для учета должностных лиц и 2) для рассмотрения принесенных на сии лица жалоб. В сих случаях первое место на сельских сходах предоставляется волостному старшине.

49. Сельский сход созывается, смотря по надобности, старостою, преимущественно в дни воскресные или праздничные.

50. Мировой посредник, когда представится надобность, приказывает также старосте или другому должностному лицу собрать сельский сход. Право это предоставляется и помещику, если он признает нужным собрать сход.

51. Ведению сельского схода подлежат:

1) выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход;

2) приговоры об удалении из общества вредных и порочных членов его, временное устранение крестьян от участия в сходах не долее как на три года;

3) увольнение из общества членов его и прием новых;

4) назначение опекунов и попечителей, поверка их действий;

5) разрешение семейных разделов;

6) дела, относящиеся до общинного пользования мирскою землею, как-то: передел земель, накладка и скидка тягол,

окончательный раздел общинных земель на постоянные участки и т. п.;

7) при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею распоряжение участками мирской земли, по какому-либо случаю остающимися праздными или не состоящими в подворном пользовании;

8) совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте;

9) принесение, куда следует, жалоб и просьб по делам общества чрез особых выборных;

10) назначение сборов на мирские расходы;

11) раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей, и порядок ведения счетов по означенным податям и сборам;

12) учет должностных лиц, сельским обществом избранных, и назначение им жалованья или иного за службу вознаграждения;

13) дела по отбыванию рекрутской повинности в той степени, в какой они касаются сельского общества;

14) раскладка оброка и издельной повинности по тяглам, по душам или иным принятым способом – там, где повинности в пользу помещика отбываются за круговою порукою целого общества;

15) принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок;

16) назначение ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода вспомоществований;

17) дача доверенностей на хождение по делам общественным; и

18) все те случаи, когда по общему закону или по правилам Положений о крестьянах требуется согласие или разрешение сельского общества.

Примечание 1–е. Предметы, в пунктах 6 и 14–м означенные и состоящие в связи с общинным пользованием землею, не входят в предметы ведомства сельских сходов в тех местностях, где существует участковое или подворное (наследственное) пользование землею. Равным образом в суждениях о тех же предметах не участвуют лица, выделившиеся из общинного пользования землею.

Примечание 2–е. В сельских обществах, в коих некоторые домохозяева платят оброк, а другие отбывают надельную повинность, тем и другим предоставляется, независимо от общего сельского схода, собираться в свободное от сельских работ время отдельно на частных сходах для обсуждения предметов, касающихся исключительно до оброка или издельной

повинности, отбываемых ими порознь.

Примечание 3–е. Сельский сход может совещаться и постановлять приговоры только по предметам, в этой статье исчисленным. Если же сход будет иметь суждение и постановит приговор по предметам, его ведению не подлежащим, то приговор считается ничтожным, а лица, участвовавшие в составлении оного или в самовольном созвании схода, смотря по важности дела, или подвергаются взысканию по решению мирового посредника, или предаются суду.

52. Решения сельских сходов признаются законными тогда только, когда на сходах были: сельский староста или заступающий его место и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах, и когда они относятся до предметов, исчисленных в 51–й статье.

53. Все дела на сельском сходе решаются: или с общего согласия, или большинством голосов. За каждым крестьянином, который участвует в сходе, считается один голос.

54. Для решения нижеследующих дел требуется согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих голос на сходе:

1) о замене общинного пользования землею участковым или подворным (наследственным);

2) о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки;

3) о переделах мирской земли;

4) об установлении мирских добровольных складок и употреблении мирских капиталов; и

5) об удалении порочных крестьян из общества и предоставлении их в распоряжение правительства.

Примечание. Приговоры об удалении крестьян из общества прежде исполнения их представляются старостою мировому посреднику (ст. 157).

55. Прочие дела решаются на сходах по приговору тех крестьян, на стороне которых по счету окажется хотя бы одним голосом более половины всех участвующих в сходе; если же сход разделится на две половины, равные по числу голосов, то большинство считается на той стороне, с которою согласится староста.

56. Голоса собираются: или разделением схода на две стороны и счетом голосов, на каждой стороне стоящих, или же иным способом по существующему в каждом обществе обычаю.

57. Приговоры сельского схода по делам, указанным в ст. 54–й, записываются в особую книгу. Приговоры по другим делам записываются в оную только тогда, когда сего потребует сход. Для письменных приговоров схода не установляется никакой

особой формы.

Отделение второе.

О обязанностях старосты и других сельских должностных лиц

58. По делам общественным сельский староста исполняет в пределах ведомства сельского общественного управления следующие обязанности:

1) созывает и распускает сельский сход и охраняет должный на оном порядок;

2) предлагает на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз сельского общества;

3) приводит в исполнение приговоры сельского схода, распоряжения волостного управления и мировых учреждений;

4) наблюдает за целостию меж и межевых знаков, на землях, в пользовании крестьян находящихся или принадлежащих им в собственность;

5) наблюдает за исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов и пр. на землях, отведенных сельскому обществу в надел или приобретенных крестьянами в собственность;

6) наблюдает за исправным отбыванием крестьянами податей и всякого рода повинностей как казенных, земских и мирских, так оброка или издельной повинности в пользу помещика, и собирает сии подати и оброки в тех обществах, где не будет особых сборщиков;

7) понуждает к исполнению условий и договоров крестьян между собою, а равно заключенных с помещиками и посторонними лицами, когда такие договоры не оспариваются самими крестьянами;

8) надзирает за порядком в училищах, больницах, богодельнях и других общественных заведениях, если они учреждены сельским обществом на свой собственный счет;

9) наблюдает за своевременным составлением ревизских сказок и подает оные, куда следует;

10) по просьбам крестьян о выдаче им установленных билетов и паспортов на отлучки или об увольнении их вовсе из общества, дает волостному старшине надлежащее удостоверение в том, что к увольнению означенных крестьян препятствия нет;

11) заведывает в порядке, установленном обществом, мирским хозяйством и мирскими суммами; надзирает за целостию запасного общественного хлеба и за правильным распоряжением оным; и

12) охраняет от растраты те имущества неисправных плательщиков, коими обеспечивается взыскание недоимки.

59. Пока крестьяне состоят в обязательных отношениях к помещику, на земле коего они водворены, сельский староста должен: крестьян, отправляющих издельную повинность, наряжать на работу, а с оброчных взыскивать оброк сообразно с требованием помещика, основанным на правилах местных положений, и вообще немедленно исполнять законные требования помещика, под своею личною ответственностью, согласно с изданными о крестьянах положениями.

60. Сельский староста исполняет все приказания волостного старшины по делам полицейского ведомства, в ст. 83–й упомянутым. Сверх того, не ожидая приказаний, староста обязан в пределах своего общества:

1) принимать необходимые меры для охранения благочиния, порядка и безопасности лиц и имуществ от преступных действий, а равно предупреждать, чтобы не было потрав хлеба, побоя травы, лесных пожаров и порубок в лесах;

2) задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и представлять их земской полиции для дальнейшего распоряжения;

3) распоряжаться подачею помощи в чрезвычайных случаях, как например: при пожарах, наводнениях, повальных болезнях, падеже скота и других общественных бедствиях, немедленно извещая волостного старшину, а в случае надобности донося прямо и полиции о важнейших происшествиях в сельском обществе;

4) в случае совершения преступления делать предварительное дознание, задерживать виновных и охранять следы преступления до прибытия земской полиции или судебного следователя.

61. По предметам, в предшедшей статье указанным, сельский староста обязан безотлагательно исполнять все законные требования помещика согласно правилам, в ст. 150–й сего Положения изложенным.

62. Ведомству сельского старосты подлежат все проживающие на землях, отведенных сельскому обществу в надел, или приобретенных крестьянами в собственность, лица податного состояния, а также отставные и бессрочноотпускные нижние военные чины и их семейства.

Примечание. Из сего изъемлются только находящиеся в услужении у помещиков и другие, проживающие в их усадьбах лица; они состоят непосредственно в ведении земской полиции. Если такими лицами произведены будут беспорядки в селении или на землях крестьянских, то староста представляет виновных помещику, а в случае совершения ими уголовных преступлений

или важных проступков – полиции, по общему порядку.

63. Сельский староста обязан исполнять беспрекословно все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей по предметам их ведомства.

64. Сельскому старосте предоставляется право за маловажные проступки, совершенные лицами ему подведомственными, подвергать виновных: назначению на общественные работы до двух дней, или денежному, в пользу мирских сумм, взысканию до одного рубля, или аресту не долее двух дней. Кто считает себя неправильно подвергнутым взысканию, тот может принести жалобу в семидневный срок мировому посреднику.

65. Сельский староста обязан при исполнении дел особой важности, именно: при производстве личных взысканий, как полицейских, так и налагаемых крестьянским судом или сходом, при всяком обыске в крестьянском доме или строении, при всяком задержании или взятии под арест, при приеме от сборщика и расходовании мирских денег и при взносе оброчной суммы помещику, непременно приглашать двух свидетелей, преимущественно из стариков сельского общества. То же правило, по возможности, наблюдается и при предварительном дознании по проступкам и преступлениям.

Примечание. В случае малолюдства сельского общества или когда в селении остается налицо мало крестьян, старосте дозволяется требовать на сей предмет свидетелей из ближайших обществ.

66. Когда волость состоит из одного сельского общества, обязанности старосты исполняет волостной старшина. В сем случае избираются «помощники старшины» в числе от одного до трех, смотря по обширности общества. Они содействуют старшине в исполнении всех его обязанностей и состоят в непосредственном его распоряжении.

67. На «сборщика податей» возлагается:

1) взимание лежащих на крестьянах податей, оброка, следующего в пользу помещика, и всяких установленных денежных сборов, а также недоимок по сим сборам;

2) ведение счетов полученным деньгам;

3) наблюдение за бездоимочным взносом, от каждого хозяина, следующих с него платежей;

4) хранение поступивших с крестьян податей, сборов и оброков, впредь до представления их кому следует, в том месте и тем порядком, которые будут определены сходами;

5) внесение в уездное казначейство податей и сборов и получение установленных в сдаче оных квитанций;

6) представление сходам отчета в поступивших от крестьян суммах;

7) представление сходам о неплательщиках для принятия мер ко взысканию с них недоимок; и

8) раздача всем домохозяевам окладных книжек, или бирок, или других каких-либо знаков, для помет о получении сборщиком денег, согласно с принятым в обществе порядком.

68. Обязанности всех остальных должностных лиц, как-то: смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей, сельских писарей и т. п., определяются самим названием должностей.

Глава III.
О волостном управлении

69. «Волостное управление» составляют:

1) волостной сход;

2) волостной старшина, с волостным правлением, и

3) волостной крестьянский суд.

70. Местом сбора волостного схода и пребывания волостных правления и суда назначается: когда волость состоит из одного прихода, – преимущественно то селение, в котором находится приходская церковь; в других же случаях – селение, находящееся в средине волости, либо отличающееся своею многолюдностью, или особым торговым и промышленным значением.

Отделение первое.
О волостных сходах

71. «Волостной сход» составляется из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору и исчисленных в ст. 112–й, и из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего, по одному от каждых десяти дворов, как пользующихся землею за повинности, так и приобретших участки в собственность.

72. От поселка, выселка, хутора, починка, застенка, односелья и проч., где менее десяти дворов, предоставляется посылать на волостной сход по одному выборному.

Примечание. В губерниях Виленской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской и Подольской, а также в уездах Динабургском, Дризенском, Люцинском и Режицком губернии Витебской, батраки и бобыли посылают на волостной сход по одному выборному от каждых двадцати взрослых работников.

73. По делам рекрутской повинности допускаются к участию в сходах крестьяне, подлежащие сей повинности, их родители

или воспитатели.

74. Там, где волость состоит из одного сельского общества, волостной сход заменяется сельским. В сем случае, к предметам ведомства сельского схода, исчисленным в ст. 51–й, присоединяются и все вообще предметы ведомства волостных сходов, указанные в ст. 78–й сего Положения.

75. Из крестьян, участвующих в волостном сходе, избираются очередные судьи, на оснований ст. 93–й сего Положения.

76. Для собрания волостных сходов в тех волостях, которые состоят из нескольких сельских обществ, назначаются мировым посредником, по представлению волостного старшины особые сроки. Если бы представилась надобность собрать сход не в назначенный для сего срок, то такое собрание схода делается с ведома и с согласия мирового посредника.

77. Первое место на волостных сходах и охранение на них должного порядка принадлежат волостному старшине. Но когда учитывается старшина или приносится на него жалоба, то на волостном сходе первое место предоставляется одному из сельских старост (или одному из помощников старшины, буде волость состоит из одного сельского общества), по взаимному между ними соглашению, а в случае несогласия – старшему из них по летам.

78. Ведению волостного схода подлежат:

1) выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда;

2) постановление о всех вообще предметах, относящихся до хозяйственных и общественных дел целой волости;

3) меры общественного призрения, учреждение волостных училищ, распоряжения по волостным запасным магазинам, где они есть;

4) принесение, куда следует, жалоб и просьб по делам волости чрез особых выборных;

5) назначение и раскладка мирских сборов и повинностей, относящихся до целой волости;

6) поверка действий и учет должностных лиц, волостью избираемых;

7) поверка рекрутских списков и раскладка рекрутской повинности, по правилам, изложенным в ст. 192–207–й; и

8) дача доверенностей на хождение по делам волости.

Примечание. Волостной сход имеет право совещаться и постановлять приговоры только по предметам, в этой статье исчисленным. Если же сход будет иметь суждение и постановит приговор по предметам, его ведению неподлежащим, то приговор считается ничтожным, а лица, участвовавшие в составлении оного

или в самовольном созвании схода, смотря по важности дела: или подвергаются взысканию по решению мирового посредника, или предаются суду.

79. Решения волостного схода признаются действительными, когда на сходе были: волостной старшина или заступающий его место, и не менее двух третей крестьян, имеющих голос на сходе. Все дела на волостном сходе решаются по общему согласию или по большинству голосов, кои считаются по правилам, в ст. 53–56–й изложенным. Законными приговоры схода признаются только тогда, когда они, при исполнении вышеозначенного условия, относятся исключительно до предметов ведомства волостного схода. Приговоры записываются в книгу по делам особой важности и тогда, когда приговор должен действовать на долгое время, а также в том случае, когда сего потребует сход.

80. Жалобы на решение волостного схода приносятся мировому посреднику для передачи на разрешение мирового съезду.

Отделение второе.

О волостном старшине

81. «Волостной старшина» ответствует за сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния в волости. В этом отношении ему вполне подчиняются сельские старосты.

82. Ведомству волостного старшины подлежат: сельские общества, к составу волости принадлежащие, и вообще лица, состоящие в ведении сельского управления тех обществ (ст. 62), а равно приписанные к волости дворовые люди.

Примечание. Ведомству старшины не подлежат лица, указанные в примечании к ст. 62–й сего Положения; но в случае совершения ими уголовных преступлений или важных проступков старшина представляет виновных полиции по общему порядку.

83. По делам полицейским волостной старшина в пределах ведомства волостного управления обязан:

1) объявлять, по предписаниям земской полиции, законы и распоряжения правительства и наблюдать за нераспространением между крестьянами подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов;

2) охранять благочиние в общественных местах и безопасность лиц и имуществ от преступных действий, а также принимать первоначальные меры для восстановления нарушенной тишины, порядка и безопасности впредь до распоряжения земской полиции;

3) задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и представлять их полицейскому начальству;

4) доносить земской полиции о самовольно отлучившихся из волости и о преступлениях и беспорядках, случившихся в волости.

5) наблюдать за точным исполнением установленных настоящим Положением правил о прописке, увольнении и перечислении крестьян из одного общества в другое и доносить о сем земской полиции, для уведомления уездного казначейства и казенной палаты;

6) распоряжаться в чрезвычайных случаях, как, например: при пожарах, наводнениях, повальных болезнях, падеже скота и других общественных бедствиях, и немедленно доносить полицейскому начальству о чрезвычайных происшествиях в волости;

7) предупреждать и пресекать преступления и проступки; принимать полицейские меры для открытия и задержания виновных и представлять их на дальнейшее распоряжение подлежащего начальства; и

8) наблюдать за исполнением приговоров мировых учреждений и волостного суда.

84. Волостной старшина по делам общественным обязан в пределах ведомства волостного управления:

1) созывать и распускать волостной сход и охранять должный на оном порядок;

2) предлагать на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз волостного общества;

3) приводить в исполнение приговоры волостного схода, постановленные на основании законов и правил, настоящим Положением установленных;

4) наблюдать за исправным содержанием в волости дорог, мостов, гатей, перевозов и проч.;

5) наблюдать как за сельскими старостами, так и за другими должностными лицами, чтобы каждый из них исполнял в точности свои обязанности;

6) наблюдать за исправным отправлением обществами всякого рода казенных и земских повинностей, как денежных, так и натуральных, а равно и рекрутской;

7) заведовать волостными мирскими суммами и волостными мирскими имуществами, ответствуя за целость оных и правильное их употребление;

8) крестьянам и дворовым людям, приписанным к волости, выдавать, по истребовании надлежащих удостоверений и с соблюдением установленного порядка, свидетельства, как для получения теми крестьянами и дворовыми паспортов и билетов на отлучки, так и для перехода их в другие общества и сословия;

9) надзирать за порядком в училищах, больницах, богадельнях и всякого рода общественных заведениях, если они учреждены волостным обществом на свой собственный счет;

10) вести списки дворовым людям, приписанным к волости, и получать с них установленный сбор для внесения куда следует.

Примечание. Когда волость состоит из одного сельского общества, на волостного старшину, сверх исчисленных выше обязанностей, возлагаются и все обязанности сельского старосты. Вследствие сего волостной старшина исполняет все законные требования помещика, как по отправлению в его пользу следующих с крестьян повинностей, так равно по сохранению порядка и отвращению несчастных случаев на точном основании статей 59, 61 и 150–й сего Положения.

85. Волостной старшина обязан исполнять беспрекословно все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей по предметам их ведомства.

Примечание. Приказания земской полиции, касающиеся полицейских обязанностей волостного старшины или сельского старосты, передаются им или прямо, или чрез сотского. Сотский может передавать старшине или старосте только приказания земской полиции и не имеет права вмешиваться в дела волостного или сельского управлений; но может требовать их содействия к исполнению предписаний полиции и к задержанию преступников или подозрительных людей. В этом случае сельские и волостные начальства обязаны исполнять требования сотских и оказывать им надлежащую помощь, равно и сотские обязаны содействовать сельским и волостным начальствам в исполнении их полицейских обязанностей и в сохранении порядка.

86. За маловажные полицейские проступки, совершенные лицами, подведомственными волостному старшине, он может подвергать виновных взысканиям в тех размерах, как сие предоставлено сельскому старосте (ст. 64).

Отделение третье.

О волостном правлении

87. Волостное правление составляется из старшины, всех сельских старост или помощников старшины и из сборщиков податей там, где есть особые сборщики.

Примечание. Предоставляется волостному сходу по собственному его усмотрению избирать для присутствования в волостном правлении одного или двух особых заседателей, если сход найдет это необходимым, с тем чтобы сии заседатели могли заменять в правлении сельских старост.

88. Волостное правление собирается, по возможности и удобству, в воскресные дни, а в случае предписания начальства или дел, не терпящих отлагательства, и в другие дни.

89. Решению правления, единогласному или по большинству голосов наличных членов, подлежат только следующие дела: 1) производство из волостных сумм всякого рода денежных расходов, утвержденных уже волостным сходом; 2) продажа частного крестьянского имущества по взысканиям казны, помещика или частного лица, кроме тех случаев, которые по закону возлагаются на общую полицию, и 3) определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму. Старшина по всем другим делам его ведомства только советуется с правлением, но распоряжается по своему усмотрению, под личною своею ответственностью.

90. Дела в волостном правлении производятся словесно. В заведенную при волостном правлении книгу приказов вписываются:

1) приказания, объявленные старшиною правлению или отдельным должностным лицам, принадлежащим к составу правления, если таковой записки в книгу потребует сам старшина или лицо, получившее приказание, и 2) решения, принятые правлением единогласно, или по большинству голосов.

91. При волостном правлении, кроме книги, упомянутой в предыдущей статье, ведутся: 1) книга приговоров волостного схода;

2) книга решений волостных и третейских судов (ст. 100, 107 и 108), и 3) книга сделок и договоров. В сию книгу вносятся по желанию договаривающихся сторон всякого рода сделки и обязательства (на суммы не свыше трехсот рублей), заключенные крестьянами как между собою, так равно и с помещиком или посторонними лицами, когда такие сделки и обязательства словесно объявлены в присутствии не менее двух свидетелей и подписаны обеими договаривающимися сторонами, или, по просьбе их, кем-либо другим, за неумением грамоте. Записи, внесенные в сию книгу, а равно выдаваемые с них засвидетельствованные копии, имеют в случае спора силу судебного доказательства, если признаются действительными (неподложными).

92. Ведение книг в волостном правлении и вообще все по оному письмоводство возлагается под ближайшим надзором старшины на «волостного писаря», который обязан верно и в порядке вести означенные книги и с надлежащею точностью излагать в бумагах и свидетельствах, выдаваемых от волостного старшины, волостного правления, волостного суда и волостного

схода, то, что было ими положено и решено. В случае подлога писарь подвергается уголовному суду и наказанию, какое определяется за подлоги по службе на основании Св. Зак., 1857 г., т. XV, кн. 1, Улож. о Нак. статьи 404–й.

Отделение четвертое.

О волостном суде

I. Состав суда и время собраний

93. Для составления волостного суда избирается ежегодно волостным сходом (или сельским, если волость состоит из одного сельского общества) от четырех до двенадцати очередных судей. Определение числа сих выборных и установление между ними очереди предоставляется сходу на следующих основаниях:

1) присутствие суда должно состоять не менее как из трех судей;

2) судьи могут быть избраны или для бессменного, в течение целого года, отправления своей должности, или для отправления оной по очереди, заранее определенной сходом;

3) в последнем случае из избранных в числе от 4–х до 12–ти судей должны выбывать в назначенные сроки (как, например, через два, четыре или шесть месяцев) не более половины, и затем выбывшие замещаются другими избранными судьями по очереди.

Примечание 1–е. Сходу предоставляется назначить, если признает нужным, вознаграждение очередным судьям по своему усмотрению за время исправления ими должности.

Примечание 2–е. В тех волостях, где уже существует учрежденный по местным обычаям суд, там он сохраняется, но с тем, чтобы в избрании судей участвовала вся волость.

94. Волостной суд собирается через каждые две недели, по возможности и удобству, по воскресеньям; в случае же нужды созывается волостным старшиною в другие дни и чаще.

II. Предметы ведомства и пределы власти волостного суда

95. Волостной суд ведает на основании следующих статей как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам.

96. Волостной суд решит окончательно: все споры и тяжбы собственно между крестьянами, ценою до ста рублей включительно как о недвижимом и движимом имуществах в пределах крестьянского надела, так и по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, а равно и дела по вознаграждению за убытки и ущерб, крестьянскому имуществу причиненные.

97. Если дело превышает сумму, в ст. 96–й означенную, или тяжба касается недвижимого имущества, приобретенного крестьянами в собственность вне надела, а также если участвуют в тяжбе лица других состояний, то во всех сих случаях по требованию одной из сторон дело подлежит рассмотрению общих судебных мест на точном основании законов.

98. Независимо от сего окончательному решению волостного суда подлежат все, без ограничения ценою иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущиеся стороны предоставят решению волостного суда. Споры и тяжбы, в коих кроме крестьян участвуют и посторонние лица, могут быть также по желанию тяжущихся сторон предоставляемы окончательному решению волостного суда.

99. По всем делам без ограничения их ценою, если с оными не соединено преступления или проступка и не сопряжены пользы малолетних и умалишенных, крестьяне, как одной, так и разных волостей, могут вместо разбирательства в волостном суде обращаться по взаимному согласию к третейскому по совести суду, не стесняясь никакими формами.

100. Решение третейского суда должно быть немедленно объявлено тяжущимся сторонам и внесено в имеющуюся при волостном правлении книгу. Оно считается вошедшим окончательно в законную силу со времени внесения в эту книгу. Никакие жалобы на оное нигде не принимаются.

101. Волостной суд разбирает и приговаривает к наказанию крестьян, принадлежащих к волости, за маловажные проступки, когда оные совершены в пределах самой волости против лиц, принадлежащих к тому же состоянию, и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки не находятся в связи с уголовными преступлениями, кои подлежат рассмотрению общих судебных мест. Если в совершении проступка участвуют крестьяне, принадлежащие к другой волости, то виновных приговаривает к наказанию суд той волости, в пределах коей проступок совершен.

Примечание. Лица других состояний, против коих совершены крестьянами проступки, могут, буде пожелают, отыскивать следующего им удовлетворения в волостном суде или в общих учреждениях.

102. Волостной суд властен по таковым проступкам приговаривать виновных: к общественным работам – до шести дней, или к денежному взысканию – до трех рублей, или к аресту – до семи дней, или наконец, лиц, от телесного наказания не изъятых, – к наказанию розгами до двадцати ударов. Назначение меры наказания за каждый проступок предоставляется

усмотрению самого суда.

Примечание 1–е. Впредь до издания общего сельского судебного устава волостные суды, а также волостные старшины и сельские старосты, при определении, на точном основании ст. 64, 86 и 102–й сего Положения, меры наказаний за маловажные преступления и проступки применяются к правилам, по сему предмету установленным в уставе сельском судебном для государственных крестьян (Св. Зак. 1857 г., т. XII, ч. II, Уст. о благоустр. в казен. селен, ст. 440–536).

Примечание 2–е. Волостной суд не вправе приговаривать к телесному наказанию: престарелых крестьян, достигших шестидесятилетнего возраста; должностных лиц, в ст. 124–й упомянутых, и тех, кои беспорочно исполняли подобные должности; равно и крестьян, кончивших курс в уездных училищах, земледельческих и равных с ним, или высших учебных заведениях.

III. Порядок производства и решения дел

103. Волостной суд входит в разбор споров и тяжб не иначе как по жалобе истца. В разбор же проступков крестьян он входит:

1) по жалобам обиженного или его родителей, буде обиженный не достиг еще совершеннолетия; 2) по требованию волостного старшины, или помощника его, или сельского старосты и 3) по извещению того, кто был свидетелем проступка, если обиженный не может сам принести жалобы.

104. Волостной старшина и староста не должны вмешиваться в производство волостного суда и не присутствуют при обсуждении дел.

105. Все дела в волостном суде производятся словесно.

106. В делах о проступках, если суд найдет недостаточными показания лиц, причастных к делу, то для приведения оного в ясность может сам производить дознания в присутствии двух или более свидетелей из местных домохозяев. В делах тяжебных осмотры местности при свидетелях и вообще поверку доказательств суд производит не иначе как по просьбе тяжущихся.

107. При рассмотрении тяжебного дела в самом волостном суде судьи по выслушании тяжущихся сторон стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую, и каким образом должно последовать удовлетворение. Если тяжущиеся стороны не пойдут на мировую сделку, то суд решит дело либо на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены

между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту. Как условия мировой сделки, так и решение волостного суда записываются в имеющуюся при волостном правлении книгу с означением имен истца и ответчика.

108. По рассмотрении волостным судом проступка, подлежащего его обсуждению, вписываются в упомянутую выше (ст. 91) книгу: имя виновного, самая вина его и мера наложенного на него взыскания.

109. Приговоры волостного суда по проступкам, подлежащим его рассмотрению, считаются окончательными.

110. Приговоры волостного суда как по спорам и тяжбам, так и по проступкам приводятся в исполнение сельскими старостами или, когда волость состоит из одного сельского общества, помощником волостного старшины под наблюдением старшины и за общею их ответственно стью.

Глава IV.

О порядке назначения и удаления сельских и волостных должностных лиц, их правах и ответственности

Отделение первое.

О порядке назначения и удаления должностных лиц

111. Из должностей крестьянского управления одни замещаются по выбору, а другие, по усмотрению общества, могут быть замещаемы или по выбору, или по найму.

112. По выбору замещаются следующие должности:

1) волостного старшины;

2) сельских старост;

3) помощников старшины;

4) сборщиков податей и заседателей волостных правлений (прим. к ст. 87) в тех обществах и волостях, которые признают нужным иметь особых сборщиков и заседателей; и

5) судей волостных судов (ст. 93).

Примечание. Выборные, участвующие в волостном сходе, не считаются должностными лицами.

113. Прочие должностные лица, как-то: смотрители магазинов, лесные и полевые сторожа, смотрители богоугодных и общественных заведений, волостные и сельские писаря и т. п., назначаются по усмотрению общества, либо по выбору, либо по найму. В последнем случае могут быть назначаемы и посторонние лица хорошего поведения.

114. В должности, замещаемые по выбору (ст. 112), не могут быть избираемы: 1) лица моложе двадцати пяти лет; 2) люди, телесно наказанные по суду или оставленные судом в

подозрении, а также состоящие под судом и следствием и заведомо развратного поведения. Притом волостной старшина, очередные судьи, сельский староста и сборщик податей выбираются преимущественно из домохозяев.

115. В должности волостного и сельского писаря не могут быть назначаемы лица, исключенные из службы, либо опороченные по суду, либо состоящие под судом или следствием, и вообще заведомо развратного поведения.

Примечание. Если помещик усмотрит, что в должность писаря избрано лицо неблагонадежное, вопреки изложенному в сей статье правилу, то при самом назначении такого лица может о недопущении его к должности обратиться с требованием к мировому посреднику, который, удостоверясь в справедливости требования помещика, устраняет писаря от должности, предлагая сходу назначить на место его другого.

116. С должностью волостного старшины не допускается ни под каким предлогом соединение в одном лице других должностей. Прочие должности могут быть по усмотрению общества соединяемы в одном лице.

117. Срок службы, для всех выборных лиц, кроме сборщика податей, ограничивается одним трехлетием, а для сборщика податей – одним годом; для всех же лиц, служащих по найму, срока не установляется. Кто отслужил положенный срок, тот может быть избираем снова в ту же или другую должность, но не иначе, как с его на то согласия.

118. В должности волостного старшины, помощников его и сельских старост избирается по два лица, с тем что одно из них назначается для отправления должности, а другое для временного заступления его места в случае отсутствия, смерти, тяжкой болезни, устранения от должности и т. п.

119. Избранный обществом в какую-либо должность не имеет права от нее отказаться, за исключением только следующих случаев:

1) если ему более шестидесяти лет; 2) если он уже прослужил по выбору полный срок и 3) если он одержим сильными телесными недугами. Сверх того сход может увольнять избранного и по другим причинам, кои признает уважительными.

Примечание. Жалобы неправильно избранных в должности крестьян, имеющих на основании сей статьи право отказаться от принятия общественной службы, подаются чрез мирового посредника уездному мировому съезду, который и постановляет свое по сим жалобам решение.

120. Волостной старшина утверждается в должности мировым посредником и приводится им к присяге на верность

службы. Об утверждении его мировой посредник сообщает становому приставу.

Примечание. О выборе нового волостного старшины доносит мировому посреднику выбывший старшина.

121. Все прочие избранные сходами должностные лица вступают в отправление своей должности немедленно по избрании. Если же на незаконность избрания последует жалоба не далее как в течение недели после выборов и не менее как от одной пятой части всего числа домохозяев, составляющих волость, либо сельское общество, то мировой посредник входит в рассмотрение законности произведенного выбора и, по удостоверении в справедливости жалобы, распоряжается о производстве при себе новых выборов.

Примечание. О выборе каждого нового сельского старосты волостной старшина доводит до сведения мирового посредника и станового пристава.

122. Волостные старшины, сельские старосты и помощники старшины в случае неисправного отправления ими должностей, или замеченных с их стороны злоупотреблений окончательно удаляются от должности не иначе как по постановлению уездного мирового съезда. Постановления съезда об окончательном отрешении от должности волостных старшин представляются на утверждение начальника губернии. По причинам, особенно уважительным, мировой посредник может, впредь до получения разрешения мирового съезда, временно удалять означенных лиц от должности. Он может также, своею властию, сменить старосту и назначить нового, если помещик будет требовать этого, на основании статьи 153–й сего Положения.

Примечание. Определение и увольнение всех прочих, не поименованных в сей статье должностных лиц предоставляется самому сходу.

Отделение второе.

О правах и льготах должностных лиц

123. Назначение жалованья или иного вознаграждения лицам, служащим по выбору или по найму, предоставляется непосредственному усмотрению обществ, от которых зависит избрание и наем тех должностных лиц.

124. Служащим по выборам предоставляются следующие льготы:

1) все назначаемые по выбору должностные лица на время их службы увольняются лично от всяких натуральных повинностей, которые за них принимает на себя общество;

2) волостной старшина, его помощники, сельские старосты,

заседатели волостного правления, судьи волостного суда, сборщики податей и смотрители хлебных магазинов на время службы освобождаются от телесного наказания;

3) волостной старшина на время службы освобождается с семейством от рекрутской повинности;

4) волостной старшина, беспорочно прослуживший два трехлетия, освобождается лично, навсегда, от исполнения рекрутской повинности, а по истечении трех трехлетий беспорочной службы льгота сия распространяется по его выбору на одного из его сыновей, или родственников, или воспитанников.

Отделение третье.
Об ответственности должностных лиц

125. Волостные старшины, помощники их и сельские старосты за маловажные проступки по должности подвергаются по распоряжению мирового посредника замечаниям, выговорам, денежному штрафу до 5 рублей, или аресту до семи дней. Все начальствующие лица требования свои о взысканиях с волостного старшины и сельского старосты по делам их ведомств заявляют мировому посреднику, который, по удостоверении в справедливости требования, делает, смотря по обстоятельствам дела, надлежащее по сему предмету распоряжение. На отказ мирового посредника в удовлетворении требований сего рода могут быть приносимы жалобы губернскому по крестьянским делам присутствию.

Примечание. За важные проступки и преступления должностные лица общественного управления предаются суду.

126. Все прочие должностные лица, за маловажные проступки по службе, подвергаются взысканиям: сельские – по распоряжению сельского старосты, а волостные – по распоряжению волостного старшины, в пределах той власти, какая им над крестьянами предоставлена, кроме лишь назначения провинившихся на общественные работы (ст. 64 и 86 сего Положения). О более важных взысканиях сельский староста, чрез волостного старшину, а волостной старшина прямо от себя представляют мировому посреднику.

127. Жалобы от обществ и от крестьян на сельских и волостных должностных лиц приносятся мировому посреднику. Жалобы на сельских должностных лиц он рассматривает и решит сам; а на волостных – передает для рассмотрения уездному мировому съезду.

128. Жалобы на действия волостных и сельских управлений от всех прочих частных лиц, к крестьянскому обществу не

принадлежащих, подаются, по желанию их, либо волостному суду, либо мировому посреднику, или в общие судебные места по принадлежности.

129. За преступления по должности все должностные лица волостного и сельского управлений судятся в уездном суде, а предаются суду мировым посредником или непосредственно, или по решению мирового съезда.

Глава V.

Об увольнении крестьян из сельских обществ и о приписке к обществам

Отделение первое.

Об увольнении крестьян из сельских обществ

130. Для увольнения крестьян из сельских обществ требуется соблюдение следующих общих условий:

1) чтобы крестьянин, желающий получить увольнение из общества, отказавшись навсегда от участия в мирском наделе, с соблюдением правил, установленных в местных положениях, сдал состоявший в его пользовании участок земли;

Примечание. Порядок и сроки для сдачи увольняемыми крестьянами участков земли определяются местными обычаями, а если возникнет по сему предмету недоразумение, то таковые сроки назначаются окончательно уездным мировым съездом.

2) чтобы к увольнению не было препятствия по отправлению рекрутской повинности;

Примечание. Препятствие сие, во всяком случае, может быть устранено на основании правил, изложенных в Рекрутском уставе.

3) чтобы на семействе увольняемого не было никаких казенных, земских, ни мирских недоимок, и чтобы при том подати были уплачены им по 1 января следующего года;

4) чтобы на увольняемом не было бесспорных частных взысканий и обязательств, предъявленных волостному управлению;

5) чтобы увольняемый не состоял под судом и следствием;

6) чтобы родители увольняемого были согласны на увольнение;

7) чтобы остающиеся в обществе, в семействе увольняемого крестьянина, малолетние и другие лица, не способные к работе, были обеспечены в своем содержании;

8) чтобы на увольняемом крестьянине, если он пользуется наделом помещичьей земли, не было недоимок в повинностях, причитающихся за таковое пользование; и

9) чтобы желающий получить увольнение представил

приемный приговор от того общества, куда он переходит, кроме случая, указанного в примечании к ст. 147–й, в котором приговор заменяется свидетельством волостного старшины.

Примечание. Крестьяне, воспользовавшиеся содействием правительства для приобретения в собственность полевого их надела, могут быть увольняемы из общества не иначе, как с соблюдением правил, установленных для сего в ст. 172–179–й Положения о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий.

131. В продолжение первых девяти лет со времени утверждения сего Положения, кроме исчисленных в предыдущей статье правил, соблюдаются еще при увольнении крестьян особые условия, установленные в местных положениях.

132. Выходящий из общества крестьянин должен получить увольнительное свидетельство от волостного старшины, который обязан выдать ему свидетельство, если только соблюдены все условия, настоящим Положением установленные.

Примечание. Увольнительный приговор составляется сельским обществом только в тех случаях, когда на увольнение из общества требуется, на основании местных положений, согласие общества.

133. Увольнительное свидетельство должно заключать в себе удостоверение, что при увольнении соблюдены общие, указанные в ст. 130–й условия, установленные для всех вообще увольняемых крестьян. Если же увольнение происходит в течение первых девяти лет от утверждения Положения, то волостной старшина обязан удостоверить, что при увольнении соблюдены сверх того особые условия, установленные на этот срок в местных положениях.

134. Увольнительное свидетельство может быть выдаваемо во всякое время, но волостной старшина, по крайней мере за месяц до выдачи свидетельства, обязан опросить на сходе крестьян того сельского общества, в коем состоит увольняемый крестьянин, не имеется ли к увольнению его каких-либо законных препятствий, указанных в ст. 130 и 131–й, и если таковые окажутся, то впредь до устранения их приостановить выдачу увольнительного свидетельства. В увольнительных свидетельствах, выдаваемых крестьянам, должно быть включаемо объяснение, что упомянутый в сей статье опрос крестьян на сходе был произведен и что по оному не оказалось законных препятствий к увольнению.

135. За выдачу увольнительного свидетельства без соблюдения правил, указанных в предыдущих статьях, волостной старшина подвергается личной ответственности по мере вины, и

сверх того с него взыскиваются все могущие произойти от того убытки.

136. Жалобы на всякое незаконное, с чьей бы то ни было стороны, препятствие к увольнению крестьянина из общества, подаются крестьянами чрез мирового посредника уездному мировому съезду. Таким же порядком подаются жалобы от помещиков и крестьянских обществ на неправильную выдачу увольнительных свидетельств таким крестьянам, к увольнению коих имеются законные препятствия.

137. О выдаче каждого увольнительного свидетельства волостной старшина обязан известить немедленно подлежащее сельское общество и помещика. Кроме того, старшина доносит о сем земской полиции для уведомления уездного казначейства и Казенной палаты.

138. Крестьянки (незамужние или вдовы), если они не имеют участия в поземельном наделе, могут выходить из общества, не испрашивая согласия оного, по свидетельствам, выдаваемым от волостного старшины в том, что увольняемые получили на выход из общества согласие своих родителей, или что таковых в живых не находится, и что сами крестьянки не состоят под судом или следствием.

139. Получивший увольнительное свидетельство обязан приписаться к тому сельскому или городскому обществу от которого он получил приемный приговор, и представить в Казенную палату просьбу о приписке установленным в ст. 147–й порядке не позже как в шестимесячный срок со дня получения увольнительного свидетельства.

140. Прием уволенных крестьян в городские и другие общества по исполнении вышеуказанных условий, производится тем же порядком, какой установлен для приема в означенные общества лиц прочих свободных податных состояний.

Отделение второе.

О приеме новых членов в общества крестьян, вышедших из крепостной зависимости

141. Лица свободных податных состояний имеют право поступать в общества крестьян, вышедших из крепостной зависимости, но не могут быть обращаемы на постоянную и обязательную издельную повинность в пользу помещика, и в случае, если пожелают выйти из общества обязанных крестьян, к коему приписались, не подвергаются тем особым условиям, о коих упомянуто в ст. 131–й.

142. Желающий поступить в общество должен испросить приемный приговор оного. Сверх того, если общество пользуется

наделом помещичьей земли за определенные местными положениями повинности, то в продолжение обязательных отношений крестьян к помещикам на прием постороннего лица в общество предварительно испрашивается и согласие помещика.

143. Крестьянин, который уже имеет или приобретет в собственность участок земли на нижеизложенных основаниях, может, получив, установленным порядком, увольнение из своего общества, приписаться по своему желанию к другому обществу без участия в пользовании мирским наделом. Для сего требуется: 1) чтобы величина участка, приобретенного крестьянином в собственность, была не менее определенной на сей случай в местных положениях и 2) чтобы сей участок находился в расстоянии не далее пятнадцати верст от места водворения того общества, к которому владелец участка желает приписаться.

144. Крестьяне-собственники, приписавшиеся к обществу на основании предыдущей статьи, т. е. без участия в пользовании мирским наделом, подчиняются, наравне с другими членами общества, волостному и сельскому общественному управлению; они участвуют в выборе должностных лиц и в других делах крестьянского управления, а также в раскладке и отправлении обществом рекрутской повинности, казенных податей, земских повинностей и мирских сборов, но освобождаются от всех обязанностей, проистекающих из пользования мирским наделом.

145. Приписка к обществу крестьян-собственников на основании статей 143 и 144–й производится волостным старшиною по просьбе о том означенных крестьян, без составления обществом приемного приговора и без испрошения согласия помещика.

146. Приемыши, приписанные к семействам крестьян из подкидышей и сирот податного состояния или из не помнящих родства, поступают в состав тех обществ, к коим принадлежат принявшие их семейства.

Отделение третье.

О порядке причисления в оклад, исключения из оного и перечисления из одного оклада в другой

147. Причисление в оклад, исключение из оклада и перечисление из одного оклада в другой крестьян, вышедших из крепостной зависимости, производится не иначе, как с ведома и по распоряжению Казенной палаты общим, для сего установленным порядком (Св. Зак. 1857 г., т. V., Уст. о под., ст. 22). Сверх того, при переходах сих крестьян из одного общества в другое соблюдаются следующие особые правила:

1) если крестьянин переходит из одного общества в другое,

находящееся в пределах той же волости, то Казенная палата производит перечисление окладов, следующих с переходящего крестьянина, по получении сведений о переходе сего крестьянина (ст. 137);

2) при переходе в общество другой волости, но в пределах той же губернии, переходящий крестьянин обязан сам или чрез старшину той волости, куда он переходит (порядком, указанным в пункте 5–м ст. 83 сего Положения), представить в Казенную палату увольнительное свидетельство, выданное ему на основании ст. 132, 133 и 134–й настоящего Положения, и приемный приговор, засвидетельствованный волостным старшиною, на принятие переходящего крестьянина в новое общество. Казенная палата по получении упомянутых свидетельства и приговора делает немедленно распоряжение о перечислении окладов переходящего крестьянина в новое общество, с того времени, по которое таковые значатся по увольнительному свидетельству уплаченными в обществе, из коего уволен переходящий крестьянин; и

3) при переходе из одной губернии в другую увольнительное свидетельство и приемный приговор представляются порядком, указанным в предыдущем пункте, в Казенную палату той губернии, куда крестьянин переходит. Палата, основываясь на означенных свидетельстве и приговоре, делает немедленно распоряжение о причислении переходящего крестьянина в оклад с того времени, по которое подати уплачены за него в том обществе, из коего он уволен, и уведомляет о сем Казенную палату той губернии, где сие общество находится, для исключения переходящего крестьянина из оклада по оному с того же времени.

Примечание. Крестьяне-собственники, приписываемые к обществам без приемного приговора (ст. 143, 144 и 145), представляют, вместо оного, в Казенную палату, свидетельство волостного старшины о приписке.

Глава VI.

О вотчинной полиции и попечительстве помещиков в сельских обществах временно-обязанных крестьян

148. Помещику предоставляется на основаниях и в пределах, ниже сего означенных, вотчинная полиция в сельском обществе временно-обязанных крестьян, на земле его поселенных, и с сим вместе помещик есть попечитель того сельского общества.

149. Помещик имеет право надзора за охранением общественного порядка и общественной безопасности на пространстве принадлежащего ему имения.

150. Посему сельский староста исполняет безотлагательно все законные требования помещика по следующим предметам:

1) о прекращении всякого буйства или насилия в сельском обществе, а также всякого явного нарушения общественного порядка и законов;

2) об оказании помощи и защиты как самому владельцу, так и всем проживающим в имении лицам, в случае зажигательства, разбоя, грабежа, воровства, насилия и т. п.;

3) о предохранении владельца и его имущества, а также и всех проживающих в имении его лиц от опасности при всяких несчастных случаях, как-то: пожарах (в том числе и лесных), наводнениях, повальных болезнях и скотских падежах, и о мерах для пресечения сих и других подобных несчастий;

4) о надзоре за лицами подозрительного поведения и о задержании беглых, бродяг и беспаспортных;

5) об исправлении сельских дорог на землях, в пользование крестьян отведенных, и

6) в случае совершения кем-либо преступления, о задержании виновных и сохранении следов преступления, до прибытия земской полиции или судебного следователя.

151. Крестьяне, водворенные на земле помещика, обязаны ограждать его и его домашних от всяких насильственных действий, указанных в пунктах 1 и 2–м ст. 150–й, а равно и оказывать им помощь при внезапных общественных несчастиях (п. 3, ст. 150), для устранения коих требуется единовременное соединение большого числа рабочих сил. Для сего, в случае опасности, как сельское начальство, так и крестьяне должны являться на помощь даже и до призыва их помещиком.

Примечание. При паводках, угрожающих помещичьим плотинам, помещик может также требовать немедленной помощи от крестьян, в определенном числе или сгоном, с соблюдением условий, указанных в местных положениях.

152. Если староста допустит беспорядки, утаит или оставит без преследования преступление, либо не выполнит законного требования помещика, то последний обращается к мировому посреднику, который в случае неправильности действий старосты принимает надлежащие меры и подвергает старосту, по степени его вины, взысканию в порядке, для того установленном.

153. В случае злоупотреблений и вообще неисправного исполнения своей должности старостою или помощником старшины, помещик имеет право требовать смены их. Для сего он обращается к мировому посреднику, который, удостоверясь в справедливости требования, сменяет прежних старосту или помощника старшины и назначает новых, по своему усмотрению,

на все время, остающееся до истечения срока службы сменяемого. Впрочем, избрание нового старосты или помощника старшины может, с согласия помещика и до истечения сего срока, быть предоставлено самим крестьянам.

154. За оскорбление помещика или члена его семейства кем-либо из крестьян, водворенных на его земле, виновные подвергаются суду и наказанию на основании Св. Зак., 1857 г., т. XV, кн. 1, ст. 439 и 440–й. Те, кои будут изобличены в возбуждении крестьян к неисполнению возложенных на них Положением обязанностей, подлежат суду и наказаниям на основании Св. Зак., 1857 г., т. XV, кн. 1, ст. 295–й и последующих.

155. Как попечитель сельского общества временно-обязанных крестьян, водворенных на его земле, помещик имеет право в случае неправильного обложения сельского общества казенными податями и повинностями, а равно, если он заметит беспорядки по предметам, непосредственно относящимся к благосостоянию означенного общества, обращать на сие внимание того лица или места, от коего зависит устранение сих неправильностей или беспорядков. Если представления помещика будут оставлены без надлежащего удовлетворения, то он может доводить о том до сведения установлений, коим сии лица, или места подведомы.

156. Помещику предоставляется в тех случаях, когда он признает для крестьян полезным, ходатайство и заступничество за них по делам, касающимся целого общества или отдельных лиц. Он может также по просьбе крестьян входить в разбирательство их тяжб и споров между собою, на основаниях, указанных выше сего в статьях 26, 27 и 28–й.

157. Ни один крестьянин не может быть по мирскому приговору исключен из общества и представлен в распоряжение правительства иначе, как по предварительном сношении мирового посредника с самим владельцем или его поверенным. Мировой посредник ожидает отзыва владельца о том в течение месяца. Получив отзыв, мировой посредник представляет о сем губернскому по крестьянским делам присутствию. Если же в течение месяца отзыва владельца или его поверенного мировой посредник не получит, то он, по прошествии сего срока, представляет дело губернскому по крестьянским делам присутствию и без отзыва владельца.

158. Помещику в продолжение первых девяти лет по утверждении сего Положения предоставляется право, если он признает присутствие какого-либо крестьянина в обществе вредным или опасным, предложить самому обществу об исключении того крестьянина и представлении его в распоряжение правительства. В случае несогласия общества с

предложением помещика он может обратиться о сем с просьбою в уездный мировой съезд для представления губернскому по крестьянским делам присутствию.

159. Помещику, если он пожелает, сообщаются все мирские приговоры, состоявшиеся на сельском сходе водворенного на его земле общества, или те из сих приговоров, которые по роду дел самим помещиком будут именно указаны.

160. Помещик, буде усмотрит в мирском приговоре распоряжение, противное существующим постановлениям, или вредное для благосостояния сельского общества, или же нарушающее права помещичьи, то, приостанавливая исполнение такого приговора, доводит о сем до сведения мирового посредника, который обязан немедленно удовлетворить законные требования помещика. Если требование помещика не будет посредником признано основательным, то мирской приговор вступает в силу. В случае, когда от приостановления исполнения приговора последовали для крестьян убытки, помещик вознаграждает их за оные.

161. Помещик, имея право на взимание с крестьян следующих ему за надел повинностей, пользуется при взимании как самых повинностей, так и накопившихся по оным недоимок преимуществами, в местных положениях ему предоставленными.

162. Помещик сносится с сельским обществом чрез посредство избранного сим обществом старосты.

163. Помещик может по своему усмотрению передавать права свои, вполне или с ограничениями и по законным доверенностям, всем тем лицам, которым общими законами не воспрещается управление имениями.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

О КАЗЕННЫХ, ЗЕМСКИХ И МИРСКИХ ПОВИННОСТЯХ

Глава I.

О казенных и земских повинностях

164. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, обязаны нести следующие казенные и земские денежные повинности:

1) подушную подать; 2) сбор на обеспечение продовольствия;

3) земские сборы, как государственные, так общие губернские и частные, и 4) сбор на заготовление окладных листов по податям и сборам.

Примечание. Те дворянские частные повинности, кои установлены для нужд дворянства и лежат на одних помещиках, остаются на них по-прежнему (Св. Зак., 1857 г., т. IV, Устр. о зем. пов., ст. 14, § II–VIII).

165. Подушная подать и сбор на обеспечение продовольствия уплачиваются крестьянами, без всякой ответственности помещиков.

166. Земские сборы, государственные и общие губернские, исчисляемые по количеству земли, вносятся: за оставшиеся в непосредственном распоряжении помещиков земли – самими помещиками, а за земли, отведенные в постоянное пользование крестьян, или принадлежащие им в собственность, – крестьянами.

Примечание. Вновь установленный сбор на заготовление окладных листов для исчисления следующих с крестьян казенных податей, земских повинностей и разных взысканий составляет частную крестьянскую повинность.

167. Земские повинности с помещичьих имений, как натуральные, так и денежные, распределенные подушно или поземельно, утвержденными на текущее трехлетие раскладками, остаются до истечения сего трехлетия, т. е. по исход 1862 года, на прежнем основании, а в продолжение сего времени имеет быть совершен пересмотр законов о сих повинностях для правильного их распределения между крестьянами и землевладельцами.

Примечание. Новый сбор на содержание местных по крестьянским делам учреждений взимается на основании Устава о земских повинностях по количеству земли: с помещиков – за земли, оставленные ими в непосредственном их распоряжении, а с крестьян – за земли, отведенные в их пользование, и за те, которые приобретены ими в собственность.

168. Ежегодные окладные листы о всех вообще казенных податях, земских сборах и разных взываниях, причитающихся в каждом предстоящем году с сельского общества, рассылаются в первых числах января уездными казначействами в подлежащие общества чрез волостные управления.

169. Разверстка в сельском обществе казенных и земских повинностей, денежных и натуральных, между крестьянами делается миром.

170. Сбор казенных и земских денежных повинностей с крестьян производится старостою или особым сборщиком податей, где оный назначен.

171. Порядок сего сбора, счетоводства и хранения собранных сумм определяет само общество.

172. Сельский староста или сборщик податей по приеме от крестьян платежей за вычетом из них части, следующей в мирские сборы, вносит затем всю сумму в уездное казначейство и получает от оного узаконенную квитанцию.

173. Сроки для взноса в казначейство денежных сборов остаются ныне существующие; губернскому по крестьянским

делам присутствию предоставляется ходатайствовать, по просьбе крестьян, об изменении сих сроков для разных местностей, а также о распределении между несколькими сроками годового оклада сообразно местным удобствам.

174. По взносе денег в казначейство полученная старостою или сборщиком квитанция предъявляется ими в волостном правлении.

175. Установление порядка учета старосты или сборщика в собранных им и внесенных в казначейство суммах предоставляется самому обществу.

176. Крестьянским обществам предоставляется по мирским приговорам заменять натуральные повинности наймом, если по свойству повинности сие может быть допущено.

Глава II.

О мирских повинностях

177. К мирским повинностям относятся те повинности, которые отправляются каждым обществом, сельским или волостным, особо, для удовлетворения внутренних его потребностей.

178. Крестьянские общества могут, смотря по надобности и по своим средствам, установлять мирские сборы на устройство и поддержание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян.

179. На крестьянские общества возлагается обязательное отправление следующих мирских повинностей:

1) содержание общественного управления;

2) расходы по оспопрививанию и принятие мер, предписываемых Уставом врачебным, в случае появления заразительных болезней и скотских падежей;

3) устройство и поддержание сельских запасных магазинов, на основании законов;

4) содержание в исправности проселочных дорог, меж и межевых знаков, проточных вод и канав на землях, принадлежащих в собственность мирским обществам или состоящих в их постоянном пользовании;

5) содержание караулов в деревнях;

6) призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества, не могущих трудом приобретать пропитание, у которых нет родственников, или же у которых родственники не в состоянии содержать их; призрение круглых сирот; и

7) принятие мер в случае пожаров (в том числе и лесных), наводнений, а также для истребления саранчи, хищных зверей,

сусликов или овражков, и при других тому подобных общественных бедствиях.

180. Мирские повинности, смотря по свойству их и усмотрению общества, могут быть отправляемы или посредством денежных сборов, или натурою.

181. Мирские повинности отправляются тем волостным или сельским обществом, к нуждам которого принадлежит предмет повинности.

182. Мирские денежные и натуральные повинности назначаются и раскладка их между сельскими обществами, а в сельских обществах между отдельными крестьянами, производится волостными или сельскими сходами по принадлежности, порядком, указанным выше (ст. 54, 55, 57 и 79).

183. Жалобы сельских обществ на волостные правления, относительно раскладки мирских повинностей, приносятся мировому посреднику для передачи на решение уездного мирового съезда.

184. Порядок счетоводства по мирским сборам, хранения оных, употребления по назначению и учета определяется по усмотрению сходов, сельского или волостного, по принадлежности.

185. Сумму, следующую на волостные расходы, староста или сборщик податей представляет волостному правлению; деньги же, собранные на расходы по сельскому обществу, остаются в обществе.

186. Способы составления и порядок употребления мирских капиталов, в тех обществах, где они существуют, или где будут вновь учреждены, определяются письменными приговорами сходов на основании статей 54, 57 и 79–й.

Глава III.

О обеспечении исправного выполнения крестьянами казенных и мирских повинностей

187. Каждое сельское общество, как при общинном, так и при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею, отвечает круговою порукою за каждого из своих членов в исправном отбываний казенных, земских и мирских повинностей.

Примечание. Сельским обществам, находящимся в пределах одной волости, предоставляется для облегчения кругового ручательства соединяться между собою по общему их о сем мирскому приговору.

188. В отношении неисправных плательщиков казенных и мирских повинностей сельское общество может принимать следующие меры взыскания:

1) обратить на возмещение недоимки доход с принадлежащего недоимщику в собственность недвижимого имущества;

2) отдать самого недоимщика или кого-либо из членов его семейства в посторонние заработки в том же уезде или соседственном, с условием выработанные деньги обратить в мирскую кассу; отдавать в заработки в другие, неотдаленные, губернии дозволяется только по приговору сельского схода, утвержденному мировым посредником, и притом только таких неисправных плательщиков, кои не платят повинностей по упорству, нерадению или распутству;

3) определить к недоимщику опекуна, без разрешения которого не дозволять неисправному хозяину отчуждать что-либо из его имущества и из его доходов до пополнения недоимки; или вместо неисправного хозяина назначить старшим в доме другого члена той же семьи;

4) подвергнуть продаже принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключением лишь выкупленной крестьянином усадьбы;

5) продать ту часть движимого имущества и строений недоимщика, которая не составляет необходимости в его хозяйстве; и

6) отобрать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий или даже весь его полевой надел.

Примечание. Самому обществу предоставляется, в каждом случае, выбрать одну или несколько из указанных мер взыскания; но к последним трем мерам, означенным в пунктах 4, 5 и 6, общество может обращаться только в крайних случаях, когда все другие меры взыскания окажутся недостаточными для пополнения недоимки.

189. Если бы недоимка, лежащая на крестьянине, за всеми употребленными мерами, не была пополнена к 1 октября, то она раскладывается сельским сходом на прочих крестьян того же общества и должна быть очищена непременно до 15 января следующего года, т. е. к концу льготного срока, предоставленного плательщикам для взноса денег за вторую половину года.

190. В случае неисправности всего сельского общества оно понуждается к уплате недоимки чрез местную полицию.

191. При безуспешности мер понуждения недоимка пополняется полициею посредством продажи крестьянского движимого имущества, если вследствие какого-либо бедствия не сделано, по предварительному о том ходатайству, отсрочки в платеже.

Глава IV.

О рекрутской повинности

192. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне, состоящие в одной волости, хотя бы они были поселены на землях разных владельцев, образуют по отправлению рекрутской повинности один участок.

Примечание. До образования волостей настоящее разделение помещичьих селений на рекрутские участки и прежние способы отправления рекрутства, натурою или деньгами, остаются в своей силе, а назначение рекрут и раскладка рекрутских денег производятся по решению сельских сходов.

193. Рекрутская повинность отправляется в каждой волости натурою по числу ревизских душ мужского пола, сообразно ст. 7 Уст. Рекр., т. IV, Св. Зак., изд. 1857 года.

Примечание. Из сего правила исключаются: 1) селения, лежащие на границах с Австриею и Пруссиею, на стоверстном в ширину сих границ расстоянии, и 2) уезды Таврической губернии: Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский, Евпаторийский и Перекопский. В означенных местностях (Уст. Рекр. ст. 9, пункт 2 и 14, и ст. 10) предоставляется волостным обществам вместо поставки рекрут натурой вносить в казну по 300 рублей за каждого рекрута, следующего, по Манифесту, с участка.

194. Порядок отправления рекрутской повинности в волостях установляется на основании следующих правил:

1) если в волости или какой-либо ее части существовал определенный порядок поставки рекрут, то по приговору волостного схода он оставляется и на будущее время;

2) если в волости не существовало постоянного порядка поставки рекрут, или волостное общество не пожелает удержать прежде существовавший порядок, то, по его желанию, может быть введен общий по Рекрутскому уставу порядок очередной или жеребьевый;

3) срок для избрания волостным обществом порядка поставки рекрут назначается двухлетний со дня утверждения настоящего Положения. В сей же срок волостное общество, избравшее очередной, по Рекрутскому уставу, порядок или оставшееся при прежнем в нем порядке отправления рекрутства, обязано представить очередные списки;

4) если общество в течение срока, определенного в предшедшем пункте, не изберет какого-либо порядка поставки рекрут или, составив приговор об оставлении старого порядка или избрании очередного по Рекрутскому уставу порядка, не представит в течение означенного срока очередных списков, то в сей волости вводится порядок жеребьевый; и

5) следующий за вышеупомянутыми двумя третий год назначается на составление семейных и призывных списков для тех обществ, в коих будет введен жеребьевый порядок.

Примечание 1–е. Очередные списки представляются обществами непосредственно или чрез полицию в губернское по крестьянским делам присутствие, которое препровождает их в Казенную палату.

Примечание 2–е. Если бы в течение трех лет, определяемых на окончательное устройство рекрутской повинности, объявлен был набор, то назначение рекрут от каждого волостного общества производится по мирским приговорам волостных сходов.

195. Выбор очередного или жеребьевого способа отправления рекрутской повинности решится на волостном сходе, с призванием к участию в нем всех наличных домохозяев волости. Рекрутские списки составляются самими сельскими и волостными сходами.

196. На волостных и сельских сходах по рекрутским делам, кроме крестьян, по закону составляющих сии сходы (ст. 47 и 71), присутствуют все лица, подлежащие отправлению рекрутской повинности, их родители или воспитатели.

197. При установлении очередного или жеребьевого порядка семейные разделы, произведенные в прежнее время до утверждения сего Положения, хотя бы разделившиеся части семейства были записаны в ревизских сказках под одним нумером, признаются законными, если действительность их удостоверена приговором сельского общества.

198. Крестьянам каждой волости предоставляется решить: с какого времени и в каком порядке зачитать рекрутские послуги, отправленные до введения принятого волостным обществом порядка.

199. Волостным обществам, избравшим очередной порядок, не воспрещается облагать, согласно существующим обычаям, денежным взносом в мирские суммы крестьян, не подлежащих рекрутству: по неспособности к военной службе, или по малому составу семейств, или по освобождению от рекрутской повинности самим обществом.

200. При введении жеребьевого порядка вместо очередного могут быть в продолжение двух первых за тем рекрутских наборов призываемы к жеребью и те члены очередных семейств, кои по своим летам не подлежат призыву, и, наоборот, во уважение прежних послу г могут быть освобождены от жеребья лица, подлежащие оному по своему возрасту.

Примечание. На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, распространяются правила о заменах при

отправлении рекрутской повинности, означенные в Рекрутском уставе (как-то: представление зачетных квитанций, наем охотников, взнос денег вместо поставки рекрута натурою и наоборот, и вообще разные зачеты, указанные Св. Зак., 1857 г., т. IV, Уст. Рекр. в ст. 354–й и след.).

201. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, могут приобретать зачетные рекрутские квитанции от казны наравне с государственными крестьянами.

202. Крестьяне могут уступать и передавать один другому принадлежащие им зачетные рекрутские квитанции на общем основании, крепостным порядком и согласно с ст. 524–й Уст. Рекр. (т. IV Св. Зак. 1857 г.).

203. Рекрутские квитанции, выданные помещикам в зачет будущих наборов, принадлежат сельским обществам или отдельным семействам. Если же возникнут сомнения о том, кому должна принадлежать квитанция, обществу или семейству, то сии сомнения решатся волостным судом с утверждения мирового посредника.

Примечание. Квитанции, выданные помещикам за дарование оседлости и за призрение бессрочно-отпускных и отставных солдат и солдатских семейств, остаются в полном распоряжении помещиков (Св. Зак., 1857 г., т. IV, Уст. Рекр., ст. 437 и 439).

204. Если зачетная квитанция выдана за участок, состоящий из нескольких вошедших в состав разных волостей, имений, принадлежащих в губернии одному владельцу, или даже разным владельцам, но в близком родстве между собой находящимся (Св. Зак., 1857 г., т. IV, Уст. Рекр., ст. 27 и 28), то решение вопроса о том, крестьянам которого из означенных имений квитанция должна принадлежать, предоставляется самим владельцам.

Примечание. Если до объявления Манифеста о первом после утверждения сего Положения наборе решения со стороны помещиков не последует, то означенный вопрос решится: когда имения находятся в одном уезде – уездным мировым съездом, а когда в разных уездах – губернским по крестьянским делам присутствием.

205. Изъятия от рекрутства, постановленные для государственных крестьян общим законом (Св. Зак., 1857 г., т. IV, Уст. Рекр., ст. 13 и 908), распространяются и на крестьян, вышедших из крепостной зависимости, с тем лишь дополнением, которое указано в ст. 124–й сего Положения.

206. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, в порядке сдачи и приема рекрут, подчиняются общим правилам, для лиц свободных податных сословий установленным (Св. Зак., 1857 г., т. IV, Уст. Рекр. ст. 147–353).

207. Жалобы по рекрутским делам крестьян на сельские и волостные общества, равно сельских обществ на волостные приносятся мировому посреднику для передачи на рассмотрение Уездного мирового съезда.

Приложение 2

П. А. СТОЛЫПИН

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ
ВО ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
В КАЧЕСТВЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ
6 МАРТА 1907 ГОДА

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которые министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осветить руководящую идею правительства, я не могу не остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно и брожения.

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противополагается мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению

правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением, и потому приемлема ли она. В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главнейшею своею обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твердые устои новоскладывающейся государственной жизни России. Но, прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые, ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке ст. 87 основных законов и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно

выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога надельных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но, наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготовило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на

своих отношениях к Православной Церкви и твердо установить, что многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое; беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обусловливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства

касаются именно этих отраслей нашего законодательства. Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессословная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административнообщественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы надельной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неот чуждаемость надельных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими надельными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предположено ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформою самоуправления земского и городского, реформою управления губернского, уездного и участкового и реформою полицейскою.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и

городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве строит его на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается исстари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссарах.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и главным образом осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах уезда в качестве агентов администрации предположены участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной. Новым в

области полицейской будет предлагаемый вниманию Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносит в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемыми основных начал судебных уставов Александра Второго, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям. Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного освобождения и т. п. Наряду с этим предположено

введение в полном объеме нового уголовного уложения, но согласовании его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносится также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства. Проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства – главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т. е. землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответственный законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелия главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 мил. десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 мил. десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому

предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов ограничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью: 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего

поколения установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства, министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там порто-франко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 года.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу Министерством путей сообщения, я считаю долгом обратить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35 300 верст до 61 725 верст.

Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного пролегающего по русской территории рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этого требуют жизненные интересы России.

Кроме этого вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также срочные, имеющие большую важность, проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и сплаве и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. Школьная реформа на всех ступенях образования строится министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и

высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней. Особые заботы министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем: 1) ближайшей своей задачей министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством.

В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности: на рассмотрение их вносится государственная роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство приглашает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, образовавшимся вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов. Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды усиленного роста. Происшедшее в октябре 1905 года коренное изменение в нашем государственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в

самых различных отраслях государственной жизни. Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой внесенных в нее министерством финансов законодательных предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения. В этих предположениях руководящею мыслью министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту министерства финансов, подоходный налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин и главным образом пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного

строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества. (*Аплодисменты справа*.)

Приложение 3

П. А. СТОЛЫПИН

ПЕРВАЯ РЕЧЬ
В ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ 16 НОЯБРЯ 1907 ГОДА

Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предположений.

Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то, что я еще так недавно излагал перед Второй Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую Думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (*Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».*)

Противопоставить этому явлению можно только силу. (*Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа*.) Какие-либо послабле ни я в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности.

(*Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.*) Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой. (*Голоса в центре и справа: «браво».*)

Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений, путем обличения незакономерных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. (*В центре и справа возгласы «браво».*)

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устроению.

Устроение это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства. (*В центре и справа возгласы «браво».*)

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание

неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (рукоплескания центра и справа), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (*Рукоплескания в центре и справа*.)

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке ст. 87 зак. Осн., и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения.

На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о не способных к труду рабочих, страхования их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета. Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй Думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хозяйства созывается

незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, перечень которых представляется вместе с ним. Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную думу проект о земельных обществах; в области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого – о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. (*Рукоплескания справа*.)

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целости будет для правительства руководящей. (*Рукоплескания в центре и справа*.)

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. (*Рукоплескания в центре и справа*.)

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основною, но и самой срочною. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом

считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

Со своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя черен Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно, восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя. (*Рукоплескания в центре и справа.*)

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть (*бурные рукоплескания и возгласы справа «браво»*) и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (*Бурные рукоплескания и возгласы «браво» в центре и справа.*)

Список литературы

Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Политиздат, 1991

Аврех А. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического явления // Вопросы истории, 1989. № 2.

Белоусов Р. Две крестьянские реформы: 1861 и 1907 года. – М.: Экономист, 1999.

Вдовин В. А. Крестьянский поземельный банк (1883–1895 гг.). – М., 1959.

Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М.: Прогресс – Академия, 1992.

Витте С. Ю. Воспоминания. – Берлин: Слово, 1922.

Газетные старости – http://starosti.ru/

Ган Л. Убийство П. А. Столыпина // Исторический вестник. 1914.

Гурко В. Черты и силуэты прошлого. – М., 2000.

Гурко В. И. Царь и царица. – М.: Вече, 2008.

Дмитриев С. Н. «Союз союзов» и профессионально-политические союзы в России 1905–1906. – М.: Молодая гвардия, 1992.

Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. – М., 1963.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. – М., 1970.

Зеньковгкий А. В. Правда о Столыпине. – Нью – Йорк, 1956.

Зырянов П. Н. Столыпин без легенд // История. М., 1991.

Казарезов В. В. О Петре Столыпине. – М., 1991.

Кара – Мурза С. Г. Гражданская война 1918–1921 – урок для XXI века. – М.: Алгоритм, 2003.

Кара – Мурза С. Г. Ошибка Столыпина. Премьер, перевернувший Россию. – М.: Эксмо, 2011.

Кара – Мурза С. Г. Столыпин – отец русской революции. – М.: Алгоритм, 2002.

Ключевский В. Лекции по русской истории. – СПб.: Тип. В. О. Киршбаума, 1902.

Ковальченко И. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) – http://scepsis.ru/library/id_2207.html

Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. – СПб., 1913.

Купцов А. Г. Миф о красном терроре. – М.: Крафт, 2008.

Логинов В. Столыпинские итоги. – http://www.scepsis.ru/library/id_771.html

Майский Б. Ю. Столыпинщина и конец Столыпина // Вопросы истории. 1966.

Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. – Париж, 1914.

Никольский С. А. Аграрный курс России (Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). – М.: Колосс, 2003.

Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. – М., 1992.

Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. – Новосибирск: Наука, 1992.

Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). – Днепропетровск, 1960.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. – М., 1931.

Рыбас С. Столыпин. – М.: Молодая гвардия, 2004.

Сироткин В. Г. Великие реформаторы России // Экономика. № 11. 1991.

Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. – Нью – Йорк: Всеславянское Издательство, 1960–1962.

Спиридович А. 77. Революционное движение в России. – Петроград: типография Охранного отделения, 1916.

Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете – М.: Молодая гвардия, 1991.

Струмилло Б. Материалы о Дм. Богрове (по делам бывшего департамента полиции) // Красная летопись. 1923.

Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. – М.: Наука, 1981.

Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. – М.: Наука, 1991.

Шаховской Д. И. Союз освобождения // Либеральное движение в России. 1902–1905. – М.: РОССПЭН, 2001.

Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. – М., 1997.

Эйдельман Н. «Революция сверху» В России // Наука и жизнь. № № 10–12, 1988; № № 1–3, 1989.

Энгелъгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. – СПб.: Наука, 1999.

notes

Примечания

1

Выделено мной. – *А. Щ.*

2

Суть аферы Чичикова в том, что помещики подавали «ревизские сказки» – то есть данные о своих крепостных раз в семь лет. То есть с юридической точки зрения, купленные Чичиковым крестьяне считались живыми. Чичиков собирался получить кредит под залог якобы имевшейся у него собственности.

3

Движение анархистов, возникшее в 1905–1906 годах, было практически полностью уничтожено. В 1917 году под черные знамена пришли на 99 % новые люди.

4

До сибирской ссылки Бакунин придерживался неопределенных «революционно-демократических» взглядов.

На самом деле это не совсем так, но об этом будет дальше.

6

На журналистском жаргоне «заказухой» называется произведение, написанное с целью вызвать в обществе определенные эмоции. Обычно такие произведения проплачиваются.

7

К моменту продажи Аляски в 1867 году на всем огромном полуострове жило всего около 1500 русских.

8

Оброк – обязанность крестьянина платить определенную сумму Под этим же термином понималась отдача крепостного «в аренду».

9

«Ревизские души» отличаются от обычных тем, что под ними понимали только взрослых мужчин. По их числу оценивалась стоимость имения. Чичиков скупал именно ревизские души.

10

С «Манифеста о вольности дворянства» 1762 года, изданного Петром III, освободившего дворян от обязательной службы.

11

При крепостном праве паспорт идущему на «отхожие промыслы» выписывал помещик – на определенный срок, обычно на год. Для временно-обязанных сохранялась та же система. Вышедший на выкуп являлся лично свободным – и мог идти, куда хотел.

Десятин. Десятина равна 1,0925 гектара.

13

Почетный гражданин – сословие в Российской империи. Почетные граждане являлись привилегированным сословием, занимавшим место между дворянством и купечеством.

14

Убийство Александра II.

15

Более всего он известен книгой «Слово о словах».

16

Конский навоз был очень большой проблемой. Его полагалось убирать дворникам – каждый отвечал за часть мостовой возле дома, в котором он работал. Но на оживленных улицах они делать это были не в состоянии. Не бегать же в потоке экипажей…

17

Это не тот Гурко, который из МВД, это однофамилец.

Именно так. Александр III попытался опереться на дворянство, и первое условие, которое поставили господа «благородные», – освобождение от воинской службы.

19

Как известно, жены для императоров выбирались из иностранных царствующих домов. Они принимали православие и брали русское имя. Как видим, имена не особо разнообразили.

Подробнее об этом: Щербаков А. Ю. Декабристы. Заговор против России. – М., СПб.: Нева, 2005.

21

Бюрократическая структура власти была очень запутана. Совет министров, учрежденный в 1905 году, должен был по идее заменить Комитет, но целый год эти два органа существовали параллельно. В чем смысл – не понятно.

22

Вспомним классическую фразу: «Что хорошо для “Дженерал моторс” – хорошо для Америки».

23

Ротшильды – это был целый клан, оказывавший огромное влияние на европейские финансы.

24

Форд являлся крайним сторонником частного предпринимательства. Он выступал даже за приватизацию почтовой и пожарной службы.

25

Для гектографии требуются глицерин, желатин и анилиновые чернила. Это продавалось соответственно – в аптеках, продуктовых и писчебумажных лавках.

26

Жакерия – крестьянское восстание, вспыхнувшее во Франции в 1358 году и продолжавшееся несколько лет. Причина та, что крестьяне, которые жили невесело, были доведены до ручки Столетней войной. Жакерия была действительно беспощадным и бессмысленным бунтом. Крестьян вела слепая ненависть, единственным их стремлением было уничтожить всех, кто «не они». Не только феодалов, но и горожан.

Да, да. У Временного правительства тоже были комиссары.

28

А кем был этот Щербак по своему социальному статусу? Вряд ли бедняком.

29

А мельник – это обычно кулак. Да и лавки в деревне держали они же.

30

В число податных сословий не входили дворяне, духовенство и почетные граждане.

31

Ковно – современный Каунас.

Напомню, что до середины XIX века Германии как единого государства не существовало.

33

Слово «табель» употреблялось в женском роде.

Выделено мной. – *А. Щ.*

Под центральным террором понимались акции, проводимые по решению ЦК ПСР. Однако одновременно действовали и местные эсеры да отдельные партийцы на свой страх и риск.

36

Порт – Артур, ключевая точка Русско-японской войны, был арендован Россией у Китая.

В охранных отделениях служили жандармские офицеры, но подчинялись они Департаменту полиции.

38

Так называли только его. Хотя председателей Совета министров сменилось много.

39

Члены «Памяти» не то что погромов не устраивали, они никому даже морду не набили.

40

Текст писался в 1942 году.

41

Народные социалисты – правосоциалистическая партия. «Травоядный» вариант эсеров.

42

Октябристы – праволиберальная партия, умеренные конституционалисты. В аграрном вопросе поддерживали Столыпина.

Подробно об этом: *Щербаков А.* 1905 год. Прелюдия катастрофы. – М.: Олма Медиа Групп, 2011.

44

Вообще-то Азеф не работал ни на одно из Охранных отделений, он летал повыше.

45

Не путать с Третьим отделением Собственной Его Величества Государственной канцелярии. Оно было ликвидировано в 1880 году.

46

Джон Эдгард Гувер – директор ФБР с 1924 по 1972 год. При нем данная американская спецслужба находилась фактически вне всякого контроля. Президенты менялись – Гувер оставался. Одна из версий убийства Джона Кеннеди – президент захотел разобраться с этой ситуацией.

47

ГУБГ – главное управление государственной безопасности. Первоначально существовало как структура НКВД, потом выделилось в Народный комиссариат государственной безопасности. В годы войны эти ведомства снова слились. Позже снова выделилось в МГБ (КГБ).

СД – VI отделение Управления имперской безопасности (РСХА) в нацистской Германии. Занималось политической разведкой и контрразведкой. Именно в этой структуре «служил» штандартенфюрер Штирлиц.

Примечательно, что Бурцев даже среди эсеров выделялся бешеной ненавистью к Николаю II. За постоянные призывы убить императора он даже отсидел в английской тюрьме. Хотя англичане русских революционеров обычно привечали. Но Бурцев, видимо, уже слишком выступал…

Н. Юскевич – Красковский, руководитель петербургского отделения «Союза русского народа».

50

Московское охранное отделение работало по всей территории Империи и даже за границей.

51

Строго говоря, «Союз…» был провозглашен уже после того, как Ленина арестовали. Непосредственно его провозгласил соратник (а впоследствии – непримиримый противник) Ленина Ю. О. Мартов. Но без Владимира Ильича ничего бы не вышло.

52

Не всем известно, что после Октябрьского переворота крупные предприятия были национализированы далеко не сразу. Большевики вели с владельцами переговоры о взаимодействии до весны 1918 года. И лишь поняв, что договориться не выйдет, прибрали предприятия к рукам.

53

На тот момент тракторы ещё не вошли в обиход, но имелись управляемые лошадьми сеялки, косилки и другая сельхозтехника американского производства. Кроме того, существовали локомобили – этакий передвижной паровой движок, который можно было подсоединять, например, к молотилке. В Новороссии, где существовали крупные поместья капиталистического типа, все эти механизмы массово использовались.

Нет четких доказательств, что Е. Т. Гайдар сознательно разваливал экономику страны. Но это тот случай, когда «дурак хуже предателя».

Кстати, сказки о «миллионах заключенных», погибших в сталинские времена на Колыме, разбиваются об один очень простой вопрос: а как их туда доставили? Никто ответить на это не смог.

56

Дед автора этой книги был в числе «тридцатитысячников». Он был рабочим, но родился и вырос в деревне.

57

Совет объединенного дворянства возник в 1905 году. Правда, серьезной политической силой не стал – слишком разные были у его членов партийные пристрастия (монархисты, черносотенцы, октябристы).

58

Маркова называли Вторым потому, что в Третьей Думе был еще один депутат с такой же фамилией.

59

Интересно, что семья Ульяновых являлась хоть небогатыми, но помещиками. Правда, к тому времени, как Ленин занялся борьбой за народное дело, имение уже продали.

60

Имеется в виду предохранительный клапан в паровой машине, который выпускает избыточной давление.

61

В 1911 году Россию поразил очередной голод.

62

«Черными сотнями» в допетровской России называли «простой народ», не крестьян и не дворян. («Сотня» являлась низшей административной единицей.) Именно черные сотни сыграли ключевую роль в создании войска Минина и Пожарского, освободившего Москву от поляков. Ассоциации очевидны.

Так называли немцев. В тогдашней культурной традиции нашествие гуннов на Византию рассматривалось как противостояние «варварства» и «цивилизации». Хотя на самом деле все было куда сложнее.

Речь идет об уже упоминавшейся кампании ультраправых против Столыпина.

Издания бульварного толка, рассчитанные на невзыскательную публику Статьи там писались очень простым языком. Стоили и в самом деле 1–2 копейки. «Серьезные» газеты продавались за 10–15 копеек.

Вообще, распространение пьянства в тогдашней деревне сильно преувеличено. Ведь для того, чтобы регулярно пить, надо иметь деньги. Это в городе «сшибить на бутылку» было довольно просто. Но не в деревне.

Извозчики были двух типов. Одни имели собственную лошадь, пролетку и сани (на них ездили зимой). Другие работали «от хозяина» – то есть были наемными работниками. Такие «фирмы» были мелкими – обычно имели от двух до пяти транспортных средств.

А почему в Санкт – Петербургской губернии подобного не наблюдалось? Да потому, что, в отличие от Московской, она была огромной. (Московская губерния примерно соответствовала нынешней области, Петербургская – современная область минус Карельский перешеек.) Так что центр играл в социальной мобильности меньшее значение.

69

Интересно, что Кропоткин был Рюриковичем. То есть его род был на порядок древнее, чем род Романовых.

70

Умение разбираться в людях – это такой же талант, как умение рисовать или петь. Всему этому можно научиться – но некоторые могут от рождения.

71

В первые годы Советской власти не существовало четкого закона. Судебные решения, особенно в глубинке и по «бытовым делам», судьи (которые были выборными) выносили, основываясь на приговоре общины. Так вот, там часто звучало: «Ну, убил по пьянке, убитого не вернешь. А убийцу посадить, кто будет кормить его семью»? Интересная психология? «Мир» не мог отказаться от поддержки этой семьи. Не «по понятиям». Но и взваливать лишнюю проблему на шею он тоже не хотел.

72

Проституция в Российской империи была легальной. Труженицам панели вместо паспорта выдавали «желтый билет». На самом деле это было удостоверение личности, внешне напоминающее обычный паспорт. Главным отличием было обязательное регулярное медицинское освидетельствование. Но в реальности проститутки уклонялись как от освидетельствования, так, по мере сил – от получения «желтого билета». То есть кроме легальной, имелась и нелегальная проституция. «Уличные» проститутки (в отличие от тех, кто оказывали услуги в борделях) были чаще как раз «нелегальными».

73

Карл Тауберг, эсеровский боевик, лидер Летучего отряда Северной области.

Интересно, что Ленин всячески тянул с этим делом. В Финляндии шла своя гражданская война, «красные» финны никакого отделения не хотели. Но побели в итоге сепаратисты.

75

Обычно считается, что Достоевский полемизировал с идеями Фридриха Ницше. Однако к моменту написания романа Ницше был практически неизвестен. Ницшеанство вошло в моду позже. А вот Штирнера Достоевский вполне мог читать.

76

Киев не входил даже в тройку крупнейших городов Российской империи. Тройка выглядела так: Санкт – Петербург, Москва, Нижний Новгород.

Среди богемы и уголовников наркоманов было достаточно много. Так, на концертах Вертинского кокаином торговали, как в сегодняшнем ночном клубе.

78

Косыгин Алексей Николаевич (1904–1908) – Председатель Совета Министров СССР (1964–1980). Автор так называемых «косыгинских реформ», направленных на модернизацию СССР. Реформы провалились.

79

Евгений Евтушенко.

Реального лечения Фрейд не проводил, его деятельность, по большому счету, была шарлатанством.

81

Есть сведения, что Николай II еще с 1916 года подумывал о сепаратном мире с Германией. Для англичан это было совершенно неприемлемо.

82

Продразверстка придумана во времена Великой Французской революции, когда на Францию навалились такие же проблемы.

83

Дипломатия консервативна. Глава «великой державы» мог посетить с официальным визитом только такую же. До Первой мировой войны Испания, несмотря на то, что ее реальное значение сильно упало, продолжала считаться «великой державой». САСШ, несмотря на свои успехи державой не являлись.

84

Янус – бог времени у древних римлян. Изображался с двумя лицами: одно обращено в прошлое, другое – в будущее.